

Д. Г. Хрусталёв
РУСЬ:
ОТ НАШЕСТВИЯ
ДО «ИГА»
30-40 гг. XIII века

с л і о м а г н а

ЕВРАЗИЯ

Д. Г. Хрусталеv

**РУСЬ:
ОТ НАШЕСТВИЯ
ДО «ИГА»
30-40 гг. XIII в.**

Санкт-Петербург
ЕВРАЗИЯ
2004

ББК 63.3(2)43
УДК 94
Х95

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина Вадима Альбертовича

Х95 **Хрусталеv Д. Г.**
Русь: от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.). — СПб.: Евразия,
2004. — 320 с. ISBN 5-8071-0151-0

Монгольское нашествие относится к одному из самых мифологизированных периодов русской истории, неизменно привлекающих особенно пристальное общественное внимание. Тем не менее, взглянув на книжную полку, мы к удивлению не обнаружим там современного исследования, в котором фактический материал того времени будет представлен достаточно подробно и без нарочитого концептуального флера. Предлагаемая вашему вниманию книга призвана восполнить этот пробел. События в ней представлены на основе всего доступного комплекса источников, максимально подробно и предельно фактологично. Разумеется, в ключевых местах понятийные акценты расставлены в авторской трактовке, однако они везде лишены каких-либо отсылок к этногенетическим и геополитическим концепциям. Материал развернут не только на узком промежутке 1237–1240 гг., периода собственно монгольского вторжения, но охватывает время предшествующее и последующее ему. Изложение начинается за 7 лет до появления орд Батыея на границах Руси и заканчивается через 7 лет после их ухода. Таким образом, у читателя появляется возможность проследить обстоятельства, ход событий и сделать собственные выводы на максимально широком хронологическом отрезке, позволяющем наиболее качественно и адекватно трактовать произошедшее.

ББК 63.3(2)43
УДК 94

ISBN 5-8071-0151-0

© Хрусталеv Д. Г., 2004
© Лосев П. П., оформление, 2004
© Евразия, 2004

*Посвящается
моей жене Ксении,
любимой и невозможной*

ВВЕДЕНИЕ

Период монгольского вторжения на Русь (конец 1230-х — начало 1240-х гг.), по меткому выражению Р. Козелка, в исторической литературе называют «*Время связующее эпохи*» (*Sattelzeit*)¹. И сколь бы ни были справедливы призывы не рассматривать эти события в качестве революционного преобразования общественно-политического строя Руси, надлом все же произошел. Не единовременный и не общерусский, но приведший в итоге к становлению крупного и могущественного многонационального государства — России.

Истоки большинства социальных, политических и экономических изменений в русском обществе в последующие за монгольским нападением два века мы вынуждены искать именно в этом периоде, выступающем в роли границы эпох: домонгольской и послемонгольской. В научной литературе именно такая периодизация признаётся наиболее осязаемой и доступной: исследователи очень часто используют эти годы в качестве ограничителя зоны своих интересов (или своего изложения). Хотя не раз отмечалось, что не следует преувеличивать значение «Батыева нашествия», придавая ему значение решающего, так называемого «барьерного» события. Действительно, налет орды, пронесшейся смерчем по русским землям, нанес значительный (катастрофический) урон населению и экономике Руси, отразился во многих регионах на социальных и демографических процессах. Однако он не разрушил внутривнутриполитической структуры, общественной системы русских княжеств. Тот самый путь к централизации, на который часто указывают авторы научно-популярных изданий, не был непосредственным результатом монгольского нашествия: Батый расколол русские земли, а процессы централизации начались

¹ Nitshe, 1984. S. 428; Хорошкевич, Плигузов, 1989. С. 14.

столетие спустя, причем в большей степени благодаря внутреннему социальному развитию, и охватили прежде всего северо-восток страны. Известно, что и «иго», то есть система вассально-даннической зависимости, не было установлено сразу после нападения монголов, а стало результатом серии политических договоренностей русских князей с ханами Золотой Орды, причем распространялась эта система отнюдь не на все княжества.

Часто говорят о культурном и психологическом отставании от других стран, начавшемся на Руси после нашествия монголов. В отношении культуры заключения чаще всего строятся на основании археологического материала, который демонстрирует свертывание или сокращение масштаба ремесленной деятельности в русских землях, бедность находок второй половины XIII — начала XIV в., отсутствие большого числа построек и архитектурных излишеств. В социально-психологическом плане указывают на то, что именно начиная с этого времени (середина XIII в.) наблюдается свертывание демократических институтов на «подконтрольных» монголам землях, а также формирование в народном сознании элементов мировосприятия, свойственных жителям восточных деспотий. Расплывчатость и низкое качество разработки понятийного аппарата отмеченных проблем не позволяет делать однозначные заключения о психологическом портрете русского человека XII, XIII или XV в., а потому и привязывать к хронологической шкале те или иные сдвиги общественного (и личного) сознания. Не лишены противоречий и данные о состоянии культуры и ремесла на Руси после монгольского нашествия. Связывать сокращение производства и исчезновение ряда ремесленных центров исключительно с последствиями погрома 1237–1240 гг. не представляется возможным. Чаще всего исследователи для качественного и количественного сравнений используют находки, датированные началом или концом XIII в., то есть разделенные между собой целым столетием, в котором, кроме собственно вторжения Батыя, содержалось несметное количество других вооруженных столкновений, следствием которых было и исчезновение ремесленных центров и уничтожение населения. Об архитектуре и строительстве также можно сказать, что с начала 1230-х гг. активности в этих областях не наблюдается ни в одной из земель, а после вторжения нам известны, хотя и редкие, эпизодические постройки практически во всех регионах Руси. То есть

можно сказать, что мы имеем дело с последствиями крупного (самого крупного) военного вторжения в русские земли, но не с влиянием новой, установившейся внезапно и революционным путем системы социально-экономических отношений, которую иногда называют «иго». До сих пор у нас нет возможности указать на точную дату утверждения описанной системы. Речь должна идти о процессе, который занял первые 10–15 лет после вторжения и во все не представлялся современникам столь безвариантным, каким его иногда видят историки.

В эти годы каждый русский властитель, да и каждый житель Руси был поставлен перед важнейшим выбором, выбором дальнейшего жизненного пути (как в бытовом отношении, так и в социально-психологическом). Фактически проблема заключалась в поиске того, что противопоставить подавляющей мощи монголов, силе их войск и администрации (?). Это мог быть компромисс, система договорных отношений, задабривания захватчиков и оттягивания времени. Это могла быть и другая сила: Западная Империя, папа Римский и/или государства, не охваченные вторжением (Литва, Швеция, Тевтонский орден и др.). Это могло быть бегство в географически отдаленные регионы и т. п. Каждый центр политической власти Руси решал эту задачу по-своему, используя комбинации из перечисленных вариантов и руководствуясь фантазией, обусловленной остротой момента. Результатом было размежевание, формально обозначаемое сейчас как «Восток–Запад». Можно сказать, что к середине 50-х гг. XIII в. оно предстало со всей очевидностью. Земли Галицко-Волынской Руси после короткого периода усиления и консолидации при Данииле Романовиче окончательно сориентировались на путь союза с западноевропейскими государствами и с усиливающейся Литвой — путь утраты титульной национальной и политической идентичности, растворения и смешения в инородной среде, результатом чего было создание новых национальных сообществ (белорусы, украинцы). Северо-Восток и Новгород предпочли путь замирения и сотрудничества с Ордой — путь рабской социально-политической зависимости, социально-психологической мутации под восточным влиянием, приведшей к формированию нации с «рабской психологией» и «имперским мышлением».

Такая общая картина, исключая частные варианты и неожиданные рецидивы, предстает наблюдателю в качестве непосредственного результата нашествия хана Бату, его естественного следствия. При этом часто из поля зрения выпадают или берутся в скобки те примечательные и сложные социальные и политические процессы, которые шли в русских землях в течение первых 10–15 лет после появления монгольских войск на границе Рязанского княжества. А ведь именно в эти годы для большинства жителей и властителей Руси наступил тот «момент истины», когда они оказались на перекрестке магистральных путей своей дальнейшей судьбы, судьбы своих детей и внуков. Их выбор наиболее предпочтительного маршрута тогда предопределил очень многое в будущем. И именно коллизии указанных лет подводят нас к действительному «результату Батыева нашествия». Позднейшее развитие уже не было столь сложно проектируемым.

Это объясняет причины, по которым картина жизни русских земель в период после похода Бату-хана и до оформления в северо-восточных землях Руси «татаро-монгольского ига» очень важна при подготовке выверенного ответа на щепетильные и зачастую весьма насущные вопросы о возможных путях развития нашей страны как в предшествующие эпохи, так и в нынешнее время.

ГЛАВА 1 НАКАНУНЕ

Готовясь описывать редкое народное несчастье,
гибель воинств и Княжений Российских,
порабощение Государства,
утрату лучших областей его,
считаем за нужное обозреть тогдашнее состояние России,
от времен Ярослава Великого
до нашествия сих грозных иноплеменников.

*Н. М. Карамзин*¹

§1. РУССКИЕ ЗЕМЛИ К НАЧАЛУ 30-х гг. XIII в.

К XIII в. на Руси было известно до 13 крупных территориальных образований — земель, фактически представлявших собой суверенные государства². Девять из них закрепились за определенными ветвями княжеского рода Рюриковичей: старейший представитель династической линии держал главный город, а остальная «братия» наделялась волостями внутри подконтрольной территории³. В четырех землях (Киев, Новгород, Псков, Переяславль Южный), где своей династии не сложилось, на главном столе чередовались князья различных ветвей Рюриковичей, отчего эти владения иногда обозначают как «общерусские» держания. Причем в разряд общерусских могли попасть и земли, где династическая линия пресеклась (Галич); тогда в борьбу за стол мог включиться любой властитель — как русского, так и иноземного происхождения. Наследственное право и право старейшинства в этом случае практически никогда не соблюдались, а окончательное решение зависело как от военной мощи претендента, его ха-

¹ Карамзин, 1991. С. 462.

² См.: Горский, 1992. С. 161.

³ Горский, 1996. С. 6.

ризмы, так и от воли жителей земли, то есть прежде всего главного города.

Основным стержнем политической жизни Руси второго-третьего десятилетий XIII в. была борьба за контроль над «общерусскими» столами между четырьмя сильнейшими династическими ветвями: черниговскими Ольговичами, волынскими Изяславичами, смоленскими Ростиславичами и суздальскими Юрьевичами. Фактически к середине 1230-х гг. Русь распалась на четыре группы политических образований, находящихся в той или иной степени зависимости (порою вассальной) от одного из сильнейших территориально-династических центров. Подобные объединения возникали в истории Руси не раз, и их рыхлый внутренний характер, а также борьба с другими объединениями неизменно приводили к развалу и дезинтеграции. Однако считается, что сложившиеся накануне монгольского нашествия группы земель могли стать к концу XIII в. прообразами трех-четырёх независимых государств, поделивших между собой всю территорию Руси. Нашествие Батыя существенно изменило намечавшиеся перспективы оформления новых государственных образований, статус земель и их политические возможности.

Попытка разобраться в степени и характере этих изменений потребует подробного всматривания в события политической истории накануне Батыева нашествия. Для этого постараемся кратко представить тот «политический багаж», с которым пришла каждая русская земля-княжение к отмеченному рубежу.

Полоцк

В рассматриваемое нами время процесс обособления русских княжеств имел уже более чем двухвековую историю. Полоцк первым приобрел собственную династию из рода Рюриковичей. В начале XI в. Владимир Святой передал эту землю своему сыну Изяславу, за потомками которого утвердилось наследственное владение этой областью. К XIII в. княжество пришло сильно раздробленным и лишенным политического веса. Уже в начале XII в. ливы, курши, земгалы и латгалы были данниками Полоцка¹. Од-

¹ Назарова, 1986. С. 181.

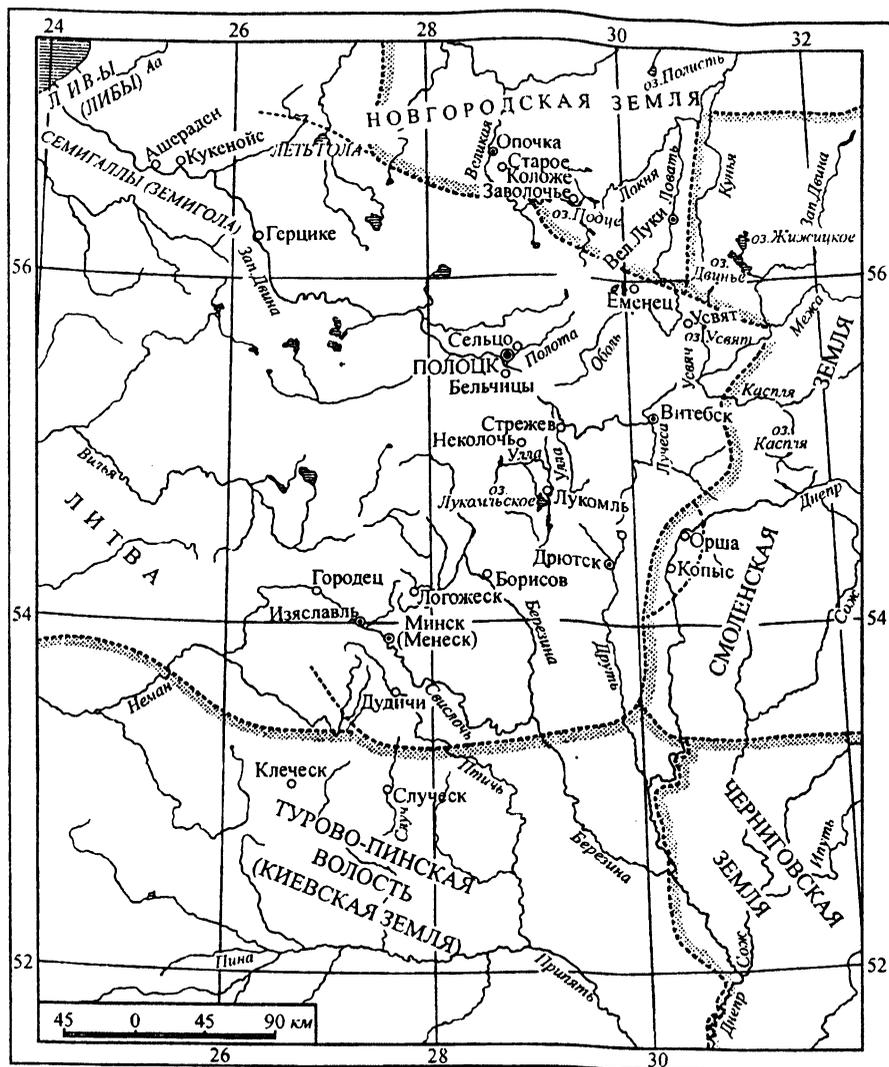

Рис. 1. Полоцкое княжество в XII в.
Граница показана схематически (Насонов, 2002. С. 139)

нако контроль над племенами Латгалии и Подвинья русские князья на рубеже XII–XIII вв. практически мирным путем уступили Ливонскому ордену и Рижскому архиепископу¹. Давление Литвы периодически ставило Полоцкое княжество на грань выживания. В 1223 г. в результате короткого похода смоленские

¹ Алексеев, 1966. С. 169–173, 283–285; Алексеев, 1975. С. 238.

войска утвердили свой протекторат над полоцкими землями¹. Судя по всему, за местной династией сохранились лишь мелкие, зависимые от Смоленска (и Литвы) держания внутри полоцкой земли: Минское, Витебское, Друцкое, Изяславское, Городецкое и Логожское княжества².

Галич

В конце XI в. беспокойные внуки Владимира — старшего сына Ярослава Мудрого Володарь и Василько Ростиславичи закрепили за своими потомками Перемышльское и Теребовльское княжения. Их объединил Владимир Володарьевич (1124–1153 гг.), который, кроме того, присоединил некоторые соседние земли. Эти области стали костяком обширного политического образования, столицей которого в начале 40-х гг. XII в. был признан Галич³. Пика своего могущества Галицкое княжество достигло при Ярославе Осмомысле (1153–1187 гг.), который «отворял Киеву врата» и фактически контролировал старейший русский стол. Красочный некролог этому правителю содержал летописный источник, воспроизведенный В. Н. Татищевым: «Сей князь был честен и славен во всех землях... Со всеми князи жил в любви и совете, паче прилежал о устроении земли, и тако всем соседем был страшен. Никто не смел на него нападать, зане воеводы, непрестанно греком, венгром и чехом помогая, искусны в воинстве и храбры в битве были. Земля же его во всем изобиловала, процветала и множилася в людех, зане ученые хитрецы и ремесленники от всех стран к нему приходили и грады населяли, которыми обогасчалась земля Галицкая во всем...»⁴. Однако уже при сыне Ярослава, Владимире, стабильность в регионе была нарушена политической активностью галицких горожан и бояр, а также претензиями соседней Венгрии. Борьба особенно обострилась после смерти Владимира (ум. ок. 1199 г.), с которой пресеклась династия, идущая от Ростислава Владимировича. Можно сказать, что Галич стал «общерусским» столом, и в борьбу за него в начале XIII в. включились

¹ НПЛ, 263; Алексеев, 1966. С. 282–288; Алексеев, 1980. С. 233.

² Алексеев, 1966. С. 252–281; Рапов, 1977. С. 54–65.

³ Крип'якевич, 1984. С. 17.

⁴ Татищев, 1995. С. 143.

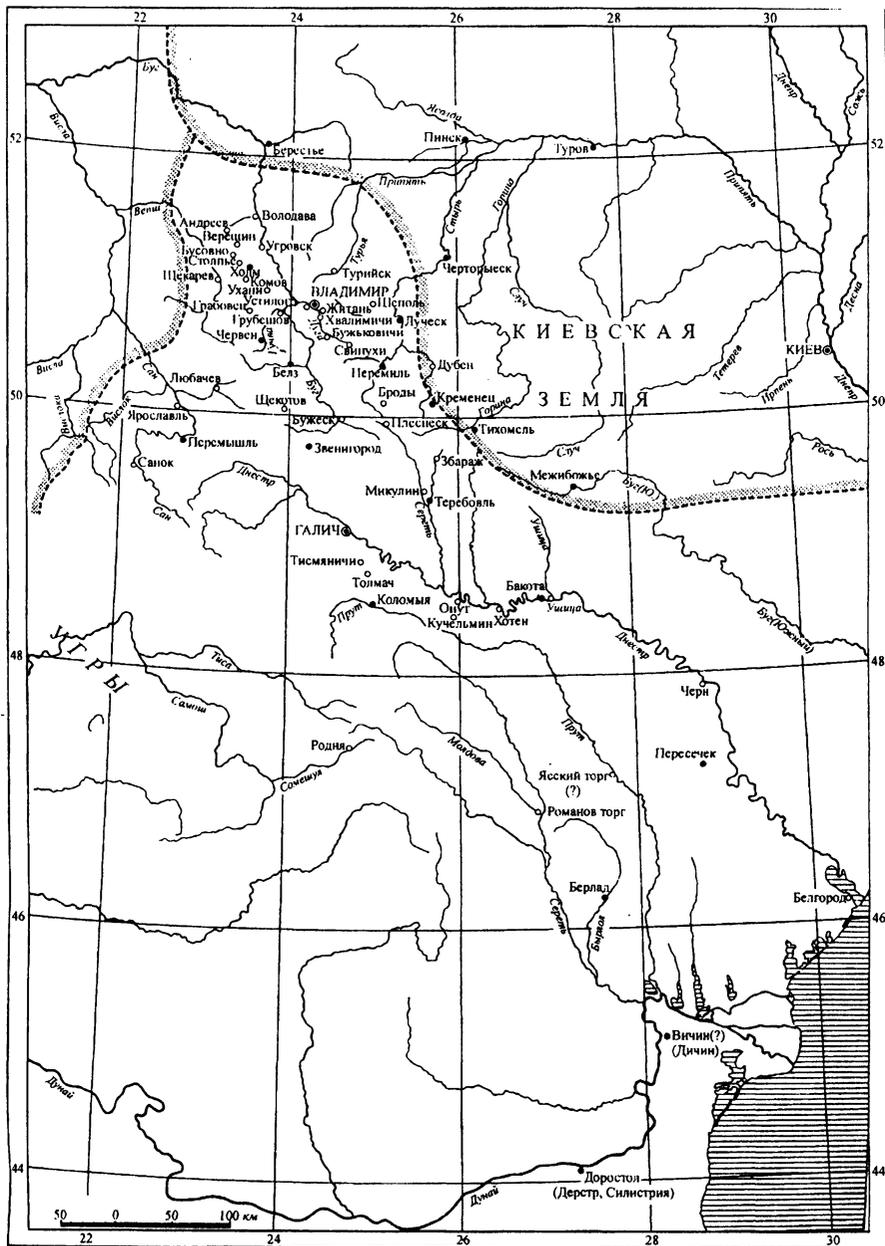

Рис. 2. Галицко-Волынская земля в середине XII в.
Граница показана схематически (Насонов, 2002. С. 128)

все четыре сильнейшие ветви Рюриковичей, а также венгерские короли и польские князья. Практически два десятилетия для Галицкой земли были наполнены внутренними усобицами и внешними вторжениями, истощавшими силы и изматывавшими волю жителей этой богатейшей страны. Период относительного спокойствия наступил, когда в 1221–1227 гг. галицкий стол захватил блистательный Мстислав Мстиславич Удатный (Удалой). Однако практически сразу после его смерти (ум. 1228 г.) борьба началась снова и не прекращалась вплоть до монгольского нашествия. Сильному дроблению княжество подверглось только во второй половине XIII в., а в начале столетия можно говорить лишь о нескольких частично обособленных областях, как то: Звенигород, Перемышль, Теремовль, Белз, Понизье¹. В условиях непрекращающихся внешних вторжений и междоусобной борьбы о монолитной государственной территории говорить сложно, но определенное единство земли все же сохранялось и поддерживалось. Иногда даже удавалось достигать высокой степени централизации в управлении землей. К сожалению, эти периоды длились недолго, в отличие от Ростово-Суздальской земли, где властвовала могучая династия Юрьевичей.

Владими́ро-Сузда́льская земля

Северо-восточные земли Руси после длительного правления Юрия Долгорукого (конец XI в. — 1157 г.) сохранились за его детьми. Андрей Юрьевич Боголюбский бросил свои владения на юге Руси и ушел на милый его сердцу Север уже в 1155 г. С этого времени можно говорить об окончательном выделении Ростово-Суздальского (позднее — Владимиро-Суздальского) княжества в отдельное государственное образование. Даже захватив в 1169 г. Киев, Андрей Боголюбский не захотел сесть в нем, а оставив князем своего ставленника, вернулся во Владимир-Залесский. Позднее северо-восточные князья редко принимали участие в усобицах на юге страны, предпочитая роль стороннего наблюдателя и позицию сильного «выжидателя», который, как известно,

¹ Крип'якевич, 1984. С. 18, 21–38; Горский, 1996. С. 22.

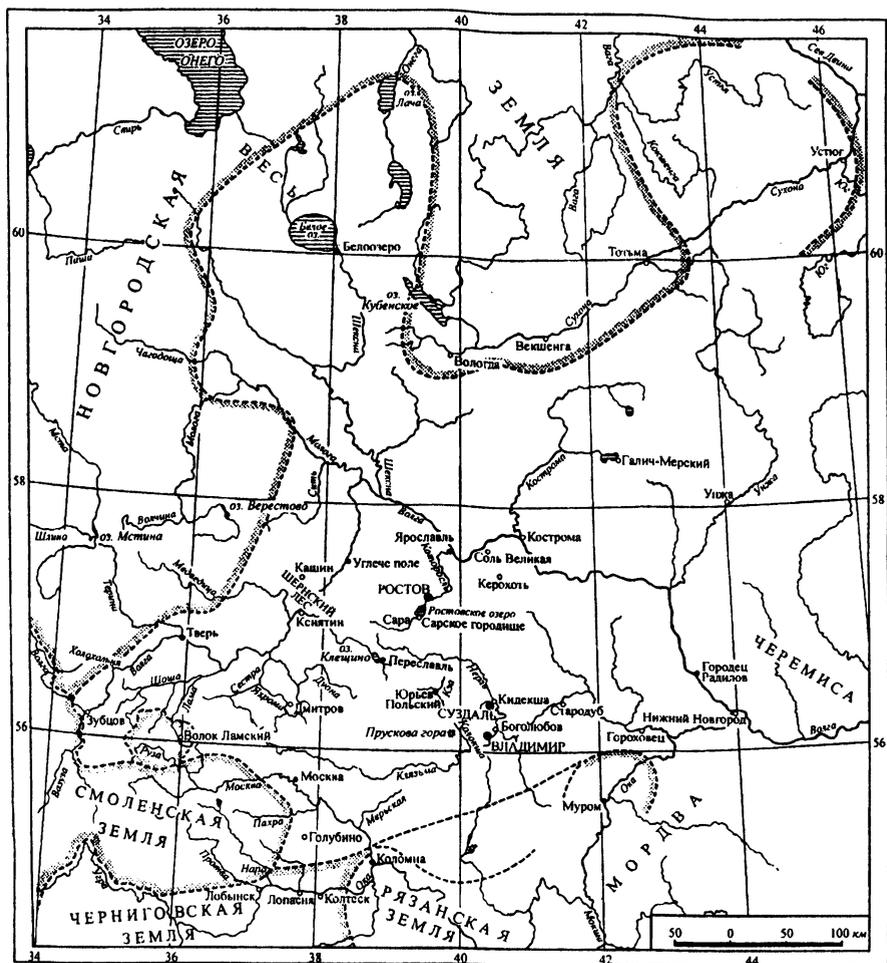

Рис. 3. Владимиро-Суздальское княжество в XIII в.
Граница показана схематически (Насонов, 2002. С. 160)

часто побеждает. Другой сын Юрия Долгорукого, Всеволод Большое Гнездо — в период своего княжения (1176–1212 гг.) не раз демонстрировал свои самодержавные претензии, диктовал свои требования соседним княжествам (Киев, Смоленск, Новгород, Рязань) и добивался их исполнения. Восхищенный отзыв о могуществе Всеволода содержит «Слово о полку Игореве»: «Великий княже Всеволоде!.. Ты бо можещи Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти». После смерти Всеволода монопольное господ-

ство Владимирского князя в северной части Руси было подорвано, а в самой Ростово-Суздальской земле разгорелась междоусобная война среди его наследников. В 1212 г. спор старшего Всеволодовича, Константина, с отцом привел к ссоре, результатом которой стало то, что верховную власть в своих землях Всеволод завещал второму сыну — Юрию. Константин сохранял за собой Ростов, но сложившимся положением доволен не был. Ряд вооруженных столкновений, в которых на одной стороне выступал Константин, а затем и Мстислав Мстиславич Удатный с союзниками из других земель, а на другой — братья Юрий и Ярослав, завершился крупным поражением последних в Липецкой битве (апрель 1216 г.). Константин вступил во Владимир и был признан великим князем Северо-Восточной Руси, верховным сюзереном земли¹. Юрий получил Городец-Радилы на Волге (в 1217 г. был переведен в Суздаль), а Ярослав вернулся в Переяславль Залесский, которым владел еще при жизни отца. После внезапной смерти Константина (2 февраля 1218 г.). Юрий занял великокняжеский стол и сохранял его вплоть до своей гибели в битве с монголами на Сити (1238 г.). Дети Константина поделили между собой области на северо-западе и северо-востоке Владимирского княжества: Василько получил Ростов, Всеволод — Ярославль, а Владимир — Угличе Поле (Углич)². Братья Юрия сохранили прежние владения: Ярослав — Переяславль Залесский, Святослав — Юрьев-Польский, а Владимир (ум. в 1227 г.) — Стародуб Суздальский³. После 1216 г. и до монгольского нашествия Владимиро-Суздальское княжество практически избежало сколько-либо значительных междоусобных столкновений внутри земли (единственное обострение в 1229 г. разрешилось мирным путем) и подошло к 1237 г. сплоченным и сильным государственным образованием.

¹ О применении титула «великий князь» в отношении князей Северо-Восточной Руси см.: Горский, 1996. С. 12, прим. 65.

² Кучкин, 1984. С. 100–101.

³ Рапов, 1977. С. 170–173.

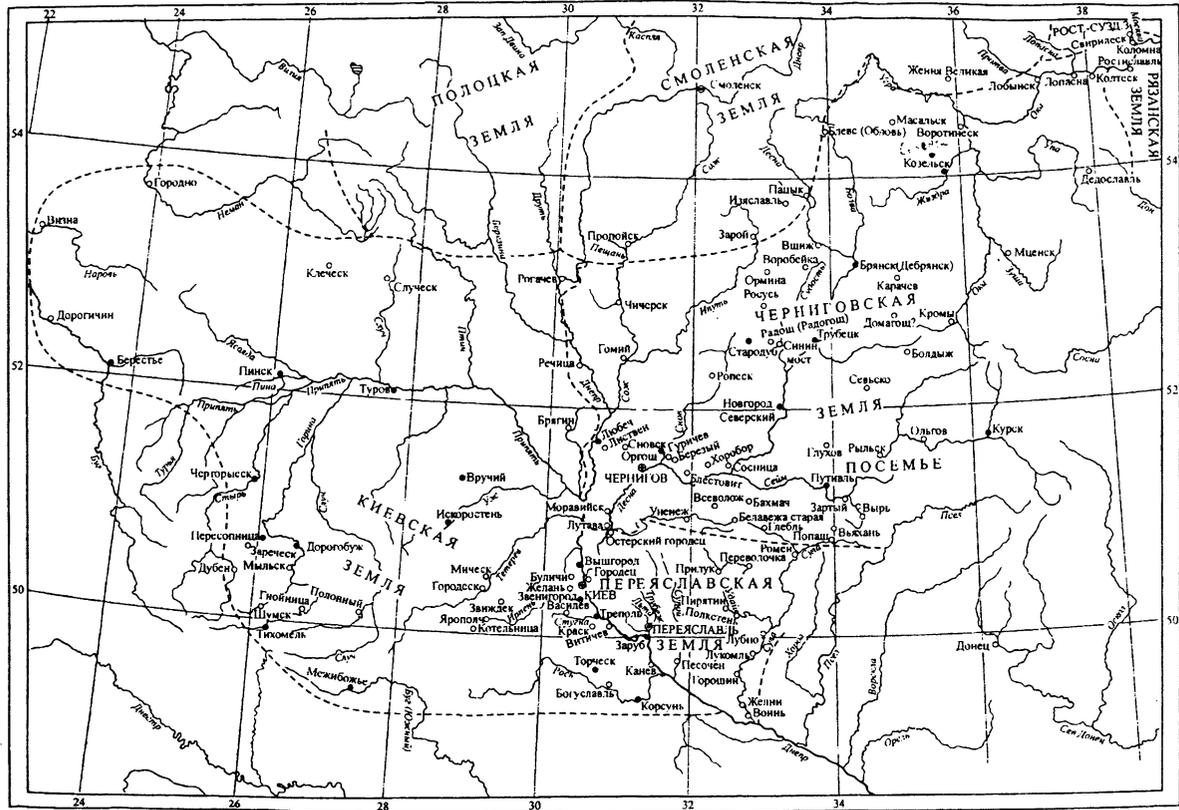

Рис. 4. Киевская, Черниговская, Переяславская, Турово-Пинская и Берестейская земли в XIII в. Границы показаны схематически (Насонов, 2002. С. 80)

Чернигов

Этого нельзя сказать о Чернигове. Годом окончательного обособления этого стола считают 1127-й. В этом году потомки Святослава Ярославича поделили Черниговское княжество на владения сыновей Давыда и Олега Святославичей (с 1167 г. наследовали только Ольговичи, так как род Давыдовичей пресекся)¹ собственно Черниговская земля и Муромо-Рязанское княжество, где закрепился Ярослав Святославич². Потомки последнего чуть позже разделили единое владение: наследникам Святослава Ярославича достался Муром, а его брата Ростислава — Рязань³. Представители династии Ольговичей не раз утверждали свое старейшинство в Русской земле, и длительное время владели Киевом Всеволод Ольгович (1139–1146 гг.), Святослав Всеволодович (1176–1194 гг.). В начале XIII в. активно боролся за Киев Всеволод Святославич Чермный (черниговский князь примерно с 1204 г.). Он несколько раз овладевал древнерусской столицей, но так и не закрепился в ней. Всеволод Чермный умер в Чернигове, где ему наследовал брат Мстислав, участник битвы на Калке (1223 г.), погибший там⁴. Вскоре (1225 г.) в Чернигове утвердился старший представитель следующего поколения Ольговичей — сын Всеволода Чермного Михаил, который и сохранял этот титул вплоть до своей смерти в Орде в 1246 г.⁵ Михаил оказался князем активным и амбициозным. В 1220-е гг. он вел ожесточенную борьбу с Ярославом Всеволодовичем (Юрьевичем) за контроль над Новгородом, а после поражения переключился на географически более близкий регион — Южную Русь. В 1235 г. он захватил Галич,

¹ Рапов, 1977. С. 120–121.

² ПСРЛ, I, 296, 301; II, 290.

³ Рапов, 1977. С. 108–109, 114–115, 120–122.

⁴ Рапов, 1977. С. 117–118.

⁵ Считается, что после гибели на Калке Мстислава Святославича в Чернигове некоторое время (1223–1225 гг.) правил Константин Ольгович. См.: Зотов, 1892. С. 25, 45–47; Горский, 1996. С. 8–9. М. Димник считает, что Михаил Всеволодович стал черниговским князем в 1224 г. (Dimnik, 1981. P. 2, 7). Однако достоверно можно говорить о его правлении лишь начиная с 1225 г., когда он отказался от владения в Новгороде, куда был посажен владими́ро-суздальским князем Юрием (НПЛ, 64, 268; Бережков, 1963. С. 269).

откуда накануне монгольского вторжения перешел в Киев, став великим князем и старейшим в земле. Непрерывные конфликты с претендентами на подконтрольные Михаилу столы истощили силы не только галичан и киевлян, вынужденных в той или иной мере участвовать в вооруженных столкновениях сторон, но также силы «отчинных» владений Михаила, Черниговской земли. Последняя встретила монгольские войска утомленной, лишенной лидера и боеспособных частей. Кроме того, в конце XII – начале XIII в. активно шел процесс дробления Черниговского княжества. Начинают отчетливо выделяться Сновское, Козельское, Трубчевское, Рылское, Путивльское, Новгород Северское, Курское, Стародубское, Елецкое, Вщижское и собственно Черниговское княжения, признающие пока верховный сюзеренитет Черниговского великого князя, но уже способные на самостоятельные действия и инициативу.

Рязань

Аналогичные процессы наблюдались и в Рязанской земле, которая уже в начале XIII в. подверглась наиболее значительному дроблению: простой подсчет показывает, что область была разделена более чем на десять (!) наделов, хотя достоверные сведения сохранились только об отдельных княжениях в Пронске и Белгороде¹. Подобная плотность и чересполосица существенным образом сказались на политической жизни региона. Более жесткой и кровопролитной междоусобной борьбы, чем среди рязанских князей, древнерусская история не знает. Так, в 1217 г. князья Глеб и Константин Владимировичи пригласили на пир в село Исады (6 км от Рязани Старой) пятерых своих двоюродных братьев и одного родного (Изяслава). Только братья начали «пити и веселитися», как были перебиты дружинниками Глеба и Константина, которые после этой резни бежали к половцам и еще не раз приводили степняков к Рязани². После событий в Исадах Рязанским ве-

¹ Рапов, 1977. С. 126–128, 132–133.

² НПЛ, 58; Рапов, 1977. С. 127–128.

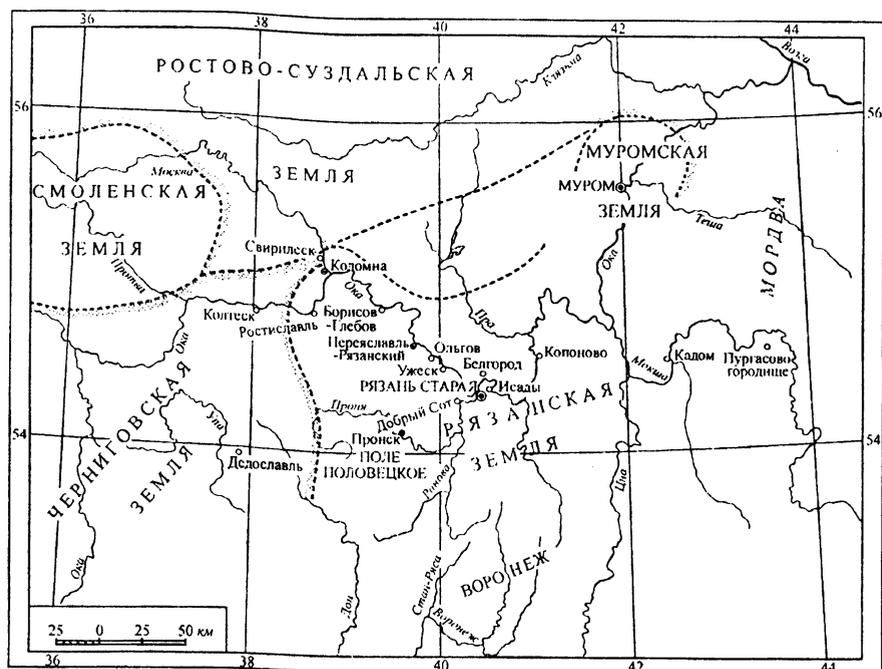

Рис. 5. Рязанское и Муромское княжества в XIII в.
Границы показаны схематически (Насонов, 2002. С. 186)

ликим князем стал Ингварь Игоревич, уклонившийся, как отмечено летописью¹, от приглашения на пир: «не бе бо приспело время его». По сообщению, сохранившемуся у В. Н. Татищева, умер он в 1235 г.² Ему наследовал сын Роман, смененный вскоре (по необъяснимым причинам) братом Юрием, который оставался верховным рязанским властителем вплоть до монгольского нашествия³. В общерусской политической жизни рязанские князья в начале XIII в. склонялись то к Владимиро-Суздальскому, то к

¹ НПЛ, 58.

² Татищев, 1995. С. 230.

³ Воскресенская летопись под 1217 г. указывает на то, что после смерти Ингвара князем стал Роман Ингваревич, но в других летописях под 1237 г. великим князем Рязанским назван Юрий Ингваревич (ПСРЛ, VII, 243; I, 514–515; IV, 31; V, 173; XV, 366–367). Известно, что Роман погиб в 1238 г., защищая Коломну, т. е. возможно он и стал после смерти отца обладателем Рязани, но по каким-то причинам вскоре уступил ее брату (Кузьмин, 1965. С. 160; Рапов, 1977. С. 132).

Черниговскому княжеству, но после походов Всеволода Большое Гнездо зависимость от северного соседа возобладала полностью¹.

Муром

О междоусобной борьбе и системе дробления Муромской земли мы известий не имеем. Значение и объем этого окруженного лесами владения были невелики, и стабильность там, вероятно, удавалось поддерживать без труда. Около 1205 г. князем здесь стал Давыд Юрьевич, а в 1228 г. ему наследовал сын Юрий, встретивший монгольские войска вместе с рязанскими князьями в 1237 г. на р. Воронеж². В этот период в летописи зафиксирована полная зависимость муромских князей от Владимиро-Суздальского властелина, для которого они исполняют роль руководителей вспомогательного войска, то есть вассальную службу³.

Смоленск

Влияние Юрьевичей сказывалось и за западной границей их владений, в Смоленске. Этот город и область после смерти Владимира Мономаха (1125 г.) были переданы деятельному сыну Мстислава Великого Ростиславу, активность которого привела к закреплению стола за его потомками. В 1154 г. Ростислав после смерти брата Изяслава получил Киев, но был выбит оттуда черниговскими войсками Изяслава Давыдовича. Вторично завладев древнерусской столицей в 1159 г., Ростислав владел ею до своей смерти в 1167 г.⁴ В Смоленске ему наследовали сыновья: Роман, а затем Давыд⁵. Их брат Рюрик, имевший держания как в Киевской,

¹ Кузьмин, 1965. С. 130–144.

² Рапов, 1977. С. 126, 131.

³ Во время похода на Рязань в 1207 г., на Волжскую Болгарию в 1220 г. и Мордву в 1227 г. См.: Горский, 1996. С. 12.

⁴ ПСРЛ, I, 343, 353.

⁵ Рапов, 1977. С. 159–160.

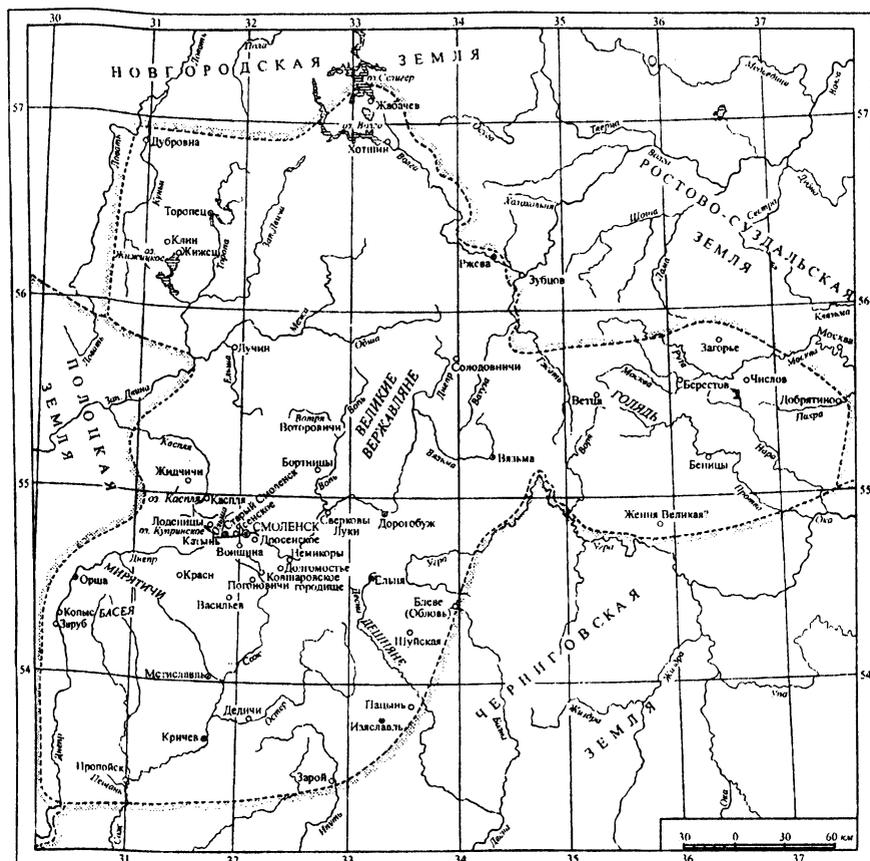

Рис. 6. Смоленское княжество в середине XII в.
Граница показана схематически (Насонов, 2002. С. 129)

так и в Смоленской земле, неоднократно владел Киевом в период с 1173 по 1211 г. После смерти в 1230 г. Мстислава Давыдовича, старшего из второго поколения Ростиславичей, смоленский стол более двух лет оставался вакантным¹. Вероятно, смоляне не хотели впускать в город естественного наследника Святослава Мстиславича, владевшего после 1223 г. Полоцком². Несмотря на

¹ Дж. Феннел предполагает, что смоленский стол после 1230 г. занял один из Ростиславичей: брат Мстислава Давыдовича Владимир Псковский или сын Мстислава Ростислав (Феннел, 1989. С. 110, прим. 47). Никаких указаний по этому поводу в источниках не содержится.

² Голубовский, 1891. С. 196–198, 299; Алексеев, 1980. С. 233–234; Рапов, 1977. С. 179–181.

сопротивление горожан, в 1232 г. Святослав подошел с полочанами к Смоленску и взял город «на щить»¹. Судя по всему, этот князь удерживал за собой землю вплоть до 1238–1239 гг., когда летопись представляет нам уже Ярослава Всеволодовича (перяяславль-залесского Юрьевича) распоряжающимся смоленским столом².

В течение всей первой половины XIII в. политическое значение Смоленска неуклонно снижалось. Сначала жизненные силы общины истощили сами Ростиславичи, разросшийся клан которых постоянно имел своего представителя среди участников той или иной междоусобной войны. Далее следовали участвовавшие грабежи иноземцев, литовцев, которые вскоре перестали воспринимать смоленскую область как некое препятствие в своих набегах на богатые новгородские города (Русса, Торжок). Литовское влияние в регионе неуклонно возрастало, не встречая какого-либо существенного противодействия со стороны русских княжеств. Позднее вслед за Полоцком эти земли окончательно подпадут под власть Литвы, усиление которой во второй половине XIII в. станет основным внешнеполитическим фактором как для Смоленска, так и для других западнорусских земель, прежде всего Волыни. Последняя, однако, оказалась не такой легкой добычей.

Волынь

Волынскими князьями — после того как в 1156 г. сын Изяслава Мстиславича Мстислав изгнал из Владимира Волынского своего дядю Владимира — стали Изяславичи³. В начале XIII в. волынский князь Роман Мстиславич подчинил своей власти Галич, а затем и Киев. Лишь его внезапная смерть в 1205 г. во время похода на Польшу прервала стремительный процесс формирования мо-

¹ НПЛ, 72, 281; Рапов, 1977. С. 192. Дж. Феннел считает, что Святослав изгнал из Смоленска одного из своих родственников (Ростиславичей), который утвердился здесь после смерти Мстислава Давыдовича (Феннел, 1989. С. 110).

² Алексеев, 1980. С. 234; Горский, 1996. С. 11.

³ ПСРЛ, II, 484–485; Рапов, 1977. С. 158.

гущественнейшего государства Европы¹. После 1205 г. Владимир Волынский несколько раз переходил из рук в руки, пока в нем в 1214 г. не закрепился сын Романа Даниил, приступивший вскоре к возрождению империи отца. Галич в это время захватили венгры, попытки выбить которых продолжались вплоть до утверждения в 1219 г. в этом городе Мстислава Мстиславича Удалого, который, в свою очередь, вынужден был в 1221–1222 гг. заключить мир с венграми на условиях наследования галицкого стола после его смерти венгерским королевичем Андреем². Мстислав умер в 1228 г., и с этого года берет начало, длившаяся вплоть до монгольского нашествия, затяжная жестокая битва за Галицию, в которой неизменно участвовал и волынский князь.

Турово-Пинская земля

В западных областях Руси в XIII в. сохранялись также малозначимые в политическом отношении Турово-Пинское княжество, где со второй половины XII в. сидели потомки Святополка Изяславича³, и так называемая «Болоховская земля» в верховьях Южного Буга, Случи и Тетерева, где владельцами были «Болоховские князья», этническая принадлежность которых остается предметом дискуссии⁴.

Киев

Кроме перечисленных земель существовали еще четыре, которые, как отмечалось ранее, не создали своих княжеских династий и оставались «общерусскими». Это прежде всего Киев, сохранявший в начале 30-х гг. XIII в. статус «старейшего» города и столицы

¹ Головкин, 2002. С. 63–68.

² Майоров, 2001. С. 483–484. В.Т. Пашуто датирует договор 1222 г. (Пашуто, 1968. С. 249).

³ Рапов, 1977. С. 90–91; Горский, 1996. С. 13.

⁴ Крип'якевич, 1984. С. 25, 56. Некоторые считают их Рюриковичами (Зотов, 1892. С. 156–165; Рапов, 1977. С. 196), некоторые — представителями местной славянской знати (Włodarski, 1936. S. 22 n. 1; Пашуто, 1950. С. 150–151; Котляр, 1985. С. 129), а некоторые — черными клобуками или торками (Майоров, 2001. С. 591).

Руси. Вплоть до 1234 г. город и область¹ контролировали Ростиславичи: в 1212–1223 гг. Мстислав Романович Старый, погибший в битве на Калке, а с 1223 по 1236 г. с коротким перерывом — его двоюродный брат Владимир Рюрикович². Последний в результате конфликта с князем Черниговским Михаилом Всеволодовичем в итоге утратил киевский стол, на котором вплоть до монгольского нашествия происходила настоящая «княжеская чехарда».

Переяславль Русский (Южный)

Не стал «отчинным» владением какой-либо ветви и Переяславль Южный, которым владели различные представители потомков Владимира Мономаха³. В начале XIII в. это были потомки Всеволода Большое Гнездо, который сначала направил туда сына Владимира, но тот вскоре вернулся на Северо-Восток. В 1227 г. в Переяславле был посажен Всеволод Константинович, но в 1228 г. он был заменен дядей Святославом Всеволодовичем, который, однако, уже к 1230 г. вернулся на Северо-Восток⁴. Снижение военной активности кочевников, форпостом против которых являлся Переяславль, а также существенное изменение направлений торговых путей привели к упадку этой волости как в экономическом, так и в политическом отношении. Судя по всему, к моменту нашествия Батыя в Переяславле Южном даже не было собственного князя, хотя номинально он контролировался, скорее всего, владими́ро-суздальскими Всеволодовичами⁵.

Новгород

К «общерусским» столам относился и Новгород, где влияние купеческой верхушки и горожан на выбор князя длительное

¹ Существует мнение, что Киевская земля представляла в это время «коллективное владение» династии Рюриковичей, в котором каждая из сильнейших династических ветвей имела право на «часть» в земле (Пашуто, 1965. С. 73–76; Рыбаков, 1971. С. 154–162; Черепнин, 1972. С. 364–365). Критику концепции «коллективного сюзеренитета» см.: Толочко, 1992. С. 54–66; Горский, 1996. С. 85, прим. 13.

² Рапов, 1977. С. 179, 181.

³ Горский, 1996. С. 7.

⁴ ПСРЛ, I, 438, 450, 451, 455.

⁵ ПСРЛ, I, 469; II, 781–782; Коринный, 1992. С. 68; Горский, 1996. С. 23.

время не позволяли закрепиться¹ той или иной династии. В начале XIII в. новгородцы то приглашали представителя династии Юрьевичей — Ярослава Всеволодовича Переяславского, то обращались к Ростиславичам — Мстиславу Мстиславичу Удалому (Удатному), а то признавали Ольговичей — Михаила Всеволодовича Черниговского. С четвертой попытки в Новгороде утвердился Ярослав Всеволодович, который 30 декабря 1230 г. «целова святыю Богородицю на всех грамотах Ярославлих и на всей воли новгородчской»². С этого момента в городе княжат только его наследники. А в 1236 г., отправляясь на княжение в Киев, Ярослав без каких-либо опасений передал новгородский стол своему сыну Александру (в будущем — Невскому).

Псков

Аналогичная ситуация в отношениях с князьями складывалась и в Пскове, который вплоть до 1137 г. был новгородским пригородом. Обретя самостоятельность, город сохранял некоторые «элементы зависимости» от северорусской столицы, которая покровительствовала ему и нередко оказывала военную помощь³. В начале XIII в. Псков контролировали по преимуществу Ростиславичи: в 1216 г. — Владимир Мстиславич, а под 1232 г. упоминается его племянник Юрий⁴.

Таким образом, к началу 1230-х гг. сложилось четыре устойчивых династических объединения, охвативших своим влиянием все территории Руси. Это прежде всего Всеволодовичи (Юрьевичи) с Владимиро-Суздальским княжеством и тянущимися к нему Рязанью и Муромом. Верховной властью здесь обладал Юрий

¹ Об отношениях князя с новгородцами см.: Янин, 1962. С. 94–116.

² НПЛ, 278.

³ Горский, 1996. С. 7. В. Л. Янин настаивает на полной политической независимости Пскова в этот период (Янин, 1992. С. 8–12). Однако очевидно, что в рассматриваемое нами время Псков действовал с оглядкой на своего «старшего брата». Полемику между В.А. Бутовым и В. Л. Яниным о характере взаимоотношений Пскова и Новгорода см.: ОИ. 1993. № 6. С. 208–210.

⁴ НПЛ, 55, 72, 281; Горский, 1996. С. 22; Кучкин, 1987. С. 216.

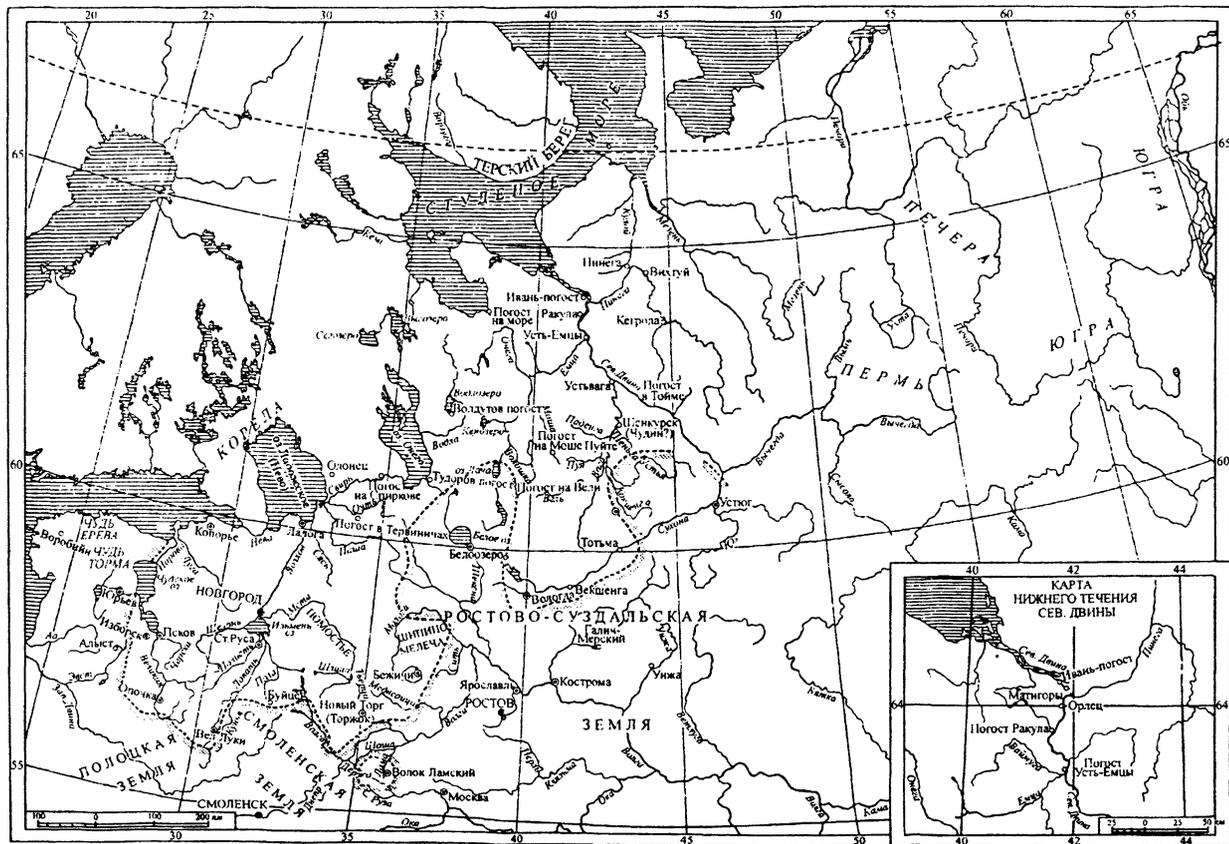

Рис. 7. Новгородская земля в XIII в. Граница показана схематически (Насонов, 2002. С. 112)

Всеволодович, брат которого, Ярослав, сохраняя за собой Переяславль Залесский, утвердился и в Новгороде. Последний, таким образом, имея номинальную самостоятельность, попал в орбиту влияния Суздальской династии. Другим центром была столица Ольговичей Чернигов с энергичным князем Михаилом Всеволодовичем, который часто и не без успеха демонстрировал свои претензии на «общерусские» столы. Так в 1220-е гг. он несколько раз владел Новгородом, а позднее подчинял своей власти и Галич и Киев. Возмужавший Даниил Романович с братом Васильком (Изяславичи) к 1230-м гг. уже прочно держали Волынь, пресекая любые попытки внешнего давления (Польша, Венгрия, Литва) и выказывая явные претензии на Галич. Ряд княжений в эти годы сохраняла династия Ростиславичей. Так, Владимир Рюрикович сидел в Киеве, а другие его родственники занимали столы в Смоленске, Полоцке и Пскове. Географически эти владения заполняли водораздел между зонами влияния Юрьевичей-Ольговичей и Изяславичей, а также зоны контактов с особенно агрессивными нерусскими соседями (Прибалтика, Литва, половцы). Подобное положение вынуждало Ростиславичей искать союзнических отношений с соседями, участвовать в частых военных предприятиях и находиться в центре практически всех конфликтов своего времени, которых, как мы увидим ниже, было немало.

Таким в самых общих чертах представляется внутрисполитическое положение Русских земель к началу 1230-х годов, завершившихся столь трагично.

§ 2. МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА В РУССКИХ КНЯЖЕСТВАХ В 30-е гг. XIII в.

Борьба за «общерусские» столы сопровождает всю историю Руси первых четырех десятилетий XIII века, но последнее десятилетие перед монголо-татарским нашествием характеризуется тем, что она приняла характер почти перманентных военных действий, локализованных главным образом в южнорусских землях.

А. А. Горский¹

Можно сказать, что после острых столкновений начала века к середине 1220-х гг. наступило временное затишье. Ситуация стала обостряться лишь после того, как в 1227 г. ушел из Галича и в следующем году умер в Торческе непоседливый князь Мстислав Мстиславич Удалой². Галицию он передал сыну венгерского короля Андрею, который оказался не только удачливым дипломатом, но и вполне способным администратором. За весь период княжения (почти 7 лет) Андрея (Эндре) нам неизвестно ни одного случая выступления против него внутри города или земли. Королевич умудрялся всегда находить общий язык с представителями городского патрициата и торговой верхушки.

Возмутителем спокойствия в регионе стал волынский князь Даниил Романович, для которого смерть его тестя Мстислава послужила сигналом к возрождению претензий на галицкий стол³. К этому времени Даниил со своим братом Васильком уже контролировали большую часть «отчинных» Волынских земель и могли приступить к активным внешнеполитическим предприятиям. Уже в конце 1229 г. им представился удачный момент для нападения на Галич. Даниил находился в Угровске, когда получил весть, что галицкие войска, возглавляемые боярином Судиславом, отправились для подавления волнений в Понизье, «а королевичь в Галичи осталъ»⁴. Ожидая, что удастся быстро захватить беззащитный

¹ Горский, 1996. С. 24. Ср.: Феннел, 1989. С. 107.

² Рапов, 1977. С. 182.

³ Котляр, 1985. С. 142; Горский, 1996. С. 20; Майоров, 2001. С. 501.

⁴ ПСРЛ, II, 758. Причины похода Судислава остаются не разъясненными летописью. Можно предположить, что речь шла о восстановлении власти Галича в землях, которые Мстислав, уходя из города, оставил под своей рукой (Рапов, 1977. С. 182). После его смерти жители Понизья, возможно, не желали возвращаться под контроль галицкой общины. Ср.: Майоров, 2001. С. 503, прим. 11.

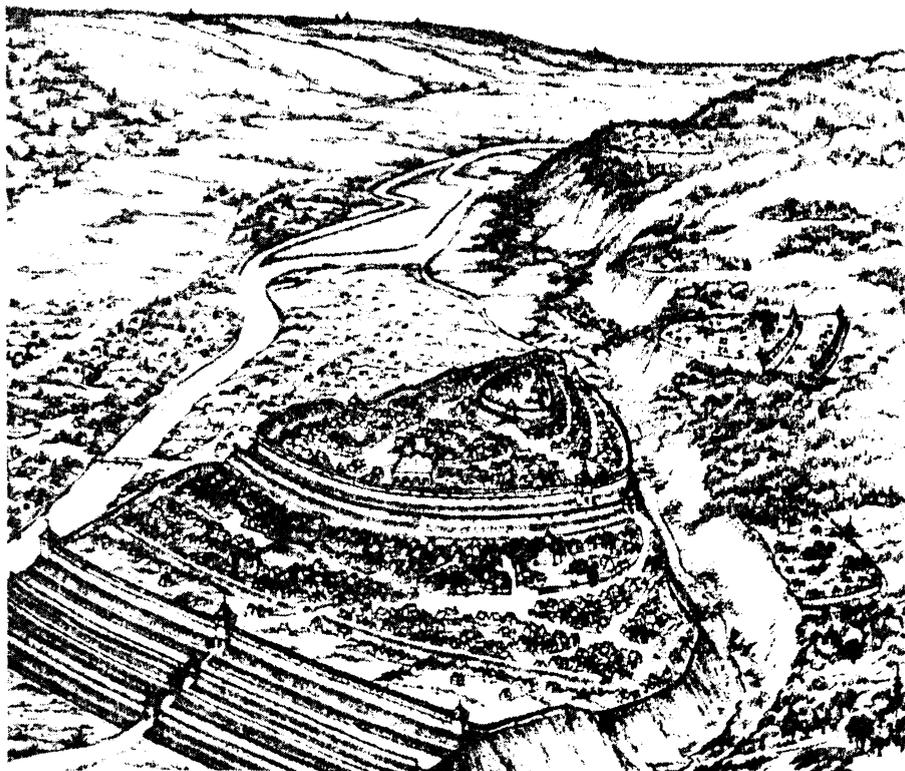

Рис. 8. Галич. XIII в. Гипотетическая реконструкция Т. А. Трегубовой (ДГ, 1993. С. 129)

город, волынский князь бросил свои основные силы на предупреждение действий Судислава, а сам «в мало дружине» помчался к Галичу. Однако горожане отказались его впустить и «затворились». Вскоре к ним «прибежал», побитый волынцами, Судислав. Даниил стал готовиться к длительной осаде, для чего сконцентрировал под городом все наличные свои войска: «все силы Воыни», дружину союзного волынского князя Владимира Ингваревича, а также «собра землю Галицкую... от Боброky доже и до реки Ущице и Прута»¹. Согласно летописному описанию, на стороне Даниила выступала вся Галицкая земля, исключая собственно сам Галич. Подобная ситуация будет наблюдаться и позднее, когда волынский князь будет обнаруживать поддержку своей власти

¹ ПСРЛ, II, 759. См. также: Андрияшев, 1887. С. 163.

в Галицких пригородах (Звенигород, Понизье)¹, но не в самом Галиче, где неизменно будут предпочитать венгерских ставленников. В начале 1230 г. Даниил обложил Галич «в силе тяжьце» и принудил его сдаться². Пытаясь сохранить добрые отношения с венгерским королем Андреем II («помянувшю любовь короля Андрея»), Даниил отпустил его младшего сына «королевича Андрея» в Венгрию с миром и непримиримым боярином Судиславом. Однако спокойствия на границах это не принесло. Лишь прибыв в Венгрию, Андрей обратился за помощью к своему брату Беле (соправитель отца с 1214 г., король Бела IV с 1235 г.). «Аще не поидеши, укрепяться на ны», то есть если ты не пойдешь на них, они подготовятся и пойдут на нас, увещевал Андрей. Бела «изыде» вскоре «в силе тяжьце» и попытался восстановить справедливость. Однако до Галича он не дошел и, измотанный в локальных стычках, вынужден был отступить³. Несмотря на очевидный успех и то, что «Даниль же Божьею волею одержжа градъ свои Галичь», внутреннего мира в княжестве не наступило. Статью 6737 (1229–1230) г. придворный летописец Даниил заключил тревожной фразой: «По семь, скажемъ, многни мятежь, великия льсти [и] весчисленныя рати»⁴.

Весь следующий год прошел для волынского князя в противостоянии с местным галицким боярством, которое составляло бесчисленные заговоры, организовывало покушения и противилось всем начинаниям князя. Лишенного какой-либо поддержки внутри города, едва избежавшего насильственной смерти, Даниила вынуждают покинуть Галич. В верности князю отказали и некоторые города Галицкой земли (Перемышль, Ярослав), открывшие ворота венграм, которые организовали уже в следующем, 1231 г. новый поход на Западную Русь⁵.

¹ Майоров, 2001. С. 554–557.

² Датировка этих событий по летописи — 1229 г., но последовательность изложения позволяет говорить о том, что падение Галича относится уже к началу 1230 г. (концу 6737 мартовского). Ср.: Пашуто, 1950. С. 211; Майоров, 2001. С. 502, прим. 9.

³ ПСРЛ, II, 760–761.

⁴ ПСРЛ, II, 762.

⁵ Карамзин, 1991. С. 503; Грушевский, 1900. С. 147; Пашуто, 1950. С. 213; Майоров, 2001. С. 513–517. По летописи этот поход относится к 1231 г. (6739 мартовского). (ПСРЛ, II, 764–766), но, возможно, его окончание следует относить к 1232 г.

Попытавшийся оказать сопротивление иноземцам у местечка Голые Горы, Даниил накануне решающего столкновения был предан лидерами галицкого ополчения, переметнувшимися к венграм¹. Оказавшись без решительного перевеса в военной силе, Даниил отступил на Волынь, куда за ним последовала и венгерская армия короля Андрея II, лично возглавлявшего поход. Оставив неприступный Владимир Волынский на попечение воеводы Мирослава, сам князь направился в западную часть своих владений, рассчитывая, видимо, на содействие со стороны Польши. Однако организовать какой-либо серьезный альянс он не успел: осажденный во Владимире Мирослав, без ведома Даниила, заключил с венграми мир, по которому в Галич возвращался Андрей, а города Белз и Червен отходили союзному венграм князю Александру Всеволодовичу². Разгневанный Даниил успел только погромить окрестности Белза, но потом смирился со сложившимся положением и отвлекся на события вокруг Киева. Королевич Андрей снова вступил в Галич, где был с радостью встречен горожанами и утвержден на столе, после чего венгерские войска покинули Русь.

***

В начале 1230-х гг. Михаил Всеволодович Черниговский, недавно потерпевший поражение в борьбе за новгородское княжение³, выступил новым претендентом на «старейший» киевский стол и стал собирать силы для осуществления своих планов. Узнав о его приготовлениях, киевский князь Владимир Рюрикович примерно в 1231 г. обратился за помощью к Даниилу Романовичу. Волынский князь немедленно отозвался. Дело в том, что еще в 1228 г. Владимир выступал как союзник Михаила и венгров в

¹ ПСРЛ, II, 765. Подробнее см.: Котляр, 1979. С. 85; Котляр, 1985. С. 95–96; Майоров, 2001. С. 519–521.

² ПСРЛ, II, 765–766; Карамзин, 1991. С. 503. А.В. Майоров считает, что недовольство Даниилом сохранялось и во Владимире Волынском, отчего город отказал противникам князя в решительном сопротивлении (Майоров, 2001. С. 524).

³ Подробнее см.: Dimnik, 1981. P. 15–51.

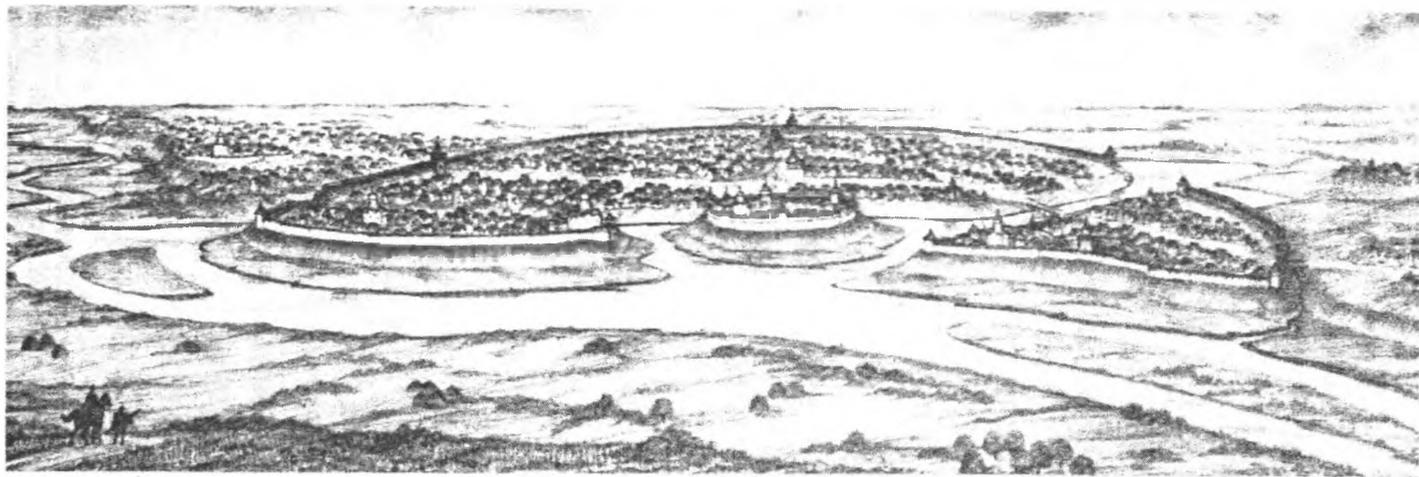

Рис. 9. Владимир Волынский. XIII в. Вид с юга. Гипотетическая реконструкция Т. А. Трегубовой (ДГ, 1993. С. 127)

борьбе за Галич¹. Внезапное обострение киево-черниговских отношений было особенно выгодно Даниилу, для которого коалиция с Киевом был естественным противовесом Венгрии, союзником которой неизменно оказывался Чернигов².

Причины внезапной ссоры Михаила Всеволодовича и Владимира Рюриковича исследователи указать затрудняются³. Вероятно, Михаил не ожидал, что Владимир обратится за помощью к Даниилу и тот ее окажет: отец последнего, Роман Мстиславич, в свое время изгнал из Киева и постриг в монахи Рюрика Ростиславича, отца Владимира. Однако киевский князь сумел преодолеть фамильную неприязнь и тем самым поставил Михаила в очень сложное положение. Чернигов еще не был готов к столкновению со столь значительной коалицией, и после прибытия Даниила в Киев Михаил согласился примириться. Волынский князь за услуги по примирению получил часть киевской земли (г. Торческ): «...из Рускои земля взя себе часть Торцькии»⁴.

Эта ситуация заставила проявить неожиданную и, вероятно, не согласованную с Михаилом активность королевича Андрея, уверенного в неизменной и безоговорочной поддержке галичан. «По тех же летехъ движе рать Андреи королевичь на Данила», — сообщает Галицко-Волынская летопись под 1231 г., хотя события эти, скорее всего, относятся уже к началу 1233 (или 1234) г.⁵ Поддержка галицкой общины убедила венгерского королевича в его способности организовать экспансию против волынского князя

¹ ПСРЛ, II, 753–754.

² Создается впечатление, что в эти годы существовал устойчивый венгерско-черниговский внешнеполитический союз (Дашкевич, 1873. С. 48–49).

³ Dimnik, 1981. P. 71; Грушевський, 1991. С. 282. Нет указаний на то, что альянс Волыни и Киева изначально был направлен против Галича, отчего объяснять его «давними политическими счетами» затруднительно. Ср.: Майоров, 2001. С. 533, 561, прим. 2.

⁴ ПСРЛ, II, 766; Грушевський, 1991. С. 282.

⁵ ПСРЛ, II, 766. В Галицко-Волынской летописи изначально не было хронологической сетки, годы к статьям были приписаны позже. Из-за этого частые хронологические сбои. Сама форма «по тех же летехъ» говорит о том, что прошло не менее двух лет, а множественное число должно говорить и о большем количестве, то есть не менее трех лет. Таким образом, датировка этих событий 1234 г. вовсе не представляется столь уж невероятной. Традиционно начало новой усабицы, инициатором которой выступил Андрей, относят к 1233 г. (Грушевський, 1900. С. 148; Пашуто, 1950. С. 213; Котляр, 1985. С. 153; Крип'якевич, 1984. С. 94; Майоров, 2001. С. 535).

и соответственно против союзного ему киевского. Направление похода и его масштаб говорят о том, что Андрей стремился не только обезопасить свои границы и упредить возможные нападения Даниила, но и попытаться расширить область зависимых от него земель. На Киев¹ двинулась большая многонациональная армия, в которую кроме галицкого ополчения входили дружины Александра Белзского, Болоховских князей и венгерские войска («Угорь множество»). Несмотря на столь грозный состав, уже после первого столкновения у реки Случ с волынским сторожевым отрядом воеводы Владислава королевич Андрей предпочел отказаться от продолжения кампании и отступить.

Извещенные о неожиданной удаче, Даниил с братом Васильком бросились за отходившим к Галичу противником и догнали его около Шумска. Андрей, укрепившийся на берегу реки Вельи, вовсе не намерен был оставлять свои позиции и ввязываться в бой с Романовичами. Даниил вынужден был пойти на хитрость и изобразить ложный отход своих войск на Торческ. Это заставило королевича активизировать свои действия в надежде на успех при внезапном ударе по построеным в походном порядке полкам противника. Так галицко-венгерские войска оказались в заведомо невыгодном положении. Андрей двинул их на Даниила, когда тот начал переход через высокий холм, расположенный рядом. Романовичи быстро развернули войска и ударили на едва успевшие выстроиться королевские полки: «Андрей королевичь, исполнивъ полыки свое, иде противу ему, сиречь на сечю, идущу ему по ровни, Данилови же и Василькови съехати бе со высокихъ горъ»². Красочное и подробное описание сражения растягивается в летописи сразу на две летописные статьи 6739 и 6740 гг. Правым флангом волынских войск, действовавшим против венгерских наемников, командовал Василько, левым руководил тысяцкий Демьян, а в центре располагался «великий полк» Даниила. Судя по

¹ Большинство исследователей указывают, что поход Андрея был направлен на Волынь (Грушевский, 1900. С. 148; Пашуто, 1950. С. 214; Котляр, 1985. С. 153; Крип'якевич, 1984. С. 94). А.В. Майоров убедительно показал необоснованность такого мнения (Майоров, 2001. С. 533–534).

² ПСРЛ, II, 767–769.

летописному рассказу, волынцам удалось без труда прорвать противника в центре. Полк Даниила «устроенъ бо бе храбрыми людьми и светлымъ оружьемъ», отчего те, против кого он выступал, не желали сражаться с ним, но отклонялись супротив более слабых соседей: «...онымъ же видящимъ не хотяхуть сразитися с нимъ, но клоняхуться на Демьяна и на иные полкы»¹. Вероятно, наиболее боеспособные части Андрея были сконцентрированы на флангах. Скорее всего, именно такое, неожиданное для Романовичей, расположение войск позволило королевичу избежать полного разгрома. Пройдя центр, полк Даниила оказался в тылу противника, но последний внезапно сомкнул фланги и рассек волынцев на три отдельных фронта². В случае если бы галицко-венгерским войскам удалось смять слабые фланги Даниила до того, как волынцы успели сориентироваться в обстановке, исход битвы мог бы быть иным. Однако полки Василька и Демьяна оказались стойкими, а действия Даниила решительными. Сначала князь повернул в тыл галичан, действовавших против Демьяна. В этот момент храбрый тысяцкий уже вступил в единоборство с одним из виднейших деятелей венгерской партии в Галиче боярином Судиславом. Классическое сражение того времени распадалось на отдельные рыцарские сшибки и противостояния отдельных героев, а не масс ополченцев. Исход сражения такие столкновения, конечно, не решали, но создавали в нем ряд важных смысловых узлов. Летопись тщательно фиксирует подобные моменты в сражении. Если в действиях Даниила описывается чуть ли не каждый удар меча, то о его окружении информации гораздо меньше. Демьян в этом отношении оказывается исключением. В тот момент, когда князь начал теснить галичан с тыла, тысяцкий уже слишком далеко врубился во вражеские полки. Встретив двигавшийся ему навстречу княжеский полк, Демьян решил, что, пока он был увле-

¹ ПСРЛ, II, 767–768.

² Именно так можно разъяснить внезапное указание летописи, что галицкий боярин Глеб Зеремеевич собирает вокруг себя венгров и направляет их на Василька. Если центральный полк галичан фактически, по указанию летописи, отклонился на действия против тысяцкого Демьяна (левый фланг Романовичей), то против Василька (правый фланг Романовичей), по свидетельству той же летописи, действовали исключительно «угры» (венгры).

чен поединком с Судиславом, его воины уже прошли сквозь противника и теперь идут в обратном порядке. Тысяцкий развернулся и возглавил передовых воинов Даниилова полка. Сам князь, оставив основные свои подразделения на этом фланге, с малой дружиной направился на помощь теснимому венграми Васильку¹. Его появление с этой стороны поля, судя по всему, носило скорее демонстративный и знаковый характер. Он лишь оттянул на себя часть сил противника и своим стягом создал иллюзию превосходства. Это посеяло панику среди венгров и заставило их отступить, то есть побежать, после чего «Васильковъ полкъ гнаше Угры до становъ и стягъ королевичъ подъяли беаху»².

Сражение продолжалось до самой ночи и, судя по всему, предполагалось к возобновлению утром, но бегство основной части венгров («иней же Угре бежаша, оли в Галичи становишася») и большие потери («зане бе ұразъ великъ в полкахъ его») вынудили Андрея отступить³. В преследовании принимал участие только Василько, основные части Даниила остались у поля сражения. Судя по летописи, потери волынцев были менее значительными, чем у противника: «...техъ бо падшихъ много Угоръ, а Даниловыхъ мало бояръ»⁴. Однако факт того, что наступление не было развито Даниилом немедленно, говорит скорее об обратном. Несмотря на полную победу, урон в частях все же был ощутимым и не позволял рассчитывать на немедленный захват Галича.

Доблесть Даниила неизменно превозносится и в подробностях описывается летописью. Князь сам прорубается к стягу Василька

¹ Из следующего летописного изложения видно, что князь сам прорубается к Васильку. Встретив в битве Мирослава, он вместе с ним противостоит отряду венгров, причем отмечено, что князь и Мирослав — это «два человека: «...снемшеся с Мирославомъ и видевъ яко Угре собираются и ехаста на не два, онем же не стерпевшимъ оскочиша, другим же приехавшимъ и сразившимся и ти не стерпеша» (ПСРЛ, II, 768). Полагаем, это должно говорить о том, что основные части даниилова «великого полка» остались помогать на левом фланге Демьяну.

² ПСРЛ, II, 769.

³ ПСРЛ, II, 769. Следует согласиться с А. В. Майоровым, который отмечает, что исходя из показаний летописи сложно определить, в результате чего именно Романовичи смогли добиться перевеса над противником в этом сражении (Майоров, 2001. С. 540).

⁴ ПСРЛ, II, 769.

и потом «понужающую» «угров». Сочетание военной хитрости и личной храбрости, описываемые летописью в превосходной степени, вынуждают нас признать Даниила Романовича основным виновником победы, хотя это ничуть не умаляет успехов других участников битвы под Шумском. Для современников это были «великая брань»¹ и великая победа. Разгром войск королевича Андрея не только ослабил позиции провенгерской партии в Галиче и сделал неизбежной смену власти в этом регионе — он фактически завершил целую эпоху венгерского военного присутствия на русских землях. Только через 12 лет венгры предпримут попытку вернуть себе положение распорядителей Галиции, но будут снова разгромлены под Ярославом (1245 г.) тем же князем Даниилом. Можно сказать, что после битвы под Шумском закончился период реального присутствия венгров в Галиче и начался период их претензий на условное главенство в регионе. Для венгров желаемое с действительным более никогда не встречались в Галиции.

Успех под Шумском решительно изменил расстановку сил на западе Руси. На сторону победителей встал князь Александр Белзский, а затем и некоторые галицкие городские общины (Плеснек и др.)². Галич, однако, оставался пока под контролем Андрея, который пытался подтянуть к нему военную помощь из Венгрии. Отец отослал к нему знаменитого венгерского воеводу Дианиша (Дионисия), прославившегося еще во время похода на Галич и Волынь войск короля Андрея в 1231 г.³ Даниил также готовился к новому столкновению. Отправляясь в поход на Галич, он сначала собрал ополчение на Волыни, а затем присоединил к своим войскам половцев хана Котяна, дружины Владимира Рюриковича и князя Изяслава Мстиславича «Смоленского»⁴. Последний, одна-

¹ ПСРЛ, II, 769.

² Факт перехода к Даниилу галицкого воеводы Глеба Зеремеевича и другого боярина Доброслава накануне похода на Галич может говорить о том, что часть галицких областей выступила на стороне волынского князя. См.: Майоров, 2001. С. 547–553.

³ Майоров, 2001. С. 514.

⁴ ПСРЛ, II, 770. В Ипатьевской и Новгородской первой летописях отчество Изяслава не указано (ПСРЛ, II, 770–774; НПЛ, 74, 284). Однако в большинстве других сводов он именуется Мстиславичем (ПСРЛ, I, 457, 513; IV, 214; VI, 287; Татишев, 1995. С. 229), причем иногда уточняется, что он был сыном Мстислава Романовича Старого, погибшего на Калке (ПСРЛ, VII, 236; X, 104; XV, 364; XXV, 126). Тем не менее в исторической литературе велись и ведутся многочисленные споры о происхо-

ко, союзником оказался ненадежным и вскоре откололся от коалиции. Возможно, именно известие об отступничестве Изяслава побудило королевича Андрея и Дианиша с венгерским войском выступить первыми. Летом 1233 (или 1234)¹ г. они вошли в волынские земли и подступили к г. Перемышлю, около которого расположились Романовичи с союзниками. Возле моста через реку Стырь произошло решающее сражение, в котором венгры снова потерпели полное поражение и бежали: «*вишася о мостъ со Володимеромъ и Даниломъ и отбивъшися нмъ, Угре же воротишася к Галичю и пороки пометаша*»².

Второй разгром войск Андрея позволил Даниилу предположить, что жители Галича более не будут столь рьяны в своих венгерских симпатиях. Распустив войска своих союзников, которые могли восприниматься местными жителями как интервенты, князь двинулся прямо на Галич. Однако легкой победы не получилось. Горожане отказались открыть ворота Романовичам и более девяти недель держали упорную («*изнемогаху гладомъ*») оборону, умудряясь даже проводить эпизодические вылазки на осаждавших. Лишь внезапная смерть королевича Андрея вынудила их сдаться и признать власть Даниила³.

дении этого князя. В большинстве исследований он признаётся сыном Владимира Игоревича, княжившего в Галиче около 1206–1207 гг. (Карамзин, 1991. С. 635, прим. 347; Соловьев, 1993. С. 129–131, 321–322; Андрияшев, 1887. С. 165; Феннел, 1989. С. 113; Dimnik, 1978. P. 107–170; Dimnik, 1981. P. 74; Гумилев, 1992. С. 504; Котляр, 1997. С. 101; Майоров, 2001. С. 542, прим. 83). На отсутствие оснований для такого отождествления указывала другая группа исследователей, для которых более верным представляются прямые указания источников на происхождение Изяслава от Мстислава Романовича (Грушевский, 1900. С. 149; Грушевский, 1991. С. 282, прим. 2; Пашуто, 1950. С. 214–216). Промежуточное положение занимает гипотеза А. А. Горского о том, что Изяслав был сыном Мстислава Мстиславича Удалого, то есть одним из тех детей Мстислава, которым Даниил в 1231 г. передал Торческ (Горский, 1996. С. 14–15). Версия Горского находит сейчас все больше приверженцев (Майоров, 2001. С. 543–544), но в нашей книге далее мы будем ориентироваться на летописное указание и именовать Изяслава Мстиславичем со смысловой пометкой «Смоленский», то есть происходящий из династии Ростиславичей.

¹ Сражение под Шумском произошло, судя по летописи, еще до Пасхи, а Плеснек сдался Даниилу, когда «*траве же бывши*», то есть как только взошли травы (ПСРЛ, II, 770). Соответственно все события относятся к периоду апрель–май. Н. Ф. Котляр относит их к весне 1233 г. (Котляр, 1997. С. 101), хотя, как было сказано выше, есть возможность датировать произошедшее 1234 г.

² ПСРЛ, II, 770–771.

³ ПСРЛ, II, 771; Пашуто, 1950. С. 215. Указание А. В. Майорова на то, что существуют «*венгерские истогики*», в которых смерть Андрея отнесена к началу 1234 г., связано с какой-то ошибкой (Майоров, 2001. С. 547, прим. 113). Все иностранные

Контроль над Галичем был установлен, но снова лишь временно. Судя по всему, князь это понимал и не стал бесполезно тратить силы на разрешение внутренних противоречий, а полностью сконцентрировался на внешней политике. Военные победы, ставшие за последние годы регулярными, могли внушить Даниилу уверенность в успехе его начинаний в других землях, а также способствовать укреплению его авторитета у галичан. Так, уже в начале 1235 г. обострилась ситуация вокруг Киева, куда вновь двинул свои войска черниговский князь Михаил в союзе с Изяславом Мстиславичем «Смоленским». Владимир Рюрикович немедленно послал к Даниилу: «Помози ми, брате!» Галицкий князь энергично принялся за исполнение союзнических обязательств и, «вельею любовью, скоро собравъ полкы поиде»¹. Михаил, не выдержав («не стерпеть») противодействия коалиции, отступил в свои земли, а Изяслав бежал к половцам. Полагая, что противник сломлен, Даниил и Владимир двинулись прямо на Чернигов. По пути к победоносным союзникам «приде» один из черниговских князей Мстислав Глебович. Судя по всему, он пытался выступить в роли независимого примирителя, представлявшего якобы интересы собственно черниговцев, а не князя Михаила, который покинул свою столицу с основными силами и оставил ее на произвол судьбы². Мстиславу удалось отговорить Владимира и Даниила от захвата Чернигова. Они направились в поисках Михаила далее,

исследователи, если они датируют смерть королевича Андрея и указывают свой источник, исходят только из интерпретации показаний Ипатьевской летописи (Włodarski, 1966. S. 107; Dimnik, 1981. P. 96, 165; Procházková N., 1998. N. 63). При этом одни считают, что это произошло в конце 1233 г. (Włodarski, 1936. S. 51; Włodarski, 1966. S. 107; Крип'якевич, 1984. С. 94–95; Procházková N., 1998. N. 63), а другие — в начале 1234 г. (Szalay, 1869. S. 32–33; Грушевський, 1991. С. 283; МТК, 1981. P. 46. Ср.: Карамзин, 1991. С. 504) или зимой 1233–1234 гг. (Dimnik, 1981. P. 96, 165; Майоров, 2001. С. 560). Судя по всему, в венгерской традиции предпочтение отдается началу 1234 г.

¹ ПСРЛ, II, 772.

² В большинстве исследований Мстислав Глебович предстает как союзник Владимира и Даниила, переметнувшийся к ним в период похода на Чернигов (Грушевський, 1991. С. 284; Майоров, 2001. С. 562). Однако в летописи говорится только, что он «приде к нима», а далее — о том, что именно с ним киевский и галицкий князья заключают мир. М.С. Грушевский предположил, что в этом месте в летопись закралась ошибка и вместо *Мстислав* в рассказе о заключении мира следует читать *Михаил*. (Грушевський, 1991. С. 284, прим. 1). Такое прочтение, особенно учитывая сопоставление с другими летописными рассказами, даже текстуально оправдать сложно.

«пленьячи землю, понмаша грады многы по Десне, тѹ же взяша и Хороборъ, и Сосницю, и Сновескъ, инын грады многин»¹. Однако вскоре выяснилось, что Мстислав, действовавший в сговоре с Михаилом, лукавил, направляя союзников по ложному пути². Черниговский план предполагал, что без генерального сражения киевские и галицкие войска должны были измотаться в мелких стычках и осадах небольших крепостей. Кроме того, Михаил через Мстислава пытался расколоть противостоявшую ему коалицию, подкупить галицких бояр и советников Даниила, склонив его к сепаратному соглашению. Похоже, что и эта, по выражению летописца, «прелесь» Ольговичам в какой-то мере удалась.

Осознав провокационные действия Мстислава, Владимир и Даниил вернулись к Чернигову, и здесь, судя по всему, их союз подвергся серьезному испытанию. Летописный рассказ об этом весьма невразумителен и запутан. В изложении НПЛ он выглядит так: «...и много пѹстошивъ около Чернигова, понде опять [к городу

¹ ПСРЛ, II, 772. А.В. Майоров почему-то излагает события так, что Владимир и Даниил по пути к Чернигову пленяли города по Десне (Майоров, 2001. С. 561). Беглый взгляд на карту показывает, что и Сновск, и Хоробор, и Сосница находятся за Черниговом, если подходить к последнему от Киева, то есть чтобы пленить эти города, нужно было миновать Чернигов (См.: Насонов, 2002. С. 54, 209, 210–211). Так события и представлены в летописи: «...пондоства Чернигову отчѹда же пондоша пленячи землю и придоша же опять Чернигову» (ПСРЛ, II, 772. Ср.: НПЛ, 73–74, 284).

² Галицко-Волынская и Новгородская первая летописи представляют разные подходы в изложении событий. В НПЛ Мстислав вообще не фигурирует и не дается никакого объяснения двукратному подходу союзников к Чернигову, покинутому Михаилом: «...и много воева около Чернигова, и посадъ поже, а Михаило выступи ис Чернигова; и много пѹстошивъ около Чернигова, понде опять» (НПЛ, 73–74, 284). Далее в НПЛ сообщается о том, что Михаил «створил прелесь на Данииле», то есть как-то обманул его, соблазнив чем-то, а вслед за этим разгромил галицко-волынские войска, причем Владимир Рюрикович среди участников событий не упоминается. У В. Н. Татишева вообще речи не идет о боях у Чернигова и в черниговской земле, рассказывается только о «хитростях» и лживых посольствах Михаила к Даниилу (Татишев, 1995. С. 229–230). Надо полагать, что Михаил не сам ссылаясь с галицким князем в обход киевского, но имел для этих переговоров посредника в лице отмеченного летописью Мстислава, который действительно «подписывал» какие-то соглашения с союзниками. Именно тем, что «прелесь» Михаила вскрылась, можно объяснить вторичный подход союзников к Чернигову. Возможно, в какой-то момент участники коалиции стали плохо согласовывать свои действия, что позволило Михаилу исподтишка напасть и разбить полки Даниила. Эти позорные тактические промахи и скрывает Галицко-Волынская летопись, указывая лишь на сепаратные переговоры Даниила. Позднее киевский и галицкий князья продолжают выступать совместно. Они сообщают действуют против половцев, и нет ровным счетом никаких указаний на их недоверие друг к другу. Ср.: Майоров, 2001. С. 563–565.

Чернигову]; и Михаилъ створи въ прелесть на Даниле и много ви галицанъ и вѣщисла, Данила же едва ѹиде; а Володимиръ пришедши опять, седе въ Києве»¹. О «лютом» бое под стенами Чернигова на завершающей стадии похода говорится и в Галицко-Волынской летописи. Однако в ней результатом боев выступает мирный договор между Владимиром и Даниилом, с одной стороны, и Мстиславом и черниговцами — с другой. Михаил среди участников событий в такой интерпретации не значится. Вероятно, с помощью хитрости и лживых переговоров черниговскому князю удалось либо расколоть коалицию князей, либо развести во времени маршруты движения союзных войск и напасть отдельно на Даниила. Как бы то ни было, но истрепанные в боях галицко-волыньские и киевские полки вынуждены были отступить². Причем, как оказалось, на этом военные действия для них не прекратились. На подходе к Киеву выяснилось, что в окрестностях города объявились половцы, приведенные союзным Михаилову князем Изяславом Мстиславичем. В утомленных войсках Даниила начались волнения, галицкие ополченцы отказались принимать участие в новых боевых действиях, и князь, похоже, поначалу с пониманием отнесся к их мнению: «Даниль бо и вои его бе иструдилася, поплениль бо бе все Черниговьскыя страны, воевалъ бо бе от Крещения до Вознесения»³. Согласно Галицко-Волынской летописи, Даниил «бо бе изнемоглься» и «хотяше изиити домови лесною строною», то есть отступить в свои земли

¹ НПЛ, 73–74, 284. Аналогично: ПСРЛ, XV, 363.

² Совершенно ясно, что желанного результата — мира с Михаилом Всеволодовичем Черниговским — поход не принес. При этом следует признать неуместным обвинение Галицко-Волынской летописи в искажении событий (Майоров, 2001. С. 562). Нет никаких сомнений, что летопись излагала княжескую версию событий, тенденциозную версию, в которой некоторые факты могли замалчиваться и запутываться (Котляр, 1997. С. 103). Однако мы не имеем возможности утверждать, что она «грубо искажала события». На прямую фальсификацию событий при жизни того поколения, которое в них участвовало, летописец был не способен. С другой стороны, летописная информация нередко интерпретировалась неверно. Так, М. С. Грушевский считал, что Даниил и Владимир одержали решительную победу под Черниговом, захватили город и посадили там на княжение своего союзника Мстислава Глебовича (Грушевский, 1991. С. 247). Оснований для подобных заключений в летописи нет никаких. Победы одержано не было, но не было и решительного поражения. В противном случае ни о каком походе на половцев, который вскоре последовал, не могло быть и речи. Ср.: Dimnik, 1981. P. 73; Феннел, 1989. С. 114; Майоров, 2001. С. 565–566.

³ ПСРЛ, II, 773.

по лесным тропам, где можно было избежать столкновения с кочевниками. Владимир Рюрикович и волынский воевода Мирослав потратили немало сил для того, чтобы переубедить князя и организовать новый поход: «Не подобить изиити труднымъ во емь противу целымъ», возражал он¹. Угроза того, что половецкие нападения могут распространиться и на собственные владения Романовичей (перемещение половцев было зафиксировано у Звенигорода), заставила Даниила в итоге согласиться с уговорами и повернуть свои полки в степь.

Основные силы противника союзники встретили у Торческа, и, как говорит летопись, «бысь сеча люта»². Войска Владимира и Даниила были смяты и рассеяны превосходящими силами половцев. Это был действительно полный разгром со значительными людскими потерями³. Причем оказалось, что Даниил не зря сомневался в надежности руководителей галицких полков. Как указывает Галицко-Волынская летопись, именно совет «безбожьнаго Григоря Василевича и Молибоговичевъ» (галицких бояр) позволил половцам захватить в плен около Торческа Владимира Рюриковича Киевского и волынского воеводу Мирослава⁴.

¹ А. В. Майоров считает, что наибольшие потери понесли галицкие полки, чем объясняется и то, что сторонником продолжения борьбы и похода на половцев выступает волынский воевода Мирослав, подразделения которого пострадали мало (Майоров, 2001. С. 566–567). О потерях во время черниговского похода можно рассуждать, исходя лишь из краткого и обобщенного сообщения НПЛ о том, что после того, как Михаил «створил прелесть» на Данииле, он «много би галичан и бецисла, Данило же едва уиде» (НПЛ, 73–74, 284). «Галичанами» в этом сообщении, судя по контексту, названы собственно все войска Даниила, отчего говорить о значительном уроне именно в галицком ополчении не приходится. С другой стороны, потери несомненно были, причем у галичан они накладывались на сохранявшуюся в их среде неприязнь к Даниилу и недавние попытки сепаратных переговоров с Михаилом. То есть галицкий князь должен был чувствовать, что боевой дух основной части его войск (галичан) и был-то невысок, а сейчас совсем подорван. Сомнения в том, насколько можно полагаться на такую армию, и обусловили длительные раздумья князя по поводу нового похода на половцев.

² ПСРЛ, II, 773–774.

³ Котляр, 1997. С. 104.

⁴ ПСРЛ, II, 774; Котляр, 1997. С. 104. Мы считаем, что в сражении у Торческа вместе с галицкими и волынскими полками принимали участие и киевляне. Их разгром позволил Изяславу практически беспрепятственно занять беззащитную столицу Руси. О жестоком штурме и основательном разграблении Киева войсками Изяслава в 1235 г., как это нарисовано воспаленным воображением Л. Н. Гумилева (Гумилев, 1992. С. 504), источники ничего не говорят. Только у Н. М. Карамзина сказано о том, что после занятия («взяша») Киева князья Михаил и Изяслав «много зла створиша Кыяном» (Карамзин, 1991. С. 635, прим. 347).

Даниил, осознав, что сражение проиграно, бежал в Галич¹. Здесь его ожидали брат Василько «с полкомъ» и новые провокации галицких бояр. Последние прислали ложное донесение о том, что окрыленные победой половцы двигаются к Владимиру Волынскому. Даниил немедленно отослал брата с войсками для предупреждения кочевников, «стерези Володимера»². В результате князь остался во враждебном городе практически в одиночестве, без какой-либо серьезной военной силы под рукой и во враждебном окружении. Вскоре после отхода Василька «с полкомъ» бояре просто предложили Даниилу покинуть Галич, и князь предпочел не искушать судьбу («не погуби себе»). Он покинул недружелюбный город и отправился искать поддержку в Венгрии, где после смерти короля-крестоносца Андрея II можно было ожидать смены внешнеполитического курса.

Таким образом, к лету 1235 г. оба союзника, галицкий и киевский князья, утратили свои столы. Пленный половцами Владимир Рюрикович был увезен в степь, где кочевники ожидали за него выкуп. Изяслав Мстиславич «Смоленский», сын Мстислава Романовича Старого, сел в Киеве³. А в Галич после ухода Даниила,

¹ А. В. Майоров считает, что Даниил «позорно» бежал, «несмотря на продолжающиеся боевые действия», чем спровоцировал заговор и предательство галицких бояр (Майоров, 2001. С. 567–568). Не совсем понятно, на чем основывал подобные заключения исследователь. В летописи просто перечисляются судьбы князей во время сражения: «Даниль же... Володимеру же...» (ПСРЛ, II, 773–774). Судя по летописному известию, пленение Владимира с Мирославом непосредственно следует за бегством Даниила и объясняется «светомъ» бояр. О том, что сражение продолжалось после бегства галицкого князя, не сообщается. Боярский заговор также, судя по всему, сложился ранее. Это можно заключить из того, что после поражения под Торческом Галич отказался признавать своим хозяином Даниила и пригласил к себе все того же черниговского князя Михаила, который смущал галичан во время похода на Чернигов. Заговор вызревал долго, и пленение киевского князя вместе с другими боярами Даниила — только один из его частных результатов. Также совершенно неуместно говорить о «позорном» бегстве: поле битвы после поражения принято покидать, причем преимущественно быстро.

² ПСРЛ, II, 774.

³ НПЛ, 74, 284; ПСРЛ, I, 513; IV, 214; VI, 287; VII, 236; X, 104; XV, 364; XXV, 126. Дж. Феннел считает Изяслава сыном Владимира Игоревича, который был троюродным братом Всеволода Святославича Черного, отца Михаила Черниговского. Это позволяет историку сделать заключение, что Михаил «посадил» в Киеве своего дальнего родственника, Ольговича (Феннел, 1989. С. 114). Однако, если вслед за летописью считать Изяслава Мстиславичем, то есть родственником Ростиславичей, ситуация оказывается существенно иной. Скорее всего, о какой-либо его зависимости от Михаила говорить не следует. В Галицко-Волынской летописи нет указаний на то, что после боев под Черниговом Михаил последовал к Киеву. Наоборот, об Изяславе говорится, что он «одинако не престааше», то есть один не перестал вое-

горожане пригласили Михаила Черниговского¹, который превратился теперь в самого влиятельного государя Юга Руси, возродившего под своей рукой старый галицко-черниговский союз. Очевидно, галичане были более заинтересованы в союзе с восточными соседями, чем с северными. Причин этому, вероятно, несколько. Во-первых — военные поражения Даниила, оказавшегося неспособным силой удержать свою власть. Во-вторых — явный приоритет коммерческих связей Галича по линии восток-запад, нежели север-юг. Горизонтальные (широтные) торговые пути, на которых развился и усилился этот город, оставались наиболее предпочтительными в период всего Средневековья. Союзнические отношения с властителями на пуи Чернигов — Киев — Галич — Венгрия (или Малая Польша) представлялись в это время более выгодными, чем альянс с северной Волынью, которая могла добавить к этому маршруту лишь бедную Мазовию и Литву.

вать (ПСРЛ, II, 772). Кстати, в Галицко-Волынской летописи не говорится об участии на стороне половцев в битве у Торческа кого-либо из русских князей. Их присутствие можно заключить только из сообщения НПЛ (и В. Н. Татищева, и Н. М. Карамзина): «приде Изяславъ с погаными Половци в силе тяжце и Михаило с черниговци подъ Киевъ, и взяша Киевъ, а Володимира и княгню его имше Половци, поведоша в землю свою и много зла створиша кыяномъ» (НПЛ, 74, 284. Ср.: Татищев, 1995. С. 230; Карамзин, 1991. С. 635, прим. 347). Полагаем, что битва у Торческа и взятие Киева — события явно разновременные, отчего можно предположить, что Михаил в первом сражении, скорее всего, не участвовал, а был приглашен Изяславом лишь для содействия в осаде Киева (Карамзин, 1991. С. 504). Причем половцы в этих событиях выступают также самостоятельным союзником, который, во-первых, принимает на себя все тяготы военных столкновений, а во-вторых, преследует свои цели — грабеж киевских земель и выкуп за Владимира Рюриковича, который оказывается пленником не Изяслава или Михаила, а именно половцев. Надо полагать, что Изяслав Мстиславич не располагал сколько-либо значительными своими воинскими подразделениями, отчего его контроль над Киевом должен был зависеть от сторонней поддержки: Михаила, половцев или кого-то другого. В качестве курьеза следует также отметить, что даже М. Димник, ученик и соратник Дж. Феннела, считает, демонстрируя действительно византийскую изворотливость, что в Киеве сел именно Изяслав Мстиславич (то есть Ростиславич), но привел половцев и участвовал в сражении у Торческа Изяслав Владимирович (то есть Ольгович) (Dimnik, 1981. P. 74–76).

¹ НПЛ, 74, 284; Татищев, 1995. С. 230; Грушевський, 1900. С. 149; Рапов, 1977. С. 124; Котляр, 1997. С. 104; Майоров, 2001. С. 572. Без каких-либо объяснений Дж. Феннел утверждает, что после ухода Даниила Галич заняли поляки, которых и изгнал Михаил (Феннел, 1989. С. 114). В источниках не содержится на этот счет никаких указаний. Столь же неожиданной выглядит и конструкция В.Т. Пашуто, который считает, что Михаил выгнал вернувшегося из плена Владимира Рюриковича из Киева, а уже потом, оставив в Киеве Изяслава, отправился в Галич (Пашуто, 1950. С. 216). Полагаем, что такая раскладка событий изрядно их запутывает и растягивает, при этом она не находит серьезной опоры в источниках.

Вступать под власть волынского князя Галич соглашался только под давлением военной силы, а также при условии обеспечения торговых путей на запад и восток (союз с Киевом, мир с Черниговом и Венгрией). Отсутствие одного из этих компонентов приводило к сопротивлению, недовольству и «крамолам» галичан, стремившихся к наиболее благоприятным торговым условиям.

После разгрома своих основных войск и утраты главного союзника (Владимира Рюриковича) Даниил оказался перед выбором: либо отказываться от покорения своей «отчины», либо активизировать поиски сторонней помощи. В поисках последней он направился в Венгрию, а своего брата, после того как выяснилось, что никаких половцев на Волыни нет, попросил съездить в Польшу. Предполагалось, что переговоры с венгерским королем должны как минимум предотвратить содействие противникам Романовичей с этой стороны, а как максимум — обеспечить военную поддержку. В этом году (21 сентября 1235) в Венгрии умер король Андрей II (*II. András*), и в октябре на престол должен был вступить давний противник Даниила Бела IV¹. Волынский князь приложил много усилий для того, чтобы склонить нового короля на свою сторону. Он даже участвовал в коронационной процессии Белы, в роли и на месте его вассала². Но и выражение предельной покорности не помогло Даниилу составить с венграми альянс против Чернигова. Новый король, который, по сообщению В. Н. Татищева, еще в 1233 г. отрекся от претензий на Галич³, только подтвер-

¹ Włodarski, 1966. S. 108; МТК, 1981. P. 46; Dimnik, 1981. P. 97.

² Карамзин, 1991. С. 505; SRH, 1937. P. 467; Грушевський, 1900. С. 149; Крип'якевич, 1984. С. 95, прим. 14; Майоров, 2001. С. 585–588. Ср.: Зубрицкий, 1855. С. 125; Дашкевич, 1873. С. 48, прим. 2; Włodarski, 1966. S. 108; Dimnik, 1981. P. 100.

³ Статья 1233 г. у В.Н. Татищева начинается так: «Данил Романович, имея о Галич с королем венгерским войну тяжкую и победа венгров в горах, учинил с ним мир. Отрекся король по грамоте Мстиславлей Галича» (Татишев, 1995. С. 228). О походе Белы на Галич («во горы Угорьские») в Галицко-Волынской летописи сообщается под 6737 (1229) г., причем события эти, как отмечалось выше, должны относиться уже к 1230 г. О других походах Белы против Даниила нам не известно. С другой стороны, после поражения под Шумском королевич Андрей «вывел» на Даниила венгерского воеводу «Дьяниша», что можно трактовать как поддержку государственной властью Венгрии войны против Даниила, то есть мира с Белой (соправителем короля Эндре II) в это время еще не было. Соответственно, о войне с Белой «в горах» следует говорить в период, когда Даниил осаждал Андрея в Галиче, то есть в 1233 или 1234 г., как это и обозначено у В. Н. Татищева. Именно мир с Венгрией (и отказ с ее стороны от претензий на Галич) обеспечил Даниилу спокойствие в период дальних походов на Чернигов и против половцев в 1235 г.

дил мирные отношения с Даниилом, но ввязываться в войну с Михаилом Всеволодовичем, союзным ему Изяславом и половцами отказался.

Зыбкий нейтралитет не устраивал волынского князя и подвигнул его на поиски средств по предупреждению возможного венгерского вмешательства в русские дела. Еще находясь в Венгрии, Даниил сумел завязать дружеские контакты с австрийским герцогом Фридрихом II Бабенбергом, враждовавшим как с Западной империей, так и с Венгрией¹. С дипломатической точки зрения это был очевидный успех. Позднее именно этот альянс позволил князю сохранять уверенную позицию на переговорах с Белой IV и даже оказывать на него давление. Примечательно, что есть указания на то, что в 1235 г. и Михаил Черниговский вел активную дипломатическую деятельность в поисках новых союзников. Так, В. Т. Пашуто указывает на переписку императора Фридриха II, который отмечал, что посольство к нему от «князя Руси» (*duxem Rossiae*) было перехвачено и ограблено австрийским герцогом, союзником Даниила Волынского². Современные исследователи считают, что это посольство было направлено к императору от черниговского князя³, который, в условиях нейтралитета Венгрии, был вынужден искать содействия вдалеке от своих границ.

Обеспечив дипломатическое прикрытие с Запада, но не обретя новых воинских контингентов, Даниил вернулся на Волынь, где его ожидал брат, миссия которого в Польшу имела совершенно противоположный результат. Василько привел с собой отряд каких-то «ляхов», но кого они представляли, остается неясным. Считавшийся основным союзником Романовичей в Польше Конрад Мазовецкий помощи им не оказал⁴. Более того, уже в следующем году этот князь оказался в союзе с Михаилом Черниговским и даже начал военные действия против Волыни. Возможно, Василько привел дружину наемников, независимых от Конрада или представлявших кого-то из других польских князей, враждебных

¹ Грушевський, 1900. С. 150; Пашуто, 1968. С. 257.

² Пашуто, 1968. С. 257.

³ Назаренко, 2000. С. 397; Майоров, 2001. С. 596.

⁴ Włodarski, 1966. S. 108–109. Союз Конрада (ум. в 1247 г.) с Романовичами оформился примерно в 1229 г., когда волыньские князья помогли ему в борьбе за Краков. Этот альянс на протяжении жизни его участников прерывался лишь однажды (в 1236–1237 гг.) и на короткий срок (не более года).

Конраду¹. В любом случае дипломатического успеха посольством достигнуто не было, а привлеченные военные силы оказались незначительными.

В конце 1235 г. Даниил и Василько, стремясь не упустить время и воспользоваться скудной польской помощью, предпринимают беспомощный поход на Галич. **«И вонваша, не дошедше Галича, воротися домовъ»**, — печально заключает Галицко-Волынский летописец². Можно сказать, что с этим походом для Романовичей завершился период активных наступательных действий по обретению-удержанию Галича, с потерей которого приходилось смириться. Начиная со следующего года волынские князья вступают в период оборонительных столкновений и упреждающих боев. Уже весной 1236 г. Михаил Черниговский вместе с новыми подданными (галичанами) совершает поход на Волынь. Мероприятие носило демонстрационный характер и далее Каменца галицкие войска с союзными Болоховскими князьями не пошли.

В эти годы обе конфликтующие стороны подошли к порогу истощения своих военных ресурсов. Теперь успех зависел прежде всего от количества и верности привлеченных иноземных войск, далеких союзников и внутренней сплоченности (обороноспособности) земли-княжения. Даниил опасался сам выступить против галичан, которые **«повоеваша по Хоморѹ и пондоша ко Каменцю, вземши полонѹ великѹ, пондоша [домой]»**³. Князь послал за помощью к Владимиру Рюриковичу, который, выкупившись из половецкого плена зимой 1235–1236 гг., уже изгнал из Киева

¹ Вполне возможно, что отряд был предоставлен Васильку вроцлавским и краковским князем Генрихом Бородатым, чей мир с сандомирским князем Болеславом Стыдливым в 1234 г. прекратил длительную междоусобную войну, бушевавшую в Польше после смерти краковского князя Лешка Белого (ум. осенью 1227 г.). Мазовецкий и куявский князь Конрад, младший брат Лешка, принимал в этой войне активное участие, причем в стане противников Генриха (Wlodarski, 1971. S. 28–29, 48–50). Очевидно, что вроцлавский князь был заинтересован в создании конфликтной ситуации на восточной границе Мазовии (то есть между Конрадом и Романовичами) для того, чтобы отвлечь внимание неумного претендента на краковский стол. Кроме как провокационными действиями Генриха Бородатого, а также Михаила Черниговского, сложно объяснить неожиданный разрыв между Конрадом Мазовецким и Даниилом Романовичем, вылившийся в военные столкновения в 1236 г. Ср.: Wlodarski, 1966. S. 110–111. Б. Влодарский считает, что Василько привел воинов, предоставленных Болеславом Стыдливым (Wlodarski, 1936. S. 21), но это предположение сложно расположить в контексте позднейших отношений Романовичей с польскими князьями.

² ПСРЛ, II, 774.

³ ПСРЛ, II, 774.

Изяслава Мстиславича¹. Владимир неожиданно отозвался и направил в помощь Даниилу торков, верных союзников киевских князей, к которым был присоединен полк «Данила Нажировича» (киевского, вероятно, воеводы)². Эти войска нагнали отходивших от Каменца галичан, разгромили их («и побежени быша невернии Галичане»), а полон, который включал всех Болоховских князей («вси князи Болоховьсци»), привели к Даниилу во Владимир Волынский³.

Неожиданное возвращение Владимира Рюриковича к военным действиям должно было взволновать черниговского князя, для

¹ Грушевський, 1991. С. 286; Dimnik, 1979 (2). Р. 29–40; Майоров, 2001. С. 590, 592. В большинстве летописей изложение построено таким образом, что создается впечатление, что вслед за Изяславом киевский стол сразу захватил Ярослав Всеволодович. Такую же конструкцию, но в «перевернутом» виде, представлял и В. Н. Татишев, согласно которому Владимир Рюрикович, выкупившись из плена, вернулся «в Русь», а затем уже Ярослав передал Киев Изяславу в 1235 г. (Татишев, 1995. С. 230. Ср.: ПСРЛ, IV, 214). При такой раскладке событий остается необъясненным влияние Владимира на торков, выступавших неизменными союзниками именно киевских князей, а также беспомощность Изяслава в отношениях с половцами, которые почему-то отказывают ему в поддержке. Полагаем, что правильнее будет предположить, что из половецкого плена Владимир в начале 1236 г. вернулся в Киев, откуда вынужден был уйти Изяслав, направившийся к своему союзнику в Галич. У В. Н. Татишева содержится также неожиданное сообщение под 1236 г. о том, что «апреля 10-го Изяслав Мстиславич сел в Киеве на престоле отца своего и послал к великому князю Юрию во Владимир, прося его любви и дружбе, також и к другим князем» (Татишев, 1995. С. 230). Само известие разывает изложения В. Н. Татишева, у которого под 1235 г. уже сообщалось о вокняжении Изяслава. Причем ни в 1235, ни в 1236 г. 10 апреля он прийти в Киев не мог. В первом случае (1235 г.) у нас есть указания на участие в это время Владимира Рюриковича в походе на Чернигов, после чего он возвращается в Киев, а во втором случае (1236 г.) — это время похода галичан на Каменец, когда Даниилу внезапно помогают торки, в чем следует усматривать руку киевского князя. Апрель 1236 г. невозможен также и потому, что в этом месяце поздноато было Изяславу утверждаться в Киеве, обладателем которого он должен был стать сразу после битвы у Торческа летом 1235 г. Скорее всего, в сообщении В. Н. Татишева речь идет о возвращении в Киев Владимира Рюриковича (10 апреля 1236 г.), который также сажился на стол отца своего и вполне мог искать содействия в Северо-Восточной Руси.

² Пашуто, 1968. С. 112. А.В. Майоров считает, что воевода Даниил Нажирович возглавлял отряд торков (Майоров, 2001. С. 602). Однако в летописи говорится, что Владимир Рюрикович послал «Торцькы и Данила Нажировича», то есть отмечены две составные части военной помощи, отправленной Даниилу. Кстати, А. В. Майоров при такой трактовке противоречит самому себе. Чуть выше в той же работе исследователь отмечал, что именем воеводы в подобном контексте неизменно отмечался целый полк, уточнять происхождение которого не требовалось (Майоров, 2001. С. 538). Полагаем, что в данном случае речь должна идти об ополчении из Киева, который только что занял Владимир Рюрикович, вернувшийся из половецкого плена.

³ ПСРЛ, II, 775.

Уже летом 1236 г. Михаил с бежавшим к нему Изяславом Мстиславичем подготовили новый поход на Волынь, в котором, наряду с галичанами, должны были участвовать Конрад Мазовецкий и половцы. Формальной причиной нового похода стало требование освободить заточенных во Владимире Волынском Болоховских князей. Согласиться с таким ультиматумом, сохранив лицо и репутацию, Даниил не мог, но и к вооруженному противостоянию он был явно не готов. Значительных воинских контингентов на Волыни не осталось, киевские войска и торки уже отошли домой, а географический размах военных действий ожидался весьма большим (от польской границы до степей киевщины) и предполагал участие массы подвижных воинских подразделений. Князю оставалось только рассчитывать на стойкость своих крепостей и верность гарнизонов, уповая на скорую и внушительную помощь киевского союзника, а также на обыкновенное чудо. Последнее, согласно Галицко-Волынской летописи, волынский князь и упоминал в своих молитвах¹.

И спасло положение действительно чудо, подготовленное, судя по всему, Владимиром Рюриковичем и неожиданное как для Михаила Всеволодовича, так и для Даниила Романовича. В то время, когда черниговский князь уже выступил к волынской границе и ожидал подхода к себе других союзников, пришла весть об измене половцев. Привлекая кочевников, союзники полагались на возможности Изяслава Мстиславича, которого степняки неизменно поддерживали и которому помогали. Однако ситуация переменялась. Владимир Рюрикович, находясь у половцев в качестве пленника, сумел не только обеспечить свое возвращение в Киев, но и каким-то образом склонить кочевников к союзу². Примечательно, что даже Изяслав не подозревал о подобном повороте событий, чем немало подвел всю польско-галицко-черниговскую коалицию: «Половци же придоша в землю Галичкюю не восхотеша ити на Данила, вземшю всю землю Галичскую, возвратишася»³. Дей-

¹ ПСРЛ, II, 775.

² Исследователи считают, что половцев «перекупили волынские князья» (Грушевский, 1900. С. 150; Пашуто, 1950. С. 216; Котляр, 1997. С. 105; Майоров, 2001. С. 593), хотя более удобно это было сделать Владимиру Рюриковичу (Грушевский, 1991. С. 285–286).

³ ПСРЛ, II, 775.

ствия степняков произвели эффект разорвавшейся бомбы. Те силы, которые Михаил считал своим решающим аргументом против Даниила, внезапно повернулись против него самого. Все галицкие войска немедленно вернулись в свою столицу и заперлись в ней. Конрад Мазовецкий, брошенный один на один с Романовичами, был повергнут в шок осознанием того, какую внешнеполитическую ошибку он совершил, ввязавшись в союз с Черниговом–Галичем. Из всех союзников поляки единственные, кто в эту кампанию уже успели повоевать волынские земли (около Червена). Получив известие о предательстве половцев, Михаила, галичан и Изяслава, Конрад не просто стал отходить к границам Мазовии, но, сняв свой лагерь около Холма («*где ныне градъ Холмъ стоитъ*») ночью, побежал («*побеже до Ляховъ чересь ночь*»), причем, отступая, умудрился потопить часть своего войска при переправе через реку Вепрь («*и тонился бяшетъ от вои его во Вепрю множество*»)¹. Летопись не сообщает, предпринял ли Даниил или кто-либо другой из волынской администрации какие-нибудь действия для выдворения мазовецкой армии.

События этого похода заставили его участников решительно пересмотреть свои политические ориентиры. Для Изяслава Мстиславича это была политическая смерть: дискредитированный, он перестал быть фигурантом общественной жизни Руси. После этих событий он совершенно исчезает со страниц русских летописей².

Для Конрада союз с Михаилом был крупной и неоправданной ошибкой, первый и последний раз он открыто выступил против Даниила³. Последующие несколько лет мазовецкий князь потратил на то, чтобы найти какое-либо достойное разрешение создавшейся ситуации без ущерба для себя. Мира с Даниилом он еще не заключил, но военных действий более не вел.

¹ ПСРЛ, II, 775.

² В. Н. Татищев отмечает, что, покидая Киев в 1238 г., Ярослав Всеволодович оставил город Изяславу Мстиславичу, а Владимиру Рюриковичу передал некий «окуп» и Смоленск (Татищев, 1995 (2). С. 230). Вероятно, такое известие демонстрирует некие поздние представления о «княжеской чехарде» в Киеве накануне монгольского нашествия. Нет никаких оснований считать, что после измены половцев кто-то рассматривал Изяслава как надежного партнера. Ярослав рассматривал его в качестве потенциального союзника Михаила, своего давнего соперника, которому уступить Киев без боя было нелепо.

³ См.: Włodarski, 1966. S. 107, 110–111; Dimnik, 1981. P. 102; Крип'якевич, 1984. С. 99.

Несмотря на тактический успех, Романовичи оказываются неспособными в одиночку захватить Галич, к которому Михаил успел подтянуть срочно вызванных венгерских наемников. Поход волынских князей на Галич весной 1237 г. оказался безуспешным: «возвративъшися, воеваста около Звенигорода»¹. Следует признать, что результатом этого этапа волынско-черниговского противостояния было положение, близкое к пату. Ни та ни другая стороны не обладали решительным перевесом в силах и не способны были на активные наступательные операции. Основным средством воздействия стала дипломатия. И в таких условиях Даниилу удалось переиграть галицко-черниговского соперника. Романовичи совместно, вероятно, с Владимиром Рюриковичем придумали совершенно неожиданный ход, нехарактерный для междоусобной войны. Они предложили новгородскому (и переяславль-залесскому) князю Ярославу Всеволодовичу занять киевский стол, до сих пор сохранявший в сознании Рюриковичей (особенно — северо-восточных) статус «старейшего»². Таким образом в столкновения на юге Руси втягивалась самая могущественная княжеская династия Юрьевичей, то есть Всеволодовичей, а это могло существенным образом подорвать позиции Михаила Черниговского.

* * *

Северо-Восточная Русь, как отмечалось выше, практически избежала каких-либо междоусобных столкновений за последние 10–20 лет. Единственным возмутителем спокойствия оставался Ярослав Всеволодович, который, однако, большей частью выплескивал свою энергию за пределами отчинных владений. Единст-

¹ В Галицко-Волынской летописи этот поход сориентирован во времени следующим образом: «лету же наставшу» (ПСРЛ, II, 776). Считается, что эти события должны относиться к лету как времени года. Но последующие сообщения датированы «весне же бывши» и месяцем мартом. Н. Ф. Котляр объясняет это тем, что события были перепутаны сводчиком конца XIII или начала XIV в. (Котляр, 1997. С. 106). Однако «летом» обозначался и собственно весь год, начинавшийся 1 марта. Следовательно, есть возможность предположить, что в летописи речь идет именно о начале марта 1237 г., когда и состоялся поход Романовичей на Галич («лету же наставшу, собравъшася, идоста на Галич на Михаила»).

² Горский, 1996. С. 25.

венный случай внутреннего конфликта относится к 1229 г., когда Ярослав «отлучи» от Юрия Константиновичей и поднял на брата смуту, но вскоре примирился¹. Исследователи видят причину конфликта в поддержке великим князем Михаила Всеволодовича, захватившего в этом году новгородский стол, принадлежавший прежде Ярославу². Дело в том, что Юрий, женатый на сестре черниговского князя³, и прежде выступал в роли союзника Михаила, а в 1225 г. сам посадил его в Новгород⁴. Он неизменно укреплял и родственные связи с Ольговичами, с которыми при его содействии породнились все три сына Константина Всеволодовича (в 1216, 1227 и 1228 гг.)⁵. Как отмечал Дж. Феннел, нам не известно ни одного случая конфликта между Юрием Суздальским и Михаилом Черниговским⁶. Ради справедливости можно отметить, что Юрий вообще имел миролюбивый характер и редко доводил дело до открытого конфликта, но в таких конфликтах неизменно побеждал, отчего даже молчаливая поддержка с его стороны была ценной и важной. Жесткость Юрия проявлялась, прежде всего, во внешних операциях против иноплеменников, по преимуществу на востоке (болгары, мордва). С другими ветвями династии Рюриковичей он поддерживал ровные отношения.

Ярослав был человеком иного склада. В наследство от отца он получил небольшое, но густонаселенное княжество со столицей в Переяславле Залесском⁷. Этот город возник только в 1150-х гг. и именно в начале XIII в. вступил в период политической самостоятельности и экономической зрелости. Основные коммерческие интересы его жителей располагались по линии отношений севе-

¹ ПСРЛ, I, 451–452.

² НПЛ, 68, 274. См.: Рапов, 1977. С. 124; Феннел, 1989. С. 112; Горский, 1996. С. 11, прим. 62.

³ ПСРЛ, I, 435; Горский, 1996. С. 11.

⁴ НПЛ, 64, 268; ПСРЛ, I, 435, 448. Напомним, что даже в 1232 г. Юрий пытался предотвратить карательную экспедицию Ярослава в черниговские земли (ПСРЛ, I, 459).

⁵ ПСРЛ, I, 438, 450; XXV, 122.

⁶ Феннел, 1989. С. 109.

⁷ Князем Переяславля Залесского Ярослав стал еще при жизни отца после того, как был изгнан из Переяславля Южного Всеволодом Чермным в 1206 г. (ПСРЛ, I, 427–428, 432; Рапов, 1977. С. 170). Кстати, после изгнания Ярослава Всеволод посадил на стол Переяславля Южного своего сына Михаила, будущего черниговского князя. Возможно, уже тогда у молодых князей (Ярославу было 16, а Михаилу — 26 лет) зародилась взаимная неприязнь.

ро-восточных русских земель с Новгородом и отчасти Смоленском. Скорее всего, именно это и предопределило направление внешней политики Ярослава, который руководствовался не только личными амбициями, но и практической выгодой своей вотчины. Переяславцев, видимо, политика их князя устраивала, и они неизменно оказывали ему военную и любую иную поддержку.

Три раза новгородцы приглашали Ярослава к себе на княжение, и каждый раз ему не удавалось продержаться там более одного-двух лет. В 1230 г. его пригласили в четвертый раз, и на этот раз оказалось, что навсегда. Перед ним на княжении здесь был Михаил Черниговский, чье правление не принесло счастья новгородцам. Весь период его управления в городе свирепствовали голод и дороговизна, побежденные лишь с открытием навигации в 1231 г.¹, то есть в первый год правления Ярослава.

Удачное стечение обстоятельств содействовали Ярославу и позднее. Так, он убедил новгородцев в необходимости их участия в карательном походе против Михаила Черниговского уже летом того же 1231 г. В этом походе принимали участие полки из всех «властей» Ярослава. Результатом его было сожжение Серенска и опустошение северных областей Черниговщины («**истрати обилья много**»)². Открытого столкновения с Михаилом так и не произошло. Вероятно, основные силы князя находились где-то на южных рубежах его владений, так как именно в этом году, как отмечалось выше, готовился поход на Киев, упрежденный Даниилом Романовичем и соответственно Ярославом Всеволодовичем. Нет прямых указаний на то, что в данном случае речь идет о согласованных действиях волынского и новгородского князей, но их тесные родственные связи (оба были женаты на дочерях Мстислава Мстиславича Удалого³) позволяют предположить зарождение союзнических отношений. Причем предметом этого политического альянса была именно борьба с Михаилом Всеволодовичем. После этого похода черниговский князь более не

¹ НПЛ, 276, 277, 279, 280.

² НПЛ, 71, 280. Поход затрагивал города Серенск и Мосальск, расположенные в самой северной части Черниговского княжества (Насонов, 2002. С. 61, 206, 379, 385), на границе со Смоленской и Ростово-Суздальской землями. См.: Феннел, 1989. С. 111. Любопытно, что владимирский князь Юрий Всеволодович пытался предотвратить карательные действия своего брата и поджидал его около Серенска, но потом ушел. Ярослав с Константиновичами начал разорять черниговские земли только после ухода войск Юрия (ПСРЛ, I, 459).

³ Кучкин, 1986. С. 78–80; Горский, 1996. С. 22.

предпринимал попыток утвердиться в Новгороде. В следующем году он отослал укрывавшихся у него новгородских оппозиционеров, которых в Новгороде не приняли и вынудили бежать сначала в Псков, а затем в Чудь (Эстонию)¹. Возможно, это знаменовало временное замирение Михаила с Ярославом. Новгородско-перяславский князь начиная с 1233 г. был плотно вовлечен в противостояние с «немцами» Прибалтики и не проявлял интереса к делам на юге Руси. Лишь новое усиление Михаила после 1235 г. могло взволновать его и породить новые честолюбивые планы.

Под 6744 мартовским (март 1236 — февраль 1237) г. Новгородская первая летопись сообщает: «Поиде князь Ярославъ из Новграда къ Киеву на столъ, понявши съ собою новгородцовъ болшихъ мужъ <...>, а новоторжець 100 мужъ; а в Новеграде посади сына своего Александра; и пришедши, седе в Киеве на столе; и державъ новгородцовъ и новоторжанъ одну неделю и, одаривъ, отпусти прочь; и придоша вси здрави»². Эти события, если сопоставлять их с известиями Галицко-Волынской летописи, относятся уже к началу 1237 г., то есть приблизительно к тому времени, когда Романовичи, подойдя к Галичу, не решились его осадить и отступили. Согласно летописи, Даниил позднее демонстрирует полную отрешенность от угрозы нападения черниговского князя. Он идет на ятвягов, затем на добжинских крестоносцев, а потом вообще начинает собираться в Австрию — помогать своему союзнику герцогу Фридриху. Судя по всему, подобную беспечность волынский князь мог себе позволить только при условии, что не опасался более Михаила, которому был противопоставлен Ярослав, занявший Киев.

Стабилизация на юге была достигнута ценой отказа Владимира Рюриковича от обладания Киевом. Источники не содержат указания на конкретные причины, подвигнувшие князя на такой шаг. Существуют предположения о том, что он в последний момент был вытеснен из города Изяславом Мстиславичем, которого, в свою очередь, изгнал новгородский князь. Однако более вероят-

¹ НПЛ, 72–73, 282–283. Считаю, что объяснять пассивность Михаила в 1231 г. только тем, что «Новгород ему был более не интересен», как это делает М. Димник (Dimnik, 1981. P. 51–52), нельзя. Вероятно, Михаил просто не успел или не мог что-либо противопоставить Ярославу. Окончательно от претензий на Новгород он отказался только в 1232 г., когда изгнал из Чернигова своих новгородских сторонников, то есть фактически «сдал» их Ярославу. Ср.: Феннел, 1989. С. 112.

² НПЛ, 74, 285. Это событие фиксируют и другие летописи, см.: ПСРЛ, IV, 214; VI, 287; VII, 138; XV, 364.

ным представляется направление рассуждений А. А. Горского, согласно которому в это время в Киевской земле утвердилась некая форма дуумвирата, при которой и Владимир, и Ярослав разделили власть над областью: например, Ярослав владел Киевом, а Владимир — другим региональным центром¹.

Как бы то ни было, но дипломатическая комбинация Романовичей удалась. Михаил был решительно отрезан от своей черниговской вотчины, которую, к тому же, согласно сообщению В. Н. Татищева, направлявшийся к Киеву Ярослав разорил и обложил данью: «К Киеву идучи, область Черниговскую, где не было кому оборонять, разорил и, тяжкие окупы с городов взяв, пришел к Киеву»².

Дальнейшими действиями Даниила Михаил был лишен и других своих союзников, источников пополнения войск и перспектив. Той же весной 1237 г.³ Конрад Мазовецкий, опасавшийся прямого столкновения с Волынью, попытался создать буфер на границе с Русью и передал (8 марта 1237 г.) добжиньским рыца-

¹ Горский, 1990. С. 30. Н.М. Карамзин отмечает, что Владимир Рюрикович умер, видимо, в Смоленске (Карамзин, 1991. С. 506).

² Татищев, 1995. С. 230.

³ Горский, 1990. С. 27. Нет никаких оснований относить эти события к весне 1238 г., как это делают некоторые исследователи (Włodarski, 1936. S. 25; Котляр, 1997. С. 106; Майоров, 2001. С. 597). В летописи последовательность произошедшего представлена так: «лету же наставшу» (самое начало марта 1237 г.) пошли Романовичи на Галич, но отступили, повоевав Звенигород, и «тое же осени умиристася» (осень 1237 г.), что отсылает к более позднему сообщению о мире с Михаилом в обмен на Перемышль; затем, «весне же бывши» (март 1237 г.) Романовичи шли на ятвягов, но, отклонившись, захватили Дорогичин («приста градъ месяца марта», то есть в марте же 1237 г.); а потом, «в томъ же лете» (1237 г.) пошел Даниил к Галичу на мир и получил от Михаила Перемышль; и «по том же лете» (в следующем году) «возведе» Даниила на Конрада Мазовецкого литву и новгородского князя Изяслава (ПСРЛ, II, 776). С одной стороны, исследователи уверены, что поход литвы и Изяслава на Польшу состоялся весной 1238 г., а с другой стороны считают, что и взятие Дорогичина состоялось тогда же в 1238 г. (Пашуто, 1950. С. 216–217; Котляр, 1997. С. 106–107; Włodarski, 1966. S. 113; Lowmianski, 1973. S. 276; Майоров, 2001. С. 598). Это совершенно противоречит изложению Галицко-Волынской летописи, где поход литвы и Изяслава отмечен произошедшим через год («по том же лете») и ему предшествуют мирные переговоры Даниила и Михаила, которые, скорее всего, могли состояться именно после похода на добжиньских крестоносцев, поддерживаемых Мазовией. Н.Ф. Котляр считает, что вся эта часть летописного текста представляет из себя перемешанные между собой куски сообщений и вставки. Такой подход позволяет исследователям раскладывать эту мозаику, исходя из собственных пожеланий и фантазии. Полагаем, что в данном случае подобный волюнтаризм разрушает источник, который того не заслуживает.

рям-крестоносцам русский город Дорогичин на Западном Буге¹. Даниил, направившийся в это время в поход на ятвягов, но оставленный весенней распутицей и половодьем, узнал о провокации польского князя и повернул войска на Дорогичин: «не лепо есть держати наше отчины крижевникомъ Тепlichemъ, рекомымъ Соломоничемъ»². Волынский князь штурмом взял город и захватил в плен орденского магистра Бруно с другими рыцарями, которых направили в заточение во Владимир Волынский. Конрад Мазовецкий, понесший уже второе поражение от Даниила, так и не вступив с ним в бой, был деморализован и более не проявлял своей враждебности. Для того чтобы добить противника, в начале 1238 г. Даниил подговорил литовского князя Миндовга и новгородского князя Изяслава совершить поход в Мазовию³. Этот натиск окончательно склонил Польшу к мирным и союзническим отношениям с Волынью и Романовичами⁴.

Чтобы предупредить возможную поддержку Михаила со стороны Венгрии, Даниил использовал свой основной козырь — дружес-

¹ Грушевський, 1900. С. 151; Пашуто, 1968. С. 258, 351; Майоров, 2001. С. 598. Орден добжинских (добрыньских — по названию замка, переданного им во владение) рыцарей для борьбы с пруссами (*fratres militiae Christi contra Prutenos in Masovia* или *in Dobrin*) был основан Конрадом Мазовецким в 1228 г. и утвержден папской буллой от 28 октября 1228 г. (Чешихин, 1884. С. 266; Włodarski, 1971. S. 30–32; Lowmianski, 1973. S. 262–263). Позднее (в 1235 г.) значительная часть братьев влилась в Тевтонский орден, а другие после бесславного разгрома и плена под Дорогичиномо осели в Мекленбурге (Чешихин, 1884. С. 285; Lowmianski, 1973. S. 276).

² ПСРЛ, II, 776. На то, что это сообщение относится к захвату Дорогичина (название города в летописи не отмечено), указывал еще Н.П. Дашкевич. Судя по всему, город был отторгнут от Волыни краковским князем Лешком Белым при малолетстве Даниила в начале XIII в., а после смерти Лешка в 1227 г. перешел к его брату Конраду (Дашкевич, 1873. С. 14). Теперь Дорогичин возвращался в русское подданство.

³ ПСРЛ, II, 776; Грушевський, 1900. С. 151. Некоторые исследователи считают, что под именем «Изяслава Новгородского» должен скрываться все тот же новгород-северский князь Изяслав Владимирович, который приводил половцев к Торчку, княжил в Киеве и которого мы отождествили с Изяславом Мстиславичем (Котляр, 1997. С. 107; Майоров, 2001. С. 544, 599). Каких-либо серьезных подтверждений этому мы не находим. Непонятно также, какие интересы мог преследовать князь из Новгорода-Северского (Черниговская земля) при совместном(!) с литовцами (!) походе на Польшу. Скорее всего, в сообщении Галицко-Волынской летописи речь идет о князе из Новогрудка (Полоцкая земля), власть над которым должны были сохранить младшие представители древней полоцкой династии Брючиславичей (Пашуто, 1950. С. 217, 318). Новогрудок находился на границе с Литвой и вскоре подпал под власть литовских князей; участие местного князя в походе на Польшу — более чем уместно и логично.

⁴ Пашуто, 1950. С. 217; Пашуто, 1968. С. 258; Котляр, 1997. С. 107.

ские отношения с австрийским герцогом. В начале 1237 г. (с февраля) император Фридрих II организовал большой поход против беспокойной Австрии. Волынские князья немедленно вызвались предоставить военную помощь своему дальнему союзнику. Только вмешательство венгерского короля Белы IV заставило их прекратить приготовления к походу («королеви же возбранившү»)¹. Отказ от вмешательства в австрийские дела Даниил обменял на надежный мир со стороны Венгрии, скрепленный в конце апреля 1237 г. при личной встрече князя с королем Белой².

Таким образом, галицко-черниговский князь не только был отрезан от своей «отчины» (Чернигова), но и лишился всех своих союзников (Изяслав, Конрад, Бела). В таких условиях ему не оставалось ничего иного, как просить у Даниила Романовича мира. Несмотря на очевидные успехи на дипломатическом фронте, волынский князь не имел возможности использовать их в наступательных целях. Перевеса в военных силах у него не было, к тому же Михаил, судя по всему, сохранял поддержку среди галичан, отчего рассчитывать на легкую победу не приходилось. Стороны вынуждены были искать компромисса:

«Данилови же в томъ же лете пошедъшү на Михаила на Галичъ, онем же мира просящимъ даша емү Перемышль»³.

Оценить объем усилий, на которые пошел чернигово-галицкий князь для заключения соглашения, можно только взглянув на географическую карту. Ради сохранения галицкого стола Михаил передал Даниилу Перемышльскую область, расположенную на путях из Галича в Венгрию и Польшу. Волынский князь приобрел возможность контролировать практически все сообщение гали-

¹ ПСРЛ, II, 776. Фридрих II занял Вену уже к середине апреля 1237 г., и к середине мая порядок в Австрии был восстановлен (Huber, 1885. S. 415). Любое вмешательство волынских князей после этого времени бессмысленно. Судя по всему, поездка Романовичей и их переговоры с Белой IV следует относить к середине-концу апреля 1237 г., когда австрийский поход императора уже клонился к своему победному завершению. Ср.: Wlodarski, 1966. S. 136–137.

² О предстоящем походе императора Фридриха II против австрийского герцога было известно еще летом 1236 г., когда в Майнце собирался рейхстаг (Huber, 1885. S. 412–413). Даниил не мог об этом не знать, а следовательно, его поход на помощь Австрии, организованный столь поздно, изначально носил фиктивный характер и предусматривался лишь для демонстрации силы венгерскому королю.

³ ПСРЛ, II, 776.

чан с западными странами. Можно сказать, что к лету 1237 г. Михаил Всеволодович стал обладателем двух анклавов (Галич, Чернигов), окруженных землями враждебных властителей. Причем любая попытка их объединить должна была натолкнуться на фактически общерусскую коалицию князей: от Романовичей и Ростиславичей до Юрьевичей (Ярослав), — то есть Волынь, Киев, Смоленск, Новгород, Переяславль Залесский и примкнувшие к ним.

Ярослав Всеволодович был на юге человеком новым. Решение об участии в конфликте с Михаилом на стороне Романовичей было для него неожиданным и свидетельствовало об авантюрном складе характера. Конечно, пример тестя, Мстислава Удалого, оставившего, несмотря на уговоры, Новгородское княжение и отправившегося на покорение далекого Галича («поискате Галича»), поработанного иноземцами и иноверцами, был заразителен. В ту рыцарскую эпоху романтические предприятия вызывали только похвалу и восхищение. К тому же Ярослав поступил гораздо предусмотрительнее и весьма прагматично. Во-первых, оставил в Новгороде своего сына, Александра (в будущем «Невского»). Во-вторых, отправился покорять не далекий и незнакомый Галич, а «сердце земли Русской», старейший град Киев. При этом, естественно, все предприятие было организовано как военный поход. С Ярославом к Киеву двинулись крупные силы новгородцев и новоторжцев, которые при проходе через Черниговскую область, «где не было кому оборонять», местность «разоряли» и «тяжкие окупы с городов» брали¹. В Киев они вступили без боя, а уже через неделю все войско было отпущено по домам: «...и державъ новгородцовъ и новоторжанъ одну неделю и, одаривъ, отпусти прочь: и приидоша вси здрави»². Подобную безопасность Ярослав мог допустить, только осознав полную свою безопасность с любой из сторон. Князь не видел угрозы себе ни от близких своих соседей, ни от далеких. И именно такая позиция служит примером, действительно характеризующим положение в южнорусских землях весной-летом 1237 г., накануне великих свершений и потрясений для всей Руси.

¹ НПЛ, 74, 285; Татищев, 1995. С. 230.

² НПЛ, 74, 285.

ГЛАВА 2 НАШЕСТВИЕ

Замысел татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, <...>, они имеют приказ Чингисхана.

*Иоанн де Плано Карпини*¹

§ 1. В ОЖИДАНИИ

Для Северо-Восточной Руси последнее десятилетие перед монгольским нашествием было периодом мира, спокойствия и даже скуки. В Ростовской летописи отмечены целые годы, о которых нечего было сказать. Для 1233 г. единственным важным событием во Владимиро-Суздальском княжестве было завершение фресковой росписи соборной церкви Суздаля, а для 1234 г. — завершение строительства Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском.

Вся летописная статья 6743 (1235) г. состоит из одной во всех отношениях поразительной фразы: «Мирно бысть»². Насколько должны быть счастливы люди, способные оставить потомкам описание целого года своей жизни лишь в одной наикрасивейшей из фраз — «Мирно бысть». Вся ценность и блеск мироздания заключены в этой лаконичной и незамысловатой записи, после которой очень сложно продолжать чтение летописного текста без улыбки и без влажных глаз. Возможно, в этом 1235 году и проходит та самая граница эпох, рубеж одной (к сожалению, только одной) стадии развития одного (к сожалению, только одного) из регионов Руси, того самого, где позднее родится и Россия и будет

¹ Плано Карпини, 1997. С. 62.

² ПСРЛ, I, 460.

складываться ее судьба. Воистину блаженны люди, способные представить свою историю такими словами!

Последний раз запись «Мирно бысть» была использована только в Повести временных лет для 6537 (1029) года¹. Может быть, летописец хотел провести некую параллель с той героической и легендарной эпохой, когда Русь, лишь вступив на арену истории, плавно приближалась к своему расцвету, когда не была построена София, но была только Десятинная, когда не было даже политического единства, а страна была поделена на владения Ярослава Мудрого и Мстислава Тмутараканского, на Чернигов и Киев, на просвещенный Восток и дикий Запад.

Конечно, модель «Мирно бысть» могла использоваться и как простое заполнение досадной лакуны, ведь мы знаем, что для других земель и не только русских 1235 год вовсе не был ни мирным, ни бесцветным. В южных землях в это время перетягивали канат славы и власти две группировки близких родственников: галицко-киевская коалиция шла походом на гордый Чернигов, а потом бежала разгромленная под Торческом, перестав быть и галицкой, и киевской. Очень тревожно начал статью того же «мирного» 6743 (1235) года новгородский летописец:

«Не хотя исперва оканьнын, всепагубнын дияволъ роду чело-
веческому добра...»².

И даже несмотря на то что после этих слов следует описание событий вокруг Киева-Чернигова, такое вступление к рассказу дает пищу для более широкого символического ряда. Ведь именно в 1235 г. на далекой реке Онон состоялся исторический курултай, на котором монгольские вожди приняли решение совершить большой общемонгольский поход в Европу, «до последнего моря». *Нагалась война...*

***

После смерти Чингисхана (Тэмуджина) в 1227 г. потребовался съезд монгольской знати (курултай) для утверждения его преемника в управлении обширной империей³. Им стал третий по стар-

¹ ПСРЛ, I, 149.

² НПЛ, 73, 284.

³ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 18. См. также: Владимирцов, 1934. С. 115.

шинству Чингизид Угэдей, принявший в 1229 г. титул великого хана («каан»)¹. Он продолжил политику отца по расширению зависимых от монголов земель и созданию универсальной империи. Для первых лет правления Угэдея наиболее актуальными были военные операции вблизи собственных родовых владений в Северном Китае и Корее. Часть войск, три тумена под командованием Чормаган-нойона, была направлена в Персию, территорию которой к этому времени монгольская армия покинула. Лидер сопротивления власти великого хана, ставший персидским султаном, Джелал ад-Дин был изгнан и вскоре (в 1231 г.) погиб в горах Курдистана. Лишенные вождя, иранские области поочередно признавали монгольский сюзеренитет. В 1230 г. монгольское владычество признала Корея, а к 1234 г. завершилось покорение империи Цзинь в Северном Китае². На повестку дня встал вопрос о дальнейших путях внешней политики «Великой Монголии». Угэдей решил посоветоваться о перспективных планах со знатью, царевичами Чингизидами и верховными чиновниками. Около 1235 г. на реке Онон был созван курултай, решения которого определили новые направления экспансии: 1. Покорение империи Сун в Южном Китае. 2. Подавление вспыхнувшего незадолго до этого антимонгольского восстания в Корее. 3. Расширение владений на Ближнем Востоке, покорение Кавказа, походы в Малую Азию, действия против Багдадского халифата и сельджукского султаната. 4. Мероприятия по увеличению улуса Джучи на Запад, то есть поход в Европу.

Приоритетными были признаны операции в Корее и поход в Европу (именно в такой последовательности)³. В последнем случае важность и общемонгольский характер мероприятия объяснялись недостаточностью армейских подразделений, подчиненных хану Бату, главе улуса Джучи, в который была включена и еще не завоеванная Европа. Интерес к этому региону возник давно и был обусловлен естественным ростом кочевой, то есть прежде всего степной империи. С восточной стороны степи обрываются в лесах Кореи, а с западной — где-то в районе озера Балатон

¹ Понятийный аппарат см.: Федоров-Давыдов, 1973. С. 45–46.

² См.: Вернадский, 2001. С. 52–55.

³ Вернадский, 2001. С. 55–56.

в Венгрии. Универсальный характер власти монгольского хана требовал фактической основы, хотя бы в отношении родной стихии кочевников, степи.

Впервые в южнорусских степях монгольские войска появились в 1222 г., когда 30-тысячный корпус под руководством Джэбэ и Субэдея, после безуспешных поисков Джелал ад-Дина в Иране, прорывался через Кавказ на тучные южнорусские равнины, где предполагал зазимовать и затем отойти через Северный Казахстан к ставке Чингисхана. Разорив Нахичевань, опустошив Арран (область между Курой и Араксом), захватив Байлакан, Гянджу, Шемаху и повоевав в Грузии, они подошли к Дербенту, на штурм которого сил уже не было. Жестокость и грозная слава Чингисхана позволили им беспрепятственно миновать этот неприступный город и пройти владения ширваншаха. Выйдя на плоскость Северного Кавказа, Джэбэ и Субэдей столкнулись с коалицией местных племен: осетин (аланов) и половцев (кипчаков). Лицемерные уговоры в сочетании с богатыми подарками позволили монголам расколоть единый кочевнический фронт и разбить союзников поодиночке. Затем они совершили разорительный поход на Судак (в Крым) и остались зимовать в причерноморских степях, «в той области, которая вся представляла сплошные луга и поросли»¹. Следующей весной монголов пытались атаковать уцелевшие половцы с союзными им русскими князьями, но 31 мая 1223 г. были разгромлены в битве на реке Калке². Летом того же года Джэбэ и Субэдей совершили налет на Волжскую Болгарию³, после чего повернули свои утомленные длительным рейдом тумены на родину (см. рис. 13).

После этого похода дальнейшее продвижение на запад для империи Чингисхана стало неизбежным. Сам великий хан не успел

¹ Рашид-ад-Дин, 1952. С. 228–229; Тизенгаузен, 1941. С. 32; ИТ, 1937. С. 40–41. Важнейшим восточным источником по истории этого периода является «Сборник летописей» («Джами' ат-таварих») Рашид-ад-Дина, созданный по ханскому повелению в 1300–1311 гг. Фазлаллах ибн Абу-л-Хейр *Рашид-ад-Дин* (1247–1318 гг.) фактически являлся визирем в Персии при монгольских ханах Базан-хане, Улджейту и Абу-Саиде с 1298 по 1317 г. См.: Тизенгаузен, 1941. С. 27.

² ПСРЛ, I, 445–447; ПСРЛ, II, 740–745; Тизенгаузен, 1884. С. 26–27; Рашид-ад-Дин, 1952. С. 229; ИТ, 1937. С. 41. В. В. Каргалов считает, что поход Джэбэ и Субэдея до р. Калка был спланированной разведывательной операцией (Каргалов, 1967. С. 64).

³ ИТ, 1937. С. 41.

совершить поход в Европу. Предполагалось, что это будут осуществлять его наследники, которым он еще при жизни выделил наделы (улусы), призванные обеспечивать их и в хозяйственном и в военном отношении. Младшему сыну Толую по традиции отходили родовые земли в Центральной и Западной Монголии. Второй сын Чингисхана, Чагатай, получал области вдоль реки Или, населенные киданями (Кара-Кидан). Угэдей стал обладателем Джунгарии и районов верхнего Иртыша. Кулькану достались владения в Иране. Старшему же сыну Джучи, призванному возглавить монгольскую экспансию после смерти отца, Чингисхан выделил области к западу от Иртыша, Северный Хорезм, низовья Амударьи и Сырдарьи, степи Дешт-и-Кипчак к северу от Аральского моря в современном Казахстане¹. Ему же были пожалованы еще не завоеванные земли на западе. Джучи, однако, оказался обладателем менее воинственного характера, не желал новых вторжений и, по сообщению персидского автора Джузджани, даже пытался сопротивляться наступательной политике отца, готовил заговор, но был разоблачен братом Чагатаем и убит². Улус Джучи был унаследован его сыном Бату (Батый): «Так как Джучи на основании прежнего высочайшего повеления Чингиз-хана должен был отправиться с войском завоевать все области севера, то есть [земли] Ибир-Сибир, Булар, Дешт-и-Кипчак, Башгирд, Рус и Черкес до Хазарского Дербенда, <...>, и подчинить их своей власти, но уклонился от [исполнения] сего приказа, то Угетай-каан, сев на царство, поручил [это] таким же образом Бату» (*Рашид-ад-Дин*)³.

Следует отметить, что старшим сыном Джучи был Орда, который добровольно уступил верховенство младшему брату и довольствовался лишь владениями в Восточном Казахстане. Его имя всегда отмечалось в официальных документах первым, но реальной властью во всем улусе он не обладал. Вероятно, в выборе наследника принял участие сам Чингисхан, желавший иметь на западной оконечности своих владений именно Бату, способного и воинственного полководца.

¹ Рашид-ад-Дин, 1952. С. 275–276. Ср.: Плано Карпини, 1997. С. 45–46.

² Тизенгаузен, 1941. С. 15, 337.

³ Тизенгаузен, 1941. С. 48, 65; Рашид-ад-Дин, 1960. С. 71–72.

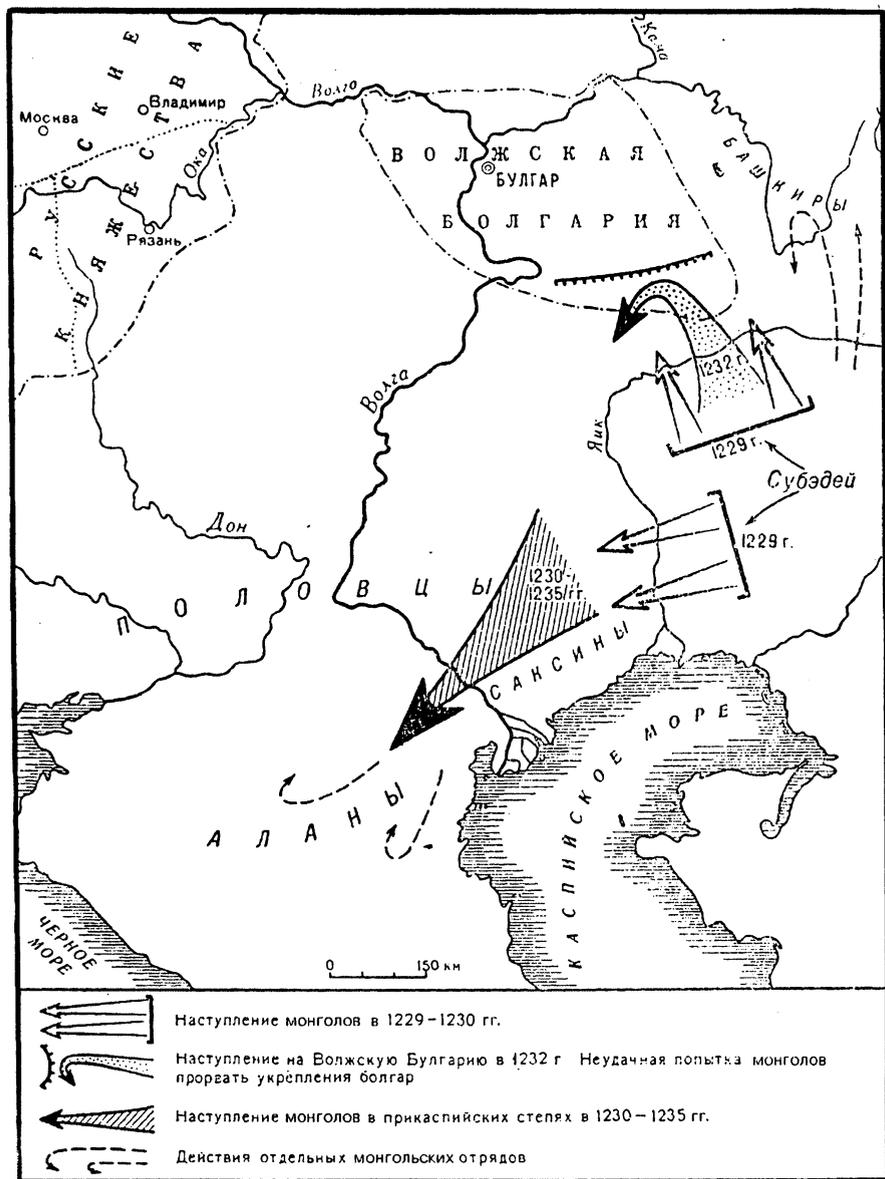

Рис. 11. Военные действия монголов в 1228-1235 гг.
(Каргалов, 1967. С. 65)

Уже первые годы самостоятельного правления старшего внука Чингисхана могли оправдать надежды деда. Именно с конца 1220-х гг. в источниках неизменно сообщается о нарастающем монгольском давлении за пределами их западных владений. Под 1229 г. в киевской летописи сообщается о вытеснении монголами с реки Яика (Урал) саксин и половцев, которые «възвєгоша из низу к Болгаром перед Татары». Тогда же с Яика были изгнаны и «сторожеве Болгарьскыи»¹. На следующий год монголы уже твердо стояли на юго-восточных границах Башкирии и контролировали междуречье Яика и Волги. Под 1232 г. летопись сообщает: «Придоша Татарове и зимоваша не дошедше Великого града Болгарьскаго», а источник В. Н. Татищева продолжает: «поплениша и покориша многу нижнюю землю Болгорскую и грады разориша»². На протяжении 1233–1235 гг. продолжались болгаро-монгольские столкновения пока еще локального (пограничного) характера. Бату зондировал условия для крупномасштабного вторжения (см. рис. 11).

Забыв внутренние противоречия, болгары выступили единым фронтом против захватчиков³. В 1229 г. с русскими был срочно заключен 6-летний мир, который вполне мог перерасти и в военный союз⁴. Такое изменение внешнеполитической ситуации должно было насторожить Бату. Все признаки указывали на то, что болгары собираются оказывать ему решительное сопротивление и что сломить его в одиночку будет нелегко.

Нам неизвестна численность войск, которыми располагал хан Бату в эти годы. Чингисхан наделил Джучи улусом, состоявшим из монгольских семей, способных выставить 4000 всадников⁵. Хотя позднее это число возросло за счет покоренных народов, оно оставалось явно недостаточным для дальнего похода и большой наступательной операции. Требовалось содействие ближайших родственников.

¹ ПСРЛ, I, 453.

² ПСРЛ, I, 459; Татищев, 1995 (1). С. 370.

³ Смирнов, 1951. С. 50.

⁴ ПСРЛ, X, 98; Татищев, 1995 (1). С. 369; Смирнов, 1951. С. 49.

⁵ Тизенгаузен, 1941. С. 30, 33; Федоров-Давыдов, 1973. С. 55. Общее количество собственно монгольских войск вообще было не слишком значительным. По сообщению Рашид ад-Дина, Чингисхан распределил среди наследников 129 тысяч воинов (Рашид-ад-Дин, 1952. С. 266).

По сообщению персидского историка Джувейни, «когда каан во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения истребления остальных непокорных, то состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью»¹.

Для подкрепления войск Бату Угэдей приказал всем улусам Монгольской империи послать часть воинов ему в помощь. Кроме того, к наступлению в Европу были привлечены многие царевичи Чингизиды лично. Кроме Бату, осуществлявшего формальное руководство походом, в нем приняли участие братья Бату — Орда, Берке, Тангут и Шейбан, сыновья Угэдея — Гуюк и Кадан, сын Чагатая — Байдар, внук Чагатая — Бури, сыновья Толуя — Менгу (Мунке) и Бучек (Бюджик), а также самый младший сын Чингисхана Кулькан². Каждый из Чингизидов, естественно, прибыл со своим отборным отрядом. Отдельными подразделениями в армии Бату руководили виднейшие полководцы своего времени Субэдей-багатур, выполнявший функции ближайшего советника Бату, Джэбэ, участвовавший в первом западном походе 1222–1223 гг., а также молодой и талантливый «багатырь» Бурундай. Выдающийся состав участников похода может продемонстрировать то значение, которое придавали покорению Европы руководители империи Чингисхана. Совершенно справедливо замечание Г. В. Вернадского о том, что кампания изначально организовывалась как общемонгольское («панмонгольское») предприятие³.

О численности армии Бату, подошедшей к границам Руси, существует много противоречивой информации и многочисленная литература по ее обработке⁴. Современники считали, что монголы располагали во время похода в Европу полумиллионным войском⁵. В научной литературе наиболее часто встречаются цифры

¹ Тизенгаузен, 1941. С. 22. Ала-ад-дин Ата-мелик Джувейни (1226–1283 гг.) происходил из Хорасана и с 1256 г. находился на службе у Хулагу в Персии. В 1259–1282 гг. был губернатором Багдада, Ирака и Хузистана. «Историю завоевания мира» («Тарих-и-джехангуша») писал в 1252–1260 гг. См.: Тизенгаузен, 1941. С. 20.

² Тизенгаузен, 1941. С. 22, 34, 48.

³ Вернадский, 2001. С. 57. Г. В. Вернадский всю организацию и планирование похода приписывал Субэдею. Оснований для этого источники не дают.

⁴ См.: Каргалов, 1967. С. 74.

⁵ MGH, Scriptores, t. XXIV, p. 545. Цит. по: ИТ, 1937. С. 47.

от 300 до 500 тысяч, в которые включаются как собственно монгольские войска, так и ополчение из покоренных народов¹. Не вдаваясь в подробный анализ источников, можно признать, что наиболее взвешенные исследователи оценивают армию Бату примерно в 120–140 тысяч воинов, из которых собственно монгольские воины не составляли и половины². Однако и в таком составе войско практически никогда не пребывало. Отдельные отряды постоянно находились в движении, не застаиваясь на одном месте и совершая дерзкие одиночные рейды в тыл врага. Под рукой у руководителя «западного» похода постоянно оставалось не более 50–60 тысяч всадников.

По сообщению Джувейни, после завершения курултая в 1235 г. «царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание, а весной выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга; в пределах Булгара царевичи соединились; от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенили дикие звери и хищные животные»³. Лишь соединившись, монгольские войска были разделены на северную и южную группы. Первую возглавил Бату, к которому присоединились Орда, Берке, Бури и Кулькан. Они направились на Булгар. Южную группу составили подразделения Гуюка и Менгу, целью которых было покорение куманов (половцев), марийцев и мордвы (мокши, буртасов): они «занялись войной с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими»⁴.

Северная армия Бату зимой 1236–1237 гг. опустошила и уничтожила Волжскую Болгарию: «сначала они силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью; для примера подобным ему, жителей его (частью) убили, а (частью) пленили» (*Джувейни*)⁵. Несмотря на подготовку болгар к вторжению, организован-

¹ Рыбаков, 1948. С. 42;

² Вернадский, 2001. С. 57; Ледерер, 1953. С. 8; Каргалов, 1967. С. 75; Черепнин, 1977. С. 192. Л. Н. Гумилев считал, что в походе на Русь участвовало около 30 тысяч монгольских воинов (Гумилев, 1992. С. 518), что совершенно невозможно.

³ Тизенгаузен, 1941. С. 22–23, 34.

⁴ Тизенгаузен, 1941. С. 36; Рашид-ад-Дин, 1960. С. 38.

⁵ Тизенгаузен, 1941. С. 23.

ную и консолидированную оборону страны¹, их сопротивление было сломлено практически мгновенно и даже не было замечено многими современниками: «в короткое время, без больших усилий, овладел ими и произвел избиение и грабеж» (*Рашид-ад-Дин*)². Древнюю столицу Булгар жители покинули еще до подхода захватчиков, которые предали ее огню³. Были сожжены и другие крупные поселения: Биляр, Кернек, Жукотин, Сувар. Летопись сообщает, что в 6744 (1236 г.) «придоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии Татари и взяша славныи Великыи город Болгарьскыи [*Биляр*] и избиша оружием от старца и до унаго и до сущаго младенца и взяша товара множество, а город ихъ пожгоша огнемъ и всю землю ихъ поплениша»⁴. Крупнейший город Восточной Европы Биляр имел шесть (!) рядов оборонительных валов, а его посады окружались дополнительными укреплениями. Он был взят, сожжен и более никогда не восстанавливался на прежнем месте. Сотни метров валов были скрыты⁵. Археологи обнаруживают в завалах зданий, рвах и колодцах множество скелетов и отдельных костей. Найдена и коллективная могила⁶. Тотальному разорению подверглась также сельская округа. Вдоль рек Берды и Актая, согласно археологическим данным, в первой половине XIII в. были единовременно уничтожены практически все поселения (13 городищ и 60 селищ)⁷.

Не меньших «успехов» достигли монгольские войска и в южном направлении. К концу лета 1237 г. было сломлено сопротивление аланов и половцев, оттесненных на запад, а марийцы и мордва в большинстве своем признали сюзеренитет монгольских ханов (см. рис. 12)⁸.

¹ Смирнов, 1951. С. 53; Каргалов, 1967. С. 69.

² Тизенгаузен, 1941. С. 34–35; Рашид-ад-Дин, 1960. С. 37.

³ Русь, 2003. С. 105.

⁴ ПСРЛ, I, 460. О взятии Жукотина и Биляра сообщается у В. Н. Татищева (Татищев, 1995 (1). С. 372; Татищев, 1995 (2). С. 230), а разгром Сувара фиксируется по археологическим данным (Смирнов, 1951. С. 53).

⁵ Халиков, Халиуллин, 1988. С. 15.

⁶ Хузин, 1988. С. 46–48.

⁷ Смирнов, 1952. С. 143; Русь, 2003. С. 103.

⁸ Каргалов, 1967. С. 72–73.

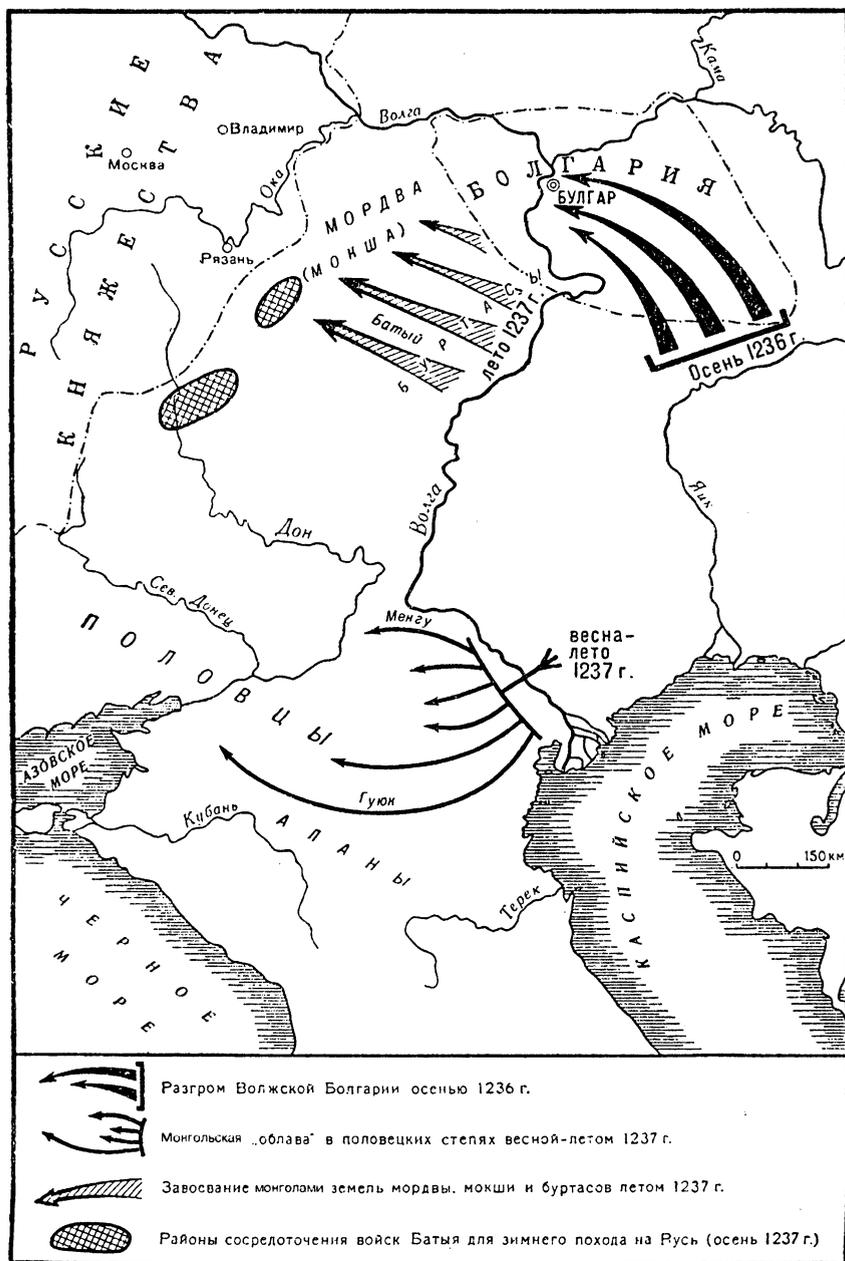

Рис. 12. Военные действия монголов в 1236–1237 гг.
 (Каргалов, 1967. С. 71)

По завершении победоносной кампании 1237 г. монгольское войско вновь собралось вместе. Как сообщает Рашид-ад-Дин, «осенью упомянутого года все находившиеся там царевичи сообща устроили курултай и, по общему соглашению, пошли войною на русских»¹. Позднейшие три года в русской истории получили наименование «*Нашествие Батыево*».

* * *

При таком широком фронте монгольского наступления утверждение о том, что в русских княжествах не знали о нависшей угрозе или не ждали скорого вторжения, звучат нелепо. Однако в некоторой мере это соответствует действительности.

Информация о событиях в степи, без сомнения, поступала и собиралась. В Ростовской летописи отмечено появление «татар» на Яике (1229 г.), их вторжение на территорию Волжской Болгарии в 1232 г., а также разгром этого государства объединенными силами монгольских ханов в 1236–1237 гг.² У нас нет достаточных сведений, чтобы утверждать, что столь пристальное внимание уделялось «татарам» и на юге Руси. В южнорусских и западнорусских источниках, сохранившихся до наших дней, о событиях тех лет в половецкой степи и Волжской Болгарии вплоть до 1237 г. нет ни слова. Скорее всего, властители этих земель были увлечены усобицей и не обращали особенного внимания на «восточные дела». Подобную халатность демонстрируют и новгородские летописцы, более увлеченные проблемами на своих западных границах.

Конечно, во всех русских землях помнили о столкновении с монгольским экспедиционным корпусом на Калке 31 мая 1223 г. Но возможно, выводы, которые сделали княжеские полководцы из этих трагических событий, никак не позволяли предупредить позднейшее вторжение. Русские князья в 1223 г. решили упредить нападение «татар» на Русь и поддались на уговоры половцев, которые за год до того были разбиты войсками Джэбэ и Субэдея. Полки ушли в степь и попались на провокацию монголов, изобразивших ложное отступление. Развернувшись, они атаковали пре-

¹ Тизенгаузен, 1941. С. 36; Рашид-ад-Дин, 1960. С. 38.

² ПСРЛ, I, 453, 459, 460, 513. Ср.: Карамзин, 1991. С. 507.

восходящие силы русских и после ожесточенного сражения обратили их в бегство. Монгольские всадники долго преследовали побежденных (до Днепра), но на поход в глубь непосредственно русской территории не решились¹. Джэбэ и Субэдей, располагавшие ограниченным и утомленным контингентом проделавшего длинный переход войска, продемонстрировали русским князьям типичную тактику кочевников, способных на решительные маневры крупных по численности подразделений, но не обученных штурму укрепленных пунктов. Известно, что именно создание укрепленного лагеря на возвышенном месте позволило русским войскам в битве на Калке длительное время сопротивляться монгольским атакам: «Князь же Мьстиславъ Киевьскыи, видящи таковое зло [бегство половцев], не постүпи ни камо с места того [где стояли станом русские князья], нь стал бе на горе над рекою надъ Калкомъ; бе во место то каменисто, и тү үгоши [створи] город около себе в кольих, и бися с ними из города того по 3 дни»².

В этом отношении особенно примечательны свидетельства венгерского доминиканского монаха Юлиана, проезжавшего по Северо-Восточной Руси осенью 1237 г. и беседовавшего с Владимирским великим князем. Юрий Всеволодович продемонстрировал миссионеру широкую осведомленность как о монгольской тактике, так и о перспективных планах их экспансии. В своем отчете епископу Перуджи, легату апостольского престола, брат Юлиан в начале 1238 г. писал: «На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну, грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок»³. Здесь со всей очевидностью подчеркивается, что самостоятельных штурмов крепостей они не проводят. Это не должно было удивлять. Известно, что на Руси вообще не было принято прибегать к штурму, чреватому большими жертвами. Предпочитали длительные осады, «обложение». Плохо было известно само мастерство осады, а осадные машины (пороки) практически не использовались⁴. Поразительно, что об обстоятельствах покорения монголами Хо-

¹ НПЛ, 266; Тизенгаузен, 1884. С. 26–27; Рашид-ад-Дин, 1952. С. 229; ИТ, 1937. С. 41. Ср.: Карамзин, 1991. С. 488.

² НПЛ, 266.

³ Аннинский, 1940. С. 88.

⁴ Раппопорт, Косточкин, 1955. С. 25; Каргалов, 1967. С. 81.

резма, где шах также применил тактику укрытия населения в крепостях и разделения армии на гарнизоны¹, на Руси ничего не знали и, что называется, «пошли тем же путем».

Брат Юлиан совершил два путешествия в Башкирию, в поисках так называемой Великой Венгрии, легендарной прародины европейских венгров. Желание принести учение Христа своим дальним родственникам в предгорьях Урала заставило братьев проповедников Юлиана и Герарда в 1235–1236 гг. проделать длинный путь через Константинополь, Тмутаракань и Волжскую Болгарию. Сложность пути усугублялась напряженной обстановкой в донских и волжских степях, где вот-вот ожидали монгольского вторжения. Зимой 1235–1236 г. монахи находились в районе устья Волги, где впроголодь жили в течение 6 месяцев, но отправиться дальше в направлении Урала не решались «из-за боязни татар, которые по слухам были близко»². Голодной зимовки не выдержал брат Герард, умерший в мае 1236 г. Для того чтобы продолжить путь, в том же месяце монах Юлиан нанялся «слугою одного сарацинского священника с женою», в свите которого и попал в Башкирию³. Кроме того что он «открыл» Великую Венгрию и начал проповедь христианства, он также собрал любопытные сведения о политической ситуации в регионе. В частности, он вспоминал, что «в этой стране венгров» «нашел татар и посла татарского вождя, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и татарский [языки] и сказал, что татарское войско, находившееся тогда там же по соседству, в пяти дневках оттуда, хочет идти против Алемании, но дожидались они другого [войска], которое послали для разгрома персов»⁴. После краткого пребывания в Башкирии летом 1236 г. брат Юлиан поспешил обратно в Европу для доклада о своих достижениях. Несмотря на то что обратный путь он все же избрал через Русь (Нижний Новгород — Владимир — Рязань — Чернигов — Киев — Галич), в своем отчете монах подчеркивал свои опасения «преград от русских»⁵. После второго путешествия, в письме епископу Педружи он писал даже о «гонениях» на братьев проповедников от

¹ Петрушевский, 1977. С. 115.

² Аннинский, 1940. С. 79.

³ Аннинский, 1940. С. 80.

⁴ Аннинский, 1940. С. 81.

⁵ Аннинский, 1940. С. 73–74, 82.

«суздальского князя»¹. Неизвестно, насколько оправданной была тревога Юлиана за свою судьбу на русских землях, но в следующий раз он направился в Великую Венгрию прямым путем, то есть сквозь территорию Руси.

После встречи в январе 1237 г. с королем Белой Юлиан весной того же года побывал на приеме у папы Римского Григория IX (1227–1241), который и направил его обратно в Башкирию в составе группы христианских миссионеров, дабы закрепить влияние апостольского престола в этих землях. Эта поездка для Юлиана, можно сказать, окончилась неудачно, однако именно от нее сохранилось то самое письмо-отчет епископу Перуджи, из которого мы и черпаем бесценные сведения.

Подойдя осенью 1237 г. к границе Руси, миссионеры с Юлианом узнали, что «венгры-язычники, и болгары и множество царств совершенно разгромлено татарами»². Продолжать дальнейший путь было бессмысленно и действительно небезопасно. Любознательные монахи задержались на некоторое время в Суздальских землях, познакомились с местным князем, а затем повернули обратно. Информация из письма Юлиана демонстрирует то, что мог узнать посторонний человек, незнакомый с русским языком, из кратких бесед с окружающими. Оказывается, он имел полный объем сведений о тактике, стратегических планах и даже легендарной истории монголов. Доминиканцам стало известно, что «все войско, идущее в страны запада, разделено на 4 части»: «Одна часть у реки Этиль [*Ethyl*] на границах Руси [*Ruscie*] с восточного края подступила к Суздалю [*Sudal*]. Другая же часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества [*Recennie quod est alius ducatus Rucenorum*]. Третья часть остановилась против реки Дон [*Den*], близ замка Воронеж [*Ovcheruch*], также княжества русских [*qui est alius ducatus Ruthenorum*]. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары [*Rutheni, Vngari et Bulgari*], бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь [*totam Ruziam*], всю страну русских [*totam terram Ruthenorum*]»³. Кроме того, Юлиан указывает еще на одно татар-

¹ Аннинский, 1940. С. 89.

² Аннинский, 1940. С. 83.

³ Аннинский, 1940. С. 86.

ское войско, которое «осаждают всю Русь [*totam Rusciam*]»¹. Далее в тексте монах кратко пересказывает некую монгольскую легенду, отдаленно напоминающую отрывок из «Сокровенного сказания»², а также излагает полученные им сведения относительно монгольской тактики. Сначала «во всех завоеванных странах они без промедления убивают князей и вельмож [*duces et magnates*; вар. — *reges, magnes, duces*], которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление». Затем монголы собирают годных для военной службы жителей и гонят их вперед, на следующее государство. Как было уже сказано выше, замков они не осаждают. А о численности их сказать что-либо уверенно невозможно, «кроме того, что изо всех завоеванных ими королевств они гонят в бой перед собой воинов, годных к битве»³.

В дополнение ко всему великий князь Юрий Всеволодович лично просил передать о нависшей угрозе королю Беле: «Многие передают за верное, и князь суздальский [*dux de Sudal*] передал словесно через меня королю Венгрии [*regi Vngarie*], что татары [*Thartari*] днем и ночью совещаются, как бы придти и захватить королевство венгров-христиан [*Regnum Vngarie xpistianum*]. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего [*Romam et ultra Romam*]. Поэтому он отправил послов к королю венгерскому»⁴. Послов этих суздальский князь (*duce Svdal*) перехватил, а послание, которое они везли венгерскому королю, отобрал. Однако в Северо-Восточной Руси не смогли (!) найти переводчика, чтобы ознакомиться с татарским письмом. Его передали доминиканцам, которые оказались более расторопными и позднее смогли ознакомиться с пренебрежительным по содержанию текстом, обращенным к «венгерскому королю [*regule Vngarie*]».

Сюжет с письмом во многом характеризует готовность Владимиро-Суздальского княжества к войне. Если монголы уже в начале 1236 г. располагали специалистами, владевшими сразу пятью языками всех потенциальных противников, то к концу 1237 г. великий князь Северо-Восточной Руси не мог найти даже переводчика с монгольского.

¹ Аннинский, 1940. С. 87.

² Аннинский, 1940. С. 83–85.

³ Аннинский, 1940. С. 87–88.

⁴ Аннинский, 1940. С. 88.

Резюме, которым заключает свое послание Юлиан, не оставляет двух мнений о впечатлении, которое производила на сторонних наблюдателей боеготовность русских княжеств в декабре 1237 г., то есть непосредственно накануне вторжения: «Мы же с товарищами, видя, что страна занята татарами, что области [не] укреплены и успеха делу не предвидится, возвратились в Венгрию»¹.

Конечно, обороноспособность русских земель интересовала доминиканских монахов в меньшей степени, чем судьба «венгров-язычников», поэтому можно предположить, что в приведенной выше цитате речь идет об успехе их миссии, а не о войне с монголами. К тому же, как отмечает Юлиан, обратный путь он со своими спутниками проделал «среди многих войск и разбойников»², из чего можно заключить, что им постоянно встречались русские полки, двигавшиеся к границе. Однако общего удручающего впечатления от послания это затмить не может. Совершенно ясно, что, располагая всем необходимым объемом информации, Русь не сумела адекватно подготовиться к противостоянию с монгольской армией. Ожидали, видимо, орду диких кочевников, а столкнулись с самой подготовленной и хорошо организованной армией в мире.

В довершение ко всему Владимирский князь неверно провел дипломатическую подготовку к войне. Юрий Всеволодович всячески старался не вмешиваться с великую евразийскую войну. Он считал, что кочевники не пойдут севернее Оки, как это не раз бывало ранее. Если не вступать с ними с открытым конфликтом, они не решатся углубляться в лесистую местность, а предпочтут атаковать южнорусские земли. К Рязани еще можно подойти, минуя лесные массивы, но к Владимиру *Залесскому* — никак. По всем признакам расчет был верным. На Калке русские вступили в бой с монголами в открытом поле, что закончилось поражением русских войск. Следовательно, теперь нужно действовать совершенно иначе: наступательных действий не предпринимать, затягивать кочевников в укрепленную крепостями и окруженную лесами местность, изматывать мелкими стычками на ограниченном пространстве. Такая оборонительная тактика требовала полного отказа от помощи соседним властителям и государствам, что Юрий и сделал, бросив на произвол судьбы как новых союзников, так и старых вассалов.

¹ Аннинский, 1940. С. 89–90.

² Аннинский, 1940. С. 90.

«... От моря до болгаръ, от болгаръ до буртасъ, от буртасъ до черемисъ, от черемисъ до моръдвѣ, — то все покорено было Богомъ крестияньскомуу языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду, отцу его Юрю, князю кыевскомуу», — так описывал зону влияния владими́ро-суздальских князей накануне монгольского вторжения автор «Слова о погибели Русской земли»¹.

Несмотря на то что перечисленные здесь народы не являлись непосредственными подданными русских князей, они выступали в роли потенциальных, а отчасти и реальных колоний Руси. Например, мордва занимала существенное место среди внешнеполитических мероприятий Юрия Всеволодовича. С 1226 по 1232 г. он чуть ли не ежегодно организовывал походы на мордовские земли, где образовались зависимые от Руси области: летопись, например, упоминает владения «Пуреша ротника Юргева», а также враждебную ему «Русь Пургасову»². Известно, что болгары тоже претендовали на влияние в Мордовии, но их попытки закрепить в этих местах встречали жесткое сопротивление Владимирского князя³. Даже вторжение монголов на болгарскую территорию в 1232 г. Юрий пытался использовать для закрепления своей власти у мордвы: «тое же зимы», когда монголы остались зимовать в Волжской Болгарии, «посла великын князь Геогри сына своего Всеволода на Мордву, а с нимъ Феодоръ Ярославичъ и Рязанскын князи и Муромьскын и пожгоша села ихъ, а Мордъвы избнша много»⁴. Через три года, когда монгольские ханы обрушились на мордовские области, русский сюзерен никак не отреагировал на эти посягательства в зоне своих интересов.

Можно сказать, что к 1236 г. соседним государствам со всей очевидностью стал ясен оборонительный уклон в политике Суздаля. Зародился он, скорее всего, еще раньше и впервые со всей очевидностью был проявлен по отношению к Волжской Болгарии. Это государство после 1229 г., когда на его границах появи-

¹ БЛДР. Т. 5. СПб., 2000. С. 90. А. А. Горский достаточно убедительно обосновал, что это сочинение было написано в первой половине 1238 г., еще до ухода Ярослава Всеволодовича из Киева (Горский, 1990. С. 32).

² ПСРЛ, I, 449–451; Карамзин, 1991. С. 506.

³ См. ситуацию 1227 г., когда болгары немедленно удалились из Мордовии, узнав что там действуют русские части: «Болгарьскыи князь пишедъ быль на Пуреша ротника Юрги и слышавъ оже великыи князь Юрги с братею жетье села Мордовская и бежа прочь ноци» (ПСРЛ, I, 451).

⁴ ПСРЛ, I, 459.

лись орды хана Бату, было остро заинтересовано в мирных соглашениях с Русью. С другой стороны, выгоды от союза с болгарями были очевидны и для Руси, где поволжский хлеб уже в 1230–1231 гг. стал фактически спасителем от голода. Однако никакие дружеские инициативы волжских болгар не смогли склонить русского великого князя к тому, чтобы он выступил их заступником от угрозы с Востока.

В источнике В. Н. Татищева сообщение о заключении русско-болгарского мира в 6737 (1229) г. выглядело так:

«Тогда же прислаша к великому князю Юрию болгары о мире и любви. И сослаша люди лепшие со обонх стран опроче (особно).

[И сослали с обонх стран послов, знатных людей, на особое место близ границы Руской на остров, имянуемый Коренев. И оные угинили мир на 6 лет, купцам ездить в обе стороны с товары невозбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно; (бродникам) рыболовам ездить с обе стороны до межжи; и иметь любовь и мир, пленников всех освободить; а буде будет разпря, судить, съехався судиам от обонх на меже].

И тии мир и любовь учинивше на 6 лет, пленныя вся пүстиша и разошася с дары многими.

Того ж года глад высть во всей Рүстей земли 2 годы. И множество людей изомроша, а боле в Новегороде и Белеозере. По болгаре, имеюще мир, вожахү Волгою и Окою по всем градам и продающе, и тем много Рүстей земли помогоша. А князь болгарский присла к великому князю Юрию триццеть насадов жит. И князь великий прият с любовию, а емү посла паволоки драгие, шитые златом, и кости рыбин, и ина үзорочия»¹.

Из текста видно, что был подписан взвешенный и действительно взаимовыгодный договор о мире и сотрудничестве. Однако он так и не был переведен на уровень военно-политического союза, как того просило болгарское посольство в 1232 г. Даже летописец с укоризной вспоминал об этом поступке Юрия:

6740 (1232) «Того ж году приидоша татарове на Волгү и зноваше, не дошед Великого града. Болгоре же прислаша послы

¹ Татишев, 1995 (1). С. 369. В квадратных скобках — дополнение из второй редакции «Истории Российской» В. Н. Татищева (Татишев, 1995 (2). С. 225), а в круглых — уточнения В. Н. Татищева.

своя ко князю великому Юрию, рекуще, яко прииде род силен, откуду неведемы, языка его же никогда слышахом, и просиша помощи противо има, [обесчевая все его (Юрия. — Д. Х.) убытки заплатити]. Князь же великий, гадав со братнею и слышаще, яко сила татарская тяжка, не даша има помощи. А татаре поплениша и покорниша многу нижнюю землю Болгорскую и грады разориша»¹.

В Ростовском летописце всю эту статью, за исключением первого предложения, вычеркнули. Видимо, особенно неприятно было упоминание среди участников княжеского совета «братии». Ведь ответственность за такой эгоистический поступок лежит на всех Всеволодичах.

Юрий отказался заключать с болгарами военно-политический альянс и защищать их от монголов. И у нас нет однозначного понимания того, насколько такая позиция была оправданна. Возможно, упорное противодействие монголам на юго-восточных границах Болгарии, на Волге и Яике могло заставить хана Бату быть более осторожным в своем натиске на запад, но вряд ли оно смогло предотвратить этот натиск. В конце 1220-х гг. эти рассуждения еще могли иметь место, но в 1230-х они были уже неактуальны. Скорее всего, русские полки не смогли бы остановить монгольских ханов в казахских степях, а лишь распылили бы собственные силы на излишне широком фронте борьбы. Прагматизм князя Юрия требовал жертв из среды заграничных союзников.

С обреченным положением болгар можно сопоставить и ситуацию в Рязанском княжестве. Растерзанное внутренними усобицами, лишенное собственной инициативы влиянием могучего северного соседа, оно также было оставлено один на один с Батыем.

Сведения, которые мы черпаем из летописи, составленной при ростовском дворе, не могут в достаточно полной мере описать обстоятельства монголо-рязанского противостояния, а тем более со всей очевидностью указать на неблагоприятную роль великого князя Юрия, бросившего верного вассала на неминуемую гибель. Ростовская редакция повести о монгольском нашествии на Северо-Восточную Русь, приведенной в Лаврентьевской летописи

¹ Татищев, 1995 (1). С. 370. В квадратных скобках — дополнение из второй редакции «Истории Российской» В. Н. Татищева (Татищев, 1995 (2). С. 227), а в круглых — уточнения автора данной книги (Д. Х.).

(далее — ростовская повесть), очень кратко повествует о падении Рязани и ни словом не отмечает какую-либо роль в этих событиях владимирского князя, его имя вообще не упомянуто¹. К счастью, в новгородских и связанных с ними летописях сохранился более подробный вариант этого повествования (далее — новгородская повесть)². Д. С. Лихачев считал, что он восходит к несохранившейся Рязанской летописи. Его же использовали и при составлении в 1270-х гг. «Повести о разорении Рязани Батыем», вошедшей позднее в комплекс сказаний о чудотворной иконе Николая Зарайского³. Кроме того, летописец Даниила Галицкого, использовавшийся в источнике Ипатьевской летописи, сохранил южнорусский извод рассказа о нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь (далее — южнорусская повесть)⁴. Ростовская повесть составлена участником событий вскоре после 1238 г. Новгородская — близким наблюдателем произошедшего и также практически синхронно. Только южнорусский вариант повести появился несколько позднее, лишь во второй половине 1240-х гг. При этом во всех случаях повествователь отстоит от событий не более чем на десятилетие и тем самым заставляет относиться к своему изложению с исключительным доверием.

Сопоставление имеющихся источников позволяет достаточно полно реконструировать события. Проведя часть зимы где-то в лесостепи около Дона, Бату вместе с основной частью армии в ноябре-декабре 1237 г. подошел к границам Рязанского княжества:

«Зимоваша окааннын Татарове подъ Чернымъ лесомъ, и отголе придоша безвестно на Рязаньскую землю лесомъ, съ царемъ Батнемъ ихъ; и пръвое придоша и сташа о Нүзде, и взяша ю, и сташа тчү станомъ»⁵.

¹ ПСРЛ, I, 460–467. В продолжении Суздальской летописи по Академическому списку содержится иной вариант повести о «татарском» нашествии (ПСРЛ, I, 514–522). Далее мы его именуем новгородским.

² НПЛ, 286–289. Компилятивный вариант рассказа о монгольском нашествии на Северо-Восточную Русь, в основе которой лежит новгородская повесть, см.: СЛ, 85–90; ПСРЛ, I, 514–522; IV, 215–222; VI, 288–300; VII, 139–144; XV, 366–373.

³ См.: Повесть, 2000. С. 473–474.

⁴ ПСРЛ, II, 778–781.

⁵ ПСРЛ, XV, 366. Ср.: НПЛ, 286; СЛ, 85; ПСРЛ, I, 514.

Обращает на себя внимание то, что «татары» подошли к русским границам «безвестно», то есть неожиданно. Вероятно, это было связано с тем, что они прошли «лесом», то есть не через тот степной коридор, у которого их, очевидно, ждали. Ясно, что они хотели запутать русских. Кроме того, имея возможность напасть неожиданно, они не стали ее использовать и предпринимать каких-либо поспешных действий. Наоборот, Нузла (Нужа, или Онуза) был, судя по всему, небольшим городком, расположенным на границе лесостепи где-то на берегах Воронежа (возможно, в устье Лесного и Польного Воронежа)¹. Захватив этот городок, Бату остановился нарочито на границе рязанских владений и направил к русским вполне лояльное посольство, якобы для того чтобы избежать лишнего кровопролития. Должно было создаваться впечатление того, что монголы вовсе не желают двигаться на север и, если русские их не спровоцируют, далее не пойдут. Вина за вторжение в любом случае должна была лежать на непокорных русских, а не на представителе универсальной империи. История показывает, что в других регионах мира монголы всегда поступали точно так же: предложения о мире были подчинены целям дезориентации противника, разведки и оправдания экспансии в глазах собственных воинов.

Послы Батыея, которых князья предусмотрительно не подпустили к оборонительным укреплениям своих городов, предложили рязанцам мир в обмен на десятину, вероятно ежегодную:

«И оттоле посла послы своя, жену чародеицу и два мужа с нею, ко княземъ Рязаньскымъ, прося оу нихъ десятины во всемъ: во князехъ и в людехъ и в конехъ, десятое в белыхъ, деся-

¹ Насонов, 2002. С. 191; Кузьмин, 1965. С. 160–162; Повесть, 2000. С. 472. В. В. Каргалов предполагал, что речь должна идти о среднем течении рек Лесной и Польной Воронеж: «возможно, между ними, против широкого (15–20 км) прохода в массиве лесов, тянувшихся дальше по Лесному Воронежу» (Каргалов, 1967. С. 84). Судя по дальнейшему изложению летописи, ее автор четко отделяет места «Нузла» и «Воронаж»; то есть Нузла, по нашему мнению, должна находиться значительно южнее «Воронажа», у которого рязанские князья встречали монгольских послов, отправившихся на север из «Нузлы». Если «Нузлу» разместить в среднем течении Лесного Воронежа, то «Воронаж» должен находиться чуть ли не в ближайшей округе Рязани, что допустить сложно. Полагаем, что более правильно размещать «Нузлу» в районе устья Лесного и Польного Воронежа, а местность «Воронаж» — в их среднем течении.

тое в вороных, десятое в бұрых, десятое в рыжиных, десятое в пегих. Князи же Рязаньстни Юри Инъвгоровичь, братъ его Олегъ [и Романъ] Инъвгоровичь, и Муромьскии и Проньскии, не пұстячи к городомъ, [выидоша противу имъ в Воронажь]»¹.

О результатах этих переговоров судить сложно. О дальнейших действиях князей источники содержат противоречивую информацию, лишенную порою даже внутренней логики. Летопись излагает дело таким образом, что рязанцы сразу и наотрез отказались вести какой-либо диалог с монголами, но предложили им решить дело на поле брани («хотеша съ ними брань сътворити»²):

«И ркоша имъ князи: ...аще нас не бұдетъ всех, то все то ваше бұдет. И оттоле пұстиша ихъ къ Юрию в Володимерь, и оттоле пұстиша от Нухле Татары в Воронажи. Послаша же рязаньстни князи къ Юрию к Володимерьскому, просяще у него помощи, или самому понти»³.

Остается непонятным, почему, если война признавалась неизбежной, было необходимо отсылать батыевых послов во Владимир, а за ними вдогонку посылать собственные просьбы о помощи. И по какой причине в таком случае князья вдруг разрешили («пұстиша») татарам переправиться через Воронеж и вступить на рязанскую территорию — от Нузлы, занятой татарами ранее, в «Воронажи», то есть туда, где они встречались с татарскими послами (по некоторым предположениям, междуречье Лесного и Польного Воронежа)?⁴ Тактическим ходом это назвать нельзя. Скорее

¹ ПСРЛ, I, 514. В квадратных скобках — реконструкция текста по Новгородской первой летописи (НПЛ, 286). В. Т. Пашуто почему-то считал, что послы монголы направили в Рязань уже после захвата Пронска (Пашуто, 1960. С. 134), что никак не подтверждается источниками.

² ПСРЛ, XV, 366.

³ НПЛ, 286. Ср.: ПСРЛ, I, 514.

⁴ В Софийской I летописи приводится иная интерпретация этого текста: «И оттоле пустиша ихъ къ Юрию в Володимерь; и начаша воевати землю Рязаньскую, и плениша ю до Проньска, а из Володимеря пустиша ихъ от Нухле в татары въ Вороножь» (ПСРЛ, VI, 288. Похоже в Новгородской IV, но пропущено последнее слово (ПСРЛ, IV, 215). Такое прочтение позволяет иначе реконструировать события: сразу после прихода татар рязанцы затворились в своей столице, позволили им разорять свою землю, а уже потом, после возвращения из Владимира татарских послы, направили просьбу о помощи к великому князю; после того как Юрий отказался помогать рязанцам, Батый приступил к осаде города. Полагаем, при такой трактовке произошед-

всего, перед нами следы позднейшей модернизации событий, направленной на прикрытие неуклюжих действий князей накануне вторжения. Рязанцы, находившиеся фактически в вассальной зависимости от Суздаля, должны были действовать в рамках проводимой их сюзереном политики, то есть уступать, замирать и соглашаться с татарами. Вероятно, Юрий Ингваревич, встретив послов за городом, что могло быть признано дружеским жестом, немедленно согласился с требованиями Батыя и позволил его войскам продолжить зимовку на рязанской территории. Так как в Рязани считали, что самостоятельно (без согласия сюзерена) мирный договор с монголами они заключать не могут, то отослали парламентеров во Владимир, где и принимались важные внешнеполитические решения¹. Однако расчет на заступничество со стороны Суздаля не оправдался. Великий князь Юрий предал рязанцев, хотя и сделал это перед лицом нависшей над всеми его землями угрозой, что послужило ему в глазах летописца некоторым оправданием:

шего возникает много дополнительных проблем и вопросов. Например, неясной остается позиция Батыя, который посылает послов во Владимир в то время, когда уже приступил к грабежу рязанских поселений: зачем тогда посольство? Очевидно, рязанцы успели получить отказ Юрия еще до начала осады, но это случилось уже значительно позже того, как к Батыю вернулись его послы из Владимира: зачем было выжидать столько времени? Ждать, пока реки замерзнут? К 16 декабря Ока замерзает и в обычные годы, а зима 1237–1238 гг., судя по летописи, была суровой (Борисенков, Пасецкий, 1988. С. 265). Неясными остаются и результаты переговоров татарских послов во Владимире. К тому же сам текст сообщения оказывается излишне корявым: *от «Нухли» (Нузлы), которую татары заняли первым делом, послов пускают (кто?! Рязанцы?! Юрий?!)* «в татары въ Вороножь», к месту, на котором рязанские князья и встретили тех самых послов. Все наоборот! Если бы *от «Воронаж»* пускали в «Нухли», то сомнения бы исчезли. Однако композиция текста во всех источниках остается неизменной, и это заставляет в очередной раз отказаться в достоверности реконструкции Софийской I летописи.

¹ В. Н. Татищев писал, что кроме Владимира Юрий Рязанский посылал за помощью и к князьям «северским и черниговским», которые отказались помогать, памятуя то, что рязанцы не пришли к ним в битве на Калке: «...также северские и черниговские не пошли, извиняясь, что как резанские с ними на Калк не пошли, когда их просили, то и они помогать им паки в страх вдаваться не хотят». «И тако ни един князь другому помогать не хотел», — заключал историк (Татищев, 1995 (2). С. 232). В.Т. Пашуто с доверием относился к этому указанию и считал, что Юрий Ингваревич посылал за помощью к Михаилу Всеволодовичу Черниговскому и Галицкому (Пашуто, 1960. С. 134). Так же поступали и некоторые другие исследователи (Иловайский, 1858. С. 128; Каргалов, 1967. С. 85).

«Юрьи же самъ не поиде, [ни посла къ нимъ,] ни же паки послѣша князь рязаньскѣхъ молвы, нь самъ хоте особь брань сътворити.

Нь уже бѣше божию гневѣ не противитися, яко же речено бысть древле Исусѣу Наугинѣ господомъ; егда веде я господь на землю обетованѣю, тогда рече:

“Азъ пошлю на ня преже вас недоумение и грозѣ и страхъ и трепетъ”.

Також и преже сихъ отъятъ господь от нас силу и храбрость, а недоумение и грозѣ и страхъ и трепетъ вложи в нас за грѣхы наша»¹.

Примечательно, что позднейшая «Повесть о разорении Рязани Батыем» предлагает более живописную версию событий, в которых центром произошедшего выступает не отказ Владимирского князя в помощи, а самостоятельные переговоры рязанцев с монголами. Согласно этому источнику, после того как «безбожный царь Батый» пришел «на Русскую землю» и остановился на р. Воронеж («ста на реце на Воронеже»), он «присла на Резань» к князю Юрию Ингваревичу «*послы безделны*», то есть бесполезные, ложные, «*просяща десятины въ всем: во князех, и во всяких людех, и во всем*». «*И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский приход безбожнаго царя Батыа, и вскоре посла в град Владимир к благоверному и великому князю Георгию Всеволодовичю Владимирскому, прося помощи ѹ него...*»².

Повесть составлялась более чем через 30 лет после описанных событий, и отдельные словосочетания здесь часто носят случайный характер. Так, заранее сообщается, что послы были «безделны», а за помощью рязанцы посылают, лишь только «услыша» о подходе монголов. Это, конечно, не более чем смысловая конструкция, в которой при всем при том сохраняется безусловно верная последовательность событий.

После получения отказа в военной поддержке Юрий Ингваревич, согласно Повести, созывает «братью» на совет. В собрании приняли участие три Ингваревича — Юрий, Роман, Олег, а также Юрий Давыдович Муромский и кто-то из пронских князей, чье

¹ НПЛ, 286. В квадратных скобках — дополнение из Тверской летописи (ПСРЛ, XV, 366). Тот же текст: ПСРЛ, I, 515. Производный от этого текст содержится в «Повести о разорении Рязани Батыем»: Повесть, 2000. С. 140.

² Повесть, 2000. С. 140.

имя установить затруднительно¹. Фактически князья собрались для определения дальнейшей совместной политики в условиях неисполнения Суздаем обязанностей сюзерена. Феодалное право, как известно, позволяет вассалам отказаться от присяги верности в том случае, если их покровитель оказывается неспособным защитить их. Дальнейшие действия князей демонстрируют их поиски новых оснований для внешнеполитической ориентации. Во-первых, сам факт совещания говорит о создании военно-политического альянса Рязани, Пронска, Мурома, а также Коломны, чья принадлежность к Суздальскому княжеству в те годы, видимо, была (или стала?) условной. Во-вторых, совещание приняло решение искать сепаратного соглашения с Батыем: «...и начаша совещевати, яко нечестиваго подобает утоляти дары». Речи о войне пока не шло: ведь, как было сказано выше, рязанцы немедленно по прибытии батыева посольства согласились на предложенные ханом условия. Поэтому у князей были основания рассчитывать на возможность избежать военного столкновения. С другой стороны, планы монголов на универсальное господство не были секретом даже для странствующего доминиканского монаха, практически не понимавшего местных языков, а уж тем более не могли оставлять иллюзий владельцам Рязани. Поэтому основной целью переговорного процесса с Батыем должно было стать максимальное оттягивание начала войны.

Для переговоров и в качестве заложника в ставку Батыя на р. Воронеж был направлен сын Юрия Ингваревича Федор «з дары и молении великими, чтобы не воевал Рязанския земли». По внешним признакам миссия княжича оказалась успешной: «**Безбожный царь Батый, льстив бо и немилосерд, приа дары и охупися**

¹ В Повести указаны другие имена, которые большей частью неизвестны летописи: «Давыд Ингоревич Муромский» — это, скорее всего, ошибка, а читать следует Юрий Давыдович, который действительно правил в Муроме, в отличие от кого-либо из Ингваревичей; «Глеб Ингоревич Коломенский» — под этим именем, судя по всему, скрывается Роман Ингваревич, который позднее упоминался в качестве организатора обороны Коломны, а в крещении мог носить традиционное для глебов имя Роман (как Св. князь Глеб, брат Бориса); «Олег Красный» — это Олег Ингваревич, известный своей внешней привлекательностью; «Всеволод Пронский» — неотожествленный персонаж, возможно, сопоставимый с Всеволодом Глебовичем Пронским, погибшим в 1208 г., что позволяет видеть в его упоминании ошибку. См.: Рапов, 1977. С. 132–134; Повесть, 2000. С. 475–476.

лестию не воевати Рязанския земли, и яряся хваляся воевати Русскую землю»¹.

Сепаратное соглашение было заключено, и казалось бы, ничто не должно было предвещать разрыва. С рязанской стороны стремление к миру было вполне искренним. В случае вооруженного столкновения их поражение было предопределено. Кроме того, подстрекая хана к вторжению в «Русскую землю», под которой, судя по всему, понималась Северо-Восточная Русь², они оказывались изгоями среди своих же родственников, а также восставляли против себя Владимирского великого князя. При прочих равных Батыея также должны были в большей степени интересоваться близкий к половецкой степи Киев и могущественный Владимир Залесский, чем бедная пограничная Рязань. Однако эти расчеты оказались неверными.

Исследователи разнятся во мнениях о причинах, побудивших Батыея разорвать только что заключенный мир. «Повесть о разорении Рязани Батыеем» объясняет случившееся гневом хана, которому княжич Федор отказался предоставить «на ложе» свою жену Евпраксию:

«И нача [Батый] просити у рязанских князей тщири или сестры собе на ложе. И некий от велмож рязанских завистию насочи безвожному царю Батыею на князя Федора Юрьевича Рязанскаго, яко имеет у собе княгиню от царьска рода, и лепотою-телом красна ве зело. Царь Батый, лукав естъ и немилостивъ в неверии своем, пореваем в похоти плоти своея, и рече князю Федору Юрьевичю: "Дай мне, княже, ведети жены твоей красоту!" Благоверный князь Федор Юрьевич Рязанской и посмеяся, и рече царю: "Не полезно бо естъ нам, христианом, тебе, нечестивому царю, водити жены своя на блуд, — аще нас приодолеши, то и женами нашими владети начнеши"»³.

¹ Повесть, 2000. С. 140.

² вполне может быть, что в данном тексте «Русская земля» — это не более чем патетическое выражение, а не реальный географический объект. Однако если предположить, что за этим термином скрыто реальное топографическое указание, то оно должно соответствовать Северо-Восточной (Владимиристо-Суздальской Руси), о которой не раз говорится и в самой Повести. Так, в Повести отмечено, что «желая Рускую землю поплентити» Батый «поиде на град Суздаль и Владимир» (Повесть, 2000. С. 146). О Южной Руси, собственно Русской земле, и Киеве в Повести нет ни слова.

³ Повесть, 2000. С. 140–142. В квадратных скобках — дополнения автора (Д. Х.).

В самом по себе требовании Батыя, как отмечал Ю. В. Кривошеев, не было ничего необычного. Для монголов требовать от покоренных народов женщин себе «на ложе» было обычным, а если такое требование исходило от самого хана — даже почетным¹. Однако реакция Федора оказалась непропорциональной и, видимо, изумила Чингизида, показалась ему оскорбительной:

«Безбожный царь Батый возярися и огорчися и повеле вскоре убити благовернаго князя Федора Юрьевича, а тело его повеле поврещи зверем и птицам на разтерзание; ниєх князей, наричитых людей воинских побилъ»².

Разумеется, мы не склонны связывать начало монгольского вторжения борьбой за честь княгини Евпраксии. Однако считаем, что какие-то общие отзвуки реальных событий эта история все же несет. Например, факт убийства русских послов в монгольской ставке не вызывает сомнений. Любопытно отметить, что даже Повесть не говорит о немедленном после отказа наказании Федора, но лишь «вскоре». Поводов для этой резни могло быть несколько. Причем дипломатическая неопытность княжича Федора, да и вообще всех рязанских князей, внешней политикой которых последние годы занимался исключительно суздальский сюзерен, могла играть не последнюю роль.

С другой стороны, не следует игнорировать и фактор большой межгосударственной интриги. Сепаратное соглашение Рязани с Батыем напрямую било по интересам Владимирского князя, который оказывался перед лицом еще более усилившегося врага: пропустив через свои земли монгольское войско, рязанские князья, скорее всего, вынуждены были бы к нему присоединиться. Фактически, отказавшись поддерживать рязанцев, Юрий Всеволодович оказался в положении, когда был заинтересован в подстрекании монгольской агрессии против них. Получился замкнутый круг интересов, в который были загнаны все властители Северо-Востока Руси необдуманно действиями владими́ро-суздальского «замирителя».

¹ Кривошеев, 1999. С. 55.

² Повесть, 2000. С. 142.

На дипломатическом фронте монголы еще до начала войны одержали сокрушительную победу над русскими князьями. Среди виновников этого следует отметить то самое посольство, которое состояло из «жены чародеицы и двух муж с нею» и было отослано рязанцами из Воронежа во Владимир. Вероятно, именно они окончательно склонили великого князя Юрия к необходимости отказаться от поддержки своих вассалов на юге. Аргументом могло служить то, что рязанские земли в значительной части составляют степные территории, то есть потенциальную зону интересов кочевников. Позволив монголам контролировать степь, Юрий мог считать, что сумеет отсидеться за Окским лесом, который Батый проходить не решится. На корыстные интересы и планы Владимирского князя в сообщении о разорении Волжской Болгарии в 1236–1237 гг. со всей очевидностью намекает недоброжелательный источник, копированный В. Н. Татищевым:

«Того же году [6744 (1236)] от пленения татарского многие болгары, избегши, пришли в Русь и просили, чтоб им дать место. Князь же великий Юрий велми рад сему был и повелев их развести по городам около Волги и в другие. Тогда многие советовали ему, чтоб города крепить и со всеми князи согласиться к сопротивлению, ежели оные нечестивые татара придут на земли его, но он, надеясь на силу свою, яко и прежде, оное презри. О, зависть безумная, по Златоусту, искал бо, егда татара других победят, великую власть получить, но за то от бога сам наказан, гордяйся бо, по пророку, смирится»¹.

Справедливости ради следует отметить, что переговоры Рязани, Батыя и Юрия Всеволодовича укладываются на очень ограниченном отрезке времени — не более месяца (до середины декабря 1237 г.) — и не могли содержать слишком сложных политических комбинаций или состоять из нескольких этапов. Скорее всего, Батый вел сепаратные переговоры с княжичем Федором до тех пор, пока не получил от своих представителей во Владимире известие, что Юрий не будет заступаться за Рязань². Дальнейшие препира-

¹ Татищев, 1995 (2). С. 230. В квадратных скобках — дополнения автора данной книги (Д. Х.).

² О причинах, побудивших Юрия Всеволодовича отказаться помогать Рязани, в исторической литературе высказывалось немало мнений. Н. М. Карамзин, следуя

тельства были бессмысленны, реки и болота замерзли, коалиции противника расстроены, а возможное сопротивление дезорганизовано. Следовало наступать, что Батый и собирался сделать, приказав убить русских послов в своей ставке.

§ 2. ВТОРЖЕНИЕ: СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ, 1237–1238 гг.

[Татары] из-за Руси,
сильно [им] противостоявшей,
не могли продвинуться дальше:
имели неоднократные столкновения с русскими,
и много крови было пролито,
долго, однако, они были сдерживаемы русскими.
Вследствие чего, направившись от них в другую сторону,
все северные области окружили войною.

Фома Сплитский¹

Если следовать изложению «Повести о разорении Рязани Батыем», то первый удар по противнику нанесли рязанцы². И это в целом не противоречит рассказам летописей, для которых, одна-

---

летописи, писал, что «Великий князь, надменный своим могуществом, хотел один управиться с Татарами» (Карамзин, 1991. С. 507) и «в безрассудной надменности допустил Татар до столицы, не взяв никаких мер для защиты Государства» (Карамзин, 1992. С. 8). Примерно в тех же выражениях высказывался и В. Н. Татищев (Татищев, 1995 (2). С. 232). Среди прагматичных версий наиболее распространенными можно назвать три: 1) его давнее враждебное отношение к Рязани; 2) слишком быстрое продвижение Батыя, так что Юрий не успевал подвести войска; 3) «вероломная» дипломатия монголов (Каргалов, 1967. С. 89). Скорее всего, следует учитывать все эти факторы, которые в совокупности оказали влияние на близорукую, робкую и пораженческую политику великого князя Владимирского.

¹ Thomas, 1894. S. 116.

² Вслед за Повестью этой линии изложения придерживается и Никоновская летопись (ПСРЛ, X, 105–106). Также см.: Карамзин, 1991. С. 508; Татищев, 1995 (2). С. 232. Однако среди историков отношение к этим сведениям сложилось неоднозначное. Некоторые (Д. Иловайский, В. Т. Пашуто, Д. И. Троицкий) считают, что рязанцы сразу затворились в своей столице и в поле против татар не ходили (Иловайский, 1858. С. 69; Пашуто, 1960. С. 134). Полагаем, что при таком восприятии материала нарушается баланс доверия к источникам. См. подробнее: Каргалов, 1967. С. 84–86. Кстати, все летописи содержат сообщение о том, что рязанские князья не пустили к себе татарских послов, но «выидоша противу имъ в Воронажь». В этом выражении может содержаться намек на то, что рязанцы переговоров не вели, но сразу взяли за оружие.

ко, первым значительным событием Батыева нашествия было падение Рязани. Осаде столицы княжества, естественно должно было предшествовать разорение сельской округи и менее значительных городов. Симеоновская летопись примерно так и описывает произошедшее:

«И начаша воевати Татарове землю Рязанскую, и грады ихъ розбивающе и люди секуще и жгуще, и поплениша ю и до Проньска; и придоша окаянии иноплеменищи подъ столбыи ихъ городъ Рязань»¹.

Можно вспомнить также рассказ монаха Юлиана о четырех монгольских армиях. По его словам, одна из армий еще в период его пребывания на Руси «уже нападала на границы Рязани [Resepnie]»², но об осаде этого города он не знал. Так как большинство источников отражает взгляд стороннего наблюдателя, то для них далекие сражения, не принесшие тактического перелома в военных действиях, могли выглядеть малозначимыми. Уникальный осколок рязанского летописания, «Повесть о разорении Рязани Батыем», восполняет этот пробел и предлагает менее сухую версию событий.

Ясно, что подлое убийство княжича Федора Юрьевича, выполнявшего посольскую миссию, должно было вызвать благородное негодование в Рязани:

«И услыша великий князь Юрьи Игоревичъ убиение возлюбленого сына своего князя Федора, инех князей, парочитыхъ людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакати, и с великою княгинею, и со прочими княгинями, и з братею; и плакашеся весь град на многъ час, и едва отдохнув от великаго того плача и рыдания; и начаша совокупляти воинство свое и учредиша полки»³.

То, что рязанская коалиция князей сумела достаточно быстро собрать крупные воинские подразделения, включавшие рядовых

¹ Сл. 85.

² Аннинский, 1940. С. 86.

³ Повесть, 2000. С. 142.

ополченцев («*үчредниша полки*»), может говорить, в частности, о том, что такой исход переговоров с Батыем ими предвиделся и подготовка к нему началась значительно раньше. Возможно, рязанцы начали готовить удар первыми сразу после получения из Владимира отказа в помощи. В таком случае все посольство Федора было не более чем отвлекающим маневром, целью которого было оттягивание времени.

Как бы то ни было, но, если доверять изложению Повести, нападение рязанцев для Батыя было внезапным. Создается впечатление, что хан и не подозревал, что это маленькое государство способно решиться на самостоятельные наступательные (!) действия. Ни одно из русских княжеств ни в этом, ни в следующем году, ни много лет позже не решилось на подобную дерзость — самостоятельный поход против основных сил империи Чингисхана. Рязанцы не обладали особенными претензиями в области глобальной политики, они просто считали это делом чести и смерть в борьбе с врагом признавали почетной — в открытом поле и против армии всего мира. Как известно, безумству храбрых и следует петь песни...

Князь Юрий Ингваревич вел свои полки на верную гибель, и это особенно подчеркнуто в патетических репликах Повести: речь перед братией («*мүтче нам смертию живота күпитти, нежели в поганой воли быти*»), поклон Успенскому собору Рязани, плач перед образом Богородицы и «последнее целование» матери, великой княгини Агрены Ростиславны. Судя по дальнейшему изложению, рязанцы сумели недешево продать свою жизнь и действительно произвели впечатление на гордого монгольского хана. Внезапная атака небольшого даже по русским меркам войска рязанцев была пощечиной монгольскому самолюбию:

«И пондоша против нечестиваго царя Батыя и сретоша его близ предел резанских. И нападоша на нь и начаша битися крепко и мужественно. И бысть сеча зла и ужасна, мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батый и видяще, что господство резанское крепко и мужественно въяшеса, и возвося.

Да противу гневу Божию хто постоит?

А Батыеве во силе велице и тяжце: един въяшеса с тысящею, а два — со тмою. Видя князь великий үбненше брата свое-

го князя Давыда Ингоревича и воскричаша: «О братице моя милая! Князь Давыдъ, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем?!» Преседоша с коня на кони, и начаша битися прилежно, многа сильныя полкы Батыевы проеждяя, а храбро и мужественно бьяшеса, яко всем полкомъ татарскимъ подвигитися крепости и мужеству резанскому господству.

И едва одолеша их сильныя полкы татарския»¹.

Повесть отмечает, что в этом сражении где-то на берегах Воронежа погиб цвет рязанских войск, а также многие князья со своими дружинами: Юрий и Роман Ингваревичи, а вместе с ними и главы муромского и пронского княжеств, то есть собственно все лидеры антимонгольской коалиции. Однако, согласно вполне достоверной новгородской версии событий, рязанский князь Юрий погиб при осаде своего стольного града, а его брат Роман — в битве у стен Коломны². Вероятно, автору Повести представлялась более почетной смерть воина в битве в открытом поле, и он немного приукрасил действительность. По нашему мнению, это было более чем напрасно. Ведь в противном случае мы получаем дополнительное свидетельство того, что после сражения на реке Воронеж некоторые князья выжили и сумели отступить в свои вотчины. Уцелеть в наступательной операции против сильнейшей армии мира — трудно припомнить других таких героев вплоть до Куликовской битвы.

После событий на реке Воронеж Батый получил вполне законный повод вторгнуться на рязанскую территорию. Это место в «Повести о разорении Рязани» звучит сухо и очевидно представляет собой вставку из какого-то летописного источника:

«И начаша воевати Рязанскую землю, и веля бити, и сечи, и жещи без милости. И град Прънеск, и град Бел, и Ижеславец розари до основания, и все люди повбиша без милости. И течаше кровь христьянская, яко река сильная, грех ради нашихъ»³.

¹ Повесть, 2000. С. 144.

² ПСРЛ, I, 286.

³ Повесть, 2000. С. 144. Эта часть текста в Повести — очевидная вставка, которая к тому же совершенно недвусмысленно разрывает сообщение об убиении Олега Ингваревича. Речь в данном случае должна идти о цитате из некоего рязанского летописца, в которой, по-видимому, рассказывалось о том, что города Пронск, Белгород и Ижеславец были разорены еще до подхода монголов к столице княжества. О взятии татарами Пронска еще до штурма Рязани говорится и в других летописях: СЛ, 85; ПСРЛ, I, 460; X, 106.

Примечательно, что в этом сообщении подчеркивается, что города Пронск, Белгород и Ижеславец пали ранее, чем монголы подошли к столице княжества. Эти населенные пункты расположены на юго-запад (Пронск и, вероятно, Ижеславец) и северо-восток (Белгород) от Старой Рязани¹. Следовательно, монголы совершали широкий охват самого укрепленного города в области. Только разорив округу на многие километры вокруг, Батый 16 декабря 1237 г. подступил к крепости: «тогда иноплеменници остүпиша град Рязань декабря 16 и острогомъ оградиша»².

В городе укрылся князь Юрий Ингваревич с остатками своей дружины («затворися въ граде с людьми»), которые после решительного разгрома в битве на р. Воронеж серьезного сопротивления оказать уже не могли. Судя по всему, профессиональных военных среди обороняющихся было немного, но, несмотря на это, без боя столицу княжества никто сдавать не стал. Внушительный характер Рязанской цитадели позволял предполагать, что кочевники, каковыми признавались монголы, не станут тратить силы на приступ: крепость опоясывали две линии валов, которые в основании достигали ширины 23–24 м, а в высоту были до 9–10 м; глубина рвов была около 8 м. После пятидневной осады монголы штурмом взяли эти беспрецедентные по качеству оборонительные сооружения. Были применены все осадные и наступательные приспособления, известные тогда в Евразии (греческий огонь, камнеметы, штурмовые лестницы), но практически неиспользовавшиеся на Руси:

«А а шестый день рано приидоша погани ко граду, овни с огни, а ини с пороки, а инен со тмочисленными лествицами»³.

21 декабря Рязань пала. Большая часть населения, включая княжескую семью, монахов, клириков, женщин и детей, была

¹ Насонов, 2002. С. 182, 186; Повесть, 2000. С. 477.

² ПСРЛ, I, 515. Аналогичный текст: НПЛ, 286–287; ПСРЛ, XV, 367. В некоторых летописях (Симеоновская, Никоновская, др.) содержится описка: вместо 16 декабря указано 6-е (СЛ, 85; ПСРЛ, X, 106; Татищев, 1995 (2). С. 232).

³ Повесть, 2000. С. 144.

вырезана¹. Дома сожжены, церкви разграблены, алтари осквернены («во святых олтарех много крови пролиаше»). До сих пор археологи фиксируют на территории Старой Рязани большое количество коллективных могил того времени, руины, клады и толстый слой пожарища². Город фактически закончил свое существование и, превратившись в руины, заполненные горами мертвых тел, вскоре сошел до уровня села. Его статус изменился не сразу, но люди более в него не шли³. Это было тяжелое место, одно большое и неухоженное кладбище:

«И не оста во граде ни един живых, вси равно умроша и едину чашу смертнѹю пиша. Нестъ бо тѹ ни стоюща, ни плачуща: и ни отцѹ и матерѹ о чадех, или чадом о отци и матери, ни братѹ о братѹ, ни ближнемѹ родѹ, но вси вкупѹ мертвы лежатца»⁴.

Судя по сообщению Рашид-ад-Дина, в штурме Рязани приняло участие чуть ли не все войско Чингизидов, которое затем двинулось к суздальским пределам, к Коломне:

«Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгу-каан, Кулкан, Кадан и Бури вместе осадили город Арпан [*вар. Риазан, Ариан, Риан; Рязань*]

¹ Необычную версию гибели княжеской семьи предлагает южнорусская повесть о татарском нашествии, сохранившаяся в Ипатьевской летописи: «И взяша градъ Рязань копьемъ, изведеше на лъсти князя Юрья и ведоша Прыньскоу, бе бо в то время княгини его Прыньскы, изведеша княгиню его на лъсти, оубиша Юрья князя и княгини его, и всю землю избиша» (ПСРЛ, II, 778). Так как в этом изложении содержится сразу несколько фактов, которые противоречат показаниям других, по нашему мнению более достоверных, источников, мы приводим это сообщение только в качестве иллюстрации. Вероятно, оно должно демонстрировать какие-то весьма условные отголоски реальных событий, среди которых особенно запомнились ситуации вокруг пленения одного из князей, удержание княжеской женой, многократных обманов («лъсти») со стороны монголов и неоднозначной роли князя Юрия (?).

² Монгайт, 1955. С. 29; Каргалов, 1966. С. 34–37; Каргалов, 1967. С. 87; Русь, 2003. С. 30.

³ Жизнь на месте Старой Рязани после монгольского нашествия не прекратилась. Однако подтвердить ее интенсивность археологическими находками пока не удается. Возможно, город сохранял политический статус столицы княжества, но экономическое значение утратил. Ушла из него и большая часть населения. См.: Русь, 2003. С. 30.

⁴ Повесть, 2000. С. 146. Об исключительной жестокости, проявленной монголами при взятии Рязани, говорят и все другие источники: НПЛ, 287; СЛ, 85; ПСРЛ, I, 460, 515; II, 779; VII, 139; X, 106; XV, 367; Карамзин, 1991. С. 508–509.

Рис. 14. Рязань. XIII в. Вид с юга. Реконструкция Т.П. Кудрявцевой (ДГ, 1993. С. 121)

и в три дня взяли. После того они овладели также городом Ике [= «город на Оке», Коломна]»¹.

Трудно себе представить, что стало с городом, в который ворвались тумены сразу семи ханов (около 70 тысяч воинов) и который обороняли в основном необученные местные жители. Археологические материалы демонстрируют тотальное разорение основной части территории Рязанского княжества. Только отдаленные лесистые области на границе Муромской земли остались нетронутыми. Наиболее населенные районы по рекам Прони (Пронск, Ижеславец) и Оке (Белгород, Ужеск (Ожеск), Ольгов (Льгов), Переяславль-Рязанский, Борисов-Глебов) были пройдены «огнем и мечем». Многие поселения в этих местах прекратили свое существование². Вероятно, монголы действительно мстили за некое оскорбление со стороны рязанцев. Жестокость с их стороны была проявлена действительно изысканная.

Цитированное выше сообщение Рашид-ад-Дина позволяет также охарактеризовать ту группировку монгольских войск, которая действовала на этом направлении. Ранее приводился отрывок из письма венгерского монаха Юлиана, в котором тот описал четыре направления наступления татар:

1. Первая армия «у реки Этиль [*Ethyl*] на границах Руси [*Ruscie*] с восточного края подступила к Суздалью [*Sudal*]», то есть действовала в обход муромских лесов на левом берегу Волги, от Болгарии в направлении на Нижний Новгород, Городец Радилев, Кострому, Ярославль, Галич Мерский.
2. Вторая армия находилась «в южном направлении» и «нападала на границы Рязани».
3. Третья располагалась «против реки Дон [*Den*], близ замка Воронеж [*Ovcheruch*]», то есть служила гарантом против недружелюбных действий половцев.
4. Четвертая «осаждала всю Русь (*totam Rusciam*)», то есть контролировала границы Южной Руси, ее коммуникации с половецкой степью и Северо-Востоком³.

¹ Тизенгаузен, 1941. С. 36; Рашид-ад-Дин, 1960. С. 38. В квадратных скобках — варианты записи и интерпретации топонимов.

² Монгайт, 1961. С. 359; Каргалов, 1967. С. 86; Мансуров А. А. Археологическая карта р. Прони // СА. № 4. 1936. С. 221.

³ Аннинский, 1940. С. 87.

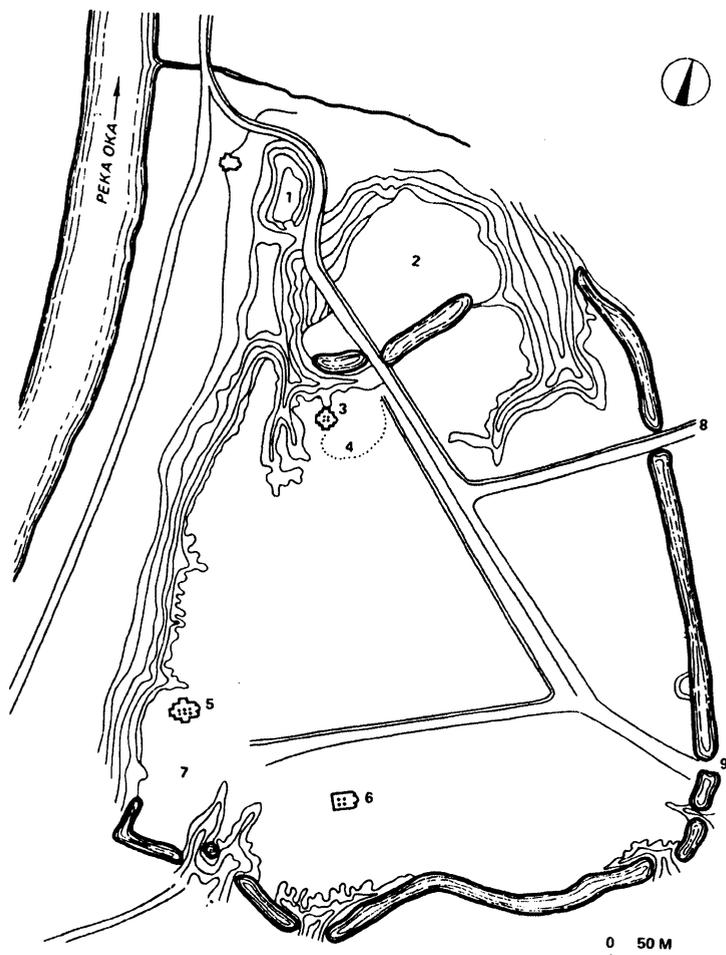

Рис. 15. Старая Рязань. План городища. Обмеры 1970 г.

- 1 – северный мыс городища; 2 – северное городище; 3 – Спасский собор, конец XII в.;
 4 – место торговища; 5 – Борисоглебский собор, XII в.; 6 – Успенский собор, XII в.;
 7 – южная оконечность городища; 8 – Исадские ворота; 9 – Новые Пронские ворота
 (ДГ, 1993. С. 120)

Как видно, вторая группа составляла подавляющую часть монгольской армии – 70 тысяч из предполагаемых 120 (примерно по 10 тысяч на каждого хана – участника похода). Соответственно на все другие направления приходилось не более 50 тысяч всадников, что не так и много, если учитывать протяженность фронта и масштаб задач. Полагаем, что большинство из этих вспомогательных частей концентрировались в южных регионах, а для действий

первой группы был выделен небольшой отряд, который, кстати, позднее почти никак себя не проявил. Скорее всего, выделение волжского фронта наступления на Суздаль служило для растягивания сил противника и его дезинформации. Активных действий на этом направлении не предполагалось.

Создается впечатление, что Юрий Всеволодович попался практически на все военные хитрости Батыя. Он и отказался от вооруженной поддержки соседних княжеств, и переоценил искренность монгольских мирных инициатив, и неверно распределил свои военные ресурсы. О том, что Юрий Всеволодович не ожидал немедленного вторжения в Суздальскую землю, свидетельствует летописная фраза, в которой говорится о том, что он послал воеводу Еремея Глебовича к Коломне «в сторожах»¹. Подойдя к Оке, дружинники встретили местного князя Романа Ингваревича, которому удалось избежать гибели в битве на р. Воронеж и увести часть дружины в свою вотчину. Вероятно, от него они узнали о событиях в Рязанских землях и о неуклонном намерении монголов двигаться далее на север. Судя по компилятивному изложению Тверской летописи, только после этой встречи великий князь Юрий направил к Коломне войска во главе со своим сыном Всеволодом:

«Князь же великий Юрий Всеволодичъ Володимерский посла въ сторожехъ Иеремея воеводою, и снися съ Романомъ Ингваревичемъ; Татарове же, вземше Рязань, поидоша хъ Коломне, и ту прииде противу ихъ сынъ великого князя Юриа Всеволодича изъ Володимера и Романъ Ингваревичъ [съ] своими людьми и оступиша ихъ Татарове»².

Появление у Коломны войск Еремея и Всеволода летописи неизменно разделяют во времени. В Воскресенской и Симеоновской летописях даже отмечено, что князь Юрий послал с сыном полки, а воеводу Еремея «напередъ в сторожехъ»³. А новгородская (наиболее развернутая) версия событий вообще не упоминает среди участников Коломенской битвы Всеволода Юрьевича. Однако

¹ НПЛ, 287; ПСРЛ, I, 367, 515; IV, 215; VI, 290; VII, 139.

² ПСРЛ, XV, 367.

³ СЛ, 85; ПСРЛ, VII, 139. Любопытно, что Софийская I летопись описывает события с точностью до наоборот: сначала у Коломны встретились Всеволод и Роман, а затем с ними «снися» воевода Еремей (ПСРЛ, VI, 290). В любом случае разнесение во времени сохраняется.

при этом весь рассказ о событиях под Коломной размещен в ней ранее рассказа о штурме Рязани¹. Судя по всему, это должно отражать наличие у летописца лишь части информации о хронологии событий. Вероятно, он знал, что дружина Еремея подошла к Коломне еще до падения Рязани, а вот о прибытии полков князя Всеволода у него сведения отсутствовали. Предлагаемая последовательность событий объясняет и «сторожевой» характер миссии Еремея.

Таким образом, великий князь Юрий после заключения с монголами некоего договора, по которому они гарантировали мир, а он отказывался от наступательных действий в степи, направил к своим границам около Коломны сторожевой отряд воеводы Еремея. Зимой в тех местах передвижение крупной конной армии было возможно только вдоль русла рек, на которых снежный покров был менее глубоким, а риск заблудиться снижался до минимума. Следовательно, для монголов существовало только два маршрута к центру Суздальской земли: 1) минуя Нижний Новгород по Оке и далее по Клязьме к Владимиру, а далее по Нерли к Суздалю; 2) минуя Рязань вверх по Оке и далее минуя Коломну вверх по Москве-реке, после чего краткий переход в верховья Клязьмы и прямо к Владимиру. Судя по сообщению монаха Юлиана, возможность монгольского вторжения со стороны Волги признавалась наиболее вероятной; исходя из этой логики, требовалось размещать сторожей на каждом из маршрутов, что Юрий и сделал. Вероятно, после встречи с Романом Ингваревичем воевода Еремей Глебович направил своему князю отчет о произошедшем в Рязанской земле. Во Владимире должны были понять, что ими допущена глобальная внешнеполитическая ошибка в отношениях с монголами. Требовались немедленные меры по предотвращению нависшей над княжеством угрозы. Те войска, которые было возможно быстро мобилизовать, были направлены во главе со старшим великокняжеским сыном Всеволодом к Коломне — тому месту, где, как теперь стало ясно, будет нанесен главный удар. Здесь, у города на

¹ НПЛ, 287. Характерно, что ростовская повесть ничего не говорит о «сторожевой» функции Еремея и даже не упоминает князя Романа: против монголов направляется княжеский сын Всеволод, который и принимает бой, в котором погибает некий воевода Еремей и «иных мужии много» (ПСРЛ, I, 460).

Оке, прикрывавшего проход в глубь Владимиро-Суздальского княжества, разыгралось, как потом выяснилось, самое крупное и ожесточенное сражение русских и монгольских войск периода Батыева нашествия:

«... [и тѹ высть имѹ вой], и внишася крепко, и высть сеча велика, и прогнаша их к надолбомѹ и тѹ оубиша князя Романа [Ингваревича], а оу Всеволода воеводу его Еремея [Глебовича], а иных много мужей повниша, [и тѹ паде много людей съ княземѹ и съ Иеремеемѹ, а Москвичи повегоша, ничего же не видевше], а Всеволод [Юрневич] в мале дружине прибежа в Володимерь, а Татарове же пондоша к Москве...»¹.

В сражении у Коломны под общим руководством княжича Всеволода находилось значительное войско, которое никак нельзя, вслед за В. Т. Пашуто, называть «дозорным отрядом»². В состав армии Всеволода вошел сторожевой отряд воеводы Еремея, дружина коломенского князя Романа Ингваревича, ополчения ближайших городов (Коломна, Москва), а также собственно владимирский полк, который князь привел сам³. Надо полагать, численность войск была более значительной, чем могли выставить рязанские князья в битве на Воронеже или при осаде Рязани. Неудивительно, что армию не смогли разместить за стенами Коломны, а поставили снаружи: об этом говорит то, что в итоге ее оттеснили «к надолбам», то есть к скошенному частоколу, предназначенному для ограничения действий кавалерии⁴.

¹ ПСРЛ, I, 515–516. В квадратных скобках – дополнения по Тверской летописи (ПСРЛ, XV, 367–368). Некоторые другие летописи приводят почти дословно тот же рассказ (НПЛ, 287; СЛ, 85; ПСРЛ, IV, 215; VI, 290; VII, 139–140).

² Пашуто, 1960. С. 134.

³ Указание продолжения Суздальской летописи по Академическому списку на участие в сражении у Коломны новгородцев основано на недоразумении: вместо «и князь Романъ Инъгворовичъ съ своими вои» здесь записано «и князь Романъ и новгородци съ своими вои» (ПСРЛ, I, 515. Ср.: ПСРЛ, VI, 290). К сожалению, эту описку исследователи иногда воспринимают серьезно (Каргалов, 1967. С. 90). «Воями» обозначали ополченцев, а не княжеских дружинников. Следовательно, в сообщении речь идет о коломенских горожанах, а не о «воях, принадлежавших новгородцам», что само по себе тавтология.

⁴ Примечательно, что современные исследователи способны только приблизительно указать на место коломенского детинца середины XIII в. См.: Мазуров, 2001. С. 10; Русь, 2003. С. 86. Город остается плохо археологически обследованным. Однако факт его разорения монголами находит вполне достоверные подтверждения и

Со стороны монголов в сражении также принимали основные части армии Бату, та же примерно 70-тысячная орда, которая осаждала Рязань. Перевес сил, конечно, был на стороне нападающих, но русские войска имели значительные преимущества в снаряжении (качество и мощь доспехов) и в знании рельефа местности¹. Исследователь русского военного искусства А. А. Строков считал, что «при исключительной опасности Русь могла выставить и более 100 тысяч человек» войска². С такой цифрой согласны и другие исследователи³. Однако предполагается, что только половина этой цифры приходилась на северо-восточный регион, включающий Новгород. Потенциально великий князь Юрий Всеволодович под своей рукой мог выставить против Батыя не более 50 тысяч воинов, что, конечно, очень много даже по монгольским меркам. Реальность оказалась менее выразительной.

Подсчеты М. Н. Тихомирова показывают, что концентрация населения вокруг крупных административных центров была невысокой. Лишь 6 русских городов составляли по 20–30 тысяч жителей (Киев, Новгород, Галич, Владимир Волынский, Чернигов, Владимир Залесский), что позволяло им выставить от 3 до 5 тысяч воинов (не более пятой части населения). В менее крупных городах (Ростов, Суздаль, Рязань, Переяславль) жили от 5 до 10 тысяч человек, а в основной своей массе в поселениях не собиралось более 1000 человек одновременно⁴. Если предположить, что Юрий Всеволодович решил в неспокойную зиму 1237/38 гг. постоянно содержать до 5–6 тысяч воинов, то под рукой воеводы Еремея было около 2–3 тысяч ратников⁵, так как равноценный отсюда. Это можно заметить даже по письменным источникам: город, не раз упоминавшийся в летописи до середины XIII в., после 1238 г. более 115 лет остается в зоне молчания, его имени нет в известиях вплоть до 1353 г. Однако, надо полагать, к рубежу XIII–XIV вв. Коломна должна была восстановить свой экономический потенциал и вслед за этим приобрести серьезный политический вес. См.: Русь, 2003. С. 90. Ее судьба после монгольского нашествия сложилась лучше многих аналогичных поселений.

¹ Каргалов, 1967. С. 80.

² Строков, 1949. С. 75.

³ См.: Каргалов, 1967. С. 79.

⁴ Тихомиров, 1956. С. 139–140.

⁵ В аналогичной ситуации перед битвой на Сити Юрий послал «пытати татаръ» (= поджидать татар или «в сторожах») отряд Дорофея Семеновича («Дорожа») в со-

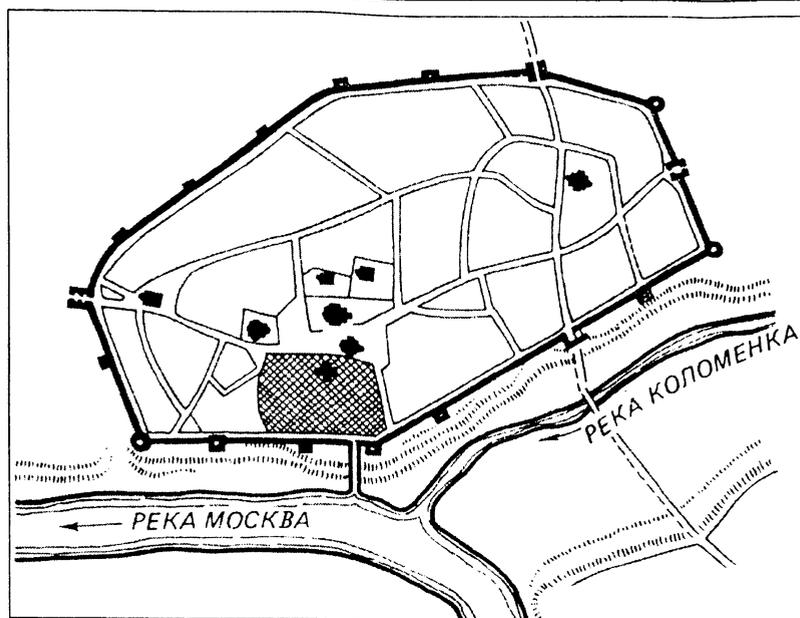

Рис. 16. Кремль Коломны в XIV–XVI вв. Затрихованная часть – XIV в. (ДГ, 1993. С. 214)

ряд, скорее всего, был послан к Нижнему Новгороду, а часть была оставлена во Владимире. Роман Ингваревич вместе с коломенскими ополченцами располагал примерно тысячным полком. Владимир Залесский (около пяти тысяч воинов) с ближайшими городами и сельской округой в случае экстренной мобилизации мог выставить около 8 тысяч воинов. Как сообщает южнорусская повесть, князь Юрий послал своего сына против татар «со всеми людьми»¹, то есть все наличные силы были брошены к Коломне. Таким образом, с русской стороны в битве на р. Оке должны были принимать участие никак не менее 11–12 тысяч человек, из которых, однако, не было и трети знакомых с воинским делом.

Ни о каком противостоянии равных сил, конечно, речи идти не могло, но события показали, что противники были достойны друг друга. Об ожесточенности сражения говорит не только летописный текст («высть сеча велика»), но и гибель важных лидеров из стае трех тысяч всадников (ПСРЛ, I, 519; VI, 294; X, 110; XV, 370; Татищев, 1995 (2). С. 236).

¹ ПСРЛ, II, 779.

враждующих сторон. Кроме бежавших москвичей, которые, возможно, находились в резерве или подошли уже в разгар битвы, русские полки в большинстве своем были уничтожены («много мужен повиша»). Были убиты владимирский воевода Еремей Глебович и коломенский князь Роман Ингваревич, старейший представитель рязанской династии. У монголов тоже были потери. В сражении был ранен и потом умер хан Кулькан, младший сын Чингисхана, единственный Чингизид, погибший в период Западного похода, да и вообще на поле боя:

«...они овладели также городом Ике [Коломна]. Кулькану была нанесена там рана, и он умер. Один из русских эмиров, по имени Урман [Роман], выступил с ратью (против монголов), но его разбили и умертвили»¹.

В рассказе о монгольском нашествии на Русь Рашид-ад-Дин упоминает по имени и сообщает о неких действиях только трех князей (остальные имена используются как топонимические ориентиры). Из этих трех об одном говорится, что он был убит, о другом — что он бежал в лес, а затем был пойман и умерщвлен, и лишь о Романах говорится, что он выступил против монголов и бился с ними. Эта неожиданная дань уважения коломенскому князю была высказана спустя 70 (!) лет в далекой Персии, причем его имя, в отличие от многих других, приводилось практически без изменений: *Ур-ман / Ро-ман*. Пожалуй, сложно придумать лучший памятник храброму воину.

Гибель Кулькана, единственного сына Чингисхана, участвовавшего в Западном походе, должна была произвести на Бату и войско большое впечатление, вызвав прилив мстительности. Кроме того, она должна была отражать потери, понесенные татарами. Судя по всему, тумен Кулькана был разгромлен, что говорит о почти 10-тысячных потерях (убитые и раненые). В южнорусской версии повести о Батыевом нашествии также отмечены большие потери с обеих сторон: «...и падъшимъ многимъ от нихъ от обонихъ»². Захватчикам немедленно требовались новые победы, чтобы заставить покоренные народы заполнить этот пробел.

¹ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 38–39; Тизенгаузен, 1941. С. 36. В квадратных скобках — комментарии, в круглых скобках — дополнения переводчиков.

² ПСРЛ, II, 779.

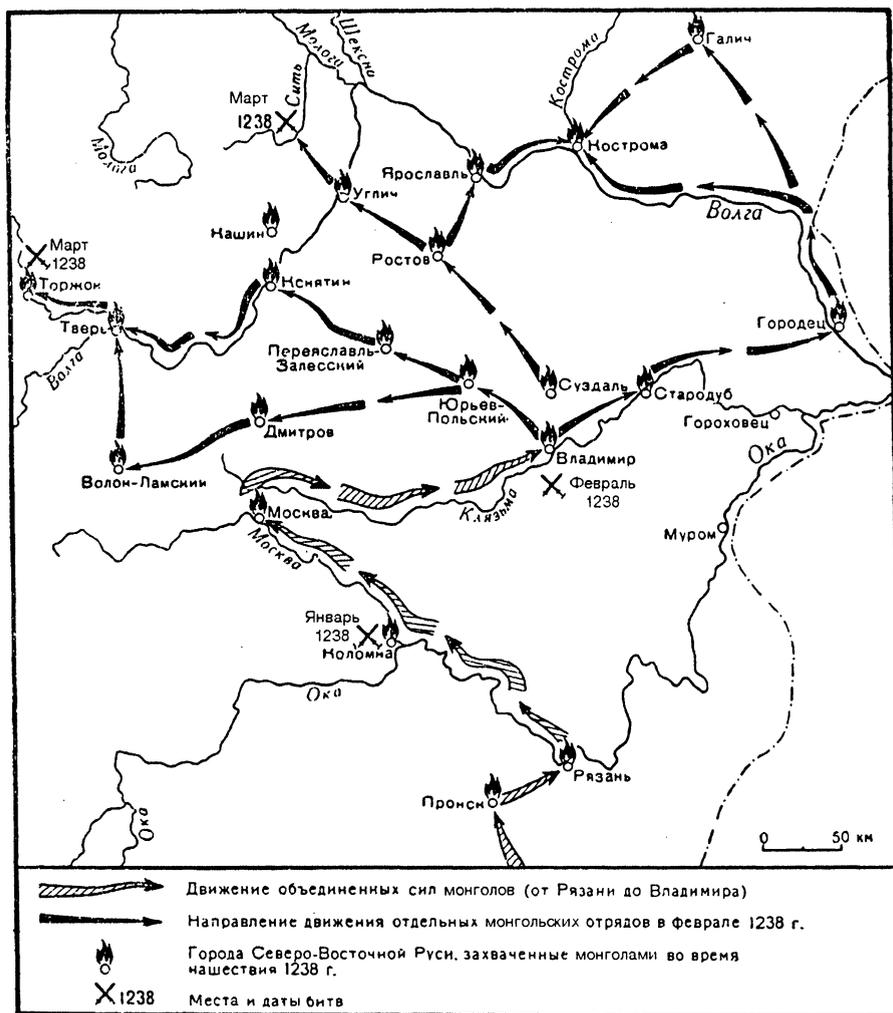

Рис. 17. Вторжение монголов в Северо-Восточную Русь. Декабрь 1237 – март 1238 г. (Каргалов, 1967. С. 88)

***

Не задерживаясь у Коломны, монгольская армия двинулась в глубь Залесского края. Кочевники демонстрировали удивительную скорость передвижения по заснеженной местности, практически лишенной дорог. Рязань пала только 21 декабря 1237 г., а 2 февраля 1238 г. интервенты уже подошли к Владимиру. По под-

счетах В. В. Каргалова, скорость перемещения войска, превышающего в численности 50 тысяч человек, по незнакомой местности зимой в лучшем случае может составлять 10–15 км в сутки¹, а ведь это было наступление, которому иногда оказывали сопротивление. Монголы двигались от Рязани к Владимиру по рекам, через Коломну и Москву, а следовательно, должны были преодолеть не менее 450 км за 43 дня. Совершенно ясно, что дневных остановок они не делали и, судя по всему, гарнизонов на захваченных территориях не оставляли.

Коломенское сражение произошло в первых числах 1238 года, так как уже 20 января 1238 г., по сообщению В. Н. Татищева², монголы штурмовали Москву:

«Тое же зимы взяша Москву Татарове и воеводу ѹбиша Филипа Нянка за правоверную хрестьянскую веру, а князя Володимера яша рѹкам сына Юрьева, а люди избивша от старьца и до сущаго младенца, а градъ и церкви святыя огневи предаша и монастыри вси и села пожгоша и много именья въземше отидоша»³.

Маленький городок на Москве-реке не мог оказать захватчикам серьезного сопротивления. У нас даже нет прямых указаний на то, что город оборонялся⁴. Согласно летописи, местного воеводу убили «за веру», а князя просто взяли в плен, без боя, «руками». Сам факт упоминания гибели какого-то нигде ранее не упоминавшегося воеводы подчеркивает необычность ситуации: скорее всего, его смерть имела какой-то религиозный подтекст. В случае если некий городской воевода погибал от вражеской руки, это чаще всего не отмечалось летописью.

¹ Каргалов, 1967. С. 92.

² Татищев, 1995 (2). С. 233. У самого В. Н. Татищева битва под Коломной отмечена 1 февраля, что напоминает простую ошибку. В. В. Каргалов датировал сражение под Коломной 10 января (Каргалов, 1967. С. 88).

³ ПСРЛ, I, 460–461. Аналогично: СЛ, 86; ПСРЛ, I, 516; VI, 290; VII, 140; X, 106. В других летописях сведения о взятии Москвы либо отсутствуют (НПЛ, 287; ПСРЛ, II, 779), либо сокращены (ПСРЛ, IV, 216; XV, 368).

⁴ Нет прямых археологических указаний на разгром и разорение Москвы монголами. См.: Русь, 2003. С. 97–102. Да и город был небольшой. Основная часть располагалась на территории современного Кремля, где раскопки затруднительны. Ясно только, что после ухода монголов город быстро восстановился и вскоре усилился как в экономическом, так и политическом отношении.

С другой стороны, примечательные сведения о падении Москвы содержатся в «Истории Угэдэй-каана», написанной Рашид-ад-Дином. После сообщений о смерти Кулькана и разгроме князя Романа под Коломной в этом источнике содержится обширный текст, повествующий о дальнейших действиях монголов на Руси. В связи с тем, что он требует пространных комментариев, приведем его полностью:

«...(потом) сообщая в пять дней взяли также город *Макар* [вар. *Укан, Икан; возможно, Москва*¹] и убили князя (этого) города, по имени Улайтимур [*Владимир*].

Осадив город *Юрги-бузург* [вар. *Бурки-бузург; возможно, «город Юргия Великого» или «город Тверской Торжок»*²], взяли (его) в восемь дней. Они ожесточенно дрались. Менгу-каан лично совершал богатырские подвиги, пока не разбил их (русских).

Город *Кырка* [вар. *Каринкла; возможно, Переяславль Залесский*³], коренную область *Везислава* [возможно, *Всеволода*], они взяли сообщая в пять дней. Эмир этой области *Ванке Юрку* [вар. *Вике-Юрку, Йике-юрку, Рике-Юрку; возможно, Георгий*] бежал и ушел в лес; его также поймали и убили.

После того они (монголы) ушли оттуда, порешив на совете идти туманами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся (на пути), брать и разрушать. На этом переходе Бату подошел к городу *Кисель Иске* [вар. *Киф Матишка; Козельск*] и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли *Кадан* и *Бури* и взяли его в три дня. Тогда они расположились в домах и отдохнули»⁴.

Между сражением у Коломны и штурмом Козельска, в интерпретации которых нет оснований сомневаться (слишком схожи реальные названия с теми, которые приведены у Рашид-ад-Дина), отмечены осады трех городов — *Макар*, *Юрги-бузург* и *Кырка*.

¹ По предположению И. Н. Березина. См.: Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39, прим. 20; Тизенгаузен, 1941. С. 36, прим. 6.

² На прочтении «город Юргия Великого» настаивали д'Оссон и Хаммер, а В. Г. Тизенгаузен предлагал другой вариант — «город Тверской Торжок». См.: Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39, прим. 22; Тизенгаузен, 1941. С. 36, прим. 8.

³ По предположению И. Н. Березина. См.: Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39, прим. 23; Тизенгаузен, 1941. С. 36, прим. 9.

⁴ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39; Тизенгаузен, 1941. С. 36–37. В квадратных скобках — комментарии, в круглых скобках — дополнения переводчиков.

Если следовать летописному изложению, то за это время приступом были взяты Москва, Владимир, Суздаль, Переяславль, Торжок. Именно к этим городам применен глагол «взяша», и они выделены по смыслу: остальные перечислены списком¹. Однако подробности осады сопровождают только описания штурма Москвы, Владимира и Торжка. При таких условиях единственным кандидатом на отождествление с «Макар», позволяющим не нарушать хронологию событий у Рашид-ад-Дина, является Москва, имеющая с этим топонимом одну общую согласную (М). Кроме того, под Москвой действительно попал в плен, а затем был убит великокняжеский сын Владимир (Улайтимур). С отождествлением «Юрги-бузурга» и Владимира Залесского (в записи — «город Юргия Великого»²) также приходится согласиться, так как, во-первых, это был именно крупный штурм, в котором было место «богатырским» подвигам, а во-вторых, он непосредственно следовал за взятием Москвы. О вариантах интерпретации третьего города следует поговорить подробнее.

Во-первых, топоним «Кырка» или «Каринкла» (ряды согласных — KRKL и KRnKL) легче разгадать как Торжок (согласные — TRK), чем Переяславль (ряд согласных — PṛSLvl'). Во-вторых, как Переяславль-Залесский, так и Торжок очень трудно представить «коренной» областью Везислава-Всеволода (?). Если речь идет о Всеволоде Константиновиче, племяннике великого князя Юрия, то он действительно упоминался летописью под 1227 г. как князь Переяславля, но Южного, и уже в 1228 г. был заменен там дядей Святославом³. Может быть, под Везиславом скрывается не Всеволод, а Ярослав, что даже более близко по звукам (целое общее окончание — *слав*)? Он действительно оставался зимой 1237–1238 гг. князем Переяславля Залесского, но в городе его тогда не было, и становится затруднительно определить того местного «эмира» (князя), который бежал в лес, был пойман и убит. Ведь Ярослав Всеволодович, занявший великокняжеский стол после смерти брата, был безусловно широко известной фигурой в ханской ставке, где не раз бывал и со многими Чингизидами был знаком лично.

¹ См.: ПСРЛ, I, 516–518, 521.

² В дальнейшем тексте Рашид-ад-Дин неизменно записывает имя Владимир (топоним или личное имя) как «Уладмур» (Рашид-ад-Дин, 1960. С. 45; Тизенгаузен, 1941. С. 37–38).

³ ПСРЛ, I, 450–451; Рапов, 1977. С. 183.

С другой стороны, Торжок также входил во владения Ярослава как новгородского князя. Причем, по летописи, осаждали Торжок долго, а затем «гнашася проклятии отъ Торжкѹ Берегерьскимъ пѹтемъ даждь и до Игнача креста, а все людии секѹще аки травѹ»¹. Следовательно, после захвата города татары еще гнались за кем-то. Можно предположить, что это был тот самый «эмир» «Ванке Юрку [вар. Вике-Юрку, Йике-юрку, Рике-Юрку]», который «бежал и ушел в лес», а затем его «поймали и убили». Ведь среди погибших при штурме Торжка упоминаются местный посадник «Иванко» и далее за ним по иерархии, возможно, тысяцкий или воевода «Яким Влункович»². Имена оказываются очень созвучными персидской транскрипции Иванко-[Юрьевич]-Ванке-Юрку или Яким-Влунко(вич) ~Йике-Юрку. Может быть, речь у Рашид-ад-Дина идет о ком-то из них. Таким образом, получается достаточно ясное объяснение того, как в области «Везислава» (Ярослава) мог оказаться еще и другой «эмир» (посадник) «Ванке Юрку» (Иванко Юрьевич?). Кроме того, можно получить конкретное разъяснение причин похода монголов до Игнач-креста и того, что до Новгорода они не дошли: это была погоня, которая не преследовала цели наступления глубоко на север.

Подобное расследование, конечно, является вполне допустимым. Однако при этом остается ряд нерешенных проблем. Совершенно не совпадают сроки осады Торжка (14 дней) и Кырклы (5 дней). Непонятно, почему заштатный Торжок назван «коренной» областью Ярослава, который потом даже не послал войск для его обороны. Разрывается вся структура рассказа Рашид-ад-Дина, который вполне может быть уложен в русскую летописную канву. Ведь после штурма Владимира татары направились именно к Переяславлю и, возможно, в полном составе. Лишь затем они разделились и пошли «туменами облавой». Переяславль также входил в Владимиро-Суздальское государство, великий князь Юрий оставался его сюзереном, «эмиром этой области». Полагаем, что под Кырклой следует все же понимать Переяславль, после взятия которого монголы действительно рассеялись по региону в поисках ставки Юрия Всеволодовича.

¹ ПСРЛ, IV, 221. Аналогично: СЛ, 90; НПЛ, 288–289; ПСРЛ, I, 522; VI, 298; VII, 143; XV, 371.

² СЛ, 90; НПЛ, 288–289; ПСРЛ, I, 522; IV, 221; VI, 298; VII, 143; XV, 371.

Рассмотренные соображения позволяют сделать полезные заключения о хронологии событий. От Рязани до Коломны — около 150 км, которые Батый мог преодолеть с полным составом войска не менее чем за 10–12 дней. От Коломны до Москвы около 110 км, что составляет не менее 9–10 дней пути для монгольской армии. Падение Москвы отмечено В. Н. Татищевым 20 января, но по Рашид-ад-Дину, осада длилась 5 дней; следовательно, подступить к городу интервенты должны были не позднее 15 января. Соответственно и сражение у Коломны датировать следует в рамках 2–4 января 1238 г.

От Москвы до Владимира по руслу Клязьмы примерно 200 км, которые монгольская армия не могла преодолеть менее чем за 14–15 дней. Появление авангарда под стенами Владимира 3 февраля 1238 г. только-только укладывается в эти рамки. Основные же части должны были подойти позже. Видно было, что Батый очень спешил.

Уже после битвы у Коломны княжич Всеволод «в мале дружине» прибежал во Владимир и сообщил отцу о случившемся. Крах многолетней политической линии Юрия был налицо. Самое могущественное русское княжество оказалось неподготовленным к борьбе с самым опасным своим противником. Отправив имеющиеся под рукой войска к Коломне, великий князь оставил практически беззащитными внутренние районы страны. Сбор нового ополчения требовал времени, которого Батый, скорее всего, предоставлять не будет.

Юрий решил применить самую известную впоследствии русскую тактику затягивания противника в глубь страны. Он оставил столицу на попечение сыновей, а сам направился на север через Ростов, Ярославль и Углич за Волгу, где организовал военный лагерь на одном из притоков Мологи — реке Сить. Сюда к нему должны были стекаться «вои» со всего региона. Однако основную ставку он делал на помощь братьев Ярослава и Святослава:

«Тое зимы выеѡа Юрьн из Володимеря в мале дружине, оурядивъ сыны своя в собя место Всеволода и Мстислава, и еѡа на Волгѡу с сыновци своими с Василькомъ и со Всеволодомъ и с Володимеромъ, и ста на бити станомъ, а ждѡчи к собе брата

своего Ярослава с полком и Святослава с дружиною своею, и нача Юрьи князь великий совокупляти все противу Татаромъ, а Жирославу Муханловичю приказа воеводство в дружине своей»¹.

Ярослав Всеволодович действительно к 1238 г. имел возможность собрать значительные воинские контингенты, ведь он сохранял контроль над Киевским, Новгородским и Переяславль-Залесским княжествами. Однако это было практически нереально на ограниченном отрезке времени. Осенью 1237 г. Ярослав, судя по всему, находился еще в Киеве. Здесь он прокняжил немногим более полугода. Сложно сказать, насколько киевляне были готовы отправиться на далекий северо-восток поддерживать брата своего новоиспеченного сюзерена. Да и особенных сил у них уже не было — слишком беспокойным было предыдущее десятилетие. Полагаться на новгородцев также было затруднительно. Для созыва ополчения требовалось решение веча, скептически смотревшего на дальние походы, прямая выгода от которых была неочевидной. Фактически Ярослав мог располагать только собственными дружинниками и верными переяславцами, полк которых, возможно, и был направлен на Волгу. Сам же князь лично прибыть на помощь уже не успевал. Даже если он получил тревожные известия в ноябре, то сначала (такое предположение напрашивается само собой) он должен был направиться в Новгород, в надежде собрать ополчение, а уж потом повернуть к Владимиру². Зимний путь от Киева до Новгорода мог длиться до трех месяцев, то есть в лучшем случае к концу февраля 1238 г. Ярослав прибыл на север. Здесь его должны были застать известия о падении Владимира, а также о подходе монголов к Торжку. Смог ли князь убедить новгородцев в необходимости активных наступательных действий, или впечатление от поражений под Рязанью и Коломною не позволило ему этого сделать — источники умалчивают. Известно только, что с этой стороны помощи Суздальскому князю не было.

О владениях другого брата Юрия, Святослава, в конце 1238 г. точных сведений нет, о нем известно лишь то, что в 1230–1234 гг.

¹ ПСРЛ, I, 461. Аналогично: ПСРЛ, I, 516; IV, 218; VI, 290; VII, 140. Сокращенно: Сл, 86; ПСРЛ, II, 779; XV, 368.

² Ср.: Dimnik, 1981. P. 166.

он упоминается как хозяин Юрьева Польского¹. Скорее всего, этим городом с округой его владения не ограничивались, но значительными не были. Недаром в летописи отмечено, что от Ярослава Юрий ждал «полков», а от Святослава — только его дружину. Об амбициозных инициативах или выразительных предприятиях Святослава ни до этого, ни после ничего не известно. Чаще всего он выступал немым и весьма пассивным орудием в руках своих братьев, а затем и племянников. Однако в условиях внешней опасности Святослав со своими скромными возможностями не остался в стороне, а поспешил присоединиться к полкам великого князя.

Кроме братьев к Юрию должны были привести свои полки племянники: Василько, Всеволод, Владимир Константиновичи. Старший из них, Василько получил еще от отца в 1218 г. Ростов с Костромой и «со всею областью Галицкою», которые сохранял и теперь; Всеволод держал Ярославль и Углич «со всею областью», а Владимир — Белоозеро². Таким образом, на р. Сить должны были сойтись полки Ростова, Ярославля, Костромы, Углича, Юрьева Польского, Галича Мерского, Белоозера, а также, скорее всего, Суздаля, Переяславля и некоторых других менее значительных городов³.

Если вспомнить, что такой заштатный князь, как Юрий Владимирович Белозерский, в 1146 г. без труда направлял своим союзникам «тысяшу бронникъ дружины Белозерские»⁴, то есть тысячу тяжеловооруженных всадников, то собранные вокруг Юрия в начале 1238 г. силы должны были быть весьма велики. Девять крупных городских центров могли выставить не менее 10 тысяч воинов, а если говорить о поголовной мобилизации — и того больше. В случае подхода новгородцев эта армия могла удвоиться, а следовательно, монгольским планам мог быть нанесен тяжелый удар. Двадцатитысячный корпус тяжеловооруженных воинов мог

¹ ПСРЛ, I, 455, 460. Ср.: Рапов, 1977. С. 173.

² Татишев, 1995 (2). С. 206; ПСРЛ, I, 442; Рапов, 1977. С. 183.

³ Можно напомнить указание В. Н. Татишева на брата Юрия — Ивана Стародубского, который при приближении татар увез семью и имущество «за Городец за Волгу в леса», а сам «с малым войском» направился на Сить к великому князю (Татишев, 1995 (2). С. 233).

⁴ ПСРЛ, VII, 38.

без труда противостоять двух- или трехкратно превосходящей армии кочевников, фактически лишенных, доспехов и измотанных трехмесячными скитаниями в лесистой, засыпанной снегом Суздальщине. В этом отношении расчет великого князя был совершенно верным, и ему требовалось только время.

* * *

С другой стороны, неизвестно, на что надеялся князь Юрий Всеволодович, когда оставлял во Владимире жену и всех сыновей. Городское ополчение было разгромлено под Коломной, и предстоящая оборона должна была лечь на плечи стариков и детей. При этом сдавать столицу, очевидно, никто не собирался. В ней оставался Всеволод Юрьевич, уже поднимавший оружие против монголов и потому не имевший возможности рассчитывать на сохранение жизни в случае плена. Горожане также были настроены весьма решительно. Первое, что ожидало монголов, когда они подошли к Владимиру, был град стрел:

«Тогда придоша множество кровопроливцевъ крестияньскихъ бес числа, аки прѣзи к Володимерю мѣсяца февраля въ 3 день въ вторникъ прежде мясопуста за неделю; Володимерци затворишася в городе съ Всеволодомъ и Мьстиславомъ, а воевода бе оу нихъ Петръ Ослядюковичъ; Володимерцемъ же не отворящимся, а Татарове же приехавше къ Златымъ воротомъ, воядѣщи с собою княжича Володимера Юрьевича и начаша въпрашати: великии князь Юрьи есть ли в городе? Володимерци же пѣстиша по стреле на Татары»¹.

Непреступные стены и валы Владимирской крепости еще никто за их 130-летнюю историю приступом не брал. Расположенный на высоком (до 50 м) левом берегу Клязьмы город обладал исключительными по тем временам оборонительными сооружениями. Этот гигантский по средневековым меркам мегаполис превышал по площади Киев и Новгород, будучи самым крупным на Руси. Его валы имели у основания ширину около 24 м, а в высо-

¹ ПСРЛ, I, 516. Аналогично: ПСРЛ, I, 461; IV, 216; VII, 140. Ср.: СЛ, 86; ПСРЛ, II, 779; VI, 290–291; X, 107; XV, 368.

Рис. 18. Владимир Залесский. Схема плана XII–XIII вв.

I – город Мономаха, 1108 г.; II – Ветчаной город, 1158–1164 гг.; III – Новый город, 1156–1164 гг.; 1 – Успенский собор, 1158–1160 гг., перестроен в 1185–1189 гг.; 2 – церковь Спаса, 1164 г.; 3 – церковь Георгия, 1150-е гг., двор Юрия Долгорукого; 4 – Дмитриевский собор, 1190-е гг.; 5 – Рождественский собор Рождественского монастыря, 1192–1196 гг.; 6 – Успенский собор Княгинина монастыря, 1200–1202 гг.; 7 – Золотые ворота, 1160–1164 гг.; 8 – Серебряные ворота, 1160-е гг.; 9 – Волжские ворота, 1160-е гг.; 10 – Торговые ворота, 1160-е гг.; 11 – Иринины ворота, 1160-е гг.; 12 – Медные ворота, 1160-е гг.; 13 – Ивановские ворота, 1160-е гг.; 14 – стены детинца Всеволода Большое Гнездо с надвратной церковью Иоакима и Анны, 1194–1196 гг.; 15 – Вознесенский монастырь; 16 – церковь Воздвиженья на Торгу, 1218 г.

(ДГ, 1993. С. 167)

ту достигали 9 м, протянувшись в общей сложности на 7 км. На их гребне по всему периметру были возведены высокие деревянные стены, которые с внешней стороны обрамлял еще и ров шириной 22 м при глубине 8 м¹. Город делился на три района, отделенные друг от друга стенами и дополнительными укреплениями. Древнейшим был Печерный (Мономахов) город, в центре которого при Всеволоде Большое Гнездо был возведен обширный каменный детинец с Успенским и Дмитриевским соборами, а также княжеским дворцом². На запад от него раскинулся Новый город,

¹ Воронин, 1961. С. 130–131.

² См.: Воронин, 1961. С. 39–40.

обращенный в напольную сторону каменными Золотыми воротами. Восточную, ремесленную, часть Владимира составлял Ветчаной город, образующий широкий мыс в междуречье Клязьмы и Лыбеди.

Защищенный самой природой, этот городской центр обороняли лучшие на Руси инженерные сооружения. Штурм этих преград требовал огромных людских ресурсов, которых у монголов уже не было. Необходимо было также строительство осадных машин, которые использовались под Рязанью, но потом, судя по всему, были брошены как недоступные для быстрого перемещения. Примечательно, что в таких условиях даже после того, как по ним со стен начали стрелять, монголы попытались вступить в переговоры¹. О сущности их предложений летописи не сообщают. Говорится только, что они попросили прекратить обстрел и подвели к Золотым воротам изможденного пленом княжича Владимира. Распознав брата, князья расплакались, с ними же разрыдались и горожане. Какова была дальнейшая беседа монголов с владимирцами — ничего не сказано². Однако только после этого разговора захватчики приступили к обложению города, а князья Всеволод и Мстислав начали произносить патриотические речи: «Брате! Лучше есть умереть пред Златыми ворота за Святую Богородицу и за правоверную веру, ниже в воли их быти»³. Возможно, Батый предлагал сдать крепость в обмен на жизнь Владимира и всех осажденных. По В. Н. Татищеву, «татара говорили, чтоб град отдали без бою, обещывая им всем дать живот»⁴. Прежде монгольские послы Юрию говорили: мы не против тебя, а на Рязань идем. Теперь ар-

¹ Особенным резонансом к этому факту звучит указание Л. Н. Гумилева на некий «монгольский закон», согласно которому «после того как была выпущена первая стрела, переговоры прекращались и город считался обреченным» (Гумилев, 1992. С. 508).

² «Володимерци же пустиша по стреле на татары, и татарове же противу пустиша тако же по стреле на городъ и на Златыя ворота. И по сем ркоша володимерцемъ татарове: "Не стреляйте!" Они же престаша стреляти. И придоша близь ко вратомъ, и показаша имъ Володимера. И начаша татарове молвити володимерцемъ: "Знаете ли княжича вашего?" Бе бо уныль лицемъ и изнемоглъ бедою от мужа. Всеволодъ же и Мъстиславъ стояста на Златыхъ воротех и познаста брата своего Володимера. О, умиленное брата видение и слезъ достойно! Всеволодъ же и Мъстиславъ съ бояры своими и все граждане плакахуся, зряще Володимера» (ПСРЛ, VI, 291).

³ ПСРЛ, VI, 291.

⁴ Татищев, 1995 (2). С. 234. После отказа сдать город, как сообщает В. Н. Татищев, татары убили княжича Владимира.

гументы могли быть те же: я не на вас пришел, а на князя Юрия, которого и ищу. В южнорусской повести также сохранились указания на некую «лесть» Батыея горожанам, которым указывали на трагическую судьбу рязанских князей, и лишь молитвы епископа Митрофана спасли положение, отвратив жителей от бесполезной надежды на мир¹.

Как бы то ни было, но на этот раз монгольская хитрость не сработала, и Батый вынужден был готовиться к штурму, концентрируя вокруг Владимира все свои наличные силы:

«Татарове же отступниша от Золотых воротъ и объехаша весь град и станы стаща пред Златыми вороты, яко зрѣимо; и много множество вои около всего города»².

Для осадных работ требовалось большое количество подсобных рабочих, которых из своей среды захватчики уже выделить не могли. Решено было собрать местных жителей и пустить их на изготовление пороков, установку тына и прикрытие наступающих войск. Скорее всего, именно с этой целью монголы после организации лагеря под Владимиром направились к Суздалю, который взяли и разграбили:

«Татарове же станы свои урядивъ около града Володимеря, а сами шедше взяша градъ Вуждаль и святую Богородицю церковь разгравиша, а двор княжь огнемъ пожгоша и монастырь святого Дмитрия и прочии, разграбивъ, пожгоша, а што люден старыя и молодыя <...>, то все иссекоша, а прочие люди и жены и дети васы и беспокровны, издыхающимъ имъ от мразы, <...> то все множество сведоша полна въ станы своя, а сами приидоша к Володимерю [въ пятокъ преже мясопуста]»³.

¹ «Батыеви же стоящюу оу града, борющася крепко о градъ, молвящимъ имъ лестию гражаномъ: "Где соуть гради Рязанстии, и ваши градъ, и князь вашъ великий Юри? Не роука ли наша емиши и, смерти преда?" И оуслышавъ о семь преподовыни Митрофанъ епископъ, начатъ глаголати съ слезами къ всем: "Чада! Не оубоимся..."» (ПСРЛ, II, 779).

² ПСРЛ, I, 516–517.

³ ПСРЛ, I, 517. В квадратных скобках — дополнение из Тверской летописи, в которой остальной текст практически отсутствует, но датировка выстроена очень гладко (ПСРЛ, XV, 368). Местные владимирские предания сохранили некоторые подробности появления в районе Суздаля монгольских войск и Батыея лично. См.: Седова, 1997. С. 22–23.

Под стенами Владимира монголы появились 2 февраля во вторник мясопустной недели, а к вечеру пятницы 5 февраля уже вернулись из-под Суздаля. Пленные во время этого краткого рейда по окрестностям столицы Северо-Восточной Руси были использованы для строительства осадных машин, чье изготовление заняло еще сутки:

«В субботу мясопустную почаша наряжати лесы и пороки ставиша [от оутра и] до вечера, а на ночь огородиша тыномъ около всего города Володимеря»¹.

Ранним утром в воскресенье 7 февраля 1238 г. начался штурм². Монголы умудрились преодолеть стены Нового города сразу в трех местах, и уже к обеду защитники вынуждены были отступить к детинцу:

«[А Татарове начаша пороки рядити, и къ граду приступиша, и выбывше стену градную, наметавше (въ) ровъ сырого леса, и тако по примету внидоша въ градъ] и зандоша от Золотых воротъ оу святого Спаса и внидоша по примету в город чресъ стену, а сюды от северныхъ стороны от Лыбеди къ Оринымъ воротамъ (и) к Медянымъ, а отсюду от Клязмы к Воложьскимъ воротомъ; и тако взяша въскоре град до обеда Новын, и запалиша и огнемъ; бежа же Всеволод и Мстиславъ и все людие в Печернии город»³.

¹ ПСРЛ, I, 462, 517.

² Практически все летописи сообщают следующую датировку событий осады Владимира: подступили монголы к городу «месяца февраля въ 3 день, въ вторник, преже мясопуста за неделю» (СЛ, 86; ПСРЛ, I, 461, 516; IV, 216; VI, 290; VII, 140; X, 107; Татишев, 1995 (2). С. 233), осадные машины готовили «въ субботу мясопустную», а «в неделю мясопустную по заутрени въ 7 день февраля» начали штурм (СЛ, 86; ПСРЛ, I, 462, 517; IV, 216; VI, 292; VII, 140–141; Татишев, 1995 (2). С. 233). Однако простой подсчет показывает, что если вторник приходился на третье число месяца, то воскресенье никак не могло быть седьмым. В 6746 мартовском году (март 1238 г. — февраль 1239 г.) Пасха была 4 апреля, а следовательно, Мясопуст — 7 февраля. Соответствие во вторник выпадало на 2 февраля. Очевидно, цифры в летописи проставлялись позже и были неправильно подсчитаны. Так, пытаюсь как-то их согласовать, в Тверской летописи составители окончательно запутались и 7 февраля отметили уже как субботу мясопуста (ПСРЛ, XV, 368), что никак не возможно; а в Никоновской весь штурм датирован 8 февраля (ПСРЛ, X, 108). Ср. рассуждения В. Н. Татищева: Татишев, 1995 (2). С. 270, прим. 646. Причины, по которым В. В. Каргалов считает, что к Владимиру монголы подошли только 4 февраля (Каргалов, 1967. С. 91–92), остались нам не ясны. Дату 2 февраля совершенно справедливо использовал Н. М. Карамзин (Карамзин, 1991. С. 510).

³ ПСРЛ, I, 517–518. В квадратных скобках — дополнения из Тверской летописи (ПСРЛ, XV, 369).

Рис. 19. Оборона Владимира Залеского. Миниатюра XVII в.
(Пашуто, 1956. С. 153)

Судя по сообщению Рашид-ад-Дина, штурм Владимира был для монголов самым сложным предприятием за все время их похода. Во-первых, отмечено, что «они (русские) ожесточенно дрались», а во-вторых, сам хан Менгу «лично совершал богатырские подвиги, пока не разбил их (русских)»¹. Жестокий бой в Новом

¹ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39; Гизенгаузен, 1941. С. 36–37. См. также: Каргалов, 1966. С. 42–47.

городе потребовал напряжения всех сил имперской армии. Будущий великий каан Менгу принимал личное участие в атаке. Даже лишенная большого количества профессиональных защитников, Владимирская крепость была «крепким орешком». Тем не менее, когда линия обороны сместилась к Печерному городу, исход сражения казался predetermined. Множество людей во главе с княжеской семьей набились в Успенский собор к чудотворной иконе Богоматери Владимирской, где епископ Митрофан возглавил общий молебен и начал принимать постриги готовящихся к неминуемой смерти людей:

«...видивше князи Всеволодъ и Мьстиславъ и владыка Митрофанъ, яко уже граду ихъ взятү быти, ни надеяхүся не откүдо же помощи, и внидоша вси въ церковь святыя Богородица, и начаша каятися греховъ своихъ, и елици отъ нихъ хотяхү въ аггелский образъ, постриже ихъ всехъ владыка Митрофанъ, князей, и княгиню Юриевү, и дочь, и снохү, и добрыа мужи и жены»¹.

Сквозь все летописные рассказы о взятии Владимира неизменно проходит акцент на особой роли, которую играл мужественный владыка Митрофан в дни обороны. И в южнорусских источниках и в ростовских особенно подчеркивается его духовная забота о защитниках и поддержка их рвения во время боя. Когда монголы ворвались в детинец, Митрофан с великой княгиней, ее дочерьми, другими приближенными и многими простыми горожанами заперся на полатах Успенского собора. Захватчики даже не попытались пленить безоружных прихожан, но, ставив хвороста, подожгли храм со всеми там находящимися:

«...а владыка, и княгыни съ снохами, и съ дочерью княжною Феодорою и съ внүчаты, нныи княгыни, и боярыни и люди мнози въвегоша въ церковь святыя Богородица и затворишася на полатехъ; а Татарове и тотъ градъ взяша, и ү церкви двери изсекше, и много древна наволочиша, и около церкви обволочивше древнемъ, и тако запалиша, и вси сүщии тамо издъхошася, и тако предаша дүша своя въ рүце Господеви; а прочнихъ князей и людей оружнемъ избыша»².

¹ ПСРЛ, XV, 368–369.

² ПСРЛ, XV, 369.

Наряду с примерами героизма при обороне и мученической смерти после поражения источники сохранили и не совсем приятные примеры действия руководителей общины. Так, вслед за изложением патриотической проповеди перед защитниками города епископа Митрофана южнорусская повесть сообщает, что, когда глава обороняющейся стороны княжич Всеволод осознал бесперспективность дальнейшего сопротивления, он собрал богатые дары и направился к Батыю просить о помиловании и даровании жизни:

«Се оувидевъ князь Всеволодъ яко крепчае брань ратных належить, оубояся, бе бо и самъ младъ, самъ изъ града изыде с маломъ дружины, несунъ съ собою дары многы, надеаше бо ся от него животь прияти; онъ [Батый] же, яко сверепыи зверь, не пощади юности его, повеле предъ собою зарезати, и градъ весь изби»¹.

Судя по тому, что Юрию сообщили о смерти его сыновей «вне града»², княжич Мстислав также пытался бежать, но был убит. Примечательно, что речь идет о самых титулованных особах в осажденном Владимире. В новгородских источниках Всеволод Юрьевич предстает лидером обороны, вождем владимирской дружины³. Впрочем, его роль выделялась и в Коломенской битве, хотя монголы, по свидетельству Рашид-ад-Дина, своим противником обозначали Романа Ингваревича.

Пожар в главном храме земли Владимирском Успенском соборе ознаменовал собой падение столицы Северо-Восточной Руси. Последовала тотальная резня: «от оуного и до старца и сущаго младенца и та вся иссекоша, овы оубивающе, овы же ведуще босы и безъ покровенъ въ станы свое, издыхающа мразомъ»⁴. Успен-

¹ ПСРЛ, II, 780.

² ПСРЛ, I, 464. В продолжении Суздальской летописи по Академическому списку эта фраза подвергнута корректировке: вместо «вне града» записано «в Нове городе» (ПСРЛ, I, 519). См. также: Каргалов, 1967. С. 93.

³ В Тверской летописи вообще говорится, что «въ Володимери затворися сынъ его (Юрия) Всеволодъ съ материею, и съ владыкою, и съ братомъ, и съ всею областю своею» (ПСРЛ, XV, 368. Ср.: НПЛ, 287). Роль старшего Юрьевича в ростовских и новгородских источниках неизменно выделяется как в битве у Коломны, так и при осаде Владимира. И в том и в другом случае он выступает в роли руководителя русских войск.

⁴ ПСРЛ, I, 464.

ский собор, другие городские церкви и монастыри были разграблены, пожаром был уничтожен Новый город. Местное население поголовно погибло или было выведено в полон. Разорение хорошо прослеживается и на археологическом материале, который демонстрирует не только гибель многих людей и материальных ценностей, но и последующее запустение целых районов прежде весьма многолюдного мегаполиса¹.

Тактически монголы могли считать себя победителями. Но формально великий князь Юрий еще оставался у власти и продолжал военные действия. И монголы должны были как можно быстрее найти его и уничтожить, пока он не восстановил свои силы.

* * *

Ход изложения в русских летописях позволяет говорить, что Владимир был последним городом, который осаждала единая монгольская армия. Рашид-ад-Дин утверждает, что еще крепость «Кырка» (Переяславль Залесский) Чингизиды также «взяли со-обща» и лишь затем решили «на совете идти туманами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся (на пути), брать и разрушать»². Возможно, так и случилось, но после 7 февраля они обязаны были расширить диапазон своих набегов: где-то скрывался великий князь, собирающий вокруг себя войска для ответного удара. Суздальские города были практически беззащитны, так как ополчения ушли к военному лагерю на Сити. Именно с этим следует связать такой широкий размах достигенный интервентов:

«...и поидоша на великого князя Юрья оттоле, овни же идоша к Ростову, а нини же къ Ярославлю, а нини на Волгу, и на Городецъ, и те поплениша все по Волзе, и до Галича Володимерьскаго, а нини идоша к Переяславлю, и тот град взяша, оттоле всю страну тѹ, и город мнози поплениша: Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, тѹ же и сына Ярослава оубиша, и до Торжкѹ, несъ

¹ См.: Русь, 2003. С. 48–53.

² Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39; Тизенгаузен, 1941. С. 36–37.

места идеже не повоеаша, и на всен стране Ростовскон и Сүждальскон земле; взяша городовъ четыренадешате опроче словод и погостовъ в одинъ месяц, февралю кончевающуюся лет҃у (67)45»¹.

Как известно, все перечисленные в этом летописном сообщении города имели стены и оборонительные укрепления, причем порой, как в случае с Переяславлем Залесским, весьма значительные². Ниже мы будем рассматривать осады таких городов, как Торжок и Козельск, из которых лишь первый обладал действительно полновесной оборонительной линией, но на взятие как одного, так и другого монголы вынуждены были тратить по нескольку недель. Надо полагать, такие первоклассные крепости, как Переяславль или Ярославль, могли держать и более длительную оборону. Однако отдельные отряды монголов брали суздальские города «с ходу». Причин этому было несколько. Во-первых, конечно, отток боеспособного населения в великокняжеское войско. А во-вторых, возможно, сговорчивость и неожиданная порядочность монголов в тех населенных пунктах, которые не оказали им сопротивления. Они торопились, и им удобнее было действовать в среде населения, которое еще не имело возможности озлобиться на их жестокость. Кроме того, для розыска князя в заволжских лесах требовались проводники, без участия которых все усилия монголов были бы тщетны. Следует отметить, что, в то время как описанию погромов и убийств в Рязанской земле, Москве, Суздале и Владимире в летописи уделяется значительно больше места, о разорении других городов Суздальщины сказано очень сухо: «несь места идеже не повоеаша» или «оттоле всю ту страну и грады многы все то плениша, доже и до Торжку, и несь места ни в(е)си, ни сель, тацехъ редко, идеже не воеаша»³. Используются глаголы «взяша», «плениша», «воеаша», но нет «пожгоша», «убиша», «избиша», «емше», «яша», «огневи предаша», которые употреблялись ранее.

¹ ПСРЛ, I, 518. Ср.: НПЛ, 76, 288; СЛ, 88; ПСРЛ, I, 464; IV, 217–218; VI, 293; VII, 141; X, 109; XV, 369.

² См.: Воронин, 1948. С. 14.

³ ПСРЛ, I, 464, 518.

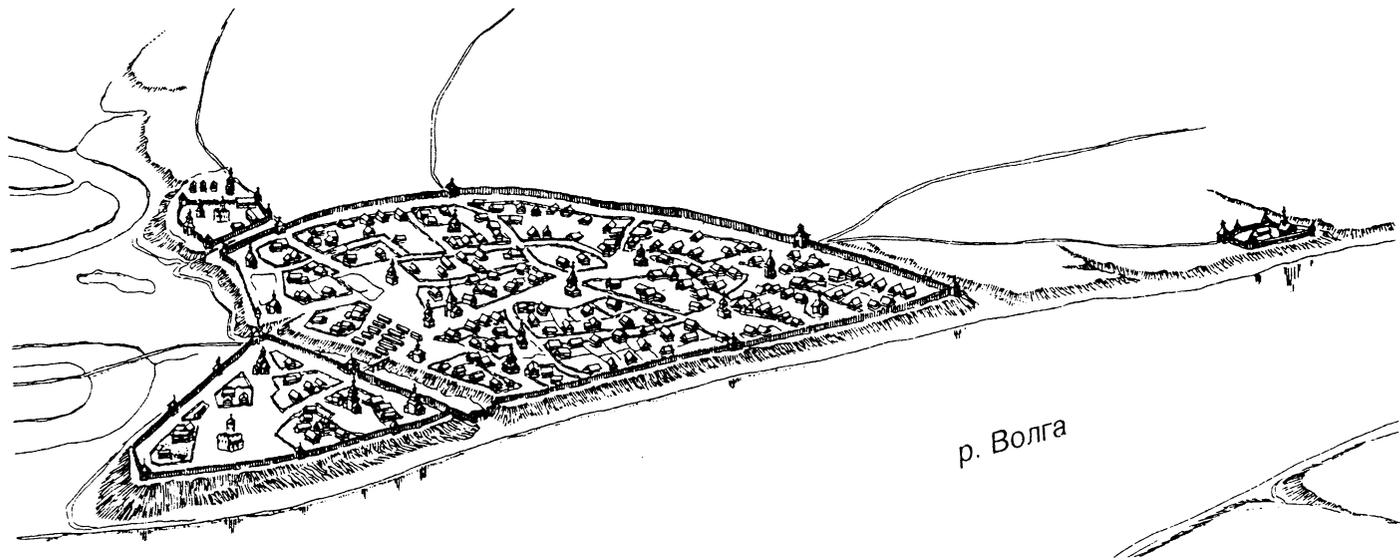

Рис. 20. Ярославль. XIII в. Реконструкция В.Ф. Марова (ДГ, 1993. С. 193)

Можно предположить, что многие города сами открыли свои ворота, отчего захватчики не подвергали их разграблению, а количество убийств было невелико и ограничивалось административной верхушкой. Так, о Ростове это следует говорить со всей определенностью. Ростов упомянут среди других объектов татарского «пленения», но после битвы на р. Сить именно туда вывозят тело павшего князя Василько и его встречает «множество народа». При этом ростовский летописец, которым мы пользуемся, содержит в себе текст, составленный современником тех событий, о присутствии монголов в городе даже не сообщает. Кроме того, сам летописный свод, чье составление стало возможным в 1239 г., говорит о том, что захватчики не нанесли городу значительного материального урона и потерь в населении¹. Об Угличе в 1844 г. Ф. Киссель опубликовал даже «подробности сдачи» города монголам, основываясь на некоей «древней угличской летописи»², что, конечно, не может быть признано полноценным свидетельством, но демонстрирует устойчивую местную традицию, согласно которой город избежал штурма.

Дополнительные сведения о судьбе других русских городов не получают подтверждения и потому не подлежат столь однозначному прочтению³. Ростовский летописец 1239 г. перечисляет следующие города, «взятые» монголами после Владимира в феврале: Ростов, Ярославль, Городец Радилев, Галич Мерский, Переяславль Залесский, Юрьев Польский, Дмитров, Волок Ламский, Тверь. Другие источники добавляют Кострому, Углич, Кашин, Стародуб и Кснятин⁴. Всего получается 14 городов, как и отмечено летописью. При этом Переяславль Залесский осаждали пять

¹ Приселков, 1996. С. 141; Каргалов, 1967. С. 96. Это подтверждается и археологическим материалом. См.: Русь, 2003. С. 45.

² Киссель, 1844. С. 49–50, 84–85.

³ Мы практически не располагаем сведениями о судьбе сельской округи в период монгольского вторжения. Кроме указаний летописи на то, что они «попленили землю всю». Археологический материал по этой теме стал собираться и обрабатываться только в последнее время (См.: Русь, 2003. С. 168–227). Пока он не создает уверенной основы для полноценных заключений на заданную тему.

⁴ СЛ, 88; ПСРЛ, X, 109; Татишев, 1995 (2). С. 234, 236, прим. 649. Существует также явно недостоверное указание Воскресенского списка Русского хронографа, в котором к пленным монголами городам отнесена Вологда (ПСРЛ, XXII, 145). См. также: Каргалов, 1967. С. 98; Черепнин, 1977. С. 195.

дней, как следует из сообщения Рашид-ад-Дина, а пленению Ростова, как следует из летописи, никакого военного столкновения не предшествовало. Вероятно, следует признать, что мирное подчинение городов монголам вовсе не свидетельствовало о полном отсутствии вооруженных стычек и локальных конфликтов.

Наоборот, поражения и пассивность великого князя Юрия должны были вызвать всплески негодования и серию безрассудных предприятий. Так, в Ярославле сохранилась легенда о сражении на «Туговой горе», которая, как считают исследователи, может содержать отголоски реальных событий сопротивления монгольской экспансии в этом регионе¹. Конструкция летописной фразы о «взятии» Переяславля заставляет думать, что речь идет о вооруженном столкновении под его стенами, после чего («оттоле») последовало «пленение» «всей той страны». Однако даже если случались русско-монгольские стычки, то к длительной осаде или существенной задержке монгольского наступления они не приводили. Нашествие развивалось очень стремительно.

По летописям известно, что 20 февраля 1238 г. интервенты подошли к Торжку². Получается, что к этому моменту они должны были уже занять Юрьев, Переяславль, Дмитров, Волок, Тверь, а также преодолеть в общей сложности не менее 500 км (от Владимира до Торжка по прямой — 350 км). После штурма Владимира 7 февраля на такой марш-бросок у кочевников было не более двух

¹ Каргалов, 1967. С. 96.

² В Тверской летописи приводится точная дата начала осады Торжка: «въ неделю 1 поста, месяца февраля въ 22 день», затем монголы «бишася ту» «по 2 недели» и «месяца марта въ 5 день, на память святаго Канона, въ среду 4-ю неделю поста» взяли город (ПСРЛ, XV, 370–371). Однако в более ранних текстах приводятся иные временные ориентиры. Так, в добавлении к Суздальской летописи по Академическому списку сказано, что захватчики осадили Торжок «на Зборъ по Федорове неделе», осаждали две недели, а взяли «месяца марта 5 на средохрестье» (ПСРЛ, I, 521–522). Аналогично во многих других летописях: СЛ, 90; НПЛ, 76, 288; ПСРЛ, IV, 221; VI, 298; VII, 143; X, 112. Пасха в 6746 (1238) г. приходилась на 4 апреля, а следовательно, пост начинался 15 февраля. «Собор по Федоровой недели» должен был прийти на субботу 20 февраля 1238 г., 5 марта действительно была пятница накануне Крестопоклонной недели. Между этими датами — точно две седмицы, а если бы мы считывали от 22 февраля (как предлагает Тверская летопись), то вышло бы меньше. К тому же в 1238 г. 22 февраля никак не могло прийти на 1-ю неделю поста, что противоречит показаниям вполне достоверных источников. К сожалению, многие исследователи порою некритично используют 22 февраля в качестве обозначения даты начала осады Торжка (Каргалов, 1967. С. 106).

неделя, притом что у Переяславля они задержались на пять суток. Средняя скорость в этом случае составляет примерно 35–40 км в сутки, что даже для современных воинских подразделений очень неплохо. Конечно, в случае с Торжком речь идет не о всей монгольской армии, а об ее части, авангарде. Длительность осады этой крепости (две недели) свидетельствует о том, что основные монгольские силы подошли к ней позже, после того как «повоевали» остальные земли. Кроме того, остановка у Торжка могла носить запланированный характер. Поход авангарда далее на запад не имел особого смысла и в незнакомых землях мог закончиться катастрофой. Войска Батыя гнались в поисках великого князя Юрия, который, это было очевидно, желал воссоединиться с новгородским ополчением где-то в этих местах, отчего и требовалось его предупредить. В случае если великого князя у Торжка не было, все дальнейшие поиски требовалось перенести в другую местность.

Хан был недалек от истины, когда избирал предположительные пути отхода Юрия. Князь действительно отступил на север, к новгородской границе, но укрылся в стороне от населенных мест и проторенных дорог, вследствие чего сумел длительное время оставаться незамеченным. На него наткнулся отряд из другой части монгольской армии.

Согласно летописному рассказу, после занятия Владимира монголы разделились на три группы. Одна сразу двинулась к Волге, возможно ради соединения с теми частями, которые должны были подойти в те места из Волжской Болгарии. Далее они «попленили» Городец Радилев, Кострому, другие поволжские города «и до Галича Мерьского». Две другие группы войск совместно подошли к Переяславлю Залесскому, который взяли за пять дней. Не дожидаясь падения цитадели, армии должны были разделиться и силами отдельных отрядов продолжить поиски затаившегося князя Юрия. После захвата Переяславля основная часть двинулась на Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь «и до Торжку». А второй отряд поспешил к древней областной столице — Ростову, откуда ходил на Ярославль и Углич. Именно из этой части, действовавшей в районе Углича, происходил отряд багатура Бурундая, внезапно натолкнувшийся на русские войска у реки Сить и разгромившие их. Этот «багатырь» уже успел зарекомендовать себя од-

ним из виднейших полководцев Батая. Он не был ханского происхождения, а выдвинулся исключительно благодаря своим военным талантам. В южнорусской повести о монгольском нашествии он известен как покоритель Волжской Болгарии и Суздальской земли и расположен по списку сразу за великим Субэдеем¹. Надо полагать, немалую славу Бурундаю принесло беспощадное убийство Владимирского великого князя Юрия Всеволодовича.

* * *

Угроза, исходившая от великого князя Юрия, была вполне ощутима. Еще недавно монголов мучили осложнения, вызванные деятельностью хорезмшаха Джелал-ад-Дина. Погибший лишь в 1231 г., он более десяти лет боролся с монголами, оставаясь лидером то партизанского, а то и открытого военного сопротивления. В 1226 г. он даже восстановил независимость Персии, полностью изгнав из нее захватчиков и став султаном². Борьба с Джелал-ад-Дином длительное время сковывала силы империи и ознаменовала первые годы правления Угэдэй-каана. Только смерть знаменитого «монголоборца» позволила добиться покорности в Персии и Хорезме, раздавить партизанские центры в горах Курдистана. Теперь империя опять стояла перед угрозой зарождения нового очага долговременного сопротивления в заволжских лесах. В ханской ставке должны были полностью осознавать важность происходящего и неотложность принимаемых мер.

Юрий Всеволодович также находился в положении критическом. Речь шла о выигрыше во времени. В случае если к нему успеет подойти новгородское войско, ход войны можно будет изменить. В этом отношении место для военного лагеря было выбрано идеальное. Здесь можно было сохранять такие коммуникации с Новгородом, которые монголам практически невозможно было прервать: даже если перекрыть Мсту, главную транспортную артерию, то оставалось бесчисленное количество лесных тропинок. С другой стороны, сконцентрированные здесь войска имели не-

¹ ПСРЛ, II, 785.

² Петрушевский, 1977. С. 127–128; Вернадский, 2001. С. 54.

ограниченные возможности маневра. В зависимости от обстоятельств, можно было нанести удар как в центр княжества, так и в любой другой важный регион: расстояния от р. Сить до Твери, Переяславля или Ярославля — практически одинаковые. Удобно было и укрываться в этих местах, которые и сейчас остаются малонаселенными. Выставленные вовремя небольшие заградительные отряды должны были полностью исключить возможность внезапного нападения.

Примечательно, что планы Юрия, казалось бы, начали осуществляться. Как было нами подсчитано выше, он к началу марта уже располагал почти десятитысячной армией. И это только за месяц. На Сити раскинулся целый передвижной город, огромный лагерь вытянулся вдоль реки. По летописи видно, что полки продолжали прибывать. Спешил к брату Иван Всеволодович «с малым войском» из Стародуба¹. Но ждали прежде всего Ярослава с новгородцами и, возможно, южанами. Причем ожидание длилось уже долго. Великий князь решил покинуть Владимир после возвращения разгромленного под Коломной Всеволода. Это могло произойти примерно 10 января 1238 г., далее следовали совещания и сборы². Реальный выход из города состоялся, скорее всего, около 15 января. Если учитывать то, что Юрий двигался по землям медленно, собирая ополченцев и давая указания, то расстояние до Сити (ок. 250 км) он проделал примерно за 20–25 дней и лишь в самом начале февраля основал лагерь. Монголы подошли туда 4 марта, а следовательно, русские полки бездействовали целый месяц. Это должно было сказаться и на настроении и на дисциплине.

Было ясно, что большое войско внезапно подойти к лагерю на Сити не может: слишком узки лесные тропы и слишком рано его можно заметить. Однако злой рок опять подготовил сюрприз

¹ По В. Н. Татишеву: «Брат его Иван стародубский княгиню с детьми, со всем именем, також из Юрьева, что было оставшее Святославле, вывез за Городец за Волгу в леса, а в городех оставил токмо войска с воеводами и сам лесами хотел к Юрию с малым войском пойти, но не успел» (Татишев, 1995 (2). С. 233).

² В. Н. Татишев датирует отъезд Юрия из Владимира 2 февраля 1238 г. (Татишев, 1995 (2). С. 233), но это невозможно, так как в тот же день монголы подошли к городу.

великому князю, который снова просчитался, продемонстрировав свои слабые знания в военном искусстве.

Судя по всему, татары подошли к лагерю Юрия не с той стороны, где были выставлены «сторожи». Когда князь послал в этом направлении заградительный отряд, было уже поздно:

«Князь же Юрьи посла Дорожа в проски въ 3000-хъ мѹжь, и прибежа Дрож и рече: “А оуже, княже, обошли сѹть насѹ около Татары!”»¹.

Все другие источники (как ростовские, так и новгородские) также подчеркивают внезапность монгольской атаки: «и се внезапу приспеша Татарове»² или «и сице ему [Юрию] молящуся съ слезами [о погибших во Владимире], и внезапу придоша Татарове»³. Непредвзятый южнорусский источник более конкретно указывает на обстоятельства тактического успеха монгольских полководцев:

«совокоупляюшоу емоу [Юрию] около себе вои и не имеющоу сторожини, изъеханъ бысь беззаконнымъ Боурондаема, всь городъ [то есть лагерь] изогна и самого князя Юрья оубиша»⁴.

Отсутствие сторожей — непростительная оплошность для военного времени. Можно себе представить ощущения русских полководцев, оценивших произошедшее. Великолепный стилист, русский книжник очень изысканно выразил грусть, охватившую князя Юрия после получения известия о подходе татар:

«...вънезапу приспеша татарове <...>, Юрьи же князь отложи всю печаль и понде к нимъ...; И състѹпишася обонѹхъ полци, и бысть сеча зла и велика...»
(Софийская I летопись)⁵.

¹ ПСРЛ, I, 519. Ср.: ПСРЛ, XV, 370.

² ПСРЛ, VII, 141; I, 465; VI, 294; НПЛ, 288.

³ Сл. 88. В квадратных скобках — примечания автора данной книги (Д. Х.).

⁴ ПСРЛ, II, 779. В квадратных скобках — примечания автора данной книги (Д. Х.).

⁵ ПСРЛ, VI, 294.

Рис. 21. Битва на р. Сить 4 марта 1238 г. Миниатюра XVII в. (Пашуто, 1956. С. 155)

Монголы подошли столь неожиданно, что великий князь даже не успел выстроить полки: «...и постави полки около себе, но не успеха ничтоже»¹. Это подтверждается и археологическим материалом². Тумен Бурундая подошел к вытянувшемуся вдоль

¹ ПСРЛ, XV, 370. В. Н. Татищев напротив, пишет о планомерной подготовке Юрия к битве и о длительном бое, который завершился только к вечеру (Татищев, 1995 (2). С. 236). В тех же выражениях описывает это В. В. Каргалов: Каргалов, 1967. С. 99.

² Каргалов, 1967. С. 100–105. Сохранившиеся в долине р. Сить курганы были вскрыты и описаны Н. П. Сабаневым, который описал сражение следующим образом: монголы подошли с запада, «перяславско-княтинской дорогой через Кашин», и в «истоках Сити происходила только стычка передового отряда Дорожа, а главная масса войска, застигнутая врасплох в стане, обратилась в бегство и усеяла своими трупами берега Сити вплоть до самого устья» (Сабанев, 1868. С. 84). Эти выводы не были опровергнуты позднейшими исследователями (Каргалов, 1967. С. 105). См. также: Каргалов, 1966. С. 53–59.

Сити русскому лагерю с северо-запада, а не с юго-востока от Углича, откуда его ждали. Внезапным налетом с марша он прижал часть войск Юрия к реке и уничтожил. Оставшиеся в меньшинстве и дезориентированные русские полки были обречены. Бурундай двинул своих всадников вдоль речного русла и, создавая численное превосходство на каждом участке наступления, обратил противника в беспорядочное бегство. Последовала широко-масштабная резня, в ходе которой были убиты великий князь, войсковые руководители и многие рядовые воины.

Излагая события сухо и порою формально, ростовский летописец пытается затушевать значение трагедии на Сити, в которой не лучшую свою роль сыграл великий князь Юрий Всеволодович¹:

«то же [то обошли его татары] слышавъ князь Юрьи, всед на конь свои, съ братом своим Гвятославомъ, и съ сыновци своими, с Василком, Констянтинвичем, и со Всеволодом, и Володимером, и с мѹжи своими, и пондоша противу поганых, и нача князь полки ставити и се внезапу приспеша Татарове на Сить противу князю Юрью, князь же отложи всю печаль и поиде к нимъ, и стѹпишась обон полци, и бысть сеча зла, и повегоша пред иноплеменики, и ту оубьенъ бысть великии князь Юрьи Всеволодичъ, на рице на Сити и вои его многи погнбоша, а Василка Констянтинвича рѹками яша»².

О численности войск у каждой из сторон в этом сражении судить затруднительно. Несмотря на то что Юрий собирал войска со всего Северо-Востока, многие могли не успеть подойти или отвлеклись на оборону собственной территории. Однако, как мы отметили выше, около 10 тысяч воинов в русской армии на Сити все же было. Судя по сообщению Рашид-ад-Дина о том, что ханы после занятия Переяславля решили «идти туменами облавой», можно предположить наличие у Бурундая, рыскавшего в поисках владимирского князя, именно тумена (10 тысяч всадников). По-

¹ Диагноз пассивности Юрия Всеволодовича пытался поставить Л. Н. Гумилев: «факт психологического вырождения на фоне этнической обскурации налицо» (Гумилев, 1992. С. 517, прим. 2).

² ПСРЛ, I, 519. В квадратных скобках — примечания автора данной книги (Д. Х.). Сокращенные варианты см.: ПСРЛ, I, 465; IV, 218; VI, 294; VII, 141–142; X, 110; XV, 370.

лучается, что в сражении 4 марта 1238 г. силы сторон были практически одинаковы; успех был связан с тактическим искусством, которым монголы полностью воспользовались, а руководители русской армии им не смогли достойно ответить.

* * *

Персидский историк Рашид-ад-Дин, описывая героические деяния армии Батыева на Руси, битву на Сити даже не упоминает. Для него это был результат погони за великим князем, который в момент своего убиения оказал сопротивление. Ростовский великокняжеский летописец, сохраняя лаконичность, тем не менее изображает события в другой тональности. Смерть Юрия представлена как глубоко трагическое событие для всей Руси, потерявшей последнюю надежду на спасение от «окаянных татар». В Лаврентьевской летописи на этом вообще заканчивается изложение о Батыевом пленении — далее следует только рассказ о смерти Василька Константиновича. Однако уже в статье 6747 (1239) г. сводчик возвращается к образу князя Юрия и вставляет обширный панегирик ему. В нем великий князь выступает миролюбивым и богобоязненным: «Се бо чудныи князь Юрьи потщася Божья заповеди хранити и Божии страхъ присно имея в сердци, поминая слово Господне...». Особенно подчеркивается его отношение к татарам в период до нашествия, когда они присылали послов: «преже мененная безвожняя Татары отпущаше одарены, бяхуть бо преже прислали послы свое, злии ти кровопинци, рекуще: “мирися с нами!”; он же того не хотяше...»¹. Выходит, что Юрий изначально не верил мирным инициативам татар, собирался воевать, а подарки богатые им дарил для затягивания времени. К сожалению, подобная предусмотрительность не подтверждается позднейшими событиями. Ежели посольство с Батыева стана на р. Воронеж покинуло Владимир в начале декабря 1237 г., а к границам княжества монголы подступили в начале января 1238 г., то почему не успели собрать полки для сопротивления, а приступили к этому только после поражения под Коломной? На границах первоначально вообще находился лишь воевода Еремей «в сторожах», который после встречи с местным князем Романом решил послать Юрию предупреждение об опасности. Владимирский властелин

¹ ПСРЛ, I, 468. Ср.: Сл., 91.

отвечал рязанцам, что сам хочет биться с Батыем «особо», но на встречу кочевникам направил сына Всеволода и Еремея, которые никак не подходили на роль вождей всей суздальской армии. Все же приходится прийти к заключению, что древнерусский книжник лукавил в угоду сложившейся к 1239 г. конъюнктуре. Возможно, мира с язычниками заключать великий князь и не имел желаний, но был вынужден это сделать, так как полагался на собственные представления о политических устремлениях монгольских ханов. В противном случае все его действия не поддаются логическому объяснению.

Примечательно, что только в 1239 г. новый Владимирский князь Ярослав Всеволодович смог торжественно захоронить своего брата, тело которого до этого более года хранилось в Ростове. Его принес туда ростовский епископ Кирилл, проезжавший возле места сражения на Сити по пути из Белоозера, где он руководил созывом ополчения. Принеся тело и положив его в Успенском соборе Ростова, епископ только к концу года смог присоединить к нему голову, что специально отмечено летописью:

«блаженный же епископъ Кирилъ ида з Белоозера, тамо извьвь ратныхъ, и принде на место идеже оубиенъ высть великий князь Юрьи, и обрете тело его, взем же и принесе е в Ростовъ, и певъ над нимъ обычная пенья, и положиша его в церкви свята Богородица <...через 17 строк и на следующей странице...>. Тогда же принесоша главу великаго князя Юрья, и вложиша ю в гробъ к телу его»¹.

Голова Юрия была отсечена Бурундаем, вероятно, для идентификации и представления Батыю, который должен был удостовериться в своей победе. Кроме того, это носило и ярко выраженный ритуальный характер: была пролита кровь верховного властителя занятой территории. Владения Юрия становились как бы вымороченными, перешедшими под чужой протекторат, вступившие в новую эпоху. О подробностях смерти Юрия вообще мало что известно. Даже новгородский летописец (современник) этим интересовался и не находил достоверного ответа. Он подчеркивал, что слухи ходят самые разные, возможно и нелицеприятные, отчего их перечисление затруднительно. При этом сама структура

¹ ПСРЛ, I, 520, 521. В угловых скобках — комментарий автора данной книги (Д. Х.). Ср.: ПСРЛ, I, 465, 467.

и последовательность рассказа о битве на Сити в Новгородской первой летописи весьма примечательны:

«...и привежа Дорожь, и рече: “А үже, княже, обошли нас около!” И нача князь полкы ставити около себе, и се вънезапу Татари приспеша; князь же, не успевъ ничтоже, побежа; и бысть на реце Сетни [=Сить], постигоша и, и живот свои сконча ту. Богъ же вестъ, како скончася: много бо глаголют о немъ нини. Ростовъ же и Бүздаль разидошася разнѡ»¹.

Здесь и речи не идет о бое, говорится только о безуспешных попытках сопротивления и бегстве. Юрий также упоминается среди поспешно отступающих частей: его настигают и убивают, но о подробностях убийства свидетели рознятся в показаниях. Масштаб бегства и формат всего «сражения» может передать и количество спасшихся после него. Ростовский князь Василько Константинович попал в плен, где был казнен, согласно ростовскому рассказу, за нежелание «быти въ ихъ воли и воевати с ними»². Его брат Владимир остался в живых и даже присоединил к своим белозерским владениям Углич. Умер он только в 1249 г.³, но о его деятельности в эти годы известно мало. Выжил даже брат Юрия Святослав, сменивший другого своего брата Ярослава на великокняжеском столе в 1246 г. Об обстоятельствах смерти другого Константиновича — Всеволода, который участвовал в событиях на Сити и определенно погиб во время нашествия, — можно говорить только предположительно. Так как Константиновичей хоронили обычно в Ростове, а во время захоронения Василька никто из его братьев там еще не лежал, то, возможно, Всеволод умер от ран чуть позже. Только его и только гипотетически мы можем назвать среди тех, кто вместе с великим князем погиб на Сити. Остальные успешно бежали и спаслись.

Кроме беззубых действий русских войск обращает на себя внимание также неожиданное административное изменение во Владимирской земле, отмеченное в новгородской летописи. Речь

¹ НПЛ, 288. В квадратных скобках — уточнения автора данной книги (Д. Х.). О том, что «Богъ вестъ како скончася, много бо инде глаголетъ о немъ» замечено и в компилятивной Тверской летописи, следующей в остальном ростовским источником (ПСРЛ, XV, 372).

² ПСРЛ, I, 465.

³ Татищев, 1995 (2). С. 206; ПСРЛ, I, 523; Рапов, 1977. С. 183.

идет о разделении Ростово-Суздальской волости. Столетнее единство неожиданно было нарушено в марте 1238 г., когда, казалось бы, соседская консолидация была единственным средством против нависшей угрозы порабощения. Однако общины Суздаля и Ростова решили иначе. В чем же причина таких действий? Полагаем, что отношение к «татарам» играло здесь не последнюю роль. Ведь судьбы городов отличались диаметрально. Суздаль подвергся самому жестокому разгрому 5–6 февраля 1238 г.¹, а Ростов умудрился уберечься и заключить некое соглашение с интервентами. Насколько в этом договоре учитывались интересы разоренного Суздаля — неизвестно. Примечательно, что позднее, когда Ярослав стал наводить в земле порядок после ухода монголов, его брат Святослав получил во владение только Суздаль, а Ростов сохранили за собой Васильковичи — Борис и Глеб². Возможно, позиция ростовчан во время нашествия была слишком необычной, чем вызвала возмущение даже со стороны своего верного и многолетнего сателлита. Уцелевшие суздальцы предпочли отмежеваться от благополучных соседей, и именно после событий на Сити, выступающими жестким репером в действиях захватчиков на северо-востоке Руси.

Убийство великого князя Юрия должно было послужить для монгольского войска сигналом, что их миссия в этом регионе в целом окончена. Можно было отходить в спокойную степь. Однако передовые части во главе с самим Батыем уже ушли далеко на запад, приступив к осаде Торжка. Надо полагать, оставшиеся во Владимирском княжестве тумены должны были двинуться сразу в южном направлении. Направив углубившейся в западном направ-

¹ Археологическое обследование Суздаля свидетельствует о резком снижении плотности населения в нем в XIV–XV вв. по отношению к XII–XIII вв. (Седова, 1997. С. 114). Примечательно также, что городские укрепления не подвергались ремонту с конца XII до конца XV в. (более 300 лет). См.: Седова, 1997. С. 54–55, 60.

² Большинство летописцев сообщают, что после вокняжения во Владимире Ярослава в 1238 г. Святослав получил Суздаль (СЛ, 90; ПСРЛ, I, 467; VII, 143–144; XV, 373). Только в прибавлении к Суздальской летописи по Академическому списку сказано, что Ярослав «отда Ростовъ Суздаль брату Святославу» (ПСРЛ, I, 522–523). В этой фразе, скорее всего, была упущена часть текста, которую можно восполнить по Новгородской IV летописи: «брату Святославу дасть Суздаль, а в Ростове седоста Васильковичи Борисъ да и Глебъ на княжени» (ПСРЛ, IV, 221. Ср.: ПСРЛ, X, 113; Татищев, 1996. С. 25). Это подтверждается и логикой дальнейшего изложения, в котором Борис и Глеб Васильковичи неизменно выступают в качестве ростовских князей. Вероятно, пропуск в великокняжеском летописце информации о судьбе Ростова после Батыева нашествия связан с какими-то внутреннеполитическими интригами. См. также: Рапов, 1977. С. 173, 195.

лении группе войск уведомление о смерти князя Юрия, можно было быть уверенным, что они также начнут отход.

Монгольская армия была измотана более чем трехмесячными переходами, стычками и погонями. Следует полагать, что и потери монгольские были значительны. Если под Коломной погибло до 10 тысяч, то в Рязанской земле, при осаде Владимира и других городов, вероятно, еще столько же. Кроме того, требовались сопроводительные отряды для контроля за пленными и награбленными материальными ценностями. Имелись и раненые. Вероятно, боеспособные части уменьшились в составе на 30–35 тысяч всадников (до 50%!).

После смерти Кулькана в походе продолжили участие шесть ханов: Бату, его брат Орда, сыновья Угэдея Гуюк и Кадан, внук Чагатай Бури и сын Толюя Менгу. По сообщению Рашид-ад-Дина известно, что позднее, когда Бату безнадежно стоял под стенами Козельска, куда подошел после взятия Торжка, к нему на помощь поспешили тумены Бури и Кадана. Следовательно, они не участвовали в походе в новгородские земли. Из четырех оставшихся туменов один должен был находиться под управлением Бурундая и действовать на северо-востоке. Таким образом, в лучшем случае у Батыя в начале марта 1238 г. под Торжком было три тумена (условно по 10 тысяч), имевших до 50% потерь личного состава, то есть в строю находилось около 15–20 тысяч. С такими силами штурмовать полноценный укрепленный город было очень сложно, а продолжать наступление на Новгород — вообще бессмысленно.

***

От Твери к Торжку монголы подошли 20 февраля 1238 г. и целых две недели держали планомерную осаду вокруг него: «...и отыниша его тыномъ весь около, якоже инии грады имаху, и бишася ту окааннии по 2 недели»¹. Лишь 5 марта, собрав возможные подкрепления, Батый решил на приступ².

Торжок, в отличие от многих других городов, ворота открывать не стал и в переговоры вступать отказался. Неожиданно жесткая

¹ ПСРЛ, XV, 370.

² В одном из списков Никоновской летописи и у В. Н. Татишева ошибочно указана дата 15 марта 1238 г., не подтверждаемая другими источниками (ПСРЛ, X, 111; Татишев, 1995 (2). С. 236).

позиция первой на пути монголов новгородской крепости должна была вызвать соответствующее раздражение в ханской ставке. Еще не был найден Юрий со своими ополченцами, укрывшийся, может быть, где-то рядом. Армия находится глубоко во вражеской территории, и опрометчивый штурм, сопряженный с большими потерями, был бы очень опасен. Батый не стал торопиться и применил традиционную для Руси тактику измора. Результат сказался очень скоро. В Торжке получили известие из Новгорода о том, что помощи с их стороны не будет. Воля защитников была подорвана. Последовал короткий и, судя по всему, прошедший для монголов без значительных потерь штурм. Горожане были «утомлены» длительной осадой, массированным использованием осадных машин и бесперспективностью своего дела:

«и изнемогашася людие въ граде, а из Новгорода имъ не бысть помощи, нъ уже бо в то время нужное кто же бо о собе сталъ в недоумении и въ страсе; и тако поганин взяша град, и исекоша вся от мѹжска полу и до женьска, иереискыи чинъ всъ и черноризчискои, а все изобнажено и порѹгано, горкою и бедною смертию предаша дѹша своя господеву...»¹.

Новгородский летописец как бы извиняется за пассивность своих соотечественников: время было «нужное», и каждый думал о себе, находился «в недоумении и в страхе». И такая позиция оказывается самой характерной для всего периода Батыева нашествия. И ситуация с новоторжцами вовсе не была самой показательной.

Город был сожжен². Во время осады погибли все виднейшие руководители общины. Но группа горожан в последний момент

¹ НПЛ, 76, 288.

² В Торжке обнаружен слой пожара, датируемый второй четвертью XIII в. (условно 1238 г.) и достигающий толщины 30–50 см, в котором встречаются человеческие кости и спекшиеся от огня остатки икон (Малыгин, 1984. С. 79). Показательно также, что, судя по раскопкам П. Д. Малыгина, проведенным в 1984–1985 гг., массивные срубные конструкции крепостных стен 1164–1187 гг. после монгольского нашествия были заменены на частокол (!), для изготовления которого использовались остатки построек 1202–1207 гг. Новые стены Торжок приобрел только в 1288 г. В том же году был возобновлен деревянный настил набережной улицы. Предыдущий настил был сооружен в 1218 г. и не ремонтировался 70 лет. См.: Русь, 2003. С. 95.

умудрилась организовать вылазку и прорваться в леса. Судя по изложению летописи, погоня за ними длилась не один день. Многие погибли, но некоторым, вероятно, удалось уйти. Монголы остановились в 100 верстах от Новгорода у Игнач-креста¹, проход за который мог быть чреват для них столкновением со свежими полками могучего северорусского княжества:

«Туже убьени быша Иванко, посадникъ новоторжьскыи, Якимъ Влоуцьковичъ, Глебъ Борисовичъ, Михаило Моисеевичъ. Тогда же ганяшася оканьнии безбожници от Торжку Серегерьскыи путьемъ ои и до Игнача креста, а все люди секуще акы траву, за 100 верстъ до Новагорода [не дошед]. Новъгородъ же заступи богъ...»².

То, что во время штурма был допущен массовый прорыв осажденных из крепости, говорит о слабой плотности армии штурмующих или об ограниченной площади приступа. Никакой полномасштабной атаки на стены с нескольких направлений, как при взятии Владимира Залесского, не было и речи. Перед нами — утомленные дальним походом воины, которые сами начинали опасаться за свою жизнь в этих землях. Поход нужно было немедленно прерывать. В противном случае он мог обернуться большим поражением для мировой империи.

Расстояние от Торжка до Сити: такое же, как от Коломны до Владимира — примерно 200 км, которые гонец мог промчать за пять дней. Следовательно, сообщение о гибели великого князя Юрия должно было поступить к Батыю уже 9–10 марта. Возможно, с этим и была связана остановка передового монгольского отряда у Игнач-креста: они получили известие о полном разгроме противника. Совершенно ясно, что поход на Новгород не входил и не мог входить в планы Батыя. Воевать в лесах и/или горах монголы никогда не собирались. Другое дело — Суздальское Ополье, равнинная местность с богатой полевой растительностью. Как

¹ По предположению С. Н. Ильина, каменный Игнач-крест стоял у деревни Игнашовки на правом берегу Щеберихи, вблизи устья Циновли, впадающей в Щебериху, и служил обозначением близости волока.

² НПЛ, 76, 288–289. В квадратных скобках — дополнение по Комиссионному списку летописи.

Рис. 22. Новгородская земля (основная часть) в XIII в. Граница показана схематически (Насонов, 2002. С. 81)

верно отметил еще В. В. Каргалов, сложные построения военных историков (М. Иванин, С. Н. Ильин), стремящихся приписать Батю намерение «выйти на “коммуникации” между Новгородом и Псковом, пройти областями, предоставлявшими “больше средств для продовольствия”» войск, избежать переправы через большие реки и т. д., не находят никакого основания в источниках¹. Они оторваны от системы методов исторического моделирования и серьезно модернизируют происходившее. «Селигерский путь», по которому двигались монголы, даже не был кратчайшим маршрутом в Новгород. Он петлял и сильно уводил к западу, что могло соответствовать тактике пытающихся оторваться от преследования, но никак не наступающих войск. Как только появилась возможность остановиться и, не теряя чести и славы победителей, повернуть домой, монголы это и сделали.

* * *

Близкий к современникам событий персидский историк Джувейни оставил короткую запись о монгольском походе на Русь:

«Они отправились в земли Руси и покорили области ее до города М. к. с. [вар.: М. л. с., Машку, Микес], жители которого, по многочисленности своей были [тожно] муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что [в нем] нельзя было проползти змее. Царевичи сообща окружили [город] с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что [по ней] могли проехать рядом три-четыре повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия. Через

¹ См.: Ильин, 1944; Каргалов, 1967. С. 108–109; Черепнин, 1977. С. 196. В Мазуринском летописце записано, что Батый повернул потому, что «нападе на него страх, инии глаголют, яко Михаил архангела виде со оружием путь ему возбраняюще» (ПСРЛ, XXXI, 71). Н. М. Карамзин считал, что Батый был «испуган» «лесами и болотами сего края» (Карамзин, 1991. С. 513), а В. Н. Татищев отмечал, что монголы «возвратились, понеже стало быть тепло, боялись между так многих рек, озер и болот далее идти» (Татищев, 1995 (2). С. 236). Скорее всего, географический и климатический подходы к вопросу о причинах поворота монголов у Игнач-креста являются наиболее правильными (См.: Вернадский, 2001. С. 59). Однако ландшафт Новгородской земли не был для Батыева новостью, обнаруженной лишь после осады Торжка. Он, без сомнения, учитывался в планах похода.

несколько дней они оставили от этого города только имя его и нашли (там) много добычи. Они отдали приказание отрезать людям правое ухо. Сосчитано было 270 000 ушей. Оттуда царевичи решили вернуться»¹.

Известный специалист по арабской и персидской историографии В. Г. Тизенгаузен считал, что под именем «М. к. с.» скрывается Москва². Однако, например, в тексте Рашид-ад-Дина также встречается город «МКС» (или «Минкас»), но в его трактовке тот же В. Г. Тизенгаузен соглашается с И. Н. Березиным, который интерпретирует топоним как некую крепость «Манач (Маныч)» или «Орнач»³. Заметно, что предлагаемые варианты предполагают очень широкий диапазон ошибок в написании. Скорее всего, следует ориентироваться не на созвучность слов, которая редко выглядит убедительной, а на исторический контекст событий. Спустя 15–20 лет после описываемых событий очевидцы могли передать предельно исковерканное название захваченного города, но вряд ли они забыли тот населенный пункт, на котором монголы завершили наступление и повернули домой — это должно было быть особенное место. Именно после взятия Торжка (М. к. с., Машка = Торг, Торжок) Батый повернул свою армию в степь. Город брали долго и использовали при этом много осадных машин, что и отмечено летописью. Численность павших горожан, конечно, завышена. Трудно судить о том, насколько цифра 270 000 (или 27 000) соответствует действительности. Скорее всего, это большая условность, в которой следует видеть указание на огромные потери противника. Именно так в понимании монгольских историографов должен был завершаться победный рейд великого, а следовательно, и кровожадного хана.

***

Отход Батыя был триумфальным. Он вел тысячи пленников, его воины щеголяли дорогими одеждами и награбленными украшениями. Добившись решительной победы над сильным

¹ Тизенгаузен, 1941. С. 23.

² Тизенгаузен, 1941. С. 23, 91, 21 прим. 6. См. также: Толочко, 1987. С. 169.

³ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39, прим. 34; Тизенгаузен, 1941. С. 37, прим. 11.

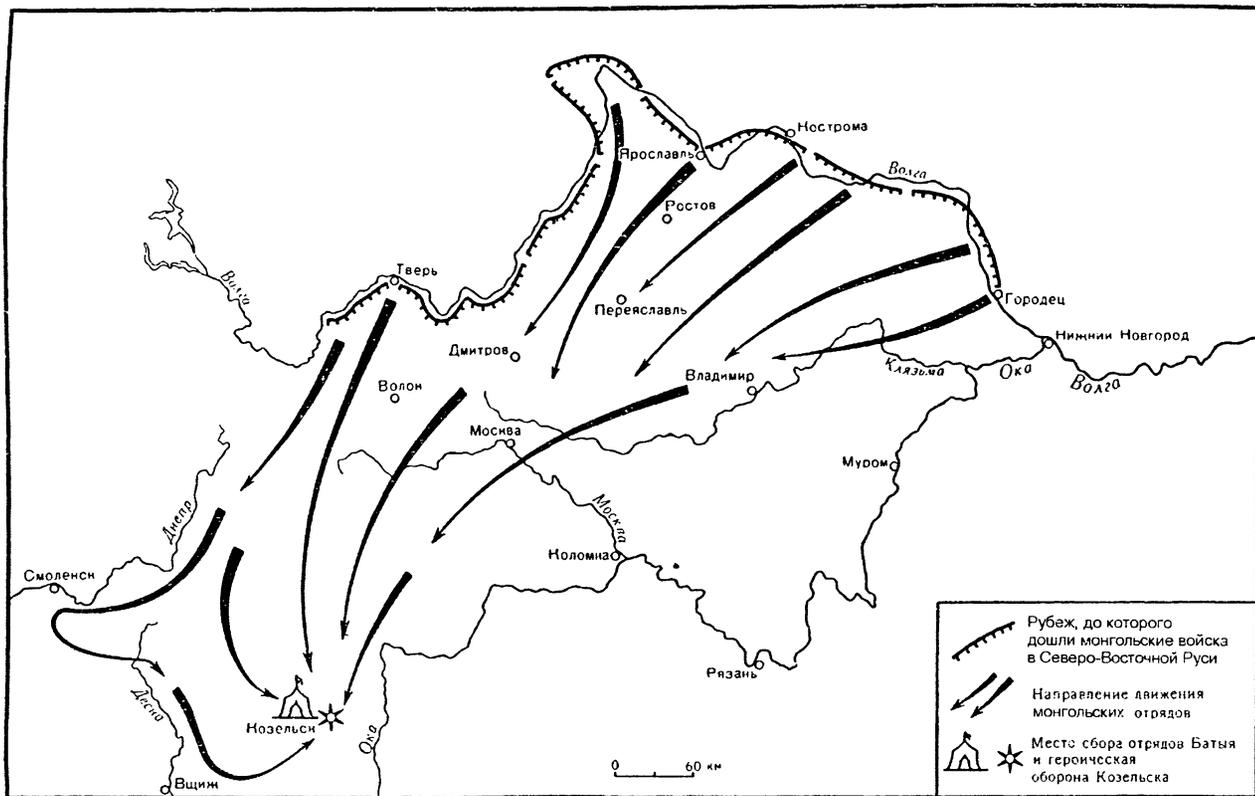

Рис. 23. Монгольский погром Северо-Восточной Руси весной 1238 г.
(Каргалов, 1967. С. 104)

Владими́ро-Сузда́льским княжеством, Батый вполне мог считать себя удовлетворенным и не предпринимать более наступательных операций¹. Да и средств для этого у него, судя по всему, более не было. Длительная осада, даже ведущаяся максимально осторожно, неизбежно должна была привести к потерям. Подкрепленный от других ханов не поступало: их воины также спешили в родные степи. Волна нашествия плавно откатывалась.

От Торжка Батый двинулся прямо на юг. Отдельные отряды могли следовать с основным войском на параллельных курсах, но более служили для прикрытия флангов ослабленной орды, чем для ведения наступательных действий. В этом контексте следует рассматривать свидетельства «Слова о Меркурии Смоленском», согласно которому монголы через Дорогобуж подошли к Смоленску «и ста от града за 30 попришь»². Купец Меркурий, причисленный позднее к лику святых, единолично напал на монгольский отряд и, устранив его своей атакой, заставил отступить от Смоленска. Позднее он умер от ран, полученных в этом бою, и поминается 24 ноября. В его образе органично слились былинные (Сухман Домантьевич, Демьян Куденеви́ч) и церковные герои (Меркурий Постник, Меркурий Печерский епископ Смоленский), наложившиеся на традиционный мотив легенды (единоборство во имя спасения родного города и последующая смерть от ран). Все это в сочетании с поздней записью самого текста (не ранее конца XV в.) не позволяет основывать на нем серьезные заключения о ходе монгольского нашествия в 1238 г. Скорее всего, речь должна идти о смутной легенде, в которой упоминается появление некоего отряда кочевников под стенами Смоленска³.

Как и на Новгород, Батый на Смоленск не ходил. Он шел на юг, в степь. Симеоновская летопись прямо указывает направление его пути: **«Отт҃ѣдѣ же [от Торжка] поиде Батын назадъ въ Ря-**

¹ Г. В. Вернадский писал об отступлении монголов от Торжка, что, «грабя боярские поместья и деревни на своем пути, они, очевидно, обходили города, избегая каких-либо столкновений, которые могли замедлить их марш» (Вернадский, 2001. С. 59). Ср.: Пашуто, 1960. С. 135.

² См.: БЛДР. Т. 5. СПб, 2000. С. 164–166; Белецкий, 1922. С. 55–57.

³ Некоторые исследователи с доверием относятся к сведениям «Повести о Меркурии Смоленском» и считают, что монголы пытались подступить к Смоленску (Пашуто, 1960. С. 135–136) или даже захватили город в 1238 г. (Dimnik, 1981. P. 86, p. 121). Ср.: Каргалов, 1967. С. 109; Черепнин, 1977. С. 196; Алексеев, 1980. С. 235.

заны и прииде къ городу Козельску»¹. В других летописях сообщение более формальное: «А Батыи же отселе [от Торжка] воротися, и прииде к городу Козельску»².

Хан отступал и не ввязывался в новые авантюры. Осада Козельска была для него досадным недоразумением, которое чуть не стоило ему уважения в среде родственников. Даже спустя семь десятилетий, придворный историограф одного из дальних родственников Бату, Рашид-ад-Дин, отметил, что «на этом переходе Бату подошел к городу Кисель Иске [= Козельск] и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им»³. Память о таких промахах сохранялась долго. Только прибытие подкреплений с двумя другими Чингизидами, сыном Угэдэй-каана Каданом и внуком Чагатая Бури, которые взяли крепость в три дня, позволило сохранить лицо будущему основателю Золотой Орды. Во всех его действиях в конце похода сквозила большая усталость.

От Торжка до Козельска — около 350 км, большая группа всадников может преодолеть их примерно за 20 дней. Начав отход на юг 10–12 марта, Батый должен был в начале апреля 1238 г. подойти к небольшому городку в Черниговской земле, расположенному в междуречье Жиздры и Другусны⁴. Укрепления Козельска были традиционными для Руси: глубокий ров вокруг циркульного (прорезанного двумя проездными башнями) вала, прорезанного двумя проездными башнями, на котором расположены деревянные стены (см. рис. 24). Этот областной центр в земле вятичей серьезно усилился во второй половине XII в. и в иерархии наследования среди черниговских князей занял второе — после Чернигова — место. Здесь имелся свой князь Василий, который вполне мог быть представлен в качестве основателя местной династии. В Козельске правили его дед и, возможно, отец. Оба они погибли в битве на Калке, после чего власть в Чернигове перешла к другой ветви рода Ольговичей. Вероятно, именно после 1223–1224 г. в Козельске утвердился младенец Василий, родившийся накануне

¹ Сл, 90.

² ПСРЛ, I, 522. Аналог см.: ПСРЛ, VI, 299; VII, 143; X, 112.

³ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39; Тизенгаузен, 1941. С. 37. В квадратных скобках — комментарии автора данной книги.

⁴ В некоторых источниках, исходя из того, что Батый от Торжка повернул «к Рязани», Козельск ошибочно относится к Рязанскому княжеству (Татищев, 1995 (2). С. 236).

гибели отца. После этого должен был усилиться процесс обособления этой волости, претендующей как на экономическую, так и на политическую самостоятельность¹. Однако в военном отношении никакого серьезного препятствия для захватчиков ни ранее и ни позднее Козельск не представлял. Тем не менее именно здесь великий хан Батый провел самую длительную осаду в своей жизни.

Если Рязань осаждали шесть дней, Москву и Владимир взяли за пять, а Торжок штурмовали две недели, то под Козельском монголы простояли почти два месяца — *семь недель (50 дней)*! Поразительное единство в описании осады Козельска демонстрируют русские летописи², которые в рассказе о Батыевом нашествии

¹ Впервые Козельск упоминается в летописи под 1146 г. в качестве городка, удаленного в лесах земли вятичей (Насонов, 2002. С. 188, 204). Под 1224 г. в Ипатьевской летописи участник битвы на Калке Мстислав Святославич назван князем «в Козельске и в Чернигове», а в Воскресенской летописи сказано, что тогда княжил «въ Чрънигове Мстиславъ Святославичъ Козельский» (ПСРЛ, II, 741; VII, 130). О. М. Рапов считает, что до того как сменить брата Всеволода Черногого на черниговском столе в 1212 или 1215 г. — источники разнятся в показаниях: Татишев, 1995 (2). С. 192; ПСРЛ, VII, 118) — Мстислав владел Козельском, то есть еще с 1170-х гг., до отмеченной летописью женитьбы (Рапов, 1977. С. 117–118). Вероятно, это был первый владетель обособленной Козельской волости, выступившей, таким образом, на второе место в иерархии наследования в Черниговской земле. Надо полагать, что, перейдя в Чернигов, Мстислав оставил в Козельске сына, с которым затем отправился воевать с монголами. Все летописи отмечают смерть на Калке «Мстислава Черниговского с сыном» (НПЛ, 63, 267; ПСРЛ, I, 509; XV, 342). В Новгородской IV летописи отмечено, что княжичу Василию в момент смерти было 12 лет (ПСРЛ, IV, 781). Если допустить, что в этой цифре закралась ошибка в 3 года («ѣ» (12) и «ѣ» (15) похожи, — то вполне можно согласиться с О. М. Раповым, который предполагал, что Василий приходился внуком Мстиславу Святославичу (Рапов, 1977. С. 130–131). Если это так, то есть основания высказаться и об имени отца Василия. В рассказе о битве на Калке князь Всеволод Мстиславич, сын великого князя киевского Мстислава Романовича Старого, внезапно назван «Киевський» (ПСРЛ, I, 505; II, 741). В поздней Тверской летописи для пояснения прибавлено «сынъ» (ПСРЛ, XV, 339). Дополнение излишнее, так как в Киеве не правил никогда никакой Всеволод Мстиславич. Однако древнему летописцу требовалось указать, чей сын этот Всеволод Мстиславич — которого из великих Мстиславов, участвовавших в походе. Наиболее подходящей кандидатурой для такого же имени-отчества выступает сын Мстислава Черниговского и отец Василия Козельского, то есть, таким образом, Василия Всеволодовича Козельского, родившегося около 1223 г. и погибшего в конце мая 1238 г.

² См.: СЛ, 90; ПСРЛ, I, 552; II, 780–781; IV, 221–222; VI, 299–300; VII, 143; XV, 372–373. Некоторые летописцы несколько сокращают повесть об осаде Козельска, но в остальном текстологическое единство сохраняется (Ср.: ПСРЛ, X, 112–113). Исключениями являются собственно Суздальская летопись, которая обрывает изложение после сообщения о смерти великого князя Юрия на Сити (ПСРЛ, I, 465–467), и Новгородская первая летопись, в которой события ограничены осадой Торжка (НПЛ, 77, 289). Продолжение изложения в этих сухих официальных сводах

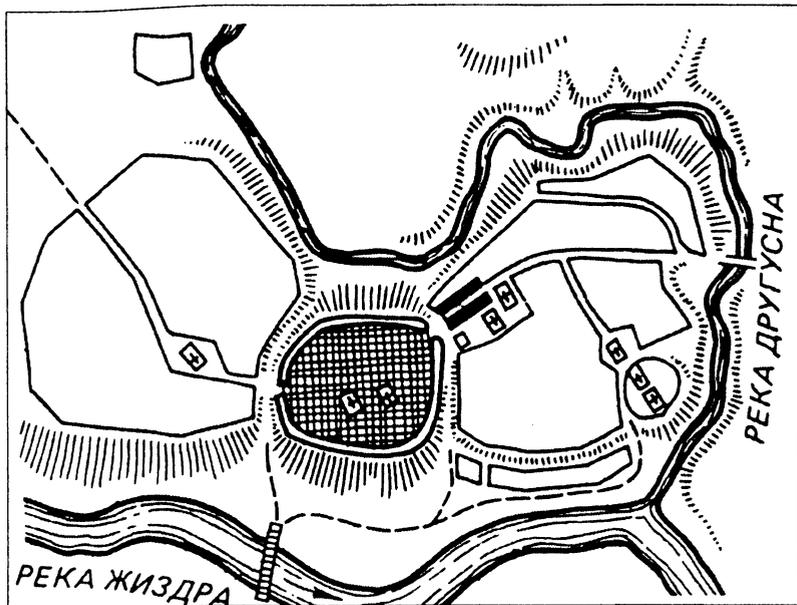

Рис. 24. Козельск. Схема Г. Я. Мокеева
(ДГ, 1993. С. 51)

имеют исключительное количество расхождений. Удивительная по стойкости и мужеству оборона маленькой, но гордой крепостицы устыдила всех ее крупных (великих) соседей, сдававшихся и открывавших ворота противнику без долгих разговоров. Лишь вступив на арену большой истории (до этого момента мы имеем о Козельске только краткие упоминания), этот город застолбил себе место в ней навечно. Как в летописце Даниила Галицкого (Галицко-Волынская летопись), так и во Владимирском великокняжеском летописце (Суздальская летопись по Академическому списку) рассказ об осаде Козельска является чуть ли не единственным совпадающим местом, сходным чуть ли не дословно (!)¹.

выходило за географические рамки их региона и потому обрывалось. Подобный подход служит еще одним свидетельством чудовищной разобщенности русских земель в середине XIII в. Подобные примеры можно найти и в южнорусских летописях, в которых ни словом не отмечены многие северные города (Москва, Переяславль, Торжок). Круг интересов летописца был удивительно узким.

¹ См.: ПСРЛ, I, 552; II, 780–781.

От севера до юга вся разодранная и разобшенная Русь отдала дань уважения мужеству козельских горожан.

Недавно обретшие самостоятельность жители не захотели сдаваться напыщенным победителям, покорителям Северо-Восточной Руси. Они решили до конца защищать как своего малолетнего князя, так и собственное достоинство:

«...и приде [монголы] ко граду Козельскоу, бѹдѹщѹ в немь князю младѹ, именемь Василью; ѹведевѣши же нечестивни яко ѹмѣть крепкодѹшными имеютъ люде во граде, словесы лестными не возможно ве градъ прияти, Козляне же светѣ створше не вдатися Батыю, рекше: яко аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животъ свон за нь. И сде, славу сего света примше и тамъ небесныя венца от Христа Бога приемемъ»¹.

Батый упорствовал. Собственных воинов у него оставалось не так уж и много, да и риск потерять их был слишком велик. Были вызваны Кадан и Бури, тумены которых позволили начать штурм.

Население таких городков, как Козельск, обычно не превышало 5 тысяч человек. Даже если учитывать собравшихся на защиту стен сельских жителей, боеспособных защитников не могло быть многим более 2 тысяч. При этом у монголов должно было быть не менее 15 тысяч всадников. Казалось бы, столь явный перевес (1:7) был вполне соответствующим для эффективного приступа. Однако Батый решил удвоить свою армию, вызвав Кадана и Бури.

Причин этого можно назвать несколько. Прежде всего следует выделить общую усталость войск, их неспособность к решительному наступлению. У выносливости кочевников также есть предел, который и наступил после затяжной зимней кампании. Судя по тому, что на пути от Суздаля к Владимиру пленные, «издыхающе от мраза», зима в 1237–1238 гг. была холодной. Возможно, сказывались и проблемы с продовольствием, которое необходимо было буквально отвоевывать. И в этих условиях многотысячная армия за 4 месяца преодолела около 2000 км по пересеченной местности, лесистой и заваленной снегом. Нельзя также забывать, что армия Батыя не была однородной в национальном плане. Самые подготовленные части, конечно, происходили из Монголии,

¹ ПСРЛ, II, 780–781.

но с ними рядом шли многочисленные обитатели евразийских степей от кипчаков до саксин, а также представители других покоренных народов от Китая до Кавказа. Одной из причин задержки у Козельска могло служить то, что в распоряжении хана остались либо части, которые жалко было бросать на штурм малозначимого городка (например, собственно монгольские), либо его основной контингент, наоборот, состоял из многонациональной толпы побежденных народов, которыми сложно было управлять. Все говорит о том, что великий Батый оказался под стенами гордого Козельска в предельно затруднительном положении.

Приход туменов Кадана и Бури позволил начать штурм, который, однако, длился целых три дня. И снова горожане Козельска преподнесли захватчикам сюрприз. Пробив пороками стену, монголы кинулись на приступ в образовавшуюся брешь. Однако, как только они взобрались на вал и завязали там бой, ополченцы открыли ворота с другой стороны города и сделали вылазку на монгольский лагерь, который захватили совершенно врасплох, устроив там настоящую резню. По летописному сообщению, в том бою погибло около 4 тысяч монгольских воинов, но полегли и все нападавшие:

«Тотаром же, бьющимся о градъ, прияти хотящимъ градъ, разбившимъ граду стену и вознидоша на валъ Татаръ; Козляне же ножи резахуся с ними, светъ же створиша изнйти на полкы Тотарьскыє, и исшедше изъ града, искоша праща нхъ, нападше на полтъкы нхъ и ѳвиша от Татаръ 4 тысящи, и саме же избьени быша»¹.

Дерзость была колоссальная, а эффект от нее превышал все вообразимое. Даже если в вылазке участвовала половина гарнизона (около тысячи человек), то на каждого русского приходилось до 4 убитых захватчиков. Такого контрастступления не смог организовать ни один князь, ни один город, каким бы крупным он ни был. Вообще о вылазках во время других осад (Рязань, Москва, Владимир) у нас нет сведений. Из Торжка люди просто выбежали с целью где-нибудь укрыться. Жители же Козельска атаковали (!).

¹ ПСРЛ, II, 781.

Сам штурм города был также очень кровопролитным для монголов. В ходе приступа погибли три сына темников, то есть дети руководителей трех туменов. Причем их тела не смогли потом найти в горе трупов. Каковы же были общие (и в городе и в лагере) потери интервентов!?

Упорнейшее сопротивление, которого Батый никак не ожидал, привело его в бешенство. При занятии Козельска жителей просто вырезали, всех вплоть до молочных младенцев. По улицам текли реки крови, в одной из которых утонул (!) молодой княжич Василий. Действительно, такого «Злого» города на Руси монголы еще не встречали:

«Батын же взя городъ, изви вси, и не пощади от отрочатъ до сосущихъ млеко; о князи Васильи неведомо есть, и инни глагоху яко во крови утонулъ есть, понеже убо младъ вяше; оттуду же въ Татарехъ не смеютъ его нареци градъ Козельскъ, но градъ Злын, понеже бишася по семь недель, убиша бо от Татаръ сыны темничи три, Татари же искавше и не могоша ихъ изнаити во множестве трупъ мертвыхъ...»¹.

Нигде Батый не встречал столь единодушного и ожесточенного противодействия, столь самоотверженных и дерзких поступков, такой гордой непокорности. Если в бою погибли сыновья трех темников, то и их отцы в ней участвовали: три тумена брали небольшой городок. Холеная выучка покорителей мира еле-еле справилась с доморощенным упорством русской глубинки. Такое упорство запомнили надолго, оно вполне могло повлиять и на позднейшую политику хана Бату по отношению к Руси. Презрительного отношения эта страна более вызывать не могла.

* * *

По сообщению Рашид-ад-Дина, после занятия Козельска монгольская армия остановилась там на отдых: «Тогда они расположились в домах и отдохнули»².

Однако, даже если город не был сожжен, что удивительно, задержались они в нем ненадолго. Летописное описание говорит о грудах трупов, смрад от которых не мог позволить захватчикам

¹ ПСРЛ, II, 781.

² Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39; Тизенгаузен, 1941. С. 37.

длительное время находиться в этой местности. Согласно русским источникам, Батый не остался в занятой крепости, а сразу ее покинул, направившись в степь: «Батыеви же, вземшю Козельскъ, и поиде в землю Половецкюю»¹.

Монгольские потери были колоссальными. Осада Козельска прибавила к ним еще как минимум 5 тысяч только убитыми. В общей сложности боеспособные части Чингизидов уменьшились примерно на 40 тысяч всадников, из которых погибших было до 25 тысяч. Это более половины всей 70-тысячной армии, вторгшейся в Рязанское княжество (57%). Даже все оплошности руководителей русской обороны не позволили Батыю обойтись малыми жертвами. Было очевидно, что поход на Русь грозил сорвать успех наступления на Европу. От немедленного продолжения военных действий пришлось отказаться, и последовала почти трехлетняя передышка (весна 1238 г. — осень 1240 г.). В это время производились лишь эпизодические набеги, преследовавшие локальные цели и ограниченные по дальности (от степи не более 250–300 км).

Совершенно непонятны те перспективные планы, которыми руководствовались монголы зимой 1238 г. в отношении Северо-Восточной Руси. Они навели в землях хаос. С отдельными поселениями (возможно, с Ростовом) были заключены некие соглашения. Другие — просто разрушены, а жители уведены в полон. Областная администрация в большинстве своем просто уничтожена. Причем никакой новой (оккупационной) системы управления создано не было (!)². Летописи однозначно говорят, что монголы сначала «придоша», а потом «отидоша»³. Взяв город, они его

¹ ПСРЛ, I, 522; II, 781; IV, 222; VI, 300; VII, 143; X, 112–113; XV, 373; Сл, 90. В. В. Каргалов считает, что «по дороге в степи» после занятия Козельска «татарами был взят и разрушен город Курск» примерно в июне 1238 г. (Каргалов, 1967. С. 111). Источники не дают оснований для подобных предположений.

² См.: Насонов, 2002. С. 231–232; Гумилев, 1992. С. 508.

³ О Москве говорится, что ее «взяша», а затем «отидоша» (ПСРЛ, I, 516); Батый после взятия Торжка «воротись», то есть повернул и ушел (ПСРЛ, I, 522). Монгольский проход через Рязанское княжество в «Повести о разорении Рязани Батыем» представлен так же: после «попленения» и разорения монголы покинули эту территорию и ушли в сторону Владимира-Суздаля (Повесть, 2000. С. 146). А в сообщении Суздальской летописи о восшествии на великокняжеский стол Ярослава Всеволодовича сказано, что к началу 1238 г. «избави Богъ рукою своею крепкою от безбожныхъ Татаръ» Владимирское княжество (ПСРЛ, I, 467). В Новгородской IV летописи вообще известие о вокняжении Ярослава приводится раньше, чем рассказ об осаде Торжка, то есть предполагается, что уже к началу марта 1238 г. все монголы покинули Северо-Восток (ПСРЛ, IV, 221).

грабили, а потом покидали. Их действия напоминали карательную экспедицию, а не планомерное завоевание. Нет никаких признаков того, что захватчики желали изменить структуру властных полномочий в этих землях. На границах Рязани им отказали в уплате дани или, что скорее всего, просто не оказали должного почтения. Такие действия требовали порицания и наказания, которые и обрушились на рязанских князей и их сюзерена. Возможно, монголы решили выждать, пока в разоренных землях не восстановятся традиционные институты власти, а уже затем применить дипломатическое давление, которое должно было утвердить систему постоянных даннических отношений. Причем в ханской ставке хорошо понимали, что ни о каком новом походе в северные регионы речи идти не может. Даже используя эффект внезапности и плохую организацию обороны, они потеряли более половины армии, а если бы руководители противника были более дальновидными и захватчикам везде давали отпор, могла последовать катастрофа. Все это должно было настроить Батю на более конструктивный лад. Как бы то ни было, но основной цели он достиг — непокорные владения на флангах его наступления на Европу были устранены. Монгольская армия могла не опасаться вражеских атак с этой стороны. Закрепление своего влияния в регионе империя могла отложить на некоторое время.

§ 3. РУСЬ МЕЖДУ ВТОРЖЕНИЯМИ: ОТ РЯЗАНИ ДО КИЕВА, 1238–1240 гг.

Монгольские войска покинули Северо-Восточную Русь в марте 1238 г. Наступил период подведения итогов произошедшего зимой. Люди возвращались в свои дома или на их пепелище, князья пытались восстановить нарушенную в стране административную инфраструктуру.

В экономическом и хозяйственном отношении наибольший ущерб был нанесен Рязанской земле. Согласно письменным источникам, Батый здесь прошелся «огнем и мечем». Города сжигались и разорялись, жителей убивали и уводили в полон. Речь должна идти не о социально-экономическом упадке, а о национально-государственном коллапсе Рязанского княжества, тотальном ограблении и уничтожении целой страны, центральные

районы которой просто перестали представлять собой часть ойкумены. Процесс возрождения к жизни в этом регионе шел медленно и был сопряжен с немалыми трудностями.

По мере продвижения в глубь Руси заряд агрессивности и жестокости у монголов, видимо, постепенно снижался. Решительному разорению подверглись только самые крупные города, а также те, которые отказались добровольно открыть ворота (Коломна, Москва, Суздаль, Владимир, Переяславль Залесский, Ярославль). Археологические данные показывают, что, например, Ярославль в эти годы был сильно разрушен и долго не мог восстановиться в прежних границах¹. О Владимире известно, что только князь Ярослав сумел собрать туда жителей («люди оставшаа събра и үтеши»), но городские стены восстановил лишь частично². О тех городах, которые лишь вскользь упомянуты летописью, что-либо определенное сказать трудно. Скорее всего, многим удалось сохранить свое хозяйство в неприкосновенности. Это, конечно, не относится к сельским поселениям, на которые традиционно ложатся все тяготы войны. Как в Рязанской, так и во Владимиро-Суздальской земле они подверглись массовому разграблению³. Единственным «позитивным» фактом было то, что нашествие пришлось на зиму, что не позволило захватчикам разорить посевы и разразиться голоду.

Особенно заметным был урон от нашествия в среде волостных лидеров. Погибли наиболее способные администраторы, полководцы и обученные воины: князья, посадники, воеводы. Произошла повсеместная смена состава во властной элите.

Из княжеской династии Рязани выжил только один полулегендарный Ингварь Ингваревич, известный лишь по «Повести о разорении Рязани Батыем»⁴. Да Олег Ингваревич, плененный

¹ Каргалов, 1967. С. 96. Н. Н. Воронин отмечал, что в Ярославле «слой монгольской поры XIII-XIV вв. очень беден» (МИА. № 11. С. 192, 178). Об археологическом обследовании Костромы см.: Фехнер, 1952. С. 105, 109.

² ПСРЛ, XV, 373. Ср.: ПСРЛ, VII, 143. См. также: Русь, 2003. С. 49–51.

³ Это можно заключить из летописных фраз о том, что после взятия Владимира «разсыпашася Татароке по всей земли той», и «попленниша все по Волзе», и «отголе всю ту страну и грады многы все то пленниша», а городов взяли 14 «опроче словодь и погостокъ» (ПСРЛ, I, 464, 518; VII, 141; XV, 369).

⁴ В. Н. Татишев упоминает Ингваря Ингваревича среди рязанских князей под 1237 г. (Татишев, 1995 (2). С. 232). В «Повести о разорении Рязани Батыем» сказано, что Ингварь в период нашествия находился в Чернигове и потому не принимал участия в обороне. Затем он вернулся, похоронил своих убитых братьев и стал великим князем Рязанским (Повесть, 2000. С. 154). В современных исследованиях чаще с до-

монголами, вернется из заточения через 14 лет в 1252 г. (ум. в 1258 г.)¹. Во Владимиро-Суздальской земле погиб великий князь Юрий со всей своей семьей (женой, дочерьми, сыновьями) и некоторые удельные князья (Всеволод и Василько Константиновичи, Ярославич из Твери)². Владимирский великокняжеский летописец специально перечисляет всех членов княжеской фамилии Юрьевичей, выживших после Батыева нашествия:

«...гонниша по нихъ поганин, и не обретоша а; Богъ избави а от рѹкѹ иноплеменникъ, благочестиваго и правовернаго князя Ярослава, с правоверными его сынами, бе во ѹ него сыновъ б Александръ, Андрей, Костянтинъ, Афанасен, Данило, Муханло, Святослав с сыномъ Дмитриемъ, и Иванъ Всеволодичи, и Василеи, Володимеръ Костянтиновичъ и Васильковича два, и се все сохраниени быша молитвами святыа Богородица»³.

Наибольшее количество выживших относилось к зарождающейся династии Ярославичей. Старший сын Ярослава Всеволодовича Федор умер еще в 1233 г., а другого его сына, неизвестного нам по имени, монголы убили в Твери в феврале 1238 г. Однако и после этого новый великий князь располагал шестью помощниками, правда, еще не вступившими в полосу зрелости (Александр, Андрей, Константин, Ярослав (Афанасий), Даниил, Михаил)⁴. Сразу трое из них позднее также получают титул великого князя Владимирского. Восемнадцатилетний Александр к этому времени уже несколько раз оставался для самостоятельного правления в Новгороде: сначала с братом Федором (до 1233 г.), а затем ему «на руки» поручался Андрей⁵. Другие братья были еще моложе, и круг их деятельности был ограниченным.

верием относятся к этой информации (Повесть, 2000. С. 478; Рапов, 1977. С. 133). Исключение составляет А. Г. Кузьмин, который отрицает существование такого князя, как Ингварь Ингваревич (Кузьмин, 1965. С. 175–176).

¹ ПСРЛ, I, 473, 475; VII, 162, 243. Следует добавить, что в «Повести о разорении Рязани Батыем» говорится, что после утверждения на рязанском столе Ингварь Ингваревич «кир Михайло Всеволодовича Пронского посади на отца своего отчине» (Повесть, 2000. С. 154). Так как (Кир-)Михаил Всеволодович Пронский был убит в 1217 г. в Исадах (ПСРЛ, I, 440–441), то речь здесь должна идти о его детях, которые вполне могли сохранить за собой волости своего отца (Ср.: Рапов, 1977. С. 128, 134).

² Источник В. Н. Татищева указывал, что погибли «от татар» 15 князей (Татищев, 1996. С. 25). По другим источникам эти цифры не проверяются.

³ ПСРЛ, I, 521. См. также: ПСРЛ, I, 469; VI, 298; VII, 143; X, 113; XV, 373.

⁴ Самый младший из них, Василий Ярославич, родится только в 1241 г. (ПСРЛ, I, 470).

⁵ См.: Рапов, 1977. С. 185.

Недвусмысленное указание летописи на то, что монголы гнались и искали перечисленных князей, может относиться к тем, кто участвовал в битве на Сити (Святослав с сыном и Владимир Константинович). Для других это не должно служить чем-то большим, чем намек на их близость к маршрутам прохождения монгольских войск. Иван Всеволодович Стародубский, как известно, на Сить не успел¹, как и его брат Ярослав, задержавшийся где-то в Новгородской земле. Сын Всеволода Константиновича Василий, возможно, был еще молод и не принимал участия в военных действиях². То же следует сказать о Борисе и Глебе Васильковичах, будущих ростовском и белозерском князьях³.

Всего летопись отмечает 14 выживших князей, из которых, однако, реальными администраторами могли считаться только 24-летний Владимир Константинович и три переступивших за 40-летний рубеж Всеволодовича: Ярослав, Святослав, Иван. На них и легло руководство восстановительными работами в регионе. Лидером, естественно, стал старейший — Ярослав, который покинул ради этого и Киев и Новгород:

«Ярославъ, сынъ Всеволода великаго, седе на столе в Володимери; [и обнови землю Бѹздалскую, и церкви очисти отъ трупия мертвыхъ, и кости ихъ сохранивъ, и пришелици ѹтеши, и люди многы собрахъ]; И бысть радость велика хрестьяномъ, ихъ же избави Богъ рѹкою своею крепкою отъ безбожныхъ Татаръ, и поча ряды рядити, якоже пророкъ глаголетъ: “Боже, судъ Твои церкви даждь и правѣдѹ твою сынови цесаревни судити людемъ твоимъ в правѣдѹ и нищимъ твоимъ в судъ”, и потомъ ѹтвердися в своемъ честнемъ княженни»⁴.

Как писал Н. М. Карамзин, «Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупам»⁵. Летописец, который велся при ве-

¹ Татищев, 1995 (2). С. 233; Рапов, 1977. С. 173–174.

² Всеволод Константинович родился в 1210 (ПСРЛ, I, 435). Надо полагать, его старший сын родился не ранее 1226–1228 гг., а следовательно, в 1238 г. ему было не более 10–12 лет.

³ Борис родился 24 июля 1231 г. (ПСРЛ, I, 457; VII, 137), а Глеб — 2 мая 1236 г. (Татищев, 1995 (2). С. 230).

⁴ ПСРЛ, I, 467; СЛ, 90. В квадратных скобках — дополнение, сохранившееся в других летописях (ПСРЛ, VII, 143; X, 113). В других летописях все сообщение читается более кратко и заканчивается следующими словами: «...очисти церковь отъ трупий мертвыхъ, и кости мертвыхъ съхрани, а люди оставшаа събра и ѹтеши» (ПСРЛ, XV, 373; X, 113; Татищев, 1996. С. 25).

⁵ Карамзин, 1992. С. 7.

ликнокняжеском дворе, неизбежно должен был нарисовать образ князя с верноподданническим почтением и любовью. Однако если иметь представление об ущербе, нанесенном монголами, и смотреть на позднейшую достаточно динамичную реанимацию экономики Владимиро-Суздальской Руси, то мы вынуждены будем признать, что новый властелин действительно проявил себя как энергичный и рачительный хозяин.

Первые меры носили санитарный характер. Ярослав лично руководил захоронением погибших. Так как смерть унесла население целых городов, то у многих погибших могло не остаться живых родственников, и их погребение ложилось на плечи государства.

Очистка местности от последствий войны должна была показать жителям, что князь находится на месте и заботится о них. Возвращение населения в города было задачей нелегкой. Страх, как известно, всегда рождается раньше, а погибает позже. Меры по привлечению населения в покинутые места были важной заслугой новых руководителей.

Кроме того, требовалось упорядочить отношения между общинами («поча ряды рядити»), на которые тяготы войны легли непропорционально. Выше было отмечено неожиданное размежевание, наступившее между Суздаем и Ростовом. Судя по всему, Ярослав не стал насильно восстанавливать волостное единство. В это время на севере Владимиро-Суздальского княжества образовалась целая группа наследственных владений Константиновичей (Ростов, Кострома, Галич, Ярославль, Углич, Белоозеро)¹. Возможно, горожанам Суздаля казалась более перспективной близость со столичным Владимиром, чем со все более удалявшимся от большой политики Ростовом². Ярослав также

¹ Константин Всеволодович на смертном одре в 1218 г. завещал старшему сыну, Васильку, Ростов и Кострому «со всею областью Галицкою», среднему, Всеволоду, — Ярославль и Углич, а младшему, Владимиру, — Белоозеро (Татищев, 1995 (2). С. 206; Рапов, 1977. С. 183).

² Ростов после монгольского нашествия постепенно утрачивал свой, ранее весьма солидный, политический вес и переходил в разряд небольших волостных центров. Шли необратимые изменения в «политической географии Руси». См.: Русь, 2003. С. 45. Суздальцы реагировали на это и пытались выбрать наиболее перспективного партнера. Сделали они это не очень удачно — позднее Владимир тоже уступил свое место молодым Москве и Твери, но это, несомненно, был шаг своевременный.

расценил, что разоренный город сейчас удобнее всего отторгнуть от ростовского клана, да и правильнее было передать его более подготовленному правителю. Суздаль перешел ко второму Всеволодовичу — Святославу, владевшему ранее Юрьев Польским¹, а Ростов за собой сохранили наследники Василька Константиновича, Борис и Глеб².

Другого серьезного перераспределения держаний в княжестве не было. Иван Всеволодович закрепил за собой Стародуб³, а остальные уделы, вымороченные после смерти Юрия Всеволодовича и его детей, разошлись между подрастающими Ярославичами⁴.

В военно-политическом отношении земля была предельно ослаблена. Армия разгромлена, хозяйство разрушено, люди перебиты, разбежались или уведены в плен. Однако значение Владимира вовсе не упало. Он неизменно оставался гораздо более привлекательным местом пребывания для Ярослава Всеволодо-

¹ После ухода Святослава в Суздаль, Юрьев Польский мог перейти к его сыну Дмитрию, чей удел не отмечен летописью. Ср.: Рапов, 1977. С. 186.

² В большинстве летописцев судьба Ростова после вокняжения Ярослава опущена (СЛ, 90; ПСРЛ, I, 467; VII, 143–144; XV, 373). Особенно это заметно в прибавлении к Суздальской летописи по Академическому списку, где говорится о том, что Ярослав «отда Ростовъ Суздаль брату Святославу» (ПСРЛ, I, 522–523). Между словами Ростов и Суздаль изъята фраза, что Ростов достался Борису и Глебу Васильковичам. В Новгородской IV летописи она звучит так: «...брату Святославу дасть Суздаль, а в Ростове седоста Васильковичи Борисъ да и Глебъ на княжени» (ПСРЛ, IV, 221). В Никоновской летописи и у В. Н. Татишева сказано, что «Борис Василькович сяде в Ростове, внук Константинов, а брат его князь Глеб Василькович сяде на Белеозере» (ПСРЛ, X, 113; Татишев, 1996. С. 25). Позднее (в 1251 г.) Глеб действительно упоминался как князь белозерский, но таковым он стал, скорее всего, после смерти в 1249 г. дяди Владимира, получившего Белоозеро еще от отца Константина Всеволодовича в 1218 г. Ср. также: Рапов, 1977. С. 173, 183, 195.

³ В. Н. Татишев писал, что по завещанию отца Иван получил Стародуб, но в летописце Переяславля Суздальского сказано, что волости после смерти отца он не получил (Татишев, 1995 (2). С. 186, 233). Надо полагать, что молодой Иван был наделен Стародубом чуть позднее. Ср.: Рапов, 1977. С. 174.

⁴ Из шести Ярославичей, перечисленных летописью как выживших после монгольского нашествия, только об одном (Александре) точно известно место его княжения в 1239 г. Все остальные были моложе, но их волости и позднее не отмечались летописью. Об Андрее известно, что отец хотел в 1240 г. посадить его в Новгороде, но горожане воспротивились и вернули Александра. Вплоть до 1249 г., когда Андрей получил в Орде ярлык на великое княжество Владимирское, его земельные владения не известны. Другой Ярославич, Ярослав, под 1254 г. отмечен как князь тверской, но с какого времени не известно. Константин (ум. в 1255 г.), Михаил (ум. в 1248 г.) и Даниил известны только по датам смерти, их наделы в Русе не отмечены. Считается, что все Ярославичи имели волости в Северо-Восточной Руси, но конкретные области назвать затруднительно. Ср.: Рапов, 1977. С. 185–186.

вича, чем своевольный Новгород, наделенный излишними демократическими институтами, или дряхлый Киев, далекий и непонятный. Вероятно, со стороны клубок проблем вокруг северо-востока казался несоизмеримо меньшим. Фактически имелся один оппонент — монгольский хан Батый. В Новгороде же приходилось противостоять сразу группе противников: Тевтонский орден, Тартуское и Рижское епископства, Дания, Швеция, Литва и непокорные племена Карелии. На юге Руси князь всегда оказывался в центре конфликта между группами князей, где с одной стороны действовала коалиция Романовичей и Ростиславичей, а с другой — Ольговичи в союзе с Венгрией. Головоломные комбинации политической жизни в южнорусских землях и колониальные конфликты в северных областях могли казаться чуждыми целям укрепления могущества рода Юрьевичей, базирующихся на оставшихся до последнего времени мирными северо-восточных волостях.

* * *

Княжение Ярослава Всеволодовича в Киеве было непродолжительным. Прибыв в город весной 1237 г., он уже в конце того же года покинул юг Руси и бросился в Новгород собирать подмогу для своего брата Юрия, вступившего в смертельное противостояние с Батыем¹. Помочь Северо-Восточной Руси Ярослав не успел. Возможно, новгородцы решили не давать ему воинов, а собственной дружины было явно недостаточно. Вступив во Владимир

¹ В источниках сохранилось разночтение по поводу места, из которого Ярослав прибыл во Владимир на княжение. В одних говорится, что он приехал из Киева (ПСРЛ, VII, 143; Карамзин, 1991. С. 513), а в других — из Новгорода (ПСРЛ, X, 113; XXI, 253; Татищев, 1996. С. 25). Как отметил А. А. Горский, нет никаких сомнений, что до весны 1238 г. Ярослав оставался киевским князем, а известие о его приезде в Новгород — «поздний домысел, если только оно не отражает вероятного в принципе факта: заезд Ярослава в 1238 г. в Новгород к сыну перед возвращением в Северо-Восточную Русь» (Горский, 1990. С. 32, прим. 108). Факт «заезда» в Новгород перед «возвращением» во Владимир мы считаем не только вероятным, но и необходимым. Именно из Новгорода Юрий ждал помощи, обозначая ее как «ожидание брата Ярослава». Именно с этой целью великий князь избрал в качестве своего базового лагеря реку Сить, расположенную на северной границе Владимирского и на южной границе Новгородского княжеств. Неужели кто-то думает, что безумный князь ожидал на Сити полков из Киева? Вся логика событий говорит о том, что Ярослав, спешно покинув Южную Русь, помчался к Новгороду, откуда вполне можно было быстро подвести войска.

вскоре после ухода монголов из региона (около марта 1238 г.), Ярослав оказался, можно сказать, у разбитого корыта. Здесь не было того, к чему он, возможно, стремился: здесь не было славы, величия и могущества, но были разруха, нищета, позор и укор. Ярослав решительно с привычной энергией окунулся в эти сложности, забыв на некоторое время о южных делах.

А Киев в это время захлестнула новая волна княжеской чехарды. Торопливо покидая древнерусскую столицу, Ярослав не оставил там преемника. Видимо, управление областью было передано союзному Владимиру Рюриковичу, находившемуся где-то поблизости¹. Однако вскоре власть в регионе захватил Михаил Всеволодович Черниговский.

¹ А. В. Майоров вслед за мягкими указаниями других историков считает, что Ярослав находился в союзе с Михаилом Всеволодовичем и добровольно передал ему Киев (Майоров, 2001. С. 601–604. Ср.: Грушевский, 1991. С. 286, прим. 6; Голубовский, 1882. С. 188; Павленко, 1996. С. 24; Пашуто, 1950. С. 58). Однако рассуждения исследователя на эту тему не выдерживают никакой критики. Особенно нелепыми выглядят инвективы, произносимые им в адрес А. А. Горского, и его интерпретация судьбы персонажей, упоминаемых в сообщении Ипатьевской летописи, согласно чему «Даниль» просит «Ярослава» вернуть ему «сестру», так как «Михаил обеима нама зло мыслить» (ПСРЛ, II, 782–783). Речь совершенно очевидно (!) идет о жене Михаила Всеволодовича, которая действительно была сестрой Даниила Романовича и которую пленил в Каменце в 1239 г. Ярослав, о чем есть совершенно недвусмысленные летописные известия (ПСРЛ, I, 469. О происхождении жены Михаила сообщает Любецкий синодик (Зотов, 1892). См. также: Dimnik, 1981. P. 11. Ср.: Горский, 1990. С. 30, прим. 94). А. В. Майоров измышляет (ссылаясь на М. С. Грушевского) нового фигуранта русской истории «Ярослава Ингваревича», о котором якобы и говорится в Ипатьевской летописи (Майоров, 2001. С. 602). Этот князь никому более не известен и служить основанием для пересмотра абсолютно прозрачной интерпретации летописного известия не может. Единственным достойным внимания аргументом А. В. Майорова в пользу союза Ярослава с Михаилом может служить тот факт, что в результате всех комбинаций с передачей Киева Ярославу «в убытке оказались сам Даниил и его верный союзник Владимир Рюрикович» (Майоров, 2001. С. 602). Под «убытком», надо полагать, здесь разумеется кратковременное занятие Михаилом Киева в 1238 г. Но как известно, он был оттуда изгнан тем же Даниилом практически немедленно, а позднее вообще бежал из страны перед лицом монгольской угрозы, не входившей в планы ни того ни другого альянсов. Именно из-за Батые Даниил, а затем и Михаил оказались «в убытке», но это не было им заранее известно. Этим можно объяснить и то, что Михаил с сыном Ростиславом «осмелели» и отобрали у Даниила Перемышль, после того как Южную Русь покинул Ярослав. Союзные волынскому князю Юрьевичи были разгромлены монголами, и потому Ольговичи решили вновь начать давление на них. Неясными остаются причины, по которым в свое стройное изложение А. В. Майоров вклинил соображения о неестественном союзе Ярослава с Михаилом, давних врагов и соперников. Это нарушает и логику автора, у которого зависимость от старых авторитетов пересиливает тягу к самостоятельной работе с источниками. Ср.: Dimnik, 1981. P. 84; Горский, 1996. С. 23.

В источниках нет указания на то, что Ярослав завещал кому-то свои полномочия. Летописец Даниила Галицкого следующим образом описывает смену власти в Киеве:

«...и потомъ приде Ярославъ Сѹждальскыи и взя Киевъ подѣ Володимеромъ, не мога его держати, иде паки Сѹждалю, и взя под нимь Мѹханлъ, а Ростислава сына своего остави в Галичи»¹.

В Воскресенской летописи содержится сообщение примерно того же характера:

«Ярославъ же, сынъ великого князя Всеволода Юрьевича, пришедъ изъ Кіева, седе на столе въ Володимери, <...> а по Ярославле седе на Кіеве князь Мѹхайло Всеволодичъ Чръниговскыи»².

Такая поздняя летопись, как Густынская, вообще говорит, что Владимир Рюрикович сначала «изгна» из Киева Ярослава, а уже потом там сел Михаил Черниговский³. Исследователи считают, что комбинация, при которой Ярославу в столице Руси наследует Владимир, а уже потом Михаил, восходит к путаному перечню правивших в Киеве князей, расположенному в начале Ипатьевской летописи. В этом списке Владимир значится после Ярослава, но не отмечен до него, а имя Михаила даже не упоминается⁴. При всей недостоверности такого известия, следует подчеркнуть, что оно вполне соответствует политической ситуации на юге Руси в конце 1237 г. — начале 1238 г. Торопившийся на север князь не мог вести длительные переговоры и составлять сложные альянсы. Он просто оставил волость и направился в Новгород собирать войска. Позднее он будет подтверждать свои права на Киев в Орде, из чего можно заключить, что и ранее он от них не отказывался. Владимиру Рюриковичу могли передать некие функции по текущему управлению, но, скорее всего, не верховную власть в городе. Михаил, узнав о несчастьях в Суздальской земле и об

¹ ПСРЛ, II, 777.

² ПСРЛ, VII, 143–144. Почти так же, но с существенным уточнением сказано в Никоновской летописи: «А по Ярославле сяде на Кіеве на великомъ княжении князь Мѹхайло Чръниговскии» (ПСРЛ, X, 114).

³ ПСРЛ, II (1843), 338.

⁴ ПСРЛ, II, 2.

утверждении во Владимире Ярослава, оценил ситуацию как свой новый шанс обрести старейшинство в Русской земле. Причем он захватил («взя») город, не оказавший существенного сопротивления, именно под Ярославом, а не под Владимиром Рюриковичем, который имел полное право уклониться от вооруженного конфликта. Судя по всему, это должно было произойти примерно в апреле 1238 г., когда информация о делах на Северо-Востоке достигла Галича.

Страх утратить контроль над «материю городов Русских», возможно, стал причиной того, что Михаил не решился вступаться за свои черниговские волости, разоряемые монголами. В период героической обороны горожан Козельска в мае 1238 г. их верховный сюзерен сидел в Киеве и не сделал ничего, чтобы помочь осажденным. Все это напоминало действия его кузена Юрия Всеволодовича Владимирского: надежда на то, что налет диких кочевников затронет лишь окраины, после чего отхлынет как природная стихия. Действительно, разграбив Козельск, монголы ушли в степь и увлеклись войной с половцами, удостоенными на Руси давней неприязнью. Все это должно было окрылить Михаила Черниговского. Батый разгромил Владимиро-Суздальское княжество и лишил Даниила Романовича возможности апеллировать к грозному суздальскому властелину, а также привлекать на свою сторону брата этого властелина, владеющего богатым Новгородом и давно недолюбливающего черниговцев. Теперь Ольговичам необходимо было развить успех.

Вслед за известием о «взятии» Михаилом Киева сообщается, что сына Ростислава он оставил в Галиче, а тот немедленно отнял у Романовичей приобретенный по миру в 1237 г. Перемышль¹. Создается впечатление, что речь идет практически о синхронных событиях: «...а Ростислава сына своего остави в Галичи и отяша от Данила Перемышль»². Вероятно, все это относится к весне — началу лета 1238 г., периоду, казалось бы, полного и окончательного триумфа Ольговичей. Теперь под их контролем находились Киев, Чернигов и Галицкая земля в полном объеме: фактически весь юг Руси. Волынские князья Даниил и Василько Романовичи

¹ См.: Майоров, 2001. С. 603–604.

² ПСРЛ, II, 777.

находились в полном замешательстве: Ярослав уехал и был увлечен делами в Суздальской земле, Владимир Рюрикович, который должен был воспротивиться утверждению Михаила в Киеве, ничего не сумел предпринять и явно был деморализован¹. Воляняне опять оказались один на один с давним соперником, который предельно удачно воспользовался сложившейся ситуацией.

Придворный волянский летописец ни словом не отметил отчаяние, которое должно было охватить деятельного князя Даниила, но вставил неожиданную сентенцию общего характера: «...**бывшую же межю ими овогда миру, овогда рати**»².

То место, которое избрал автор летописи для такого амбивалентного резюме, надо полагать, избрано не случайно. Существовала некая временная лакуна, прежде чем Романовичи осознали, что у них есть все шансы изменить положение в южнорусских землях в свою пользу. Силы сторон были равными, баланс, как отмечалось в предыдущих главах, неизменно сохранялся уже с 1236 г. Любое изменение в регионе могло произойти только в случае появления там некоего нового раздражителя, носителя новых как военных, так и политических возможностей. В 1237 г. таким новым фактором стал Ярослав Всеволодович Новгородско-Переяславль Залесский. Его внезапный уход на северо-восток и вокняжение там позволили Ольговичам переиграть замешкавшихся Романовичей, захватить Киев и вернуть Перемышль. Надо полагать, реванш Даниила мог произойти только в случае появления в регионе другого раздражителя, на котором можно было сыграть уже против Михаила. И такой фактор возник, но только не в 1238 г., а на следующий год — это были все те же монголы.

¹ Поздние летописцы сообщают, что Владимир Рюрикович умер в 1239 г., будучи князем в Смоленске (Пл, I, 12; Пл, II, 79; Татищев, 1995 (2). С. 230; Карамзин, 1991. С. 506). Многие исследователи с доверием относятся к этому свидетельству (См.: Пашуто, 1950. С. 220; Грушевский, 1991. С. 286, прим. 5; Dimnik, 1981. P. 85, 166; Рапов, 1977. С. 181). Если с этим согласиться, то можно предположить, что в Смоленск он был вытеснен в 1238 г. все тем же Михаилом Всеволодовичем, занявшим Киев. Такая конструкция может служить дополнительным свидетельством того, что Владимир Рюрикович в 1238 г. не имел ни сил, ни средств, чтобы воспротивиться захвату Ольговичами Киева.

² ПСРЛ, II, 777.

* * *

Разгромив северо-восточные земли Руси, Батый увел свои по-редевшие войска в степь. Однако серьезной передышки они не получили. Как верно отметил В. В. Каргалов, в отличие от русских источников, согласно которым монголы ушли в Поле на отдых, восточные, напротив, повествуют о непрерывных в эти годы (лето 1238 г. — осень 1240 г.) наступательных и карательных операциях монголов (см. рис. 26)¹. Дешт-и-Кипчак еще не был покорен. Пока одни ханы ходили громить Северо-Восточную Русь, другие сторожили их тылы от половцев и других кочевников. Требовалось подчинить эти народы для того, чтобы продолжить поход на запад. Их покорность не только обеспечивала спокойные тылы, но и позволяла пополнить войско новыми подразделениями. Они же могли компенсировать и потери в лошадях.

Рашид-ад-Дин писал, что вслед за передышкой, последовавшей после штурма Козельска, осенью (летом) 1238 г. ханы Менгу и Кадан «выступили в поход против черкесов и зимою убили тамошнего государя по имени Тукара [*вар. Букар, Букан, Тукан, Куркар и т. д.*]². Дальний поход за Кубань должен был отвлечь пару туменов вплоть до начала 1239 г. Тем временем другие ханы — Шейбан, Бугек и Бури — двинули своих всадников на юг, против половцев и далее в Крым³. Берке, присоединив к своему тумену дополнительные войска от родственников, также двинулся на половцев⁴. Войны с причерноморскими кочевниками должны были быть для монголов особенно сложными и принципиальными. Они встречали здесь родственные как по образу жизни, так и по формам мышления народности. Перебить или

¹ Каргалов, 1967. С. 111.

² Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39; Тизенгаузен, 1941. С. 37. В источнике поход датирован так: «После того [отдыха у Козельска], в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 г. х. [24 августа 1237 — 13 августа 1238 г. по Р. Х.], осенью». Надо полагать, что в поход за Кубань тумены Менгу и Кадана отправились в середине лета 1238 г., а вернулись только на следующий год.

³ На полях одного древнего монастырского манускрипта из Сурожа сохранилась запись, датированная 26 декабря 1239 г.: «...в тот же день пришли татары» (Записки ОИД. Т. IV. 1863. С. 497, зам. № 10).

⁴ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39; Тизенгаузен, 1941. С. 37.

покорить их было так же тяжело, как самих себя. Это была «особая арена военных действий»¹.

И тем не менее масштабное наступление на кочевников причерноморских степей вскоре дало свои результаты. Значительная часть степняков влилась в ряды монгольской армии. Только непокорный хан Котян решил уйти в Венгрию, где был с радостью встречен королем Белой, нуждающимся в боеспособных воинах².

Покорение половцев заняло 1238–1239 гг. Далее следовали области на предгорьях Северного Кавказа и в Дагестане:

«Потом в како-ил, год свиньи, соответствующий 636 г. х. [14 августа 1238 — 2 августа 1239 г. по Р. Х.], Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас [вар. М. к. с.; Маназ (Маныз) или Орназ³] и зимой, после осады, продолжавшейся один месяц и пятнадцать дней, взяли его. Они были еще заняты тем походом, когда наступил год мыши, 637 г. х. [3 августа 1239 — 22 июля 1240 г. по Р. Х.]»⁴.

Весной того же 1240 г. монголы посылали войско на Дербент⁵.

В этот тяжелый для Батыя период экспансии осложнились и внутренние взаимоотношения в среде Чингизидов. Недовольство руководителем западного похода высказывали молодые ханы Гуюк и Менгу. Угэдей расценил эти действия как предосудительные, мешающие успеху дела, и отозвал принцев в свою ставку. «По приказанию каана» осенью 1240 г. они покинули Дешт-и-Кипчак, а в год быка, 638 г. х. (23 июля 1240 г. — 11 июля 1241 г. по Р. Х.), достигли и «расположились в своих ордах»⁶.

¹ Черепнин, 1977. С. 192.

² Пашуто, 1966. С. 34–39. Бела лично встречал Котяна на границе (Vetera Monumenta Hungariam Sacram illustrantia. Т. 1 /Ed. A. Theiner. Romae, 1859. № 493, S. 268–270). Однако позднее венгерские дворяне в Пеште убили принявшего крещение хана, а половцы ушли на Балканы (Пашуто, 1977. С. 211).

³ По предположению И. Н. Березина. См.: Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39, прим. 34; Тизенгаузен, 1941. С. 37, прим. 11. В. В. Каргалов считает, что речь в сообщении идет о Муроме и мордовских землях (Каргалов, 1967. С. 112).

⁴ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39; Тизенгаузен, 1941. С. 37.

⁵ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39; Тизенгаузен, 1941. С. 37.

⁶ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 40, 44; Тизенгаузен, 1941. С. 37, 48. Считается, что, отозвав Гуюка и Менгу, Угэдей вместе с ними вывел из армии Бату и некоторые воинские подразделения, принадлежавшие этим ханам (Каргалов, 1967. С. 117). Однако

Высылка знатных участников похода должна была подкрепить авторитет Бату, которому, однако, необходимо было торопиться. Инцидент вполне мог повториться и иметь совершенно обратные последствия: доверие великого хана, страдающего алкоголизмом, не могло быть вечным. Вполне может быть, что к осени 1240 г. концентрация сил монгольской армии еще не была завершена, но конфликт в стане Чингизидов заставил Бату действовать решительнее. Пока шло покорение половцев и комплектование новых частей, Бату ограничивался в отношении Руси эпизодическими набегами. Он сам, судя по сообщениям Рашид-ад-Дина и других восточных авторов, никуда лично войной не ходил. Ему достаточно было административной и координационной работы. Соответственно и все операции против русских земель планировались в его ставке и имели вполне четкие направленность и зону развития.

В 1238 г. после ухода из-под Козельска на Русь Бату больше войск не посылал. Благостный ростовский летописец даже отметил в конце статьи этого года: *«Того же лета было мирно»*¹. Позднейший редактор для улучшения понимания незадачливыми читателями добавил: *«от татар»*².

Однако уже в следующем, 1239 г. все изменилось. Монголы провели сразу три рейда в разные части страны: *«и понде в землю Половецкую, оттуда же поча посылати на грады Русьские»*³.

Первым источники всегда называют поход монгольских войск на Переяславль Южный:

*«...и взять град Переяславль копьемь, изби весь, [и люди вся сущаа во градевыхъ избиша, а нныхъ плениша], и церковь архангела Михаила скрүши, и сосүды церковьныя вещисленныя златыя и драгаго камняа взятьъ, и епископа преподобнаго Семеона үбиша»*⁴.

в источниках на это указаний нет. Полагаем, что подобные действия накануне похода в Европу были совершенно недопустимы и не могли состояться.

¹ ПСРЛ, I, 467.

² «И бысть то лето все тихо и мирно от татар» (ПСРЛ, X, 113; Татищев, 1996. С. 25).

³ ПСРЛ, II, 781–782.

⁴ ПСРЛ, II, 781–782. В квадратных скобках — дополнение из Воскресенской летописи (ПСРЛ, VII, 144). Немного измененный или сокращенный вариант сообщения см.: ПСРЛ, IV, 222; VI, 300; X, 114; XV, 373; СЛ, 92; Татищев, 1996. С. 25.

Ни о каких переговорах или предварительных условиях со стороны монголов, как в случае нападения на Рязань, источники не сообщают. Говорится только, что обрушились и разорили. Другие подробности отсутствуют, а они необходимы для понимания происходящего. Ведь после этого нападения Переяславль Южный не просто был сожжен, а его главный храм стерт с лица земли, но и само поселение перестало существовать¹. Завершилась более чем двухсотлетняя славная история Переяславского княжества, русского форпоста на границе степи. Князья сюда и прежде-то ездили редко, а теперь вовсе прекратили. Неизвестно даже, сохранилось ли в округе русское население или оно вновь было приведено московскими и украинскими правителями в XVI в. Этот удел еще в начале XIII в., когда ослабла половецкая угроза и изменился режим торговых путей, стал постепенно хиреть, а после 1239 г. исчез как явление, передав название своей епархии ордынскому Сараю². Даже через триста лет после этого Тверской летописец отмечал, что в городе нет ни епископа, ни людей:

«...отъ того доныне безъ пяти летъ 300 летъ какъ тамо епископа нетъ, а и градъ безъ людей»³.

Дату взятия Переяславля сообщает такой поздний источник, как Летопись Авраамки: «В лето 6747. Взяша Татарове Переяславль, Марта 3»⁴. Большинство исследователей с доверием относятся к этому указанию, происхождение которого выяснить затруднительно⁵. Даже если признать верной указанную датировку (3 марта 1239 г.), то остается множество других обстоятельств, требующих комментария.

¹ Наибольшего подъема и влияния Переяславское княжество достигло в конце XI — начале XII в., когда там правил Владимир Мономах, а церковным обустройством региона занимался митрополит Ефрем. Великолепный Михайловский собор, возведенный Ефремом в 1080-х гг., после этого не раз разрушался (1124, 1230 гг.), но окончательную точку в его истории поставили именно монголы (1239 г.). Теперь о красоте и величии храма Михаила Архангела можно судить по остаткам его фундамента, штукатурки и прочим осколкам убранства. См. также: Хрусталеv, 2002. С. 56–58.

² См.: Коринный, 1992. С. 68.

³ ПСРЛ, XV, 374.

⁴ ПСРЛ, XVI, 51.

⁵ Пашуто, 1960. С. 136; Каргалов, 1967. С. 113; Dimnik, 1981. P. 166; Феннел, 1989. С. 141.

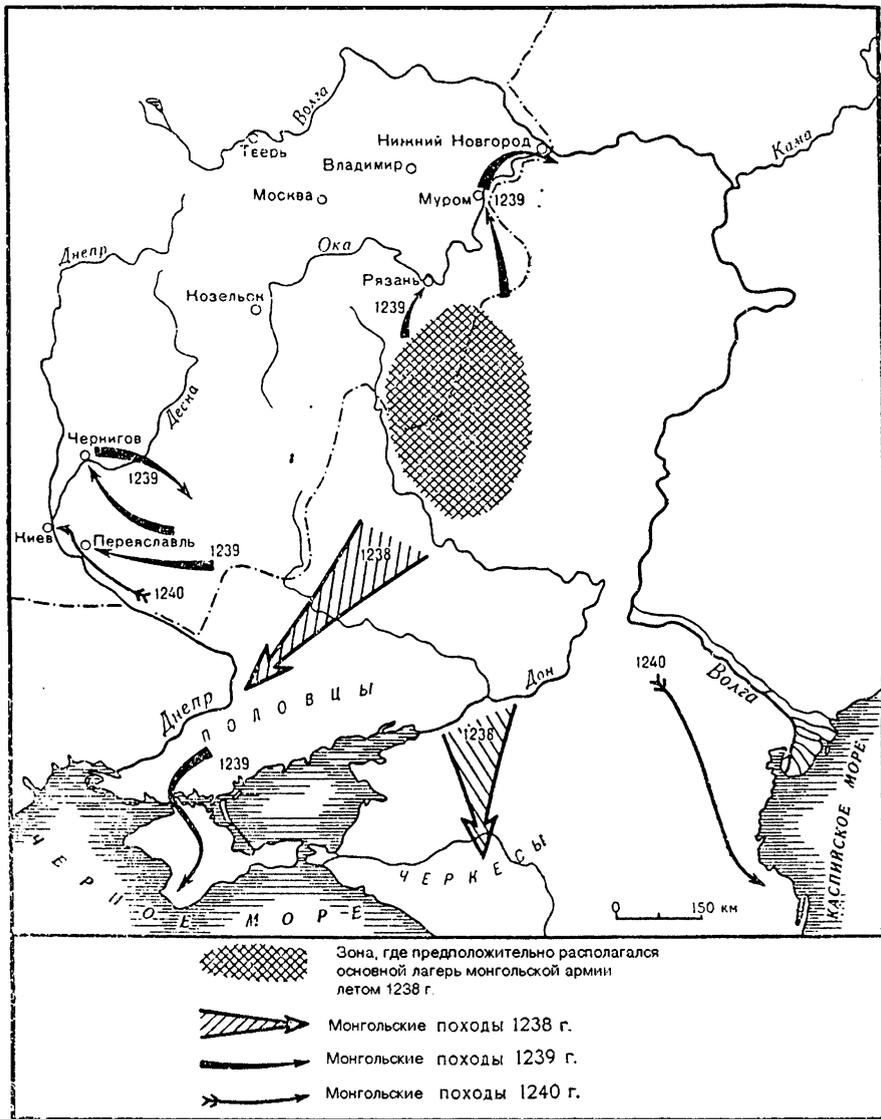

Рис. 26. Монголы в степях Дешт-и-Кипчак. 1238–1240 гг.
 (Каргалов, 1967. С. 115)

Так, Переяславль Русский (Южный) действительно служил крепостью, обращенной в степь и служащей для отражения нападений оттуда, отчего его захвата кочевниками следовало ожидать и он не мог вызвать удивления. Однако это совершенно не укладывалось в манеру поведения монголов, проявленную ими на северо-востоке. Необходимо было сначала обратиться к сюзерену этого города и потребовать дань, а уже после отказа — напасть и разорить. Вероятно, это княжество и его столица номинально продолжали относиться к владениям Юрьевичей, войну с которыми Батый вел годом ранее, отчего и новые переговоры не требовались. С этим можно связать и то, что город не получил даже символической поддержки из расположенных рядом княжеств. От Киева он находился в суточном переходе, но правящий там черниговский князь Михаил вовсе не был расположен содействовать обороне волостей Ярослава Всеволодовича. Впрочем, и свои волости Михаил охранял с аналогичным рвением.

В том же 1239 г. Батый послал другой отряд своих войск на захват Чернигова. Судя по тому, что как поход под Переяславль, так и поход под Чернигов восточными источниками никак не отмечены, их значение и масштаб были для монголов невелики. Возможно, использовались небольшие соединения (один или максимум два тумена), в руководстве которыми не было Чингизидов или был только один. Тем не менее даже эти небольшие мобильные части умудрялись невозбранно разорять важнейшие области древнерусского государства.

Судя по летописи, в случае с Переяславлем речь идет о быстром штурме, а может быть, и «изгоне». В отношении же Чернигова подчеркивается, что проводилась планомерная осада:

«...в то же время посла на Черниговъ, обьстѹпиша градъ в силе тяжце; слышав же Мьстиславъ Глебовичъ нападенне на градъ иноплеменныхъ, приде на ны со всеми вон [своими, и] вившимъся имъ [крепко, лютъ бо ве вой ѹ Чрънигова, оже и тараны на нь ставиша, и меташа на нь каменнемъ полтора перестрела, а камень же яко можахѹ 4 мѹжи силнии подъяти его, но] побеженъ бысь Мьстиславъ, и множество от вон его избьенымъ бысть, и градъ взяша и запалиша огньмъ; [а] епископа оставиша жива, и ведоша и во Глуховъ [и оттоле пѹсти-

ша и]»¹; «и пакн пүстиша; и оттүдү придоша с миромъ къ Киеву и смиришеся съ Мьстиславомъ и с Володимеромъ и с Даниломъ»².

Исследователи давно заметили текстуальную близость летописных рассказов о штурме Чернигова весной 1235 г. Даниилом Романовичем с союзным Владимиром Рюриковичем и осенью 1239 г. «тяжкой силой» монгольской. И камни кидали «полтора перестрела», и поднять их могли только «4 мужи», и Мстислав Глебович организовывал контратаку, но был побежден и мирился. Расчленив оба рассказа очень затруднительно, они переплелись и слишком похожи в подробностях. Однако известно, что в 1235 г. союзники Чернигова не взяли, но вынуждены были мириться и отступили; а в 1239 г. монголы наголову разбили Мстислава Глебовича, а город сожгли и разграбили.

Так как после известия о захвате Чернигова в летописи киевским князем вновь обозначен Михаил Всеволодович, то ни о каком «замирении» Мстислава, Владимира и Даниила в Киеве вместе с епископом, отпущенным из Глухова, речи идти не может. С другой стороны, сохранение жизни черниговскому епископу Перфирию³, да еще и отмеченное летописью с топографической точностью, должно свидетельствовать о неких дополнительных мотивах, кроме элементарного милосердия. Возможно, в этих действиях отразилась дипломатическая подготовка, предвещавшая нападение на Киев, или какие-то иные переговоры, которые пытались завести монголы с Михаилом Всеволодовичем.

Чернигово-галицко-киевский князь, судя по всему, никак не собирался реагировать на провокации Батыя, которого, вероятно, рассматривал как очередного кочевого вожака. Более важным казалось поддержание того статуса, который был завоеван Михаилом лишь полтора года назад. Любой военный поход после изнурительной войны с Романовичами требовал предельного напряжения сил и тотальной мобилизации. Причем даже если армию удалось бы собрать, то, отойдя от Киева, Михаил оказался

¹ ПСРЛ, II, 782. В квадратных скобках — дополнение из Воскресенской летописи (ПСРЛ, VII, 144). Сокращенный вариант сообщения: ПСРЛ, IV, 222–223; VI, 300; X, 114; XV, 374; СЛ, 92; Татищев, 1996. С. 25.

² ПСРЛ, IV, 223. См. также: ПСРЛ, IV, ч. 2. С. 214; VI, 300–301; XXVI, 76.

³ Имя известно по Лаврентьевской летописи: ПСРЛ, I, 469.

бы перед совершенной очевидной угрозой потери этого города, который немедленно захватил бы кто-то из Ростиславичей или волынцев, как позднее и произошло. Приходилось жертвовать родными волостями в обмен на общерусский статус.

Справедливости ради следует сказать, что со времен Олега «Гориславича», провоевавшего пол-Европы, такое поведение в среде Ольговичей не было характерным. Скорее наоборот, этот род на вызов отвечал немедленно и непропорционально, с энергией и решительностью. Так и поступил Мстислав Глебович, о котором даже неизвестно, каким уделом он владел в Черниговских землях¹. Вероятно, очень небольшим. Однако он и в 1235 г. спас черниговцев, вступив в лживые переговоры с незадачливым Даниилом Галицким, вскоре затем разгромленным, и в 1239 г. бросился на выручку стольного града своей земли. Вероятно, он попытался снять осаду с Чернигова и во время штурма города ударил нападавшим во фланг. Хотя летопись говорит, что Мстислав собрал «все войско», но, надо полагать, полк его был очень малочисленным. Это была атака отчаяния, за честь и славу «Ольгова племени», никогда не склонявшего голову перед захватчиками. Этим Мстислав поднял на бой жителей своей волости (воев) и вместе со своей дружиной бросил в кровавую мясорубку против превосходящих монгольских сил. Хотя гибель Мстислава Глебовича в источниках не отмечена, о его дальнейшей судьбе нам ничего не известно. Сражение было проиграно, город пал и был сожжен. Можно сказать, что для него, как и для Переяславля, интенсивный период истории завершился. Возродить Чернигов более никто не стал, и он постепенно опустился до статуса мелкого провинциального центра. Судя по археологическим раскопкам, в некоторых районах древнего города жизнь в XIV–XV вв. совершенно прекратилась, а по наблюдениям Б. А. Рыбакова, в прежних границах город смог восстановиться только к XVIII в.² Когда волна монгольского нашествия схлынула, возвысились другие центры (например, Брянск), взамен разоренных Батыем (Козельск, Чернигов).

¹ Судя по всему, он был внуком Святослава Всеволодовича и приходился двоюродным братом Михаилу Черниговскому, хотя точных сведений об этом нет (Рапов, 1977. С. 124–125).

² См.: Рыбаков, 1948 (2). С. 52–53; Каргалов, 1967. С. 114.

Последние же отступили в тень и остались достоянием преимущественно древнерусской истории.

События под Черниговом исследователи опять датируют по сообщению летописного сборника, именуемого Летописью Авраамки (а также Псковской I летописи):

«В лето 6747 <...> Того же лета взяша Татарове Черниговъ, Октября 18, и ходиша до Игнача креста»¹.

Известие, конечно, путаное с неразъясненным «Игнач крестом» в окончании. Однако оно вполне удачно ложится в контекст происходящего. Именно за взятием Чернигова в летописях обычно следуют рассказы о монгольских зимних походах и прежде всего о новом нападении на мордву, взятии Мурома и пленении по Клязьме:

«Того же лета, На зиму взяша Татарове Мордовскую землю, и Муромъ пожгоша, и по Клязьме воеваша, и градъ святыя Богородица Гороховецъ пожгоша, а сами идоша в станы своя»².

Этот рейд был направлен в те районы, которые не пострадали во время военных действий зимой 1237–1238 гг.: мордовские земли на границе Муромского княжества, собственно Муром и области в нижнем течении Клязьмы с городами Гороховец, принадлежащий Успенскому собору Владимира, и, возможно, Стародуб, резиденция одного из Всеволодовичей, Ивана³. Это не была новая волна вторжения. Количество участников похода, судя по всему, было невелико, а зона охвата ограничена. На карательную экспедицию такое предприятие тоже не походило, так как оно не затрагивало ранее покоренной территории.

Вероятно, основной целью рейда в район Клязьмы должно было быть напоминание Ярославу Всеволодовичу о том, что ему следует поскорее уладить свои отношения с ханской ставкой, закрепить их личным визитом или другими гарантиями. Кроме

¹ ПСРЛ, XVI, 51. Ср.: ПЛ, I, 12. См. также: Пашуто, 1950. С. 220; Пашуто, 1968. С. 285; Каргалов, 1967. С. 113; Dimnik, 1981. P. 166; Феннел, 1989. С. 140.

² ПСРЛ, I, 470. Так же: ПСРЛ, VII, 144; X, 115; XV, 374; Татищев, 1996. С. 27.

³ Ср.: Каргалов, 1967. С. 97.

того, требовалось наказать муромских князей, участвовавших в сражении на р. Воронеж вместе с рязанскими родственниками.

В поздних летописях даже есть указание на то, что во время этого монгольского похода зимой 1239–1240 гг. была вновь разорена Рязань:

**«Того ж лета приходиша Батыевы татары в Рязань и попле-
ниша всю»¹.**

Под словом «Рязань» здесь, надо полагать, имеется в виду вся область, столицу которой монголы сожгли зимой 1237–1238 гг. На этот раз нападению, скорее всего, подверглись регионы, ранее не затронутые вторжением: северо-восточные, пограничные с Муромом земли Рязанского княжества. Второй раз нападать на собственно город Рязань, разрушенный и разоренный, не было никакого смысла.

Таким образом, хан Бату провел в 1239 г. три наступательные операции против Руси. Две — закрепляющие его успех, достигнутый в войне с Юрьевичами (на Переяславль Южный и на Клязьму), и одну — против столицы земли, в которой располагался «злой город» Козельск (на Чернигов)². Везде ему сопутствовал полный успех, а следовательно, были все основания думать, что и далее все будет продолжаться в том же русле. На очереди был Киев, куда и был послан на разведку беспокойный хан Менгу:

**«[Посла Батый Менгукана соглядати града Кнева]; Мень-
гуканови же пришедшү съглядати града Кыева, ставшү же емү
на онои стране Днепра ү градъка Песочнаго, видевь градъ, удив-
вися красоте его и величествү его, присла послы своя к Миханлү
и къ гражаномъ, хотя и прелстити и не послуша его, [а послан-
ныхъ к нимъ извниша]»³.**

¹ Татищев, 1996. С. 27. Аналогично: ПСРЛ, X, 115.

² Это были именно точечные операции. Раскопки в Черниговской земле со всей очевидностью об этом свидетельствуют. Монголы не двинулись далее Чернигова, который разорили и сожгли. В расположенном в 50 км от него Любече никаких следов присутствия захватчиков не обнаружено. Однако восточные области на подходах к Чернигову (по Десне и Сейму) опустошены полностью. Г. Ф. Корзухина прослеживает отступление монголов в направлении к верховьям Северного Донца по залеганию кладов того времени (Корзухина, 1954. С. 44). См. также: Каргалов, 1967. С. 114.

³ ПСРЛ, II, 782. Так же: ПСРЛ, VI, 301. Сокращенно: ПСРЛ, IV, 225–226. В квадратных скобках — дополнения по другим летописям (ПСРЛ, VII, 144; XV, 374). Ср.: Татищев, 1996. С. 27; ПСРЛ, X, 115.

По сообщениям Рашид-ад-Дина, вплоть до августа 1239 г. Менгу находился на Северном Кавказе¹. Следовательно, ранее поздней осени 1239 г. его визит к Киеву состояться не мог, то есть он не был как-либо связан с захватом Переяславля Южного или Чернигова². В русских летописях рассказ о появлении на Днестре хана Менгу обычно размещается либо в самом начале статьи 6748 (1240) г., либо в конце предыдущей статьи. Вероятно, речь должна идти о марте 1240 г., когда лед с рек уже сошел.

Убийство послов и очевидное неприятие Михаилом примиренческой линии должны были уничтожить для Киева все шансы избежать нападения. Нет никаких свидетельств того, что русские князья в эти годы пытались заключить некий альянс и что-либо противопоставить монгольской угрозе. *Nitzego!* Ни слова об этом не сказано! Наоборот, летописи повествуют о другом о том, что монгольский фактор стал поводом для нового витка княжеских междоусобиц.

***

Как только Владимирское княжество слегка оправилось от пережитого разорения, великий князь Ярослав принялся настраивать новую, свою систему междукняжеских отношений на Руси. Возможно, он понимал, что нового похода Батыея на северо-восток не будет, на очереди была юная Русь, причем далее наступление захватчиков должно было последовать в Европу.

¹ См.: Рашид-ад-Дин, 1960. С. 39–40; Тизенгаузен, 1941. С. 37.

² Совершенно оторваны от реальности рассуждения исследователей о том, что Менгу подошел к Киеву после занятия Переяславля (или Чернигова), но не решился штурмовать его и оттого завел переговоры с Михаилом. Гипотетически это возможно, если упоминаемый Рашид-ад-Дином Минкас [вар. М. к. с.; Манач (Маныч) или Орнач] отождествить с каким-то русским населенным пунктом (например, Муромом или Черниговом). Однако, по сообщению того же Рашид-ад-Дина, ханы воевали «там» вплоть до начала августа 1239 г. Во-первых, слишком неуверенным звучит «там», в то время как слово «Рус» было хорошо известно в Персии. А во-вторых, не подтверждают датировку пленения Чернигова, или Мурома, или Переяславля в середине лета, вплоть до начала августа. Вероятно, речь должна идти о некоем городе, расположенном на Северном Кавказе, а следовательно, Менгу никак не мог молниеносным маршем (менее двух месяцев: после 3 августа и до 18 октября) подвести свои тумыны к Чернигову в середине октября 1239 г. Скорее всего, он посетил русские земли значительно позже, в начале 1240 г. Ср.: Каргалов, 1967. С. 113; Ивакин, 1982. С. 10–12.

В Суздальских землях для монгольской империи более не содержалось угрозы. Те воинские контингенты, которые сохранились в распоряжении великого князя, теперь могли произвести впечатление только на соплеменников, но никак не на монгольских ханов. Этим можно было воспользоваться.

Первоочередной задачей Ярослав считал укрепление своего статуса и своих наследников в северных землях, на которые не распространялись интересы монгольской империи. Летом 1239 г. старший Ярославич, Александр, женился на наследнице Полоцкого княжества Брячеславне. Свадьба состоялась в Торопце, а затем продолжилась в Новгороде¹. Связано это было, возможно, с тем, что собственно Полоцк был занят каким-то другим князем, поддерживаемым Литвой. То есть сам этот брак не означал автоматического утверждения Ярославича в Полоцке, а лишь обозначал его перспективные претензии². С литовцами у новгородцев были давние счеты. Эти дикие племена нападали на новгородские земли с завидным постоянством и нарастающей интенсивностью в 1200, 1213, 1217, 1223, 1225, 1229, 1234 гг.³ Русские князья сами ходили против языческой Литвы в 1204, 1210, 1219, 1224, 1234 и 1236 гг. (в основном это были погони и карательные акции)⁴.

Для того чтобы показать пример своему наследнику, Ярослав Всеволодович еще до свадьбы сына весной 1239 г. лично совершил поход на Смоленск и освободил его от засевших там литовцев, а «смоляны же урядивъ, и посади у нихъ князя Всеволода Мстиславича на столе»⁵. Летопись подчеркивает, что Ярослав вернулся из этой кампании «со множествомъ полона, с великою честию», что должно говорить о его решительных и особенно показательных успехах, ознаменовавших начало фронтального наступления на соседние с его владениями земли. Особенно перспективным объектом экспансии должна была стать значительно усилившаяся за последние годы Литва. Регулярным нападениям кровожадных литовцев подвергались новгородские владения вплоть до Старой Руссы и озера Ильмень. Для предо-

¹ ПСРЛ, IV, 222; VI, 300; XV, 373; НПЛ, 289.

² Ср.: Горский, 1996. С. 52–53; Богданов, Рукавишников, 2002. С. 29.

³ НПЛ, 45, 239, 52, 250, 57, 257, 61, 263, 64, 269, 68, 275, 73, 283.

⁴ НПЛ, 45, 246, 51, 249, 59, 261, 61, 264, 73, 283, 74, 285.

⁵ ПСРЛ, VII, 144. Также: ПСРЛ, I, 469. Такую трактовку событий см.: Голубовский, 1891. С. 302; Алексеев, 1980. С. 234.

тращения этих набегов в том же 1239 г., сразу после окончания свадебных торжеств, молодой Александр Ярославич приступил к организации линии оборонительных укреплений («городков») в верховьях реки Шелони¹. Эти же укрепления могли использоваться и в качестве базы для организации наступательных операций с целью отвоевания полоцких земель.

Примечательно, что Ярослав более активно стал расширять сферу своего влияния в направлении, параллельном наступлению монгольской армии, только чуть севернее. Он открыто (через старшего сына) предъявил права на Полоцк, а в захваченный Смоленск посадил своего ставленника Всеволода. В жертву был принесен малозначимый теперь Переяславль Южный, положение которого на границе лесостепи подчеркивало его обреченность. Фактически отказавшись от владений на юге, великий князь Владимирский стал верховным сюзереном всех северорусских земель от Полоцка до Нижнего Новгорода и от Ладоги до Смоленска.

«Властитель севера» успел даже провести акт мщения в отношении Михаила Черниговского, отобравшего у него Киев. Завоевывать приднепровские земли, на которые, что было совершенно очевидно, вскоре нападут монголы, было нелепо, поэтому осенью 1239 г. Ярослав совершил настоящий карательный рейд во внутренние области Киевской земли. Особенно это вторжение должно было быть на руку союзникам князя на Волыни.

Поход Ярослава описан в летописи, как изначально направленный к городу Каменцу, который был взят и в котором была захвачена жена Михаила Всеволодовича, уведенная затем вместе с полоном:

«Ярославъ иде к Каменьцю, градъ взя Каменецъ, а княгыню Мнѣханлову со множествомъ полона приведе в своя си»².

В 1239 г. Владимирский князь демонстрировал невероятную активность. Прошло чуть больше года после Батыева нашествия на Северо-Восточную Русь. На глазах у Ярослава вставало из руин его обширное государство. Была даже отремонтирована Борисоглебская церковь в Кидекше под Суздалем, на освящении которой

¹ НПЛ, 289.

² ПСРЛ, I, 469. Ср.: Татишев, 1996. С. 27.

24 июля должен был присутствовать сам князь. Ярослав чувствовал прилив сил и строил новые планы. Казалось, что беда миновала, татары были страшным сном, который больше не явится.

Возможно, именно такие чувства должны были подвигнуть владимирского князя ввязаться в новую авантюру в южных землях. Связана она, конечно, была не с планами создания антимонгольской коалиции, а с сугубо внутренними отношениями между русскими князьями. Готовилось новое издание альянса, заключенного в начале 1237 г.: Даниил и Ярослав против Михаила.

Сопоставляя все произошедшие на юге Руси осенью 1239 г. события, можно заметить их логическую взаимозависимость. Укрывшись в неприступной киевской цитадели, Михаил Всеволодович в эти дни наблюдал за действиями татарских отрядов на территории его родовых черниговских владений. Князь в любой момент ожидал атаки на свою столицу. И после взятия Переяславля Южного, и после взятия Чернигова эти опасения были вполне оправданными. Отвод сколько-нибудь значимых вооруженных частей от Киева мог привести к потере города. Михаил не хотел так рисковать. Жену он отправил подальше от прифронтовой полосы, рассчитывая, что ей так будет безопаснее, а сам упорно сидел взаперти за стенами древнерусской столицы — похоже, что для него так прошел весь 1239 г.

Пассивность Михаила очень скоро оценили его соперники и решили ею воспользоваться. В комбинацию были вовлечены Даниил и Василько Романовичи, кто-то из литовских князей, а также великий князь Ярослав, жаждавший мести. Литве отводилась незавидная роль кролика, приманки для «алчных Ольговичей»¹. Вероятно, была создана видимость благоприятных условий для нападения на литовские земли. Ростислав Михайлович, которого отец оставил «в свое место» в Галиче, попался в искусно расставленную ловушку: он собрал галицкое ополчение и вывел его из города в полном составе в сторону Литвы. Об этом немедленно доложили Даниилу, который в тот момент держал войска наготове в районе своей новой крепости Холм. Как только волынский

¹ Исследователи не раз отмечали, что в эти годы Даниил Галицкий находился в дружеских отношениях с литовским князем Миндовгом, который ходил по его просьбе на Польшу, а теперь вполне мог организовать провокацию против галичан. См.: Майоров, 2001. С. 575, 598–599.

князь узнал о случившемся, он двинул своих всадников на Галич и уже через три дня подступил к городу:

«...ишедшу же Ростиславѹ в поле, Богѹ же поспешившю прииде вѣсть Данилѹ бѹдѹщую емѹ в Холме, яко Ростиславъ съшѣл естъ на Литвѹ съ всеми бояры и снѹзники, семѹ же прилѹчившѹся, изыде Данилъ съ вон ис Хольма и бывшю емѹ третини день ꙗ Галичи»¹.

Расстояние примерно в 250 км (от крепости Холм до Галича) было преодолено за трое суток! Более восьмидесяти километров в день! Даже монголам такие скорости не снились. Нет никаких сомнений, что этому рейду предшествовали серьезная подготовка и тренировка. Все было очень хорошо спланировано. В блокировании коммуникаций между Галичем и Киевом мог принимать участие и Ярослав Всеволодович, примерно в это время организовавший нападение на Каменец (один из Болоховских городов), расположенный в ключевом пункте между Киевской и Галицкой землями².

¹ ПСРЛ, II, 777. Летопись подчеркивает, что Ростислав покинул Галич со всеми (!) своими боярами и всадниками («снѹзниками»), то есть город оставили важнейшие, наиболее способные и обученные воинские подразделения, включая элитную кавалерию.

² Предложенная нами реконструкция событий позволяет связать воедино разрозненные и трактуемые раздельно факты. Однако она может вызвать и ряд возражений. Попробуем их упредить. Во-первых, многих настораживают очевидные для нас союзнические отношения Ярослава и Даниила. См. гл. 1 § 2 (с. 53–60) этой книги. Но объяснить захват (именно захват, как это и подчеркнуто летописью) жены собственного якобы союзника в Каменце Ярославом, пока никому не удавалось. Во-вторых, взятие Даниилом Галича часто относится исследователями к 1238 г. (Крип'якевич, 1984. С. 95; Майоров, 2001. С. 575–577). Летопись дает к этому основания тем, что фактически пропускает известия 1238 г., заменяя их общей сентенцией о том, что между Даниилом и Михаилом «бывшю» «овогда миру, овогда рати» (ПСРЛ, II, 777). С другой стороны, вызывает недоумение пассивность Михаила в период, когда его сына лишают княжения в Галиче, а тот бежит не к отцу в Киев, а в далекую Венгрию. Надо полагать, князь должен был быть изрядно занят или опасаться чего-то и потому не помог Ростиславу. Наиболее соответствующим для этого временем была осень 1239 г., когда монголы штурмовали Чернигов и угрожали Киеву. К 1239 г. относят захват Галича Даниилом и другие исследователи (см.: Горский, 1996. С. 25). Именно в 1239 г. Даниил мог привлечь на свою сторону Ярослава, который после двух посевных сезонов, прошедших после Батьева погрома, чувствовал себя уже достаточно уверенно. Сам поход на Каменец, весьма отдаленный от Владимира регион, без поддержки в близлежащих землях напоминал бы самоубийственную авантюру. Прodelать рейд как минимум в 500 км по чужим землям — неслыханная дерзость для любого князя. Наиболее удобным временем для этого предприятия было время после лета 1239 г., когда Ярослав завершил обустройство

Оставшиеся в Галиче горожане открыли ворота Даниилу. Скорее всего, большинство из них были сторонниками волынского князя, что еще раз подтверждает хорошую подготовку Романовичей к этому переходу власти в их руки¹. Тактика «изгона» осталась в прошлом. Теперь Даниил готовил захват города планомерно и собирался владеть им долго:

«Данило же вниде въ градъ свои и прииде къ пречстен и свя-
тен Богородици, и прия столъ отца своего и обличи победу и по-
стави на Немецкыхъ вратехъ хоругвь свою»².

Ростислав понял, что его обманули, уже через два дня после выхода из города. Он повернул войска обратно, но было поздно. Полки оказались в окружении и в безвыходном как военном, так и психологическом положении. Их со всех сторон окружали сразу три армии противников: Даниил с волынцами на западе у Галича, Ярослав с суздальцами на востоке у Каменца и литовскими отрядами непонятного происхождения — на севере. Кроме того, они были даже лишены собственного крова над головой и какой-либо тыловой базы. Среди дружинников начались брожения, закончившиеся роспуском полков и бегством Ростислава в Венгрию. Незадачливые ополченцы вынуждены были просить нового галицкого князя о соизволении вернуться им в свои дома:

«...наутриа же прииде к нему [Даниилу] весть, яко Ростис-
лавъ пощелъ бе к Галичю, слышавъ же приатие градское,

своих западных границ (Смоленск, претензии на Полоцк). Кроме того, 24 июля должны были освящать церковь в Кидекше в княжеской резиденции (что было отмечено летописью), а также состоялась свадьба Александра Невского. На этих мероприятиях должен был присутствовать Ярослав, освободившийся, таким образом, именно к осени 1239 г. (в поздних летописях сохранилась именно такая последовательность событий: Татищев, 1996. С. 25–27; ПСРЛ, X, 114–115). После полутора месяцев пути суздальские полки вышли к Каменцу как раз около середины октября 1239 г., в момент, когда монголы предпринимали решительный штурм Чернигова (М. Димник считает, что это было чуть ранее: Dimnik, 1981. P. 83). На то, что Даниил находился в сговоре с Литвой, обращали внимание и прежде (см.: Майоров, 2001. С. 575–577). Сложно не увидеть в такой подборке событий: одновременные поход на Каменец Ярослава и захват Даниилом Галича — единого замысла и плана.

¹ В летописи отмечено, что местный епископ Артемий и «дворский» Григорий пытались воспротивиться вступлению Даниила в город, но большинство простых галичан заставили их отступить и выйти к новому князю на поклон (ПСРЛ, II, 777).

² ПСРЛ, II, 778.

бежа въ Угры путемъ, имже идяше на Борьсукость дед, и прииде к бани рекомен Родна и оттуда иде въ Угры, бояре же пришедше, падше на ногу его [Даниила], просяще милости, яко съгрешном...»¹.

Даниил разрешил людям вернуться, а вдогонку за Ростиславом послал дружинников. Княжича не догнали, но это вовсе не должно было огорчить нового галицкого владетеля. Это означало его окончательное утверждение на княжеском столе Галича. И хотя Волынь он передал своему брату Васильку, казалось, что не за горами возрождение той великой единой Галицко-Волынской державы, которая была при его отце Романе Мстиславиче в первые годы XIII в. Кроме того, вскоре под контроль Даниила перешли и некоторые другие весьма значимые земли, превратив его на короткое время в абсолютного властелина Южной Руси.

* * *

В начале 1240 г. особенное впечатление на современников произвел поступок киевского князя Михаила Всеволодовича, который после «проведения переговоров» с Менгу-ханом, послов которого он убил, а затем просто бежал из своей столицы в Венгрию:

Князь Михайло же послы избы, а самъ бежа ис Киева за сыномъ въ Угорскую землю [передъ Татары]².

Возможно, конечно, как отмечали многие исследователи, что князь направился за границу в поисках помощи и содействия. Однако ничего подобного Михаил в Венгрии не получил. Более того, он чем-то так разозлил венгерского самодержца, что тот отказал Ростиславу в руке своей дочери, о чем, судя по всему, была предва-

¹ ПСРЛ, II, 778. В квадратных скобках — уточнения автора данной книги (Д. Х.).

² ПСРЛ, XV, 374. Аналогично: ПСРЛ, I, 782; VII, 144; СЛ, 92. В квадратных скобках — дополнение по Суздальской летописи (ПСРЛ, I, 782). В поздних летописях внимание на бегстве Михаила из Киева особенно заострено. Его пытались объяснить и трактовать. Слишком уж необычно выглядел летописный текст: убил монгольских послов и убежал в Венгрию, а город и страну оставил на растерзание «безбожным татарам». Так, Владимирский летописец даже пытался связать бегство Михаила с захватом Чернигова: «...взяша Черниговъ, а князи бежа въ Угры...» (ПСРЛ, XXX, 90).

рительная договоренность, а затем вообще изгнал отца и сына Ольговичей из страны. После этого черниговские изгои направились в Польшу, откуда стали посылать за миром к Даниилу и Васильку Романовичам, владевшим теперь и Волынью и Галичем и Киевом.

Древнерусскую столицу после ухода из нее Михаила пытался захватить один из смоленских Ростиславичей — Ростислав Мстиславич. В городе он продержался недолго и был смещен со стола подоспевшими дружинниками князя Даниила:

«Ростиславъ Мстиславичъ Смоленского седе в Києве, Данилъ же еха и ния его»¹.

Сам галицкий князь не решился оставаться на днепровских берегах. Как сообщает летопись, он «вдал» город «в рѹки» посаднику Дмитрию, для того чтобы тот «объдержати противу иноплемєнныхъ языкъ, безбожныхъ Татаровъ, яко бежалъ естъ Михаилъ ис Києва в Угры...»². Как считают большинство исследователей, так как Дмитрий был назначен властью Даниила, то последний тем самым предъявил свои права на столицу Руси. Однако это был не вполне дружелюбный акт по отношению к Ярославу, который, надо полагать, имел свои виды на этот город. Возможно, Даниил намеревался просто выждать время, а потом уступить свое покровительство над Киевом на наиболее выгодных для себя условиях. То, что он оставил посадника из местных

¹ ПСРЛ, II, 782.

² ПСРЛ, II, 782. После этих слов в летописи наблюдается смысловая лакуна, утрата части последующей фразы, в которой говорится о захвате Ярославом жены Михаила в Каменце. При чтении летописца Даниила Галицкого создается впечатление, что княжна была оставлена в Каменце в то время, когда Михаил отправился в Венгрию весной 1240 г. («это была погоня» Ярослава за Михаилом: Горский, 1996. С. 92, 165). Однако суздальское летописание относит поход Ярослава на Каменец к 1239 г., до появления монголов на Клязьме и взятия ими Муром. Полагаем, что если бы Ярослав ходил под Каменец после отъезда Михаила из Киева, то он оставил бы там своего ставленника, а этого не произошло. Если таковым (ставленником Ярослава) был Ростислав Мстиславич (так считает А. А. Горский: Горский, 1996. С. 25), то его изгнание Даниилом должно восприниматься как крайне недружелюбный акт в отношении Ярослава. Даниил таким образом получал сразу двух врагов — Михаила и Ярослава, что никак не было ему на руку. Надо полагать, что летописец Даниила Галицкого просто немного сместил события на руку осени 1239 г., когда были захвачены Каменец и Галич, и весны 1240 г., когда Михаил бежал в Венгрию. Другим вопросом является, для кого Даниил захватывал Киев: для себя или берег для Ярослава? Или хотел получить веский аргумент на переговорах с Михаилом?

бояр, а не сел сам, позволяет сделать именно такое заключение. Утверждение в городе Ростислава Мстиславича могло восприниматься как захват, а Даниил как бы соблюдал права других, более весомых претендентов. Владимиро-Суздальский князь в этом случае должен был понять, что галицкий союзник действовал в его интересах. Именно после обретения Киева Даниил, судя по летописи, послал во Владимир Залесский за своей сестрой, женой Михаила Черниговского, плененной в Каменце и увезенной на северо-восток. Ярослав благосклонно отпустил княжну, но своего наместника в Киев не послал. Он тоже ожидал волны Батыева нашествия, которая вскоре должна была пронестись по южнорусским землям. Даниил после этого мог посчитать свои союзнические обязательства исполненными, а альянс с Ярославом — исчерпавшим себя. Было ясно, что северорусские княжества, возглавляемые Ярославом, не желали вступать в новое противостояние с монголами, ради прикрытия не пострадавших пока земель Галиции, Волыни и Киевщины.

Зимой 1239–1240 гг. Батыевы войска пожгли города по Клязьме и Муром. Это должно было отрезвить Владимирского князя, слишком увлекшегося своими авантюрами в далеких регионах. После известия об этом монгольском нападении в суздальской и связанных с ней летописях следует примечательная по значению и важности фраза:

«Тогда же бе пополохъ золь по всей земли, и сами не ведаху и где хто вежить [отъ страха]»¹.

В результате монгольских рейдов 1239 г. население Руси окончательно убедилось в том, что единовременным вторжением дело не обойдется. Политика широкого фронта, облавы и террора, проводимая Батыем, должна была произвести впечатление на жителей Северо-Восточной Руси, региона, который ранее практически никогда не подвергался опасности нападения кочевников. За 100–200 лет до этого люди бежали из южнорусских областей на север и северо-восток в страхе перед набегами половцев и печене-

¹ ПСРЛ, I, 470. См. также: ПССРЛ, X, 115; XV, 374. В квадратных скобках — дополнение по Воскресенской летописи (ПСРЛ, VII, 144). У В. Н. Татищева более развернутая версия: «Того же лета пополох бысть зол по всей земли, и бысть страх и трепет на всей земли велии, и вси бежаша семо и овамо, и не сведяше никто же себе, камо бежаша» (Татишев, 1996. С. 27).

гов. Теперь их потомки столкнулись с внезапными атаками кочевников и здесь. Паника обуяла население Суздальского Ополя. Люди не ведали, куда бежали. Эта волна миграции охватила очень большой по площади регион. Отдельные группы заходили глубоко в Европу, а другие забредали далеко в северные леса¹. Повлиять на эти процессы князь имел мало власти.

Теперь спустя два года эффект от Батыева нашествия был действительно достигнут. Уход людей и запустение целых областей больно били по авторитету и благополучию находящейся у власти элиты. Князь Ярослав был поставлен на место и вынужден был осознать, что его счастье и благополучие находятся в подведомственных ему лично землях Северо-Восточной Руси, а не в увенчанных богатой историей и традицией, но теперь обреченных областях юга. Можно сказать, что, отпраздновав свое 50-летие (8 февраля) владимирский властитель вернулся к осторожности, остепенился и углубился в обустройство собственных владений². Он строил новые крепости (например, Тверь), восстанавливал старые, заботился о возрождении хозяйства и возвращении бежавших в леса людей³. Было ясно, что будущее его земли — в сохранении как можно более длительного мира с монголами. Ради этого следовало использовать все: и подарки, и выходы, и дани, и переговоры, и унижения, и слезы, и молитвы.

* * *

Весной 1240 г. Ярослав отпустил к Даниилу его сестру, жену Михаила Черниговского. С ней, надо полагать, отправилось и не-

¹ Бежавшие из русских земель люди доходили до Саксонии (MGH SS, t. XXVIII. S. 207).

² В. Н. Татищев отмечает рождение Ярослава 8 февраля 1190 г. (Татищев, 1995 (2). С. 149).

³ Примечательно, что именно с лета 1240 г. начинается волна вторжений в новгородские земли из Прибалтики и Скандинавии. 15 июля 1240 г. Александр Ярославич разгромил шведский отряд на Неве в устье Ижоры, а в это время другие интервенты напали на Водскую землю и захватили Псков. Создается впечатление, что немцы (собираТЕЛЬНЫЙ образ) специально поджидали ослабления русских земель в результате монгольского нашествия, прежде чем начать массовое вторжение. См.: Кучкин, 1999. С. 135. Как бы то ни было, вовсе не эти вторжения стали причиной того, что Ярослав отказался от проведения активной политики на юге Руси. К этому его побуждали совсем другие факторы, среди которых не последнюю роль играло то самое «общественное мнение», вызвавшееся в тотальном бегстве жителей Северо-Восточной Руси.

большое посольство, призванное сообщить галицкому князю перспективы участия Владимирского княжества в дальнейших событиях на юге Руси — этого участия не будет. Северо-восточный союзник оставлял Даниила наедине с благоприобретенным Киевом и монголами у порога.

Став властелином русского Юга, волынский князь оказался «халифом на час». Нет никаких сомнений в том, что в последние месяцы перед подходом Батыея к Киеву Даниил судорожно искал в соседних землях дополнительные воинские контингенты, способные противостоять кочевой орде. Собственных сил у региона было явно недостаточно. Изматывающая более чем десятилетняя междоусобица поглотила огромное количество людских ресурсов и боевой мощи княжеств. Не было единства и в стане Рюриковичей. Ярослав уклонялся от конфликтов с Батыем, а с другим авторитетным властителем, Михаилом Черниговским, сохранялось состояние войны.

И в это время летом 1240 г. изгнанный из Венгрии Михаил Всеволодович присылает в Галич послов с мольбою о мире:

«...присла бо Михаилъ послы къ Даниилу и Васильку и реч: «многократ съгрешихове и многократы пакости творях ти, что ти обещахъ — того не сътворих, аще коли хотех любовь имети с тобою — невернии Галичане не вдадяхут ми, ныне же клятвою клену тись, яко николи же вражды с тобою не имамъ имети»¹.

Даниил и Василько соглашаются на замирение. Они возвращают Михаилу жену, недавно прибывшую из Суздаля, и приглашают

---

¹ ПСРЛ, II, 783. Знаки препинания расставлены автором данной книги (Д. Х.). Этот удивительный текст требует некоторых комментариев. Первый же вопрос, который возникает при чтении, указывает на те непонятные обещания, которые Михаил давал Даниилу, но не выполнял. За предыдущие три года известна только одна договоренность между ними — мир и передача Даниилу Перемышля. Так как этот город вскоре после захвата Михаилом Киева был у Даниила отобран, можно считать, что речь идет о нем. Кроме того, в этом обращении Ольговича возникает неожиданный для летописца Даниила Романовича мотив нелюбви к нему галичан, которые просили Михаила не подписывать мира с волынянами. Если это не пафосная клевета, расположенная буквально на следующей странице после описания невыносимой любви жителей Галича к своему Даниилу, то мы внезапно становимся обладателями свидетельства сложных отношений наследника великого Романа Мстиславича и обитателей его столицы.

его к себе на совет. Черниговскому князю обещают отдать Киев, а его сыну Луцк, но взамен Романовичи рассчитывают на альянс с Ольговичами против монголов. Это была последняя попытка русских вождей договориться о совместных действиях против восточных захватчиков. Причем некоторое время казалось, что антимонгольский фронт сформирован. Михаил согласился на предложенные условия, а также получил право беспрепятственного передвижения (охранную грамоту) по землям Галицко-Волынского княжества и множество продовольственных припасов для той армии, которую, вероятно, собирался набрать.

Все это, судя по всему, происходило осенью 1240 г., когда Батый уже подступил к Киеву. Мир Романовичей с Ольговичами был заключен, что называется, в последнюю минуту, когда уже мало на что можно было надеяться. Выманивая к себе Михаила Черниговского, Даниил уже понимал, что на успех в деле борьбы с Батыем рассчитывать не приходится. Максимум чего можно было добиться, это, сложив свои головы, немного задержать продвижение монгольских войск. Роль героического защитника русских земель отводилась беспокойному и, вероятно, не очень дальновидному киевско-черниговскому князю Михаилу. Однако, как только последний поддался на лестные уговоры, пришла весть о падении Киева. Безвыходность положения и бесполезность любых усилий по сопротивлению встали перед глазами князей со всей ясностью. Понял это и Михаил. Он немедленно отказался от всех принятых на себя обязательств и снова ушел в Польшу, даже не успев создать сколько-нибудь боеспособное подразделение под своим началом. Там он укрылся у Конрада Мазовецкого, но при подходе монгольских отрядов вновь бежал в Силезию («в землю Вроцлавскую»), где его ограбили немецкие купцы, а все его люди были перебиты. В начале 1241 г., накануне битвы при Легнице, в которой Михаил участвовать не захотел, несчастный Ольгович вынужден был вернуться в прифронтовую Мазовию и здесь у своего «уеви» (дяди по матери) Конрада ждать ухода монголов из Европы¹.

Даниил Галицкий также не стал встречать Батыя на своих землях. Он поехал обсудить происходящее с венгерским королем. Судя по тому, что Бела еще не знал о падении Киева, галицкий

¹ См. об этом: ПСРЛ, II, 783–784; Włodarski, 1936. S. 23; Пащуто, 1977. С. 212.

князь отправился в Венгрию до получения известия о монгольских успехах¹, то есть до того, как Михаил в очередной раз нарушил свои обязательства и бежал в Польшу. Даниил Романович, таким образом, спешил к венграм для того, чтобы создать сильный антимонгольский союз. На Руси ополченцев должен был уже собирать новый союзник — Михаил, которому был выделен соответствующий фураж и сопроводительные документы. В это же время Волынь покинул княживший там Василько, который, возможно, как и в 1235 г., направился искать союза и помощи в Польше².

Никто не знал, сколько времени сможет продержаться Киев. Счет шел на дни, и отчаянная попытка Романовичей в последние полгода организовать более или менее крепкую коалицию против Батыя была обречена. Ставка могла делаться только на помощь западноевропейских государств, в которых также не было единства. Польско-венгерские войска в сочетании с галицко-волынскими полками и литовцами, конечно, могли создать для монголов непреодолимый барьер. Однако такая фантастическая комбинация имеет в своей основе такое количество «но», что фактически была совершенно нереальной. Как только в декабре 1240 г. в Венгрию поступили известия о взятии Киева, все переговоры прекратились. Властелин Южной и Западной Руси Даниил Романович утратил для короля Белы интерес как полноценный переговорщик. Остались считанные месяцы до того, как Батый пересечет Карпаты и вторгнется в долину Паннонии. У венгров было очень мало времени для подготовки, в которой русские уже ничем помочь не могли.

Князь Даниил в эти дни попытался прорваться к Галичу, но остановился у Синеводского монастыря в Карпатах уже на русской стороне. Далее пути не было, навстречу двигалась волна беженцев, сеявших панику ужасными рассказами о зверствах кочевой орды. Даниил поразмыслил и не стал без пользы класть свою жизнь на алтарь благородства. Он уехал обратно в Венгрию: **«...воротися назадъ во Угры, не може во пронти Руское земли, за-**

¹ ПСРЛ, II, 785–786.

² Когда в конце 1240 г. Батый подошел к Владимиру Волынскому, княжившего там Василька в городе не было, но в Венгрию, согласно летописи, направился только Даниил. Позднее именно в Польше Василька мы и обнаружим. Ничто не мешает предположить, что свою поездку туда он начал одновременно с Даниилом, отправившимся в Венгрию.

не мало бе с ним дружины»¹. Более того, вместе с ним не решились возвращаться в Галич и многие сопровождавшие его местные бояре. Они опасались как монгольского пленения, так и того, что князь окончательно покинет их город и уступит его враждебной черниговской партии. Многие головы полетели бы вместе с этим решением. Даниил дает клятву вернуться после того, как все уляжется. Он даже передает боярам на руки своего малолетнего сына Льва, который и провел с ними последующие полгода в Венгрии. Сам князь направился на север в Польшу к Сандомиру, у которого надеялся перехватить жену и брата Василька, «вышедших» «суть из Руское земле в Ляхы предъ безбожными Татараы»². Встретившись «на реце рекомеи Полце», они решили отъехать подальше от театра военных действий и укрылись в лесистой Мазовии у сына князя Конрада, Болеслава, который был настолько любезен, что даже выделил изгнанникам лен: дал им в держание град Вышгород, с которого они могли кормиться и в котором укрываться. Здесь Романовичи и провели все время «Батыева нашествия».

* * *

Более чем двухлетний исключительный по примечательности период в русской истории, отделяющий походы Батыя на Северо-Восточную и на Южную Русь (весна 1238 г. — осень 1240 г.), завершился, можно сказать, бесславно. Ни Михаил Черниговский, доминировавший в южных землях с весны 1238 г. до осени 1239 г., ни Даниил Галицкий, ставший обладателем всей Южной и Западной Руси в 1240 г., не смогли решить главной для всей страны проблемы — надвигающего монгольского нашествия. Наверняка хан Бату ожидал появления здесь кого-то подобного персидскому Джелал-ад-Дину — умного, непримиримого и способного объединить соплеменников в борьбе с иноземной угрозой. Ведь Русь считалась одним государством, часть которого подверглась нападению. Однако подобный взгляд не отражал действительного положения вещей. Русские княжества уже жили сами по себе. Летописцы на севере очень скупо отмечали у себя южные события, а на юге (например, в том же Галиче или Киеве) большей ча-

¹ ПСРЛ, II, 787.

² ПСРЛ, II, 787. О том, что в залог был оставлен именно Лев, становится ясно из позднейшего изложения. См.: ПСРЛ, II, 789.

стью вообще не знали о происходящем где-нибудь в Новгороде или Пскове. Неизвестно, насколько монголы были знакомы с подобным положением вещей. В любом случае опасения у них были. После похода на Владимиро-Суздальское княжество последовала вынужденная пауза более чем в два года. За такое время можно было не только выстроить новые города и линии укреплений, но и собрать (или нанять) несколько новых армий. Батый очень рисковал. Его политика, судя по всему, не всем нравилась и в среде его родственников. Затягивание похода в Европу было одним из поводов для возмущения ханов Менгу и Гуюка, отозванных затем кааном Угэдеем. Причем их отъезд состоялся вскоре после того, как именно Менгу подходил к Киеву и якобы пытался вести переговоры с князем Михаилом (весна 1240 г.). Возможно, Чингизид намеревался спровоцировать русских и тем самым подстегнуть Бату к активности. Похоже, что именно это ему и удалось. С одной стороны, он настолько очевидно проявил свои агрессивные намерения, что даже киевский князь Михаил помчался искать союзников, только почему-то в Венгрию, а не сразу на Волынь. С другой стороны, монголы вынуждены были прежде времени начать наступление в Европу. Персидский историк Джувейни, почти современник событий, писал, что Бату очень опасался своих противников, которые превышали его армию в численности, «пылом храбрости и прочностью орудий»¹. Надо полагать, что за такими словами скрывается действительно сложная ситуация с подготовленностью монгольских войск к вторжению. Однако именно то, что поход начался осенью 1240 г., а не через год, привело к известному его успеху. Время оказалось предельно удачным. После почти пяти лет ожидания Европа все-таки оказалась застигнутой врасплох.

§ 4. ВТОРЖЕНИЕ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОХОД, 1240–1242 гг.

«Прииде Батыи къ Києву в силе тяжьце, многомъ множеством силы своея, и окрѹжи градъ, и остѹпи сила Татарская, и бысть градъ (во) обьдержании велице, и бе Батыи ѹ города и отроци его обьседаюхѹ градъ и не бе слышати от гласа скрипаня телегъ

¹ Тизенгаузен, 1941. С. 23.

его, множества ревеня верьблюд его, и рьженя от гласа стадь коней его, и бе исполненна Руская земля ратныхъ»¹.

Монгольская армия подступила к Киеву в сентябре 1240 г. Согласно поздним источникам, восходящим к Псковскому летописному своду 50–60-х гг. XV в. (Летопись Авраамки, Супрасльская и Псковская I летописи), осада длилась 10 недель и 4 дня и завершилась решительным штурмом 19 ноября 1240 г.² Примечательно, что даже летописец Даниила Галицкого не знал точной даты взятия древнерусской столицы и оставил в тексте пробел, а во Владимирском великокняжеском своде вообще было просто записано, что это случилось «до Рождества Господня на Николинъ день»³. Бои в Киеве были настолько кровопролитными, что потом некому было вспомнить о датах их проведения — в живых остались очень немногие.

Побывавший в этих местах спустя пять лет (зимой 1245–1246 гг.) папский посланник монах-минорит Джованни дель Пьяно-Карпини (Иоанн де Плано Карпини) записал в своем отчете:

«...они [монголы] пошли против Руссии и произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после дол-

¹ ПСРЛ, II, 784.

² «приидоша Татарове къ Киеву, сентября 5, и стояша 10 недель и 4 дни, и едва взяша его ноября 19, в понедельникъ» (ПСРЛ, XVI, 51; ПЛ, I, 12; Супрасльская летопись. М., 1836. С. 32). См. подробнее о датировке осады Киева: Ставиский, 1990. С. 283–290.

³ Пробел, оставленный в летописце Даниила Галицкого («и приять бысть градъ сице воими...»: ПСРЛ, II, 785), в других летописях просто заполнен фразой «на Николинъ день» (ПСРЛ, IV, 227; VI, 302; VII, 145; XV, 375; СЛ, 93), напоминающей указание на «некии» день. Ясность вносит Лаврентьевская летопись, восходящая к ростовской летописной традиции и использовавшая Владимирский великокняжеский свод 1305 г. Запись этого источника указывает на то, что ее автору не была известна точная дата штурма Киева, он лишь приблизительно отметил, что это случилось до Рождества и чуть ранее («на») Николина дня (6 декабря): ПСРЛ, I, 470. Новгородские и другие летописи воспользовались этими словами для конкретизации своего рассказа. См. у В. И. Ставиского несколько иную трактовку происхождения этой даты: Ставиский, 1990. С. 288–289. У исследователей, однако, не сложилось единого мнения относительно датировки штурма Киева: одни предпочитают 19 ноября (Пашуто, 1960. С. 137; Пашуто, 1968. С. 285), другие используют 6 декабря (Рыбаков, 1948(2). С. 54; Каргалов, 1967. С. 123; Dimnik, 1981. P. 90, 166).

гой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю [на восток к Волге], мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие в поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Руссию»¹.

Даже спустя 5 лет в Переяславской и Черниговской землях не нашлось кому захоронить погибших. А о разоренном Киеве даже итальянец, впервые побывавший здесь, писал, что тот «сведен почти ни на что». Длительная (самая длительная) осада, а затем жестокий штурм Киева стали кульминацией Батыева вторжения на Русь.

Захватив пленного, осажденные узнали, что на их город обрушились орды сразу семи Чингизидов:

«...яша же в нихъ Татарина именемъ Товрулъ и тѣ исповеда имѣ всю силу ихъ; се бяху брата его сильные воеводы Урдю, и Бандаръ, Бриюн, Кадан, Бечакъ, и Меньгү, и Күюкъ, иже вратися, уведавъ смерть канову, и бысть каномъ, не от роду же его, но бе воевода его перьвыи Себедеяи багатырь и Бүрүндан багатырь, иже взя Болгарьскую землю и Сүждальскую, и инехъ бес числа воеводъ, и хже не писахом zde»².

В походе на запад под общим руководством Бату приняли участие ханы-чингизиды Орда, Байдар, Бури, Кадан, Бучек, Менгу и Гуюк. Последние два вскоре после начала осады Киева были отозваны в Монголию великим ханом Угэдеем, что не должно было снизить общее количество воинских подразделений. Кроме собственно «принцев крови» в летописи среди вождей названы знаменитый Субэдей-багатур, громивший русские дружины еще на Калке в 1223 г., а также прославившийся убийством великого князя Юрия Всеволодовича Бурундай-багатур. В целом если следовать принципу, что на каждого предводителя приходилось не

¹ Плано Карпини, 1997. С. 51. В квадратных скобках – прибавления автора данной книги (Д. Х.).

² ПСРЛ, II, 785.

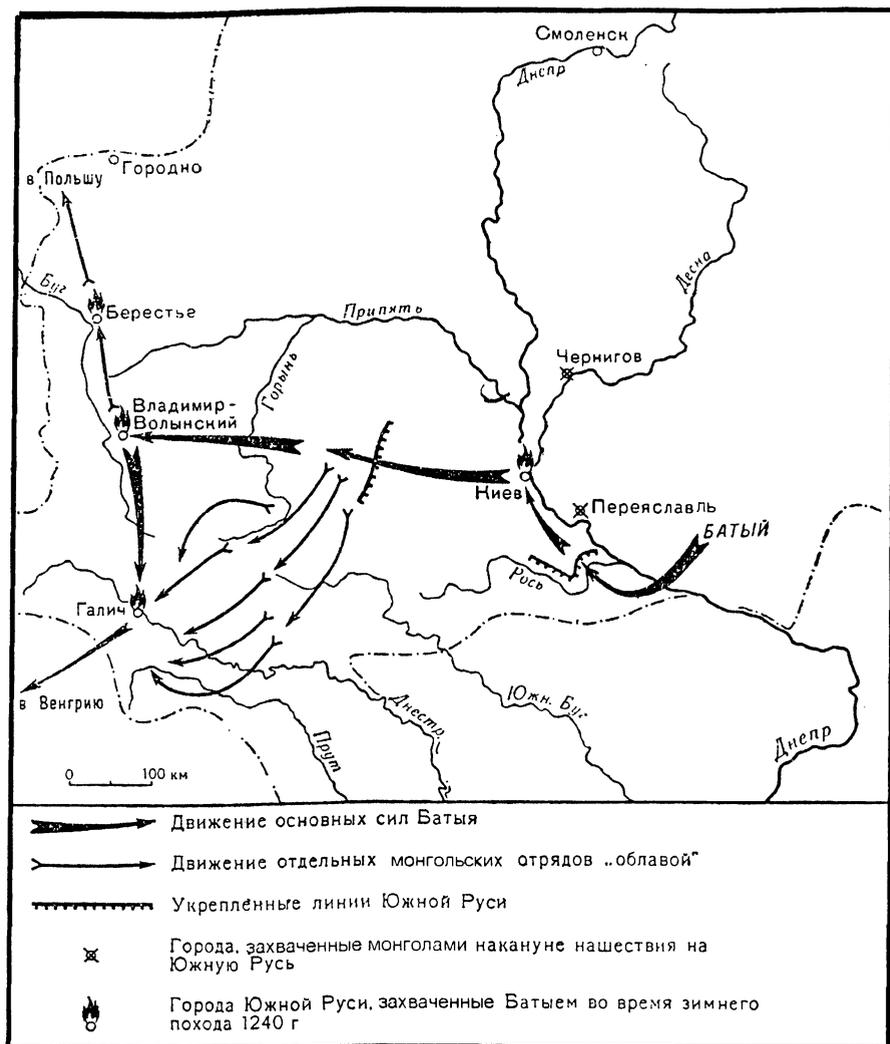

Рис. 27. Монгольское вторжение в Южную Русь. 1240–1241 гг.
(Каргалов, 1967. С. 122)

менее одного тумена, то через Днепр должно было переправиться не менее 100 тысяч воинов.

По меркам средневековой Европы это была колоссальная армия. Такого полчища под стены Киева еще никогда не подступало. Ворот захватчикам, однако, никто открывать не стал. Гордые горожане, покинутые своим князем и брошенные в водоворот миро-

вой истории в совершенном одиночестве, решили помериться силой с покорителями мира. Хотелось бы услышать от кого-нибудь социально-психологическую интерпретацию такого положения дел, когда жители обреченного, покинутого даже собственной элитой населенного пункта внезапно вступают в бесполезное с военно-политической точки зрения противостояние с заведомо сильнейшим противником. Наверное, речь должна идти об особенном состоянии сознания людей, особом комплексе поведенческих стереотипов, образцовом коллективизме и глубокой, безоглядной вере.

Практические надежды горожан могли быть связаны с оборонительными укреплениями, возведенными вокруг их домов. Киев имел беспрецедентную по качеству систему фортификации — целых три линии укреплений. Вокруг города по периметру (более 3,5 км) тянулись валы высотой около 12 м и шириной при основании 20 м. На их гребне размещались деревянные стены с каменными воротными башнями. Кроме того, отдельные стены имела центральная часть Киева — «город Владимира», а также «Ярославов двор»¹. Городские укрепления можно было назвать беспрецедентными. Да и сложно было представить себе силу, способную прорваться через все оборонительные линии киевской крепости.

Крепость была исключительной по мощности. Штурмовать ее с ходу значило положить под ее стенами значительную часть своей армии. Разумеется, последовала длительная осада, в ходе которой военные мастера Батыя имели возможность проявить все изыски своего «искусства брать города»: действовали 32 осадных орудия². Только после продолжительной работы пороков и прочих механизмов, сумевших пробить в стенах большие бреши, начался массивированный приступ:

«...постави же Батыи пороки къ городу подле вратъ Лядскихъ, тѣ во бяху пришли дѣбри, порокомъ же бес престани вноущимъ день и ночь, выбиша стены и възыдоша горожане на избитые стены, и тѣ бяхше видети ломъ копенныи и щитом скепание, стрелы омрачиша светъ побеженнымъ»³.

¹ См.: Каргер, 1958. С. 261.

² Ивакин, 1982. С. 12.

³ ПСРЛ, II, 785. В.В. Каргалов считает, что осада Киева была кратковременной, а штурм быстрым (Каргалов, 1967. С. 123). Это не подтверждается источниками.

После первого дня штурма полностью город взять не удалось. Храбрый посадник Дмитрий был ранен («и Дмитрови ранену бывшу»), но сумел отвести часть своих воинов в глубь столицы. Здесь они за ночь возвели «другой град» около Десятинной церкви. Утром битва началась еще с большим ожесточением. Численное превосходство было на стороне монголов, которые оттеснили последних защитников древнерусской столицы под стены первого русского каменного храма, построенного еще святым князем Владимиром. От большого скопления людей церковные хоры не выдержали и обрушились, погребая под собой тех, кто не желал сдаваться:

«...възыдоша татарѣ на стѣну и сѣдоша того дне и ноци, гражанѣ же създаша паки и другыи градъ около святыѣ Богородици, наутрѣна же придоша на не и бысть брань межю има велика, людем же збѣгшим на церковъ и на комары церковъныя и с товары своими, от тягости повалишася с ними стѣны комары церковъныя»¹.

Разорение Киева было масштабным и всеобщим. Его не следует преувеличивать — жизнь на этом месте все же не прекратилась, — но не следует и преуменьшать. Убиты были почти все жители; по мнению П. П. Толочко, из 50-тысячного населения осталось не более 2 тысяч (!). От огромного мегаполиса, состоявшего из 9 тысяч дворов, занимавших до 400 га, в 1245 г. путешественник застал 200 домов — деревню(!). Храмы были разграблены, здания разрушены, а церкви сожжены².

¹ ПСРЛ, II, 785.

² См.: Ивакин, 1982. С. 6; Толочко, 1987. С. 175. В научной литературе начиная с середины XIX в. (статьи Н. П. Погодина, М. А. Максимовича) ведется периодами весьма оживленная дискуссия о степени разорения Батыем поднепровских городов. Сторонники одного подхода считают, что в результате монгольского нашествия многие города были уничтожены в одночасье и жизнь в них, включая Киев, прекратилась. В подтверждение этому приводится обширный археологический материал (Каргер, 1958. С. 493–515). Другой подход связан в своих истоках с невозможностью однозначной временной атрибуции археологических артефактов. Города, постройки и люди на Руси гибли не только в 1240 или 1239 г. Почти десятилетие до этого велась гражданская война, в 1230 г. было жестокое землетрясение, а в последующие годы русские междоусобицы вспыхнули с новой силой (Ивакин, 1982. С. 5–7). Нельзя каждый труп и слой пожарища, находящиеся в слое середины XIII в., связывать с действиями монголов. Подробнее о полемике см.: Русь, 2003. С. 59–65. Полагаем, истина, как обычно, находится где-то посередине, между крайними точками в этих подходах. Не только археологические, но и письменные (порой синхронные собы-

Даже каменную Десятинную церковь разломали, не говоря уже о крепостных сооружениях, которых просто не стало:

«Взяша Киевъ Татарове, и святѹю Софью разграбнша и монастыри все, и иконы и кресты честныя и взя, ѹзорочья церковная взяша, а люди от мала и до велика вся ѹбиша мечемъ»¹.

Монголы были поражены упорством оборонявшихся, которыми руководил какой-то посадник Дмитрий, не имевший не только княжеского происхождения, но даже прозвища или мало-мальского титула. Батый приказал даровать жизнь израненному вражескому воеводе («Дмитра же изведоша язвена и не ѹбиша его, мужества ради его»²) и позднее разместил его в своей свите на правах почетного пленника. Существует мнение, что героя обороны Киева Дмитрия следует отождествлять с галицким тысяцким Дмитрием, упоминаемым в летописи под 1213 г. в качестве сподвижника князя Даниила Романовича³, но уверенных указаний на это нет.

* * *

Создается впечатление, что только после захвата Киева монголы стали приблизительно ориентироваться в политической ситуации) источники указывают на колоссальный масштаб разорения Руси во время монгольского вторжения. Катастрофические последствия этой войны не вызывают сомнений. Однако монголы были не единственными виновниками снижения социально-экономического потенциала южнорусских земель. Кроме того, это снижение проявилось не во всех сферах и не одинаково в каждом из регионов. В отношении Киева факт разгрома и разорения остается налицо. Но жизнь после этого в городе не прекратилась, он оставался (и признавался современниками) «древней столицей», овеянным легендами традиционным центром Русского государства, единство которого, однако, к тому времени было весьма эфемерным. Политическое значение Киева (как общины, а не места для съездов церковных иерархов), несомненно упало. Его роль в экономике и транзитной торговле также изменилась, но не исчезла и не сошла до незначительной. Стали выдвигаться другие центры, появились другие ориентиры, мир изменился, и Русь стала другой.

¹ ПСРЛ, I, 470.

² ПСРЛ, II, 785.

³ ПСРЛ, II, 733–734. Под 1219 г. среди сподвижников венгерского королевича Коломана, засевшего в Галиче, упоминается некий Дмитр (ПСРЛ, II, 737). Трудно сказать, идет ли речь об одном и том же лице или в последнем случае Дмитрий имел венгерское происхождение. Летописи действительно известны «боярин угорский именем Дмитр», но под 1251 г. (ПСРЛ, II, 810), что ничуть не проясняет ситуацию.

ации на юге Руси. Хан Менгу в начале 1240 г. пытался вести переговоры с Михаилом Всеволодовичем, которого, вероятно, считал наиболее влиятельным лидером. Однако сам Батый в конце того же 1240 года уже знал, что властители поменялись и теперь следует искать князя Даниила, после убийства (или пленения) которого можно было действительно считать Русь покоренной. Примечательно, что даже узнав, что Даниил выехал в Венгрию, монголы все равно направились разорять его родовые земли на Волыни. Специально для этого Бату сделал 150-километровый «крюк» в своем маршруте:

«Батыю же вземшю градъ Кыевъ и, слышавъшю ему о Даниле яко въ Угрехъ есть, понде самъ Володимеру [Волынскому]»¹.

Ни для кого из иноземцев не было секретом, что статус князя, обладавшего Киевом, был значительно выше любого другого, это был «старейший» князь в стране. Надо полагать, что от него следует ожидать особенно решительного противодействия захватчикам. Глядя со стороны, можно было подумать, что для такого человека единственной причиной отступления в сопредельное государство может быть соединение его войск с тамошним правителем для совместной атаки. Возможно, именно так и оценивал ситуацию Батый: прежде чем состоится решительное сражение, необходимо как можно больше вреда нанести владениям противника — это лишит его продовольственных баз и ослабит психологически. Рашид-ад-Дин пишет о монгольском походе таким образом:

«Царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок [*сиях-кулахан; зерных клубуков*] и в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкер-кан [*вар. Манкерман; Киев*]², а затем проходили облавой туман за туманом все города Уладмур [*Владимирские*] и завоевывали крепости и области, которые были на [*их*] пути»³.

¹ ПСРЛ, II, 786.

² Тизенгаузен, 1941. С. 37, прим. 17.

³ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 45; Тизенгаузен, 1941. С. 37.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что, по мнению персидского историка, в штурме Киева принимали участие только три хана, возглавляемые, о чем умалчивается, самим Батыем. Известно, что Менгу и Гуюк в период длительной осады были отозваны в ставку каана (между сентябрем и ноябрем 1240 г.). Но упоминание Орды и Байдара говорит о том, что они, скорее всего, были посланы воевать в другие заднепровские земли Руси. Позднее деятельностью этих ханов была охвачена Польша, Моравия и Словакия, куда, таким образом, они отправились еще до взятия Киева.

Второе, что обращает на себя внимание в цитированном сообщении, — это акцент на «облаве» и завоевании областей, лежащих на «[их] пути». В источнике подчеркивается, что ключевой точкой был именно «город русских» Манкер-кан, а все остальное — просто «зачистка» пути, коммуникаций, необходимых для связи со своими степными владениями. Не раз указывалось, что монголы собирались сделать в Паннонии кормовую базу и основать ханскую ставку, чтобы совершать оттуда рейды в другие части Европы. Южнорусским землям, Киеву и Галиции, отводилась роль проездного пути из глубин Азии на цивилизованный Запад, пути завоевателей и грабителей, протоптанного еще в эпоху Великого переселения народов. Для надежности весь регион по линии Восток-Запад должен был быть приведен в состояние исключительной покорности, города захвачены и безоговорочно подчинены. С этих владений монголы не хотели получать богатые подношения, они просто хотели сделать их своими.

Таким подходом объясняется и предельная жестокость, проявленная здесь захватчиками. Как записано в поздней Никоновской летописи, Батый по дороге «в Угры» «многое множество бесчисленно Русскихъ градовъ взятъ, и всехъ поработи»¹.

Обрабатывая клады, закладка которых условно датируется второй четвертью XIII в., Г. Ф. Корзухина выделила широкую полосу их залегания, совпадающую с маршрутом монгольского вторжения: в зоне между линиями, проведенными от Киева на Галич и на Владимир Вольнский². Батый наступал широким фронтом. Археологически фиксируется разорение населенных мест по среднему течению р. Тетерев, а также укрепленных городков-кре-

¹ ПСРЛ, X, 117. Подчеркнуто мной — Д. Х.

² Корзухина, 1954. С. 46.

постей «райковецкого типа» на Случи, в верховьях Тетерева и на Горыни. Эта область, обозначаемая в источниках как «Болоховские города», располагалась между Галицко-Волынским и Киевским княжествами, создавая буфер между этими, порою враждующими, землями. Транзитная торговля и обеспечение транспортировки товаров по своей территории были здесь смыслообразующими факторами экономики. «Болоховские» поселения традиционно старались уклоняться от открытой вражды с кем-либо из соседей. И теперь многие города (Деревич, Губин, Кудин и др.) сдались монголам без боя на милость, судя по археологическому материалу и письменным источникам, действительно проявленную к ним¹.

Однако были случаи и другой встречи. Так, ставшие классическими археологические раскопки на Райковецком городище в верховьях Тетерева позволяют говорить, что захватчикам здесь было оказано ожесточенное сопротивление. Вокруг валов, окружавших небольшое (около 1,25 га) поселение, обнаружено большое количество трупов защитников и нападавших в доспехах и с оружием в руках. Рвы (особенно в районе воротной башни) засыпаны камнями и обломками жерновов, сброшенными со стен во время штурма. Под этими грудями также найдены трупы людей. Пепел и остатки сгоревших зданий покрывали множество человеческих костяков, которым сопутствовали богатые находки хозяйственной утвари, погибшей явно не от старости. В одной из построек был даже найден обуглившийся горшок с остатками недоеденной каши и воткнутой в нее ложкой. Картина внезапной паники и разорения дополняется женскими и детскими трупами, лежащими на обочинах городских улиц. Поселение было стерто с лица земли в одночасье. Некоторые жители сельской округи не успели укрыться в крепости и встретили смерть за стенами детинца, о чем также свидетельствуют археологические материалы².

Следующей за Киевом сильно укрепленной крепостью на пути Батя был Колодяжин, расположенный на высоком (почти 40 м) крутом берегу Случи и окруженный двумя рядами рвов и валов (в настоящее время высота до 3,5 м)³. Город был практически непри-

¹ Каргалов, 1967. С. 124. Позднее, в 1242 г. Даниил Галицкий разорил Болоховские города за то, что те снабжали монгольское войско пшеницей: «...оставили бо ихъ Татарове, да имъ орють пшеницю и проса» (ПСРЛ, II, 792).

² Рыбаков, 1950. С. 243; Каргалов, 1967. С. 125.

³ Толочко, 1975. С. 54.

ступным, и монголы, измучившись в бессмысленных попытках разломать его стены осадными машинами, пошли на хитрость:

«...и прииде к городу къ Колодяжну и постави порока 12 и не може разбити стены, и начят прѣмльвливати люди, они же послѣшавше злого съвета его, передашася и сами избити быша»¹.

Жителям Колодяжина были приведены в пример некоторые из Болоховских поселений, пощаженные интервентами, обещаны дружба, мир, широкие возможности для дальней торговли, и те согласились открыть ворота. Результат оказался показательным для многих других: город был сожжен и разорен. Раскопки внутри его стен подтверждают то, что там проходил жестокий и запоздалый бой, точнее бойня².

Ближайшие к Колодяжину города Каменец и Изяславль были взяты приступом и подверглись разграблению. Летописные данные подтверждаются археологами. Изяславль имел три линии валов и рвов при наличии дополнительного рва и вала вокруг детинца, но это его не спасло. Раскопки демонстрируют материал, характерный для судьбы разоренного монголами поселения: слой пожарища, скелеты под развалинами зданий, завалы обуглившегося зерна и массовые находки оружия на большой площади³. Похожая судьба постигла многие другие города Волыни и Галиции⁴.

В некоторых других аналогичных случаях горожанам удалось отсидеться за высокими стенами. Так, расположенные в стороне от магистрального пути монголов и хорошо укрепленные Данилов и Кременец (Кремянец) взяты не были: «...яко не возможно прияти емѹ и отиде от нихъ»⁵. Вероятно, к ним подходили не главные силы Батыея, а второстепенные подразделения, которые сами на штурм не решились, а переговоры им не удались.

¹ ПСРЛ, II, 786.

² Караглов, 1967. С. 125.

³ ПСРЛ, II, 786; Караглов, 1967. С. 126.

⁴ Например, городище Басив Кут в районе Ровно с валами до 15 м высотой было разрушено примерно в это время, и жизнь в нем не возобновилась. В. В. Караглов называет его крайней северной точкой, до которой дошли монгольские отряды (Караглов, 1967. С. 126).

⁵ ПСРЛ, II, 786.

Сказывалась и спешка. Не хватало времени даже отклониться для захвата такого важного регионального центра, как Луцк, расположенного в полусотне километров от вполне второстепенного Данилова, к которому, однако, монголы подходили. Батый рвался к родовой столице Романовичей — Владимиру Волынскому, обладателю великолепных, по самым предвзятым европейским взглядам, фортификационных сооружений. В 1231 г. к городу подходил венгерский король-крестоносец Андрей II, который, по словам летописи, «дивившуся» красоте и мощи Владимира и «рекшу, яко така града не изобретохъ ни в Немецкыхъ странахъ...»¹. Такое мнение выдавшего виды воителя говорит о многом. Например, тот же Галич или какой-нибудь другой русский город его так не поразили.

Однако и эту крепость монголы взяли после непродолжительной осады. Вероятно, именно ее штурм отметил Рашид-ад-Дин как последний, случившийся у Батыя на русских землях:

«Потом они [*Кадан, Бури и Бучек*] осадили город Учогул Уладмура [*Владимир Волынский*]² и в три дня взяли его»³.

¹ ПСРЛ, II, 765.

² И. Н. Березин предполагал, что речь здесь идет о Уджеславе (Изяславе), сыне Уладмура (Владимира). В. Г. Тизенгаузен считал такое прочтение «совершенно невероятным» и видел в этом словосочетании искаженное имя «Галича Владимирского» (Тизенгаузен, 1941. С. 38, прим. 1). «Учогул» на тюркских языках буквально значит «три сына», что плохо увязывается с прочтением «Галич». К тому же приставка «Владимирский» вовсе нехарактерна для названия этого города. С другой стороны, например, поселение Владимира Волынского членилось как раз на три части, разделенные рекой, но сходящиеся к расположенной на острове цитадели. Возражения такого характера, что в дальнейшем изложении Рашид-ад-Дина ханы Кадан, Бури и Бучек действуют на левом (южном) фланге монгольских войск (в той зоне, где крупнейшим населенным пунктом был Галич), можно отстранить тем, что про действия правого (северного) фланга (ханы Орда и Байдар) на территории Руси вообще ничего не сообщается. Возможно, персидский историк считал, что левый фланг выделился только после взятия «Учогул Уладмура», а до того составлял единую армию с Батыем; войска же правого фланга действительно были направлены в сторону Польши еще до падения Киева. Польский историк Г. Лябуда отмечал, что монголы уже в самом начале января 1241 г. появились в районе Люблина и Завихоста (Labuda, 1959. S. 190–191), а это более 600 км от Киева. Пройти с боями такое расстояние по незнакомой местности за месяц с небольшим (с 19 ноября 1240 г. по начало января 1241 г.: ~ месяц и 10 дней) затруднительно. Например, именно столько времени потребовалось захватчикам, чтобы преодолеть маршрут (также зимой) от Рязани (штурм 21 декабря 1237 г.) до Владимира (подошли 2 февраля 1238 г.) — примерно 450 км.

³ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 45; Тизенгаузен, 1941. С. 37–38. В квадратных скобках — дополнения и пояснения автора данной книги (Д. Х.).

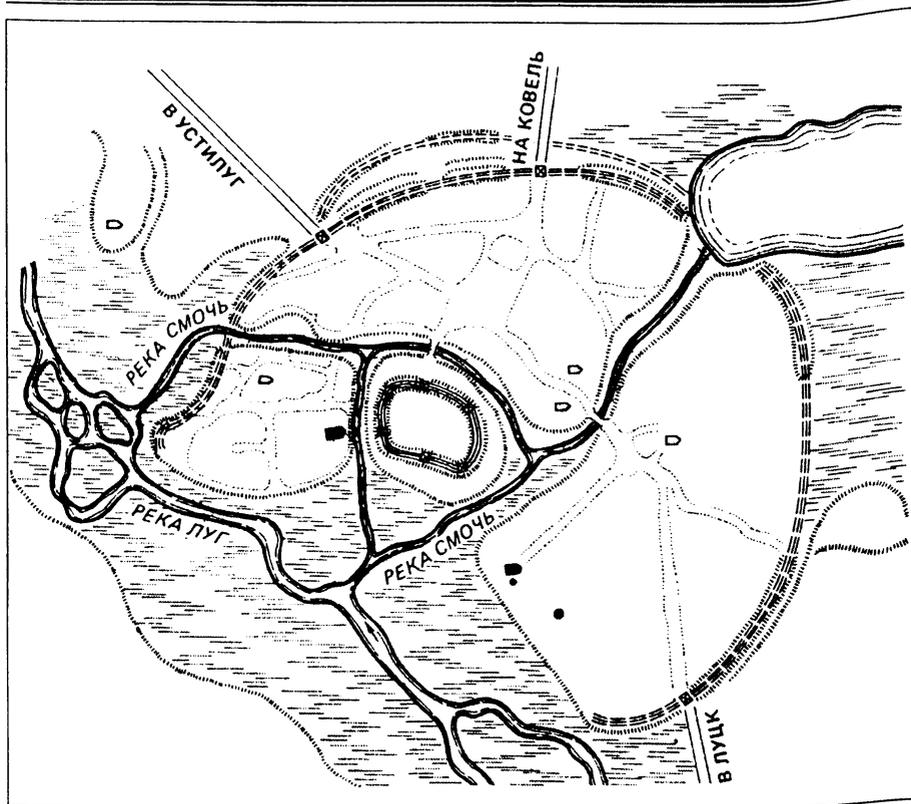

Рис. 28. Владимир Волынский. План XIII в. Реконструкция Т. А. Трегубовой (ДГ, 1993. С. 127)

Три дня осады говорят, конечно, не о слабости обороняющихся, а о решимости атакующих. История с Владимиром Залеским повторилась с одноименным ему Волынским городом. Было, правда, существенное расхождение — Даниила Романовича, волынского князя, все же не нашли и не убили. С этим связаны как позднейшие реконструкция и реставрация в области, так и молчаливые летописи о подробностях обороны. Нам даже не известно ни одно из имен защитников. Записи предельно лаконичны и избегают конкретных подробностей: «...и приде к Володимеру и взя и копьеь, и изби и не щадя»¹.

Только археологический материал позволяет говорить об ожесточенном сопротивлении местных жителей. Слой угля на всей площади никогда более не возродившегося в прежнем объеме

¹ ПСРЛ, II, 786.

поселения достигает 30 см. Вокруг руин некоторых церквей обнаружены груды костей и черепа, пробитые гвоздями (!), что, надо полагать, свидетельствует о массовых казнях, проведенных захватчиками¹. Батый старался истереть память о стольном граде князя, уклонившегося от личного военного противостояния. Вернувшись после ухода монголов, Даниил, по словам летописи, не нашел во Владимире Волынском никого живого:

«не бе бо на Володимере не осталъ живын, церкви Святой Богородици исполнена трупья, иныя церкви наполнены быша трупья и телесъ мертвыхъ»².

Поход на Волынь, возможно, не входил в монгольские планы. Или, что тоже вероятно, сами планы подверглись корректировке после захвата Киева. На эту мысль наводит то, что произошла совершенно нетрадиционная задержка всего похода. К венгерской границе монгольская армия смогла подойти только в марте 1241 г., в то время как переправа через Днепр завершилась еще в сентябре 1240 г. Практически все зимнее время, когда реки и болота замерзают, было потрачено на покорение Руси, а в весеннюю распутицу начался переход через Карпаты. Известно, что в начале января отдельные отряды монголов уже проникали на территорию Польши, но затем почему-то были отведены обратно и вернулись только после начала вторжения в Венгрию, в марте. Видимо, в январе-феврале Батый начал сомневаться, стоит ли продолжать нашествие, когда климатически благоприятное время уже закончилось. Или поход в Венгрию в этом году вообще не планировался, но тогда необъяснимой становится та торопливость, с которой монголы прошли, например, по Волыни. Как бы то ни было, но ясно, что после захвата Владимира Волынского перед руководителями интервентов встал вопрос о дальнейших планах. С этим связана и проявленная ими в начале 1241 г. медлительность, и особенная планомерность в разорении Галиции, в отличие от Волыни.

Волынские земли пострадали не слишком сильно по сравнению с той же Киевской или Болоховской землей. Возможно, некоторые отряды доходили до Берестья, так как именно здесь вер-

¹ Цинкаловский. 1936. С. 33; Каргалов, 1967. С. 127.

² ПСРЛ, II, 788.

нувшийся в 1242 г. на родину Даниил чувствовал смрад от гниющих и незахороненных тел погибших («пришедшу ко Берестью и не возмогоста ити в поле смрада ради и множества избьеных»¹). Но в целом из крупных городов разорению подвергся только Владимир. Луцк, как мы уже отмечали, не был затронут вторжением, не пострадал и Холм. Батый быстро начал отвод своих войск в направлении на Галич. Случилось это, судя по всему, в первых числах 1241 г., а к февралю монголы уже появились в верховьях Днестра. Здесь они задержались подольше, что подтверждается археологическими материалами.

Второй четвертью XIII в. датируется прекращение жизни в целой серии поселений, расположенных на условной линии, протянувшейся от города Кременец до верховьев реки Прут: города Плеснеск, Звенигород², городища Ясенив, Олесько (южнее Кременца), Городок (южнее Галича), Бильче Золоте (левый берег Серета), три городища близь села Зеленче, селище Болотня (междуречье Серета и Боброка), два городища у села Васильев на Днестре, Ленковецкое городище на Пруте, многочисленные городища Буго-Днестровского междуречья (Южная Подолия), около 60 городищ и селищ в верховьях Днестра, по Пруту и Серету (Северная Буковина) и др.³

Тем не менее центральным объектом для монгольских войск в этом районе оставался Галич, который был захвачен и сожжен. В летописи Даниила Галицкого он упоминается «в строчку» вслед за захватом Владимира Волынского и перед указанием на взятие многих других городов:

«...и приде к Володимеру и взя и копьеь, и избн и не щадя, тако же и градъ Галичь и ины грады многы, имже несть числа»⁴.

Возродившись на старом месте после ухода монголов, Галич никогда более не приобрел того значения в общерусской жизни,

¹ ПСРЛ, II, 788.

² В. В. Каргалов упоминает даже местную легенду о захвате Батыем Звенигорода, жители которого покинули город, прорвали окружение и ушли в вольные земли через болота по знакомым только им тропкам (Каргалов, 1967. С. 128, прим. 1). Погоня их не догнала. Расположенный буквально посреди болот, Звенигород и ранее считался очень неудобной для осады крепостью.

³ Каргалов, 1967. С. 128.

⁴ ПСРЛ, II, 786.

Рис. 29. Галич (современное село Крылос). План центральной части по Л. Чачковскому и Я. Хмелевскому:

1 - Золотой ток; 2 - «Базар»; 3 - Успенский собор, 1140-е гг.; 4 - (Порох, Яльна?), Поздняя Успенская церковь в с. Крылос, XVI в.; 5 - Митрополичья палата (новые палаты); 6 - первые валы; 7 - «Воротище»; 8 - оборонительная башня; 9 - «Галичина могила»; 10 - раскопанный старый вал; 11 - другие валы; 12 - три оборонительные башни; 13 - продолжение других валов за Мозолевым потоком; 14 - Благовещенская церковь; 15 - Ильинская церковь, 1160-е гг.; 16 - Воскресенская церковь, ок. 1180-х гг.; 17 - оборонительные валы. Черными широкими линиями обозначены оборонительные валы, местами исчезнувшие (ДГ, 1993. С. 128)

которое имел до монгольского пленения. Разграбленный и обескровленный, он стал постепенно хиреть и вскоре был покинут жителями¹, превратившись в заштатное село, каковым и является ныне.

* * *

Проведя некоторое время в богатой Галиции, Батый практически всю ее разграбил, запасася продовольствием и дождался, когда спадет снег на карпатских перевалах². Период раздумья закончился для него в начале марта 1241 г., и он все-таки решился на немедленное вторжение в Венгрию. Предварительно хан провел консультации со своими многочисленными приближенными и пленными русскими военачальниками. Летопись приводит забавный эпизод, согласно которому Батый спрашивал пленного киевского посадника Дмитрия о целесообразности скорого выступления в Европу и Дмитрий высказался за необходимость немедленно начать поход. Автор этого рассказа подчеркивает, что воевода преследовал цель поскорее вывести захватчиков с Руси, но — факт показательный — никто не хотел заступаться за соседей:

«Дмитриєви же Кнєвскому тысяцкому Данилову рекшю Батыєви: “Не мози мешкати в зимли сиє долго время, ти єсть на Угры уже поити, аще ли умешкаєшь, земля ти єсть сиєна, съберутся на тя [и] не пустятя тєва в землю свою”; про то же рече єму, виде во землю гывнущю Рускую от нечєстиваго; Батыи же, послушавь съвета Дмитрова, иде въ Угры»³.

По сути своих соображений Дмитрий был прав. Король Бела, несомненно, готовился к отпору, и медлить не стоило, ведь концентрация войск под его началом могла достигнуть значительной, критической для монголов величины. Нападению уже подвергались области Польши. В начале января 1241 г. отдельный отряд

¹ Это хорошо прослежено на археологическом материале: Каргалов, 1967. С. 128–129.

² Краткий очерк о покорении Южной Руси Батыем см.: Черепнин, 1977. С. 197–198.

³ ПСРЛ, II, 786. Н. Ф. Котляр весь этот рассказ о совете Дмитрия Батыю считает вымыслом (Котляр, 1997. С. 112).

монголов переправился через Вислу и штурмом захватил Люблин, а затем Завихост, разорил ближайшую округу и дошел вплоть до Ратибора (Рацибужа)¹. Во время отвода войск с Волыни нападению подвергся и Сандомир, после захвата которого монголы разгромили малопольские войска под Турском (13 февраля)². Затем интервенты на некоторое время отступили в Галицию. Однако свои намерения они в Польше уже продемонстрировали, и ожидать от правителей этой страны пассивности в оставшееся время вряд ли стоило. Чтобы не столкнуться с единой польско-венгерской армией, следовало торопиться и решительно наступать, что Батый и сделал.

* * *

Рашид-ад-Дин посвятил походу монголов в Европу еще более пространное сообщение, чем нападению на Северо-Восточную Русь. Это было для него значительно более важным событием. Начало вторжения он представляет таким образом:

«В хукар-ил, в год смерти Угедей-каана [по Джувейни, умер 11 декабря 1241 г.³], в весенние месяцы они [царевичи-Чингизиды] отправились через горы Марактан [вар. Баракбан; Карпаты] к буларам [полякам] и башгиждам [венграм].

Орда и Байдар, двинувшись с правого крыла, пришли в область Илавут [вар. Илавун, Уйлавут, Ублавун; Польша («Полония»)⁴]; против [них] выступил с войском Барз [вар. Берзенам, Базаранбам, «некто по имени Аяндбарз»; Генрих Благодетельный], но они разбили его.

Затем Бату [направился] в сторону Истарилава [вар. Истари, Иснади; Эстергом, венгерская столица], сразился с царем башгирдов [венгров], и войско монгольское разбило их.

¹ Labuda, 1959. S. 190–191.

² Пашуто, 1977. С. 216, прим. 45.

³ Тизенгаузен, 1941. С. 38, прим. 3.

⁴ В. Г. Тизенгаузен задавался при прочтении этого слова вопросом: «Не Люблин ли?» (Тизенгаузен, 1941. С. 38, прим. 5). Полагаем, что Люблин — слишком небольшой город для того, чтобы его название отложилось в памяти захватчиков. Скорее всего, речь идет собственно о «Poloniae» (Польше).

Кадан и Бури выступили против народа сасан¹ [*где-то в Трансильвании*] и после троекратного сражения победили этот народ.

Бучек, через Караулаг [*Валахию*] пройдя тамошние горы, разбил те племена [*Кара*]улага, оттуда, через лес и гору Баякбук [?], вступил в пределы Мишлява [*вар. Пишладу, Милявдур, Мишлявруд; район Семиградья*] и разбил врагов, которые там стояли, готовые встретить его.

Отправившись упомянутыми пятью путями, царевичи завоевали все области башгирдов, маджаров и сасанов и, обратив в бегство государя их, келара, провели лето на реке Тиса [*«Тиса и Туна»; Тисса и Дунай»*]².

Не совсем понятно, почему, перечислив четыре пути, Рашид-ад-дин заключает, что их было пять. Может быть, следует разделять действия одной из пар военачальников (Орда–Байдар и Кадан–Бури). Существует предположение, что у Орды была собственная миссия по покорению областей на севере Польши и в Пруссии, но для подтверждения этого недостаточно материала источников. Как бы то ни было, налицо традиционное деление монгольской армии на три фронта: правое крыло, левое крыло и центр.

Правое (северное) крыло составляли тумены Байдара и Орды, призванные обезопасить фланги основной армии Бату, направившейся в Венгрию через карпатские перевалы. В районе 10 марта 1241 г. монголы вновь пересекли Вислу и заняли уже разоренный Сандомир. О численности их войск существуют различные мнения. Так, Г. Лябуда считал, что на территории Польши действовал только один монгольский тумен³. В. Т. Пашуто считал, что их должно было быть в два раза больше, так как участвовал тумен еще одного хана Орды⁴. Надо полагать, что на двух Чингизидов приходилось не менее чем 20-тысячное войско, а скорее всего, еще больше (до 25–30 тысяч), так как зона их действий была слишком

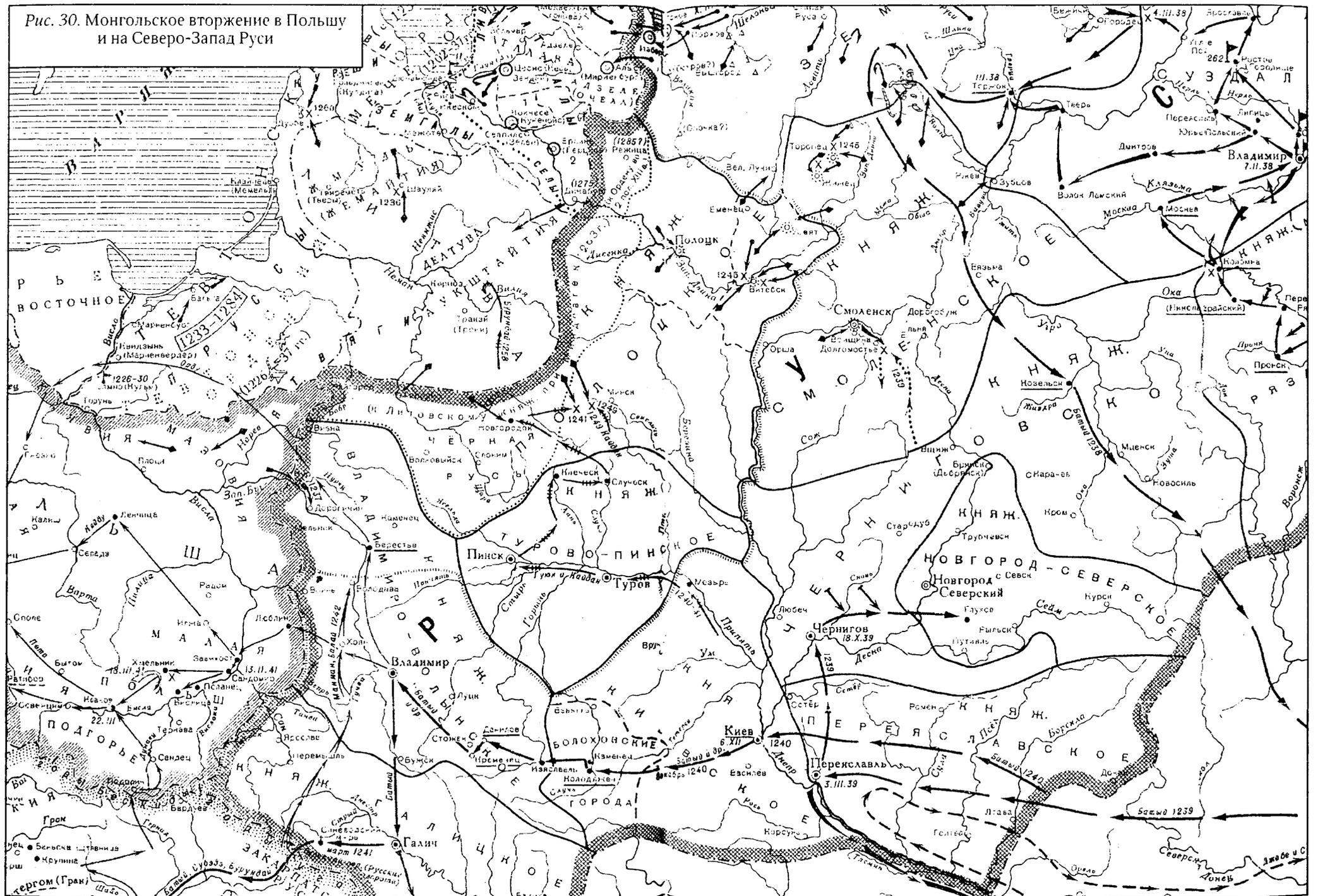
¹ В. Г. Тизенгаузен задавался при прочтении этого слова вопросом: «*Саксонцев?*» (Тизенгаузен, 1941. С. 38, прим. 9). По другим источникам известно, что Кадан и Бури после Руси направились в Трансильванию, где не было никаких «саксонцев», зато имелись многие другие народы, как то: влахи, половцы, печенег и другие.

² Рашид-ад-Дин, 1960. С. 45; Тизенгаузен, 1941. С. 38.

³ Labuda, 1959. S. 190–195.

⁴ Пашуто, 1977. С. 216.

Рис. 30. Монгольское вторжение в Польшу и на Северо-Запад Руси

широка. К тому же, вступив на вражескую землю, они немедленно и безбоязненно разделились. От Сандомира тумен Орды (Кайду) направился для разорения внутренних польских областей в сторону Ленчицы и далее на Силезию, к Вроцлаву. Байдар (Пету) же пошел на Краков. Ханы не смущались численности своих армий, для которых все же 10 тысяч было маловато.

На полпути к Кракову Байдар столкнулся с ополчением малопольских городов, которым руководил краковский воевода Владимеж и сандомирский воевода Пакослав. В сражении под Хмельником 18 марта 1241 г. он их разгромил, а Владимежа убил, после чего осадил малопольскую столицу. Местный сандомирский князь Болеслав Стыдливый, сын Лешка Белого, вместе с семьей, включавшей его мать Гржимиславу, дочь киевского князя Ингваря Ярославича, заблаговременно покинул Вавельский холм и бежал в Венгрию¹. Бегство перед подходом монгольских войск было в те годы повальным «увлечением» князей. Единственно только, что маршрут Болеслав избрал необычный — в южных областях тоже шла война. Хотя отступление на север могло казаться затруднительным благодаря действиям войск Орды, который мог выделить часть воинов для блокады Кракова.

Лишенные, как и киевляне, своих военных лидеров, обескровленные после гибели ополчения под Хмельником, жители малопольской столицы не стали добровольно открывать ворота захватчикам и дали монголам жестокий бой на городских стенах и улицах. После кровопролитного приступа 28 марта 1241 г. изурнанные оккупанты даже не смогли установить полного контроля над всей территорией Кракова. Горстка ополченцев, укрывшись в храме св. Анджея, так и не сдалась и не была захвачена, сохранив под церковными сводами клочок свободной земли и славы малопольского воинства². Захватив много пленных и не задерживаясь, Байдар повел своих всадников через Ратибор и Ополе на столицу Силезии, куда должен был подойти и Орда.

Генрих Благочестивый (*Henryk Pobożny*), сын Генриха Борода того, спешно собирал под Вроцлавом полки из обширных своих и сопредельных земель. Ополчение из Малой и южной части Великой Польши возглавлял воевода Сулислав, брат краковского вое-

¹ Długosz, 1873. S. 268.

² См.: Пашуто, 1977. С. 216.

воды, из Верхней Силезии — опольский князь Мешко, из Нижней Силезии — сам Генрих. К ним присоединился и отряд иностранного рыцарства во главе с Болеславом, сыном моравского маркграфа Дипольда. В его состав входило и несколько рыцарей-тамплиеров. В полки вливались и другие мелкие отряды добровольцев (рыцарей, простых крестьян, горожан) из соседних стран (Чехии, Германии). Спешил на соединение с Генрихом Благочестивым и чешский король Вацлав I (1228–1253 гг.) со своим войском¹.

О подходе войск из Мазовии или Куявии в источниках ничего не говорится. Сказывалась давняя вражда между княжескими родами, а также упреждающие действия тумена Орды под Ленчицей.

Однако и без этого под знамена Генриха стеклось колоссальное по средневековым меркам воинство. Направляясь на соединение с чешской армией (≈ 40 тысяч), силезский герцог не стал оборонять свою столицу и оставил ее без прикрытия. Жители Вроцлава сами оборонялись и отбили приступ монголов. Вероятно, Байдар и Орда знали, что скоро войско их противников может удвоиться, и не стали задерживаться для осады. Все решали считанные дни.

9 апреля 1241 г. войска сошлись на Добра Поле под Легницей, где объединенные польско-немецкие войска были наголову разгромлены. Количество погибших измерялось тысячами — средневековые авторы называли примерно 40 тысяч павших. Погиб сам Генрих Благочестивый, а также многие представители рыцарства². Был нанесен сокрушительный удар по престижу и достоинству европейского рыцарства, всплеск панических настроений прокатился по странам цивилизованного Запада.

После битвы под Легницей магистр Ордена тамплиеров во Франции Понс д'Обен срочно пишет письмо королю Франции Людовику IX, в котором излагает тревожные вести, полученные «от наших братьев в Польше», и указывает монарху на смертельную угрозу его государству, весь тон его письма передает едва скрываемое нервное напряжение:

¹ Dlugosz, 1873. S. 272; Пашуто, 1977. С. 217.

² См. сообщения источников: MGH SS, t. XXIX. P. 440; Dlugosz, 1873. S. 277; ИТ, 1937. С. 46. О битве под Легницей см.: Wlodarski, 1971. S. 54, 63; Пашуто, 1977. С. 217, прим. 56.

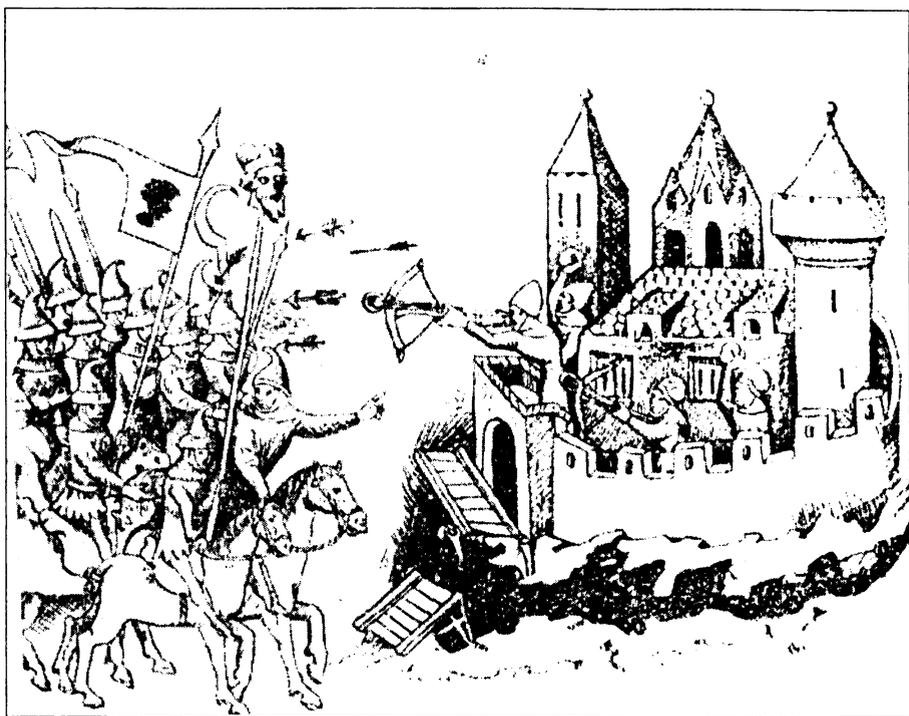

Рис. 31. Оборона Легницы в середине апреля 1241 г. Миниатюра XV в.
(Пашуто, 1956. С. 165)

«Татарины опустошили землю Генриха, польского князя, и убили его со многими баронами и шестью из наших братьев, тремя рыцарями и двумя сержантами, а пятьсот из наших людей погибло, а трое из наших братьев, которых мы хорошо знаем, бежали. Вся земля Венгрия и Богемия опустошены, и при уходе они разделились на три отряда, и один находится в Венгрии, другой в Богемии и третий в Австрии.

Они разрушили две лучшие башни и три виллы, какие у нас были в Польше, и какие у нас были в Богемии и в Моравии разрушены. И мы подозреваем, что то же происходит в Алемании [*Германии*]. И знайте, что царь Венгрии и царь Богемии и два сына князя польского, и патриарх Аквилен с великим множеством народу не осмелились напасть ни на один из их отрядов. И знайте, что все бароны Алемании, и сам император, и все духовенство, и все церковники взяли на себя крест. И рыцари св. Иакова и братья Минориты в Венгрии подъяли крест, чтобы идти на татар.

Как наши братья, мы заявляем, что, если бы волею Господа они были побеждены, не найдется на пути их до Вашей земли, кто бы мог противостоять им»¹.

Никакого ответного выступления европейского рыцарства никогда не состоялось. Эти слова скорее свидетельствуют о психологическом состоянии руководителей европейских стран, охваченных страхом перед неведомой и сокрушительной силой. Показательно, что магистр тамплиеров более подробно перечисляет тех людей, кто не решился напасть на монголов, а не тех, кто действительно выступил против них. Именно Легницкое сражение стало тем ориентиром для европейцев, по которому они интерпретировали и силу, и важность монгольской угрозы.

Разгром польской армии был полным. Монголы не знали, как подсчитать убитых, и отрезали каждому ухо, из которых составили десять больших мешков. Князю Генриху, как когда-то и Юрию Владимировскому, отрезали голову, которую насадили на копье, и подступили к ближайшей Легнице. Однако горожане ворот не открыли, а приступ отбили². И это был тупик. Никакого дальнейшего наступления на этом направлении быть не могло. Монгольские победы произвели впечатление, но подкрепить их было нечем. Небольшой по степным меркам отряд двух ханов, изрядно потрепанный в нескольких крупных сражениях, конечно, не выдержал бы еще одного столкновения с полноценным противником. Он даже не мог себе позволить планомерной осады небольшого городка, который почему-то не хотел сдаваться при виде поверженного своего сюзерена. Потери в частях Байдара и Орды были очень большими. Это подтверждают и позднейшие свидетельства Плано Карпини: «...из этих татар многие были убиты в Польше и Венгрии»³. Кроме того, буквально в одном дневном переходе от места битвы находился опоздавший король Вацлав I со своей свежей армией. Все решил только один день и один дневной переход, который монголы успели совершить, а чехи — нет. Но теперь все опять могло измениться. Однако Вацлав отступил.

Как победители, Байдар и Орда еще две недели грабили области вокруг Легницкого поля и в Нижней Силезии, а затем начали

¹ MGH SS, t. XXVI. p. 604. Цит. по: ИТ, 1937. С. 47.

² Dlugosz, 1873. S. 277–278.

³ Плано Карпини, 1997. С. 51.

планомерный отход в сторону моравской границы через Одмухов и Ратибор (Рацебуж). Последний город они так и не смогли взять и, отойдя от него, 16 апреля покинули польские земли¹. Расположившись в Моравии, можно было даже небольшими силами предотвратить возможность соединения чешской армии с войском венгерского короля Белы. Вероятно, в этом и был изначальный план для туменов Байдара и Орды: ворваться в Польшу, разорить ее и обеспечить спокойствие на правом фланге главных сил (со стороны Польши и Чехии). Задача была с блеском выполнена, теперь можно было спокойно разорять небольшие моравские города и монастыри, а затем перебраться в совершенно беззащитную Словакию.

* * *

Основные силы монгольской армии, возглавляемые ханом Бату, в это время, в начале (около 6-го числа) марта 1241 г., переместились через «Русские ворота» (Верецкий перевал) и спустились в долину Паннонии. Здесь их поджидала большая армия недавних коллег по кочевому скотоводству, угров (венгров), проделавших тот же путь, но на 300 лет раньше. Теперь им предстояло столкнуться с собственным отражением в искривленном времени зеркала. Исход показал, что венгры действительно «обрели Родину».

Наиболее подробное изложение событий монгольского вторжения в этом регионе оставил итальянец Рогериус (Рожер), капеллан папского легата в Венеции, попавший в 1241 г. в монгольский плен и вернувшийся из него лишь в 1243 г. Он перечислял следующих «крупнейших королей из татар», вторгшихся в Венгрию: Бохетур (*in militia potentior Bohetor*), Кадан, Коактон (*Coacton*), Фейкан (*Feycan*), Байдар (*Petu*), Гермеус (*Hermeus*), Кхеб (*Cheb*), Окадар (*Ocadar*)². Кроме Байдара и Кадана, отождествление других имен затруднительно. За именем «Окадар» может скрываться Орда, а «Бохетуром» может быть назван Субэдей-багатур. То, что в списке присутствуют Байдар и Орда,

¹ *Annales S. Pantaleonis Coloniensis* // MGH SS, t. XXII. S. 535; Labuda, 1959. S. 204.

² Rogierius, 1938. Cap. 19, S. 563. Cp.: Thomas, 1894. Cap. 36, S. 156–157.

действовавшие на территории Польши и лишь потом переместившиеся в Словакию (входившую тогда в состав Венгрии), говорит о большой осведомленности Рогериуса и одновременно о ретроспективности его изложения, составленного только в 1244 г. Автор старался охватить всех участников монгольского похода, независимо от степени их причастности. Поэтому вполне могли быть упомянуты и такие ханы, как Менгу (например, Гермеус) и Гуюк (например, Фейкан). Реального состава участников вторжения в Венгрию этот перечень не отражает¹.

Не позволяет он оценить и численность армии интервентов. Большинство ханов, участников осады Киева, были задействованы на флангах. Орда и Байдар увели на север примерно 25 тысяч всадников², столько же (или чуть больше: 30–35 тысяч) действовало на юге под началом Кадана, Бури и Бучека. У Бату для похода в Венгрию оставалось не более 45 тысяч воинов. Это примерно 5 туменов, из руководителей которых известен (по сообщению Джувейни) только один — Шейбан, младший брат Бату. Еще два могли достаться по наследству от Менгу и Гуюка и возглавляться темниками неголубой крови (например, Субэдей или Бурундай). Один тумен должен был принадлежать лично Бату, а еще один — остается неизвестным. Если суммировать все эти малоубедительные рассуждения, то в глаза бросается особая доминанта ханов из рода старшего сына Чингисхана Джучи. Среди участников не упомянуты два его сына (Берке и Тангут), которые, возможно, остались в тылу для контроля за уже покоренными областями. Старший, Орда, обходил северные земли, а на самом ответственном участке, в центре, действовали сам Бату и молодой Шейбан. Из расстановки войск видно, насколько важно было детям опального Джучи закрепить завоевание своими личными заслугами, участием в боях и славой. Представителям других родов было

¹ Плано Карпини среди участников вторжения в Европу названы Бату, Орда, Кадан, Бури, Шейбан и Бучек, за именами которых отмечено, что «все они были в Венгрии», а у Орды приписано: «он был в Польше и Венгрии» (Плано Карпини, 1997. С. 49).

² На каждого хана-чингизида должно было приходиться не менее одного тумена. Но не следует забывать, что Орда был старшим братом Бату и имел более высокий статус, чем сам предводитель похода. Кроме того, было совершенно ясно, что в Польше (а может, и далее на территории Западной империи) им предстоит столкнуться с превосходными, обученными и закованными в латы европейскими воинами, рыцарями, для которых война была смыслом существования. Против такого серьезного противника должно быть выделено значительное войско.

отдано на откуп менее значимое южное направление: север Балканского полуострова (Валахия, Трансильвания, Сербия).

***

Наиболее раннее восточное свидетельство о западном монгольском походе обнаруживается в написанной в 1250-е гг. «Истории завоевания мира» («Тарих-и-джехангуша») персидского чиновника Джувейни:

«Когда Русь, кипчаки и аланы также были уничтожены, то Бату решил истребить келаров и башгирдов, многочисленный народ христианского исповедания, который, говорят, живет рядом с франками. Для этой цели он приготовил войска и по наступлении нового года выступил. Народы эти обольщались своею многочисленностью, пылом храбрости и прочностью орудий»¹.

Нельзя сказать, что король Бела не ждал интервентов. Об их подходе его предупреждали при личной встрече и Михаил Черниговский, и Даниил Галицкий, а по свидетельству монаха Юлиана, еще в 1237 г. Бату посылал к нему посольство (и не одно) с требованием покорности. После захвата Галича напряжение должно было только нарастать. Возможно, венгерский король, как и Юрий Владимирский, ждал, что, может быть, в этом году монголы не начнут вторжение: зима заканчивалась, а после покорения Руси войска устали. В начале 1241 г. он направил наблюдать за карпатскими перевалами воеводу (палатина) Дионисия (как Еремея Глебовича, «в сторожа»)². Это случилось после отъезда от него Даниила, но, что примечательно, еще до захвата Галича, который венгры не стали защищать.

Бела до последнего надеялся, что беда минует его. Свою армию он стал собирать только после того, как 10 марта ему сообщили,

¹ Тизенгаузен, 1941. С. 23. Рашид-ад-Дин весь этот рассказ о «келарах» и «башгирдах» относит к волжским болгарам: Тизенгаузен, 1941. С. 35.

² Rogerius, 1938. Cap. 14, S. 560. Вполне допустимо отождествление этого палатина Дионисия с воеводой Дианишем, участвовавшим в военных действиях в Галиции в начале 1230-х гг.

что Батый перешел Карпаты¹. К Пешту начали стекаться ополченцы из всех областей королевства. Полки выставили города Секешфехервар и Эстергом. Большое войско привел хорватский герцог Кальман. Прибыл даже небольшой отряд из Австрии во главе с беспокойным герцогом Фридрихом II Бабенбергом, который, однако, вскоре вернулся на родину. Австрийский сюзерен лично убил одного «татара» из авангардного монгольского отряда, подошедшего в конце марта в район Пешта, после чего счел себя удовлетворенным и уехал². Как следует из источников, других иноземцев в армию короля Белы не прибывало.

Тем временем Батый беспрепятственно миновал горные перевалы и двинулся в сторону Эстергома. Путь проходил в обычном для монголов режиме. Города, отказавшиеся добровольно сдаться, подвергались штурму и разорению. Такая участь постигла Эрлау (Эгер) и Кёвешд³. Передовые части захватчиков — тумен хана Шейбана — в конце марта 1241 г. показали на окраинах Пешта. Венгры сочли его главными силами и дали бой, в котором обратили противника в бегство. Первая победа окрылила их. Бела срочно собрал войска и двинул их в направлении отступающего Шейбана. Последний в это время уже докладывал Бату о проведенных авангардных столкновениях. По словам Джувейни, хан Бату был шокирован численным превосходством венгров, у которых было 450 тысяч воинов. Далее передаются слова Шейбана, который говорил, что «их вдвое больше войска»⁴. Конечно, цифры персидским историком использовались преувеличенные, но масштаб все же был указан вполне достоверный: двукратное превосходство в численности. Известно, что Бела вывел из Пешта 60-тысячную армию, а Бату, по нашим подсчетам, располагал не более чем 45 тысячами, часть из которых была рассеяна в окрестных землях. Монголам ничего не оставалось, как полагаться на волю Неба: Бату уединился на высоком холме для усердной молитвы. Этот любопытный сюжет также передает Джувейни⁵. Резу-

¹ Ледерер, 1953. С. 9. С Фридрихом же связывают и начало подстрекательства в среде местного дворянства против половцев хана Котяна, вскоре убитого (Ледерер, 1953. С. 9).

² Rogerius, 1938. S. 567.

³ Пашуто, 1977. С. 218; МТК, 1981. S. 48.

⁴ Тизенгаузен, 1941. С. 24.

⁵ Тизенгаузен, 1941. С. 24.

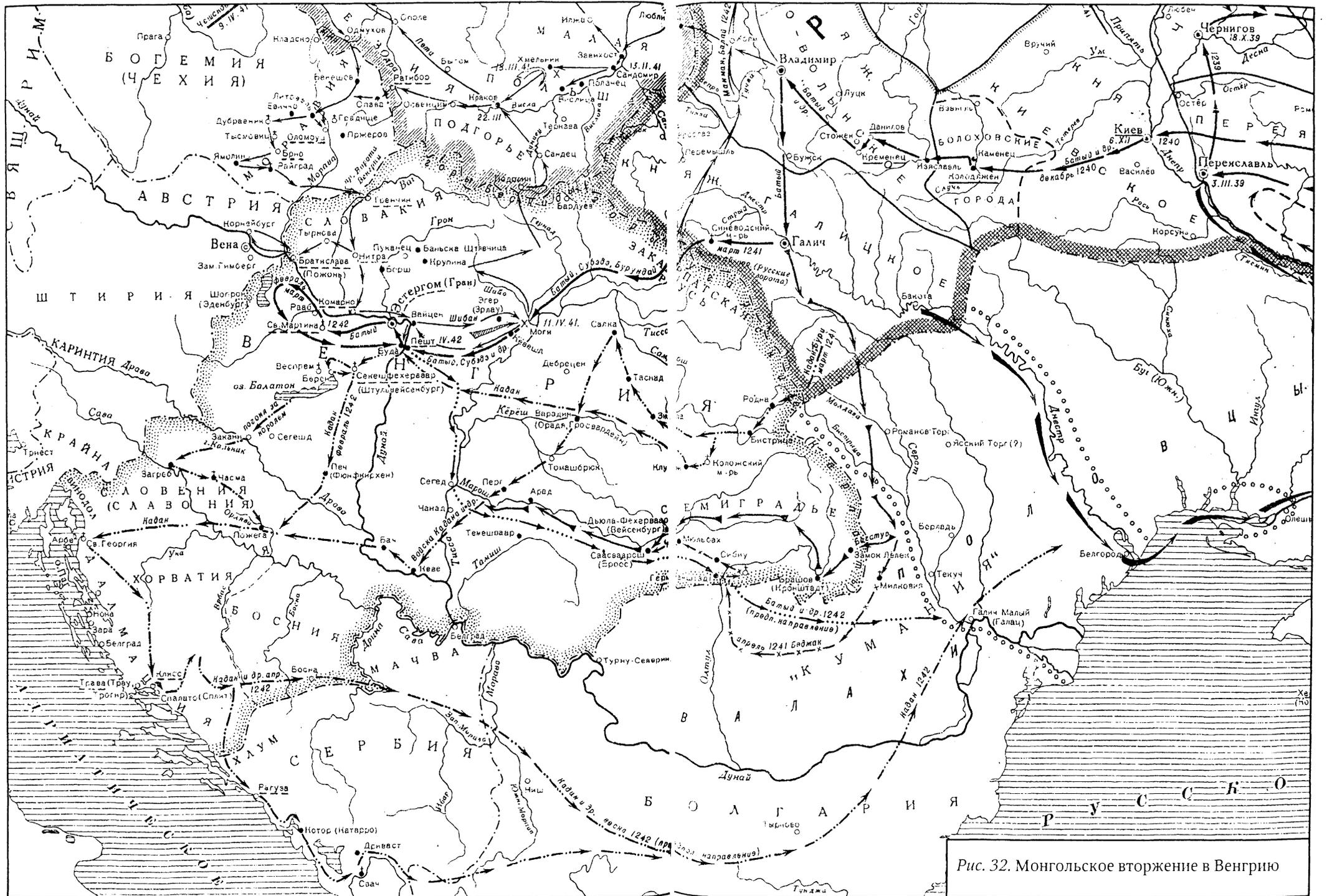

Рис. 32. Монгольское вторжение в Венгрию

льтат религиозной экзальтации хана (язычника) привел к обратному результату, чем тот, который последовал после печальной молитвы князя Юрия перед битвой на р. Сить.

Войска сошлись в долине реки Шайо (*Sajó*) 11 апреля 1241 г., через два дня после битвы под Легницей. Венгры подготовились к битве очень хорошо. Была избрана сугубо правильная тактика активной обороны. Армия стала лагерем, который был обнесен по периметру рядами сцепленных между собой телег, что делало бесполезными атаки конницы¹. Русский перебежчик из монгольского стана даже известил Белу о времени начала нападения. Однако и военное искусство, и правильная подготовка, и храбрость королевских войск не сказались на исходе сражения. Полки хорватского герцога Кальмана и колочского архиепископа Уголина, располагавшиеся севернее лагеря основных сил, отразили первый монгольский натиск и выдержали более чем двухчасовой бой. Но многие дворянские дружины оказались менее стойкими и способными воинами. Сказались и внутренние распри венгерской знати, недолюбливавшей суровые манеры правления короля Белы. Все это и привело к решительному поражению и разгрому в битве под Шайо.

Части венгерского войска, обратившегося в массовое бегство, удалось вырваться из окружения. По словам Рогериуса, путь их двухдневного отступления к Пешту был «устлан телами убитых». Погибла большая часть армии и многие ее видные вожди, многие церковные лидеры: архиепископы эстергомский Матиас, колочский Уголин, епископ трансильванский Рейнольд, епископ Нитры Яков и другие².

Судьба обширной страны была решена в одной битве — идеальная для захватчиков ситуация. Никаких других возможностей противодействовать у Венгрии не было. Батый мог считать себя обладателем этой земли. В сочинении Симона «О деяниях королей венгерских» сказано:

¹ Thomas, 1894. Сap. 36, S. 160.

² См. сообщения источников: MGH SS, t. XXIX. P. 440; Rogerius, 1938. Сap. 30, S. 569–572; Thomas, 1894. Сap. 36, S. 160–163; ИТ, 1937. С. 46. О битве при Шайо см.: Ледерер, 1953. С. 10–11; Пашуто, 1977. С. 218.

«В его дни [Белы] монголя или татары вошли в Венгрию с трех сторон, с 500 тысячами вооруженных, да еще [с] центурионами, и декурионами около 40 тысяч. Упомянутый король, сойдясь с ними у р. Сайо, был побежден манглами в 1241 г. <...>, где уничтожено было все царство. А сам Бела бежал пред лицом их к морю...»¹.

Для монголов была только одна неприятность во всем происходящем: в сражении выжил король Бела, который бежал к австрийской границе. Он бросил все и всех. Его личный шатер был захвачен монголами, и позднее, по словам Плато Карпини, в нем жил сам Батый: «Шатры у него [Бату] большие и очень красивые, из льняной ткани; раньше принадлежали они королю венгерскому»². Бела бежал к давнему недругу и сопернику герцогу Фридриху. Он засыпал западных правителей паническими письмами с просьбой о помощи. Он говорил, что под угрозой — вся Европа, но так и не был услышан.

Хроники того времени перенасыщены информацией о великом страхе, охватившем Европу после прибытия вестей о поражении под Легницей и Шайо. Торговые операции прекратились, люди бросали имущество и покидали насиженные места, расположенные в опасной зоне возможного продвижения дикой кочевой орды. Большая хроника Мэтью Пэриса (его часто неверно именуют Парижским) сообщает «о татарах, устремившихся из своих мест и опустошивших северные земли» (Северо-Восточную Русь), после чего «жители Готии и Фризии, боясь их набегов, не отправились, по обыкновению своему, в Англию и Гернеumus, во время ловли селедки, какой нагружали свои суда»³. Родилась даже специальная молитва: «Господи, избави нас от ярости татар»⁴.

Столь очевидная и близкая угроза, однако, совсем не вызвала в Европе прилива мужества и единения сил для сопротивления. Переписка венгерского короля Белы с папским престолом закончилась ничем⁵. Император Фридрих II в своих письмах к Беле и к английскому королю Генриху III, конечно, упоминал монголов,

¹ MGH SS, t. XXIV. P. 545. Цит. по: ИТ, 1937. С. 47.

² Плато Карпини, 1997. С. 73.

³ MGH SS, t. XXVIII. P. 145. Цит. по: ИТ, 1937. С. 46.

⁴ MGH SS, t. XXVIII. S. 208.

⁵ Ледерер, 1953. С. 14–15.

требовал нового крестового похода против них и даже вскользь продемонстрировал осведомленность о разорении Киева¹. Но более всего его интересовало противостояние с папой Римским Григорием IX, отлучившим его от Церкви и призывавшим к крестовому походу не против монголов, а против него, Фридриха. Император действительно вскоре собрал большую армию, которую в июне 1241 г. двинул, но не на монголов, а на Рим. Все планы созыва в Нюрнберге добровольцев для нападения «против татар» остались лишь фантазией².

На просьбы венгерского короля смотрели с вниманием, но с реальными действиями времени. Для многих противостояние с монголами воспринималось как дело одной только Венгрии, за пределы которой захватчики пока не выходили, а если небольшие отряды и забредали, то их быстро и без особого труда уничтожали³.

Венецианцы, например, гордились тем, что благородство не позволило им нанести удар в спину венграм, напасть на них, пока Венгрия сражается с язычниками. Венецианский хронист Андрей Дандоло писал по этому поводу: «Лишь из внимания к христианской вере венецианцы не причинили тогда [*венгерскому*] королю вреда, хотя многое могли против него предпринять»⁴.

Другой ближайший венгерский сосед не был столь изысканным в вопросах веры и чести. Он просто захватил в плен несчастного Белу и потребовал выкуп. Этим героем был уже упоминавшийся выше австрийский герцог Фридрих, экзотический союзник Даниила Галицкого. В качестве выкупа он потребовал от короля около 10 тысяч марок, а когда деньги были обещаны, захватил у Венгрии в качестве залога три западных комитата (Шопрон, Мошон, Лочмад). Всех бежавших под монголь-

¹ Матузова, 1979. С. 142.

² О той армии, которую набрал сын Фридриха II, наследник иерусалимского трона Конрад в Германии и из соседних стран «против татар», см.: MGH SS, t. XXVIII. P. 205; ИТ, 1937. С. 47.

³ Летом 1241 г. в Австрию прорвался небольшой монгольский отряд, который был немедленно разгромлен. Об этом с гордостью сообщал герцог Фридрих в своем письме Конраду Гогенштауфену от 13 июня 1241 г. Подчеркивалось, что в стычке с монголами было убито 100 человек, но, как отметил австрийский владетель, все из лиц «нашего состояния» (Regesta, 1854. № 1041).

⁴ Andreas Danduli. Chronica Venetiarum / Ed. L.A. Muratori // Scriptores Rerum Italicarum. T. XII. Mediolani, 1728. Col. 354. Перевод В. Т. Пашуто (Пашуто, 1977. С. 220).

ским давлением жителей из соседних стран он грабил и облагал высокими поборами¹.

И все это происходило в 1241 г., в период продолжавшегося разорения Венгерского государства. Но, несмотря на пассивность союзников, разгром королевской армии, исчезновение титулованных руководителей, сопротивление рядовых людей внутри страны продолжалось. Когда отступающие дружинники провозили через Пешт тяжело раненного под Шайо хорватского герцога Кальмана, тот призывал горожан не оказывать сопротивления интервентам, положиться на их добрую волю и милость. Однако жители не последовали этому совету. Они не открыли ворота и выдержали трехдневный штурм, после чего все были вырезаны². Ожесточенное сопротивление захватчики встречали и в других местах.

Батый вынужден был изматывать свои войска в локальных столкновениях, штурмах малых крепостей на обширной территории. Численность войск снижалась, а их пополнение, судя по всему, было скудным. Приходилось сокращать область действия и концентрировать силы. К лету 1241 г. армии правого и левого крыла после обширного охвата далеких земель вновь сошлись в среднем течении Дуная.

Возглавлявшие левое крыло ханы Кадан и Бури направились из-под Галича в Трансильванию, где, по сообщению Рашид-ад-Дина, провели три победоносных сражения³. Они появились 31 марта у Родны, 2 апреля — у Бистрицы (Бестерце), заняли Колочвар и затем двинулись на Варадин (Орадя, Гросвардейн), который взяли после упорного и кровопролитного штурма⁴.

Другой маршрут проделал хан Бучек в сопровождении некоего «Бохетура» (Субэдея или Бурундая). По сообщению Рогериуса, они «вместе с другими вождями, переправившись через реку, именуемую Серет, вторглись в землю половецкого епископа и, победив людей, которые собрались на битву, приступили к ее полному

¹ Rogerius, 1938. Cap. 32, S. 575; Ледерер, 1953. С. 12.

² Rogerius, 1938. Caps. 34, 37, SS. 577, 582; Thomas, 1894. Cap. 36, S. 166.

³ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 45; Тизенгаузен, 1941. С. 38.

⁴ Rogerius, 1938. Caps. 20, 34, SS. 564, 576–578, 587. Существует местная легенда, что во время осады Варадина погиб сам Батый. Примерно в XV в. эта легенда попала на Русь, где была записана в качестве «Повести об убиении Батыея» (См.: ПСРЛ, XV, 394–395; СЛ, 105; Розанов, 1916. С. 109–112).

завоеванию»¹. Монголы прошли Молдавию и обрушились на Семиградье, захватили и разорили такие города, как Дьюла-Фехервар (Вейсенбург), Темешвар, Арад, Перг². В этих краях сохранилось множество легенд о борьбе населения с захватчиками.

Войска правого фланга после разорения Польши и победы под Легницею, отошли в Моравию. Об их действиях в этих краях достоверных сведений не много. Известно, что они воевали в районе Опавы, Градищенского и Оломоуцкого монастырей³. О занятии ими других городов (Бенешев, Пржеров, Литовель, Евичко) сохранились только легенды. В любом случае можно сказать, вслед за В. Т. Пашуто, что Моравия была разорена «на глубину четырехдневного перехода», о чем свидетельствуют и заметки Плато Карпини⁴.

Перейдя Грозенковский и Яблоновский перевалы в апреле 1241 г., монголы покинули Чехию и приступили к покорению Словакии, являвшейся тогда частью все той же Венгрии. В этих областях они оставались вплоть до декабря 1241 г. и разорили здесь почти каждый уголок. Погрому подверглись словацкие жупы Земплин, Абов, Турна, Гемер вплоть до Зволенского леса, а также Ясовский монастырь. Были захвачены горные города Баньска Штявница, Пуканец, Крупина. В некоторых областях Словакии монголы простояли на отдыхе около года и даже пытались наладить административное управление регионом через своих «бавилов», располагавших также и судебной властью. Количество воинов, вернувшихся из Польши и Моравии, было невелико. Они даже не могли захватить более или менее значительный город, отказавший им в покорности. Так, в Словакии монголам не покорились Братислава, Комарно, Тренчин, Нитра⁵.

Лишь в самом конце 1241 г. Батый приказал изрядно поредевшим туменам Байдара и Орды спешно отойти за Дунай в Венгрию, где приступить к осаде Эстергома⁶. Ясно было, что они опасались

¹ Rogerius, 1938. Cap. 20, S. 564.

² Пашуто, 1977. С. 219–220.

³ Regesta, 1854. № 1028, 1169.

⁴ Пашуто, 1977. С. 220–221. Ср.: Плато Карпини, 1997. С. 55.

⁵ См.: Dejny Slovenska. Т. 1 / Red. L. Holotik, J. Tibenský. Bratislava, 1961. С. 149–150.

⁶ Rogerius, 1938. Caps. 20, 31, SS. 564, 574.

нападения свежего 40-тысячного войска короля Вацлава, которое уже давно готовилось к открытому столкновению¹. Монголам не хватало сил для утверждения своего господства в Венгрии, для покорения других областей попросту не было людей. Тумены пополнялись плохо, а редели быстро. Кроме того, местное население оказывало упорное сопротивление, отказывалось сдавать города и сражалось до последнего.

Принципиальным было завоевание венгерской столицы, Эстергома, хорошо укрепленного города с сильным гарнизоном, усиленным ополченцами из окрестных сел. Монголы согнали множество пленных для того, чтобы землей и их телами засыпать ров, в то время как по крепостным стенам и днем и ночью били сразу 30 пороков. Жители стойко оборонялись, а когда стало ясно, что им не удержаться, решили не оставлять захватчикам ничего ценного и уничтожить свое имущество. Были сожжены все склады товаров, все драгоценности зарыты в землю, а лошади перебиты. Город пал после продолжительных кровопролитных уличных боев. Взбешенный Батый приказал растерзать тех, кто выжил². Однако и после этого не удалось захватить цитадель (внутренний замок) Эстергома, в котором засел отряд арбалетчиков во главе с испанцем Симеоном³.

Экспансионистский заряд интервентов явно слабел. Сохраняя за собой принципиальную победу, монголы упустили частные случаи сопротивления. Многие венгерские крепости они так и не взяли. Не удалось им захватить даже такие небольшие укрепления, как монастырь св. Мартина Паннонского (Паннонхалма), обороной которого руководил аббат Урош, не говоря уже о крупных городах, подобных Секешфехервару, не открывшему ворота захватчикам даже после разгрома своего ополчения в битве при Шайо⁴.

В начале 1242 г. монголы после продолжительного отдыха в Паннонии направились в сторону Адриатического моря, Словении и Хорватии. Где-то здесь тогда укрывался король Бела, выку-

¹ См.: Regesta, 1854. № 1035, S. 486 (письмо Конрада, епископа Фризингенского, 1241 г.).

² Rogerius, 1938. Cap. 39, S. 584–585.

³ Rogerius, 1938. Cap. 40, S. 585.

⁴ Rogerius, 1938. Cap. 40, S. 585.

пившийся наконец из австрийского плена и через Сегешт, Загреб и Трогир (Трава) достигший прибрежных островов. Штурмовать эти маленькие окруженные водой городки руководивший погоней хан Кадан не решился. Здесь же против захватчиков действовали многочисленные партизанские отряды, изматывавшие интервентов мелкими стычками, саботажем и провокациями. Под Трогиром, например, прославился отряд Степко Шубича с острова Брибира. Подошедшие к этому городу в марте 1242 г. монголы его так и не взяли. В Венгрии стал известен отряд из Чернхазе, возглавляемый Ланкой Прекрасной¹.

Весь проход по адриатическому побережью был для усиленного тумена Кадана тяжелым испытанием. Ему удалось разорить Загреб, сжечь часть Катарро (Котор), взять города Свач и Дриваст (близ г. Скадар). Однако горожане Клисса умудрились отбить натиск захватчиков и те, обсыпаемые со стен камнями, отступили². Непрístupными остались Дубровник (Рагуза) и хорошо укрепленный Сплит³.

Адриатика стала тупиком «татарского нашествия» (*венгр. tatárjárás*). Батый попал в очень тяжелое положение, из которого зимой 1241–1242 гг. не было видно выхода. Потери его армии были колоссальными: надо полагать, не менее половины. Позднее Плано Карпини видел в ставке Гуюка специальное кладбище, «на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие»⁴. Уже к лету 1241 г. Батый начал стягивать свои армии в район Балатона, а зимой смог двинуть на покорение Хорватии только войско Кадана, то есть не более 10–15 тысяч всадников. Под началом самого Бату и других ханов осталось немногим больше, примерно 25–30 тысяч. Всю осень 1241 г. монголы провели в безуспешных попытках наладить оккупационный аппарат и администрацию в Паннонии, где они собирались основать базу для дальнейшего вторжения в глубь Европы. Об этом писал Рогериус⁵. Судя по всему, план такого рода так и не был ре-

¹ Пашуто, 1977. С. 221–222; МТК, 1981. С. 49.

² Rogerius, 1938. Cap. 38, S. 584; Thomas, 1894. Cap. 39, S. 175.

³ Thomas, 1894. Caps. 38, 39, SS. 173, 175–176. Kukuljević Sakcinski T. Borba Hrvatah s mongoli i tatari. Zagreb, 1863. S. 10–53; Јуречек К. Историја Срба. Кн. 1. Београд, 1952. С. 175–176; Историја народа Југославије. Кн. 1. Београд, 1953. С. 338, 633.

⁴ Плано Карпини, 1997. С. 39.

⁵ Rogerius, 1938. Cap. 31, S. 573–574.

лизован. Не хватало воинов и смирившегося населения. Города отказывались сдаваться, а законного короля Белу поймать не удалось.

* * *

Смерть 11 ноября 1241 г. великого каана Угэдея, как уже давно заметил В. Т. Пашуто, стала отличным предлогом для почетного отступления Батые из Европы. Версию о том, что основным поводом к возвращению была необходимость участвовать в выборах нового каана, утверждали еще средневековые авторы, а в современной литературе ее сторонниками являются Г. В. Вернадский и Л. Н. Гумилев¹. Такой подход грешит односторонностью. Например, находившийся в таком же, как Батый, положении в Сирии хан Хулагу не стал отводить войска из-под Алеппо и Дамаска, но отъехал сам, передав руководство темнику Кет-Буге. Вовсе не требовалось прекращать войну для того, чтобы съездить в Монголию. Основные причины были иного характера.

Рашид-ад-Дин писал о завершении Западного похода так:

«Тот год закончился [у них] в тех краях. В начале тулай-ил, года зайца, соответствующего 640 г. х. [1 июля 1242 – 20 июня 1243 г. по Р. Х.], освободившись от завоевания того царства, они ушли обратно, провели лето и зиму в пути и в могай-ил, то есть год змеи, соответствующий 641 г. х. [21 июня 1243 – 8 июня 1244 г. по Р. Х.], прибыли в свой улус и остановились в своих ордах»².

Неопределенная формулировка «освободившись от завоевания» призвана была затемнить реальный результат: никакого завоевания не состоялось. К огромным потерям от наступательных боевых действий прибавлялись погибшие при подавлении многочисленных восстаний в тылу, на территории уже покоренных стран. В 639 г. х. (12 июля 1241 – 30 июня 1242 г. по Р. Х.), как пишет Рашид-ад-Дин, «кипчаки [половцы] в большом числе пошли войною на Кутана [Кадана] и на Сонкура [возможно, Тангут], сына Джучи»³. В то же время (1241 г.) кроме половецкого бунта

¹ Вернадский, 2001. С. 65; Гумилев, 1992. С. 512. См. также: Halperin, 1987. P. 47.

² Рашид-ад-Дин, 1960. С. 46; Тизенгаузен, 1941. С. 38–39.

³ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 46; Тизенгаузен, 1941. С. 38.

состоялось и возмущение в Волжской Болгарии «тамошних владельцев Баяна и Динеки»¹. Все восстания были жестоко подавлены, но их возможность сохранялась и продолжала отвлекать силы от основного театра военных действий.

Великий Чингисхан завещал, что монголы «должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира с каким народом, если прежде им не будет оказано подчинения»². Такое установление могло расцениваться как закон. Венгрия формально считалась покоренной: ее армия была разбита, а сюзерен бежал. Никто не мог упрекнуть Батю в трусости и неудаче. Смерть великого каана создавала благоприятный повод для возвращения в степи Дешт-и-Кипчак, где можно было отдохнуть, откормить лошадей и подготовиться для новой атаки в Европу. Второго похода она бы не выдержала.

Отход проходил тихо и мирно — через Боснию, Сербию и Болгарию. Весь путь был проделан практически без стычек с местным населением³ и потому не замечен большинством источников (в частности, русских).

По Рашид-ад-Дину, они «осенью [1242 года] опять направились обратно, прошли через пределы Тимур-кахалка [Валахия] и местные горы»⁴. Армия более не представляла ничего общего с той, о которой автор «Истории французского королевства» писал, что она на марше вытягивается на «18 миль в длину и 12 в ширину»⁵. В живых осталась ее меньшая часть, которая торопливо двигалась по направлению к низовьям Волги. Говорить о поражении при такой раскладке событий не приходится, но и одержанная победа имела резкий привкус разочарования.

¹ ПСРЛ, X, 125. См. также: Смирнов, 1951. С. 53–54.

² Плано Карпини, 1997. С. 48. Ср.: Пашуто, 1977. С. 215.

³ В. Т. Пашуто приводит двусмысленные свидетельства западноевропейских источников о нападениях на монголов войск правителя страны «*as Blas*», как он понимает, болгар и вlahов (Пашуто, 1977. С. 222, прим. 110). Если даже речь идет о каких-то балканских народах, то столкновения с ними не были масштабными и значительными.

⁴ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 45–46; Тизенгаузен, 1941. С. 38.

⁵ MGH SS, t. XXVI. P. 604, 605. Цит. по: ИТ, 1937. С. 48.

ГЛАВА 3 ПОСЛЕДСТВИЯ

Они берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, участливо, чтобы те не привели на них войска или также чтобы другие не страшились предаться им.

Иоанн де Плано Карпини¹

§ 1. ЮЖНАЯ И ЗАПАДНАЯ РУСЬ ПОСЛЕ УХОДА МОНГОЛОВ

Как только Даниилу, отсиживавшемуся в труднопроходимой Мазовии, доложили, что монгольские войска оставили Южную Русь, он попытался вернуться в свое княжество. Однако оказалось, что такого более не существует. Уже в первый на пути город Дорогичин его не пустили. Засевший там «держатель», не названный в летописи по имени, объявил о своей независимости. Более того, двигавшемуся с малой дружиной Даниилу пришлось смиренно принять этот факт. Позднее он накажет сепаратиста и жестоко расправится с поддерживавшими его горожанами, но пока приходилось терпеть.

Миновав Дорогичин, Даниил и его брат подошли к Берестью. Далее их подстерегали очередные неожиданности. Они встретили разоренную землю и сожженные поселения, горами трупов были завалены храмы Владимира Волынского, в государстве царил административный хаос. Местное боярство захватывало оставшиеся бесхозными земли и демонстрировало в них полное

¹ Плано Карпини, 1997. С. 60.

самоуправство. В Галиче «вокняжился» некий Доброслав Судеич, «попов внук», который пытался распространить свою власть и на Понизье, а Перемышльскую «горную страну» прибрал к своим рукам боярин Григорий Васильевич:

«...бояре же Галичстии Данила княземь себе называху, а саме всю землю держаху; Доброслав же вокняжился ве и Судьничь, поповъ внук, и грабяше всю землю, и въшедь ко Бакоту все Понизье прия, безъ княжа повеления; Григорьи же Васильевичь себе горную страну Перемышльскую мышляше одержати. И бысть мятежь великъ в земле и грабежь от нихъ»¹.

На словах верховным сюзереном пока признавался Даниил, от которого совершенно недвусмысленно требовали признания за боярами новых приобретений. При этом намекали, что на Галич есть и другие претенденты, такие как черниговские Ольговичи, которые вернулись из Польши вслед за Романовичами.

Волынским князьям требовалось время, чтобы собрать войска и силой утвердить свое превосходство. Однако теперь, после монгольского погрома, это сделать было очень и очень сложно. Даниилу приходилось лавировать. Он послал к Доброславу для переговоров «столника своего» Якова, который должен был договориться с галицким «держателем» полюбовно: Доброслав принимал Галич в лен из рук Даниила, но тот возвращал князю его доходы от продажи Коломыйской соли (верховья р. Прут). Договоренность практически была достигнута, но в последний момент выяснилось, что Доброслав уже самовольно распорядился Коломьей — отдал ее в держание (от своего имени) неким Лазорю Домажирцу и Ивору Молибожичу, которые «кланялись» ему как своему господину. На возмущенный вопрос Якова: «Как ты можешь без княжьего повеления раздавать волости, которыми повелевают только князья, выдавая их своим дворянам?!» («Како можеши бес повеления княжа отдати ю сима, яко величии князи держать сию Коломыю на роздавание оружьникомъ [т. е. служилым дворянам]»), — Доброслав только рассмеялся («он же усмеявсья»)². Вернувшись, Яков все рассказал Даниилу, но тот ничего поделаться не мог, он выжидал. Как писал М. С. Грушевский, «Данило чув ще себе не досить сильним, аби взяти за роги сю боярьську

¹ ПСРЛ, II, 789.

² ПСРЛ, II, 790.

олігархію»¹. Вскоре ему подвернулся случай продемонстрировать свои властные полномочия.

Судя по всему, галицкие бояре не смогли самостоятельно повластвовать и более года. Уже зимой 1241–1242 гг. между новоявленными владельцами соседних областей, Галича и Перемышля, разгорелся конфликт, разрешать который они направились, как то и велит феодальное право, к своему сюзерену Даниилу. Князь посмотрел на заносчивых подданных и, посоветовавшись с братом, арестовал их, восстановив прежнюю вертикаль власти².

* * *

Не всем жителям Галиции понравились эти действия Романовичей. Начали зреть заговоры, традиция которых вполне утвердилась за последнее десятилетие: появились желающие пригласить на княжение черниговскую династию. Ольговичи этому только способствовали.

Вернувшись из Польши, Михаил Всеволодович оставил без продолжения установившиеся накануне монгольского нашествия добрые отношения с Даниилом и Васильком. Он прошел Волинские земли, «не показа правды», и занял Киев, откуда послал Романовичам весть о своем вокняжении. Подобный формат поведения, разумеется, не соответствовал тому, который ожидался галицко-волинскими князьями. Однако политическая ситуация теперь радикально изменилась по сравнению с летом 1240 года. Масштаб возможных вооруженных конфликтов между княжествами снизился чрезвычайно. Даже небольшая дружина теперь могла восприниматься как серьезная сила. Вокруг царствовали разор и смерть. Горстки людей укрывались в неприступных лесных дебрях и болотах. Править было некем, поэтому и статус владельца того или иного города, точнее его руин, был малозначим.

Непочтительные действия Михаила были не замечены Романовичами. Все оставалось в рамках приличия, которое, как мог, поддерживал и старший Ольгович. Вернувшись к Киеву, он посе-

¹ Грушевський, 1900. С. 153.

² См. подробно: ПСРЛ, II, 790; Грушевський, 1900. С. 154.

лился «под» сожженным и опустевшим городом «въ острове»¹. Это соответствовало достигнутым в 1240 г. договоренностям с Даниилом: Михаил получил Киев и более не претендовал на Галич. Однако теперь у него вырос сын Ростислав (1223 г. рождения)², которому по воле отца должно было теперь владеть разоренным и небезопасным Черниговом. Надо полагать, молодого отпрыска это не устраивало, и он начал готовить план возвращения себе Галича.

Примерно весной 1242 г. Ростислав подговорил «Болоховских князей» и «остатокъ Галичанъ» на совместные действия против только устанавливавшейся в Галиции власти Даниила. Лишь недавно были пленены Доброслав и Григорий Васильевич. Теперь по землям ездили специальные княжеские чиновники, призванные описать злоупотребления бояр за время их вольницы: «...исписать грабительства нечестивыхъ бояръ, ѹтешити землю»³. Надо полагать, подобный документ готовился для публичного судилища над незаконными держателями из бояр. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать в Англии в 1275 г., когда вступивший на трон Эдуард I проводил опись злоупотреблений баронов в период Гражданской войны (так называемые «Изыскания старьевщика», *Ragman quest*), после чего созвал парламент для вынесения приговора виновным.

Для оценки ущерба Даниил весной 1242 г. послал к низовскому городу Бакоте своего печатника Кирилла, будущего митрополита. Здесь его и застал Ростислав, направившийся с союзниками в эту область создавать базу для нападения на Галич. После безуспешной стычки у ворот города Ростислав вступил в переговоры с Кириллом («бывшимъ же ся имъ у врат, отступився, хотяше премолвити его словесы многими»). Тот стал укорять княжича в неблагодарности по отношению к князьям Даниилу и Васильку, оказавшим ему с отцом многие «добродейния»:

«Не помниши ли ся, яко король Угорьскын изгналъ тя бе изъ земле съ отцемъ ти? Како ты въсприаста господина моя, ѹя

¹ ПСРЛ, II, 789. Скорее всего, переписчик допустил ошибку в одной букве и речь должна идти не об «острове», а об «остроге», к которому действительно применим предлог «в».

² 1223 год в качестве даты рождения Ростислава называет А. В. Майоров (Майоров, 2001. С. 582), но не уточняет источник этой информации. В летописях она отсутствует, и О. М. Рапову она неизвестна (Рапов, 1977. С. 129).

³ ПСРЛ, II, 791.

твоя, отца ти въ велици чести держаста и Киевъ обещаста, тебе Луческъ вдаста, и матеръ твою и сестру свою изъ Ярославлю рѹкѹ изъяста и отцю ти вдаста!»¹.

Велеречивый Кирилл отвлек юношу благочинными наставлениями и, когда тот отвлекся или смутился, сделал внезапную вылазку из крепости. Застигнутый врасплох, Ростислав побежал, причем по дороге растерял свое воинство и ушел за Днепр². В этой своей попытке захватить Галич он потерпел полное фиаско. Причем своими действиями Ольгович выдал Даниилу всех его противников. Реакция Романовичей не заставила себя ждать.

Как только Кирилл известил жителей о случившемся, они приступили к активным действиям. Даниил собрал всех наличных «воев», включая дружину брата Василька, который остался стеречь границы с Литвой, и направился наказывать Болоховских князей. Были заняты их города «Деревичъ Губинъ и Кобудъ, Кудинъ городецъ, Божьскыи Дядьковъ»³. Последний, Дядьков, брал печатник Кирилл с тремя тысячами «пешецъ» и 300 «коньникъ», после чего прошелся («пленивъ») по Болховской земле «и пожегъ»⁴. Будущий митрополит отличался крутым и воинственным нравом.

Кроме этих подробностей, летопись содержит и изложение «вин» болоховцев: «...оставили бо ихъ Татарове, да имъ орють пшеницю и проса; Даниль же на не болшую вражду, яко отъ Тотаръ болшую надежу имеаху»⁵. Оказывается, их участие в борьбе за Галич на стороне Ростислава вовсе не является главной причиной. В основном они обвинялись волынцами в том, что оказывали

¹ ПСРЛ, II, 791.

² Н. Ф. Котляр почему-то пишет, что «Кирилл с войском отогнал его за *Днестр*» (Котляр, 1997. С. 115), хотя в источнике однозначно (без разночтений) указан *Днепр* (ПСРЛ, II, 791).

³ ПСРЛ, II, 792. Судя по всему, этот перечень содержит названия городов с указанием на их владельца, хозяина, одного из «Болоховских князей»: Губин и Кобуд принадлежали князю Дереву, у князя Куды был безымянный «Городец», а городом Дядьковым владел князь Божь. Судя по именам (Дерев, Куд, Божь), эти князья были славянами, но не имели отношения к роду Рюриковичей. Вероятно, в Болоховской земле мы действительно имеем пример сохранения власти у древней родовой знати. Причем имена не имеют христианских аналогов, отчего можно предположить сохранение в этой области реликтов язычества.

⁴ ПСРЛ, II, 792.

⁵ ПСРЛ, II, 792.

продовольственную помощь монголам в период их похода в Европу. Нет никакого сомнения, что перед нами — поздняя акцентировка, которая не являлась существенной в 1242 г. У Болоховских князей, столкнувшихся с армией Бату, не было выбора, причем в этой своей торговой деятельности с новыми хозяевами степи они не были ни одиноки, ни оригинальны. Позднее это могло выглядеть предосудительно, но в те годы — ничуть.

* * *

Только Ростислав «одинако не престааше», как записано в летописи, после разгрома Болоховской земли. Более того, деятельность Романовичей практически не ослабила его позиций в Галиче. Наоборот, уже вскоре власть в городе захватывает великий боярин Владислав, который приглашает на княжение молодого Ольговича и принимает от него руководство галицкой тысячей. В начале осени 1242 г., когда монголы еще находились на Балканах, Западная Русь опять была охвачена междоусобицей и раскола на враждующие группировки: Ростислав с галицкими боярами (тысяцким Владиславом с сотоварищами) против волынских князей Даниила и Василька. Престарелый Михаил Черниговский, казалось бы, на этот раз в событиях участия не принимал, но пребывал в днепровской столице, восстановление которой должно было его особенно заботить.

Романовичи на новый захват Галича среагировали очень быстро: «...скоро поидоста на них»¹. Ростислав испугался стремительного наступления волынских дружин и бежал в Щекотов. Вместе с ним город покинули Владислав, епископ Артемий и другие сторонники. Видимо, оборонительные сооружения спустя полтора года еще не были восстановлены: местный «самодержец» Доброслав в период своего правления обустройством не занимался, а Даниил еще не имел такой возможности. Укрыться повстанцам было не за чем.

Романовичи погнались за отступающим противником, но внезапная весть заставила их остановиться. Батый начал отход из Европы:

¹ ПСРЛ, II, 793.

«...весть приде ему, яко тотарове вышли суть и[зъ] земле Угорское, идутъ в землю Галичскую и тою вестью спасеся [Ростиславъ] и неколико от бояръ его ято бысть»¹.

Судя по всему, часть монгольских войск должна была возвращаться через Галицию, что должно было насторожить местного властителя, заставить его прекратить погоню и отвести полки в укрытия. Однако, кроме как о прекращении погони, в летописи ничего не говорится. Напротив, сразу вслед за известием о спасении Ростислава сообщается о желании Даниила «установить» («установити», «установити») свою землю. С этой целью князь направился к городу Бакота и крепости Калиус на Днестре — русским поселениям, находившимся в зоне прохода монгольских туменов с Балкан в Половецкую степь. При этом рать, изгнавшая перед этим Ростислава из Галича, была распущена. Василько отъехал обратно во Владимир Волынский, а дворский Андрей с другой частью дружины был послан на занятие Перемышля, в котором укрылась часть сторонников Ольговичей (в частности галицкого епископа Артемия и Константина Рязанского²).

В следующей летописной статье говорится, что монголы гнались за Ростиславом, но тот бежал в Венгрию, где женился на дочери короля Белы, а Даниил в это время был в крепости Холм, и к нему прибыл «половчинъ его именемъ Актай», известивший о возвращении Батыея из Венгрии. Кроме того, Актай сообщил о том, что монголы направили на поиски Даниила отряд под командованием багатуров Маномана и Балая. После этого князь оставил Холм и отъехал к брату Васильку (вероятно, во Владимир) вместе с митрополитом (уже!) Кириллом, «а Татарове воеваша до Володавы и по озерамъ много зла створше»³.

Обращает на себя внимание схожесть известий двух вышеописанных статей. Создается впечатление, что перед нами — два варианта сообщения об одних и тех же событиях осени-зимы 1242 г., когда Ростислав действительно был изгнан из Галича и бежал в Венгрию, а Батый вернулся в Причерноморские степи.

¹ ПСРЛ, II, 793. В квадратных скобках — дополнения автора данной книги (Д. Х.).

² Хотя обозначение «Рязанский» обычно указывает на княжеский титул, но в литературе принято считать, что речь идет о некоем рязанском боярине Константиине, стороннике соседних черниговских князей, участнике междоусобицы на стороне Ольговичей. Упоминается он только однажды.

³ ПСРЛ, II, 794.

Однако это не совсем так. Во второй статье упоминается брак Ростислава и дочери короля Белы, состоявшийся не сразу после его бегства, а Кирилл назван митрополитом, что допустимо только после 1246/47 г. Причем и о монголах в первой статье говорится, что они только что «вышли» из Венгрии, а во второй, что «Батыи [уже] воротился естъ изо Угоръ и отрядилъ естъ на тя два богатыря»¹. Таким образом, даже если признать вторую статью более поздней и обобщающей больший промежуток времени, то описанные события все равно никак не могут переплетаться.

Последовательность произошедшего реконструируется таким образом. Осенью 1242 г. Даниил изгоняет из Галича Ростислава, погоню за которым прекращает после получения известия о возвращении монголов из Европы. Далее Романовичи приступают к срочному приготовлению укреплений для возможного столкновения с захватчиками. Для подготовки крепостей к предполагаемому вторжению Даниил едет на Днестр, Василько — к Владимиру, а дворский Андрей захватывает Перемышль. Монголы действительно проходят рядом, но нападений не предпринимают. Только задевают дружину обездоленного Ростислава. После того как зимой в начале 1243 г. Батый прибыл в Волго-Донское междуречье, он посылает в покоренные русские земли небольшие конные отряды, призванные сообщить местным властителям, что им следует прибыть в его ставку на поклон и уложение отношений². Весть об этом застаёт Даниила в Холме, но князь уклоняется от встречи с монгольскими посланниками. Отряд Маномана и Балая, обескураженный поведением местного властителя, в озлоблении громит сельские поселения вплоть до Володавы в среднем течении Западного Буга.

***

Очевидно, что контакт между галицко-волынским князем и Батыем в 1243 г. установлен не был. В то время как Ярослав Суздальский направился на Нижнюю Волгу в монгольскую ставку, Даниил приглашение проигнорировал.

¹ ПСРЛ, II, 794. В квадратных скобках — смысловое дополнение автора данной книги (Д. Х.).

² В. Т. Пашуто считал, что Батый послал против Даниила карательный отряд и сделал это в период своего отступления из Венгрии (Пашуто, 1977. С. 222).

Так же, судя по всему, поступил и Михаил Всеволодович Киевский (Черниговский). Летопись сообщает, что как только он узнаёт о браке своего сына с дочерью короля Белы, то немедленно отправляется («беже» = бежит) в Венгрию¹. Подобные эксцентричные действия должны были быть связаны с некоей угрозой для него. О каких-либо акциях, направленных против Киева или Чернигова со стороны Даниила, мы не знаем. Скорее всего, эти разоренные области не интересовали волынцев, их заботил Галич, более удаленный от Половецкой степи («Комании»). Выходить к Днепру они не собирались, в противном случае летописец, панегирист Даниила Романовича, обязательно отметил бы это — претензии на древнерусскую столицу оставались явлением почетным и знаменательным, подчеркивающим величие и амбиции князя претендента. Ничего подобного мы не наблюдаем. Михаил просто бежит в Венгрию, где родной сын и его новоиспеченный тесть «чести ємѹ [Михаилу] не створиста»². Вскоре разгневанный («розгневався на сына») князь снова возвращается на Русь, в Чернигов.

Во всех отношениях примечательная ситуация, которая изобилует зонами недосказанности. До нас не дошло никаких письменных источников киевского или черниговского происхождения, повествующих об этом периоде. Мы не располагаем какими-либо обрывками летописания Ольговичей. На Волыни и на северо-востоке образ князя Михаила неизменно представляется в неблагоприятном свете и кратко. Как Ярослав, так и Даниил были его соперниками. Поэтому все рассуждения о действительных причинах ссоры Михаила Черниговского и его сына, выступающего в союзе с венгерским королем, остаются предельно гипотетическими. Затруднительна для определения даже датировка этих событий. Летописная конструкция выглядит так: Ростислав с Белой не оказали Михаилу чести, после чего князь разгневался, вернулся в Чернигов и далее направился к Батью «прося волости своеє от него»³. В монгольской ставке Михаилу велели «поклонитися огневи и болваномъ ихъ», что невероятно возмутило невоздержанного и свободолюбивого князя. Он «үкори и [хъ] и глұхыя его күмиры», после чего был (вместе со своим боярином Федором) заколот по

¹ ПСРЛ, II, 795.

² ПСРЛ, II, 795.

³ См.: ПСРЛ, II, 795.

приказанию хана. Батый был оскорблен хамским отношением русича к кумиру (идолу) Великого Чингисхана, а также нежеланием того очиститься, пройдя между двумя кострами. Другие русские князья исполняли эти процедуры, но черниговский своеволец отказался. Его постигла унижительная мученическая смерть, благодаря которой он был вскоре причислен Церковью к лику святых. Считается, что инициатором почитания «Мучеников Михаила, князя Черниговского, и боярина его Феодора» была дочь Михаила Мария (ум. 1271 г.), мать Бориса и Глеба Васильковичей, князей Ростовских¹. Вскоре в его честь был возведен в Ростове деревянный храм, сгоревший от удара молнии в 1288 г.² Такая скорость для утверждения нового праздника весьма необычна и отражает решительное стремление семьи Васильковичей закрепить новый культ. По их инициативе было создана также «Повесть об убиении Михаила Черниговского», сохранившаяся в большом количестве списков, как в составе летописей, так и отдельно³. Традиционно считается, что князь погиб 20 сентября 1246 (6754) г. Эту дату используют как историки-исследователи, так и священнослужители⁴.

Однако ближайшее рассмотрение источников не позволяет согласиться с этой датировкой однозначно. В Новгородской I летописи смерть Михаила отмечена 18 (или 8) сентября 1245 (6753) г., в Софийской I — 23 сентября 1245 (6753) г., а в Воскресенской — 23 сентября 1246 (6754) г.⁵ Если признать более достоверной действительно используемую в «Повести об убиении Михаила» и традиционную дату 20 сентября⁶, то год смерти князя следует вынести за скобки. Наиболее часто встречается 1245 (6753) год⁷, чуть реже 1246 (6754)⁸, а порою и 1247 (6755) г.⁹ Для уточнений попробуем выбрать некий временной ориентир, на который вполне можно будет положиться. О смерти Михаила, произошедшей

¹ Лосева, 2001. С. 111–112; Сказание, 2000. С. 479.

² ПСРЛ, X, 167.

³ См.: НПЛ, 298–303; СЛ, 101–105; ПСРЛ, VI, 318–325; VII, 152–156; XV, 386–393; Сказание, 2000. С. 156–162; Серебрянский, 1915. С. 111.

⁴ Серебрянский, 1915. С. 51; Сказание, 2000. С. 479.

⁵ НПЛ, 298; ПСРЛ, VI, 325; VII, 156.

⁶ Сказание, 2000. С. 162; НПЛ, 303; СЛ, 105; ПСРЛ, I, 471, 523; IV, 224; XV, 393.

⁷ НПЛ, 298; Сказание, 2000. С. 162; ПСРЛ, VI, 318; XV, 393.

⁸ СЛ, 105; ПСРЛ, VII, 152.

⁹ ПСРЛ, IV, 229.

где-то на Волге, сообщить было практически некому, да и интерес к точной дате могли проявить только в Киеве, Чернигове и Ростове. Фактически мы располагаем известиями только из последнего города, куда информация попала, скорее всего, очень не скоро и через пятые руки. Другое дело — известие о смерти великого князя Ярослава Всеволодовича на пути из Каракорума. Его можно датировать сразу по нескольким независимым источникам (русские летописи, записки Плано Карпини), к тому же в источниках никогда не бывает расхождений в этой дате — 30 сентября 1246 г.¹ При этом смерть Ярослава в летописях всегда отмечена после смерти Михаила, что естественно, но иногда эти сообщения разнесены в разные погодные статьи, что заставляет призадуматься.² Вероятно, о точной дате убийства Михаила велись разные толки, но позднее она была привязана к комплексу известий о коварстве монгольских ханов, травивших и губивших русских князей. Поэтому гибель Михаила и Ярослава, давних врагов, была совмещена в некоторых сочинениях в одну статью, к тому же весьма бедную на другие события. Последовательность изложения в летописце Даниила Галицкого также заставляет удревить поездку Михаила к Батью. Если брак Ростислава с дочерью Белы состоялся около весны 1243 г., то черниговский князь мог прибыть в Венгрию примерно осенью этого года, а уже зимой вернуться (надо полагать, ситуация с тем, что «чести» ему не оказали, сложилась достаточно скоро). Таким образом, отъехать на Волгу Михаил имел возможность начиная с весны 1244 г. Ход изложения в Ипатьевской летописи ведет к тому, что эта поездка состоялась сразу после возвращения Михаила из Венгрии, то есть в том же 1244 г. Возможно, следует несколько более широко разносить события этих лет, и тогда мы выйдем на вполне подтверждаемую в письменных источниках дату 1245 (6753) г., притом что 1246 г. остается слишком удаленным, как и все последующие.

***

О событиях на юге и западе Руси, произошедших после 1242 г., рассуждать очень сложно. Летописные известия становятся эпизодическими, причем последовательность их изложения наруша-

¹ ПСРЛ, VI, 326; VII, 156. См. также: НПЛ, 304; ПСРЛ, IV, 229; Плано Карпини, 1997. С. 41, 79.

² См.: НПЛ, 303–304; ПСРЛ, I, 523; VI, 325–326.

ется. После сообщения о судьбе Михаила Черниговского, охватывающего произошедшее за два-три года (1243–1245 гг.), следует серия вставок с рассказами о разновременных событиях, из которых только некоторые имеют отношение к противостоянию с монголами. Здесь размещены совершенно независимые повести о войнах Романовичей с Польшей, Литвой и ятвягами.

Походы под Люблин и Завихост против краковского князя Болеслава Стыдливого, сына Лешка Белого, можно датировать по польским источникам (1243–1244 гг.). Эти предприятия Даниил и Василько совершили ради поддержки союзного князя Конрада Мазовецкого. После гибели 9 апреля 1241 г. в битве при Легнице Генриха Благочестивого Краков занял его сын Болеслав Рогатка (*Bolesław Łysy*), которого в сентябре того же года изгнал из города Конрад. Однако 25 мая 1243 г. в битве под Суходолом Конрад был разгромлен и лишился княжения. Теперь Малую Польшу объединил под своей властью Болеслав Стыдливый, владевший до этого только Сандомир. Неугомонный Конрад начал мстить. Он организовал несколько налетов на Краков и призвал на помощь Романовичей. Галицко-волынские князья подошли к делу обстоятельно и начали наступление на Болеслава максимально широким фронтом. Войска Даниила весной 1243 г. атаковали Люблин, Василько выдвинулся в бассейн реки Лады (приток Танвы) и дошел до Вислы и Сана (пытался переправиться у Завихоста), дворский Андрей действовал в районе Сандомира, а воевода Вышата разгромил какое-то Подгорье¹. Наступление русских князей было поддержано и литовским нападением на Сандомирщину². В ответ Болеслав совершил налет на Волынь, где дошел до города Андреева (на Западном Буге, севернее Холма)³. После чего Романовичи вновь (весной 1244 г.) совершили поход под Люблин⁴. Итогом было то, что Конраду удалось удержать за собой Клецкую землю, а волинцы приобрели как надежного союзника, так и постоянного врага на западе⁵.

¹ ПСРЛ, II, 795–796. См. также: Пашуто, 1950. С. 230.

² Dlugosz, 1873. p. 297; Пашуто, 1950. С. 230.

³ ПСРЛ, II, 796.

⁴ Dlugosz, 1873. p. 299; Пашуто, 1950. С. 231.

⁵ См.: Wlodarski, 1966. S. 124–125; Крип'якевич, 1984. С. 98. Ср.: Котляр, 1997. С. 116.

О датировке и причинах походов на Литву и ятвягов рассуждать гораздо сложнее. Фактически они могут быть размещены в широких хронологических рамках: от 1242 до 1247 или даже до 1248 г.¹ Более уверенно расположить во времени эти события не удастся. Племена ятвягов были традиционно беспокойными соседями как Польши и Литвы, так и Волыни. Поход на них не может вызвать удивления. Действия же против Литвы примечательны. Несмотря на постоянный союз Романовичей с князем Миндовгом, обладавшим, казалось, верховной властью среди литовских племен, происходили и постоянные стычки с другими литовскими вождями, не столь дружелюбно настроенными в отношении русских соседей. Действия волынцев против Литвы носили как карательный, так и наступательный характер, призванный содействовать консолидации власти в стране в руках Миндовга².

За этими известиями следует обширная повесть о великой битве под Ярославом, знаменующей окончание более чем 40-летней гражданской войны в Галицкой Руси, борьбы Романовичей, Ольговичей, венгров и поляков за Галич, окончательную победу князя Даниила. Эти события стали следствием последней попытки Ростислава Михайловича отобрать у Даниила княжество. Как отмечалось выше, изгнанный из Галича осенью 1242 г. княжич бежал в Венгрию, где женился на дочери короля Белы. После этого он испросил у тестя войско для нападения на западнорусские земли и весной-летом 1243 г. попытался захватить Перемышль, но потерпел неудачу³. Судя по всему, эти действия Ростислава находились во взаимосвязи с политикой короля Белы, стремившегося

¹ В летописи описания походов Литвы в район Пинска размещены в статьи 1246–1247 (6754–6755) гг. (ПСРЛ, II, 797–798), а описание похода на ятвягов — под 1248 (6756) г. (ПСРЛ, II, 799–800). Однако эти повести непосредственно следуют в летописном тексте за описанием событий 1244 г. (походы в Польшу), а предшествуют обширному сообщению о битве под Ярославом (лето 1245 г.). Ср.: Котляр, 1997. С. 116.

² См.: Пашуто, 1959. С. 377–378.

³ ПСРЛ, II, 797; Грушевский, 1900. С. 154; Пашуто, 1950. С. 230. Существует мнение, высказанное Л. В. Черепниным и поддержанное Н. Ф. Котляром, о том, что рассказ о неудачном походе Ростислава под Перемышль является сокращенным изложением событий, предшествовавших битве под Ярославом (Черепнин, 1941. С. 250; Котляр, 1997. С. 116). Однако в столкновении под Перемышлем первую победу одержал Ростислав и действовал он против воевод Андрея и Якова, а также данилова «сыновца» Всеволода. Причем основные силы Ростислава составляли «смерды многи пыьце», а о всадниках и речи не идет. Надо полагать, правильное будет выделять налет на Перемышль в качестве отдельного предприятия черниговского (или теперь, наверное, венгерского) княжича.

вернуть краковский стол своему другому зятю — Болеславу Стыдливому. В мае 1243 г. Конрад был разгромлен под Суходолом, где Романовичи ему помочь не смогли, возможно, из-за того что были отвлечены на оборону Перемышля.

Спустя два года был подготовлен новый крупный поход малопольско-венгерских войск против Галицко-Волынской Руси. Инициатором, скорее всего, выступил Ростислав Михайлович, которому не терпелось отвоевать себе волость. Кроме того, к лету 1245 г. до него должны были дойти вести о недружелюбных планах собственного отца, который отправился к Батыю просить войск для наказания сына. Нужно было торопиться: вскоре против Венгрии могла двинуться новая волна монгольского нашествия, которая ожидалась даже независимо от действий Михаила. Пройдя во второй раз через владения короля Белы и краковского князя Болеслава, Батый невольно выступил бы на стороне Романовичей и Конрада, у которых оставалась возможность укрыть свои резервы в густых лесах Мазовии и Литвы. Даже если бы пострадали все участники конфликта, то и это не было бы на руку Ростиславу. Лето 1245 г. оставалось наиболее удачным временем для выступления.

Бела выделил Ростиславу для захвата Галича большое войско под руководством старого воеводы бана Фильния («Фила», *Füle*)¹. Вместе они направились к Кракову, чтобы присоединить к своей армии и войска Болеслава Стыдливого. Здесь Ростислав оставил свою жену, родную сестру болеславовой жены Кунигунды (Кинги). Малопольская знать не была единодушна в желании осуществить масштабный поход против Волыни. Многие настолько не хотели принимать в нем участие, что даже бежали из своих земель, укрывались и стремились перейти на сторону Даниила: «...нарочиты бояры и инни Ляхове избегли бяху изъ земли, хотяще ити к Данилови»². Других это не смутило, и в итоге был составлен значительный польский полк под руководством знатного пана Флориана Войцеховича Авданца («Творьян»). Кроме венгерских и польских войск в армии Ростислава, возможно, состояли и дружины некоторых опальных галицких бояр, сторонников черниговской (или антиволынской) партии. Таким образом, на Русь двигалась огромная интернациональная армия, никогда прежде

¹ Он упоминается в качестве бана: CDH, t. IV, 2. pp. 65, 66.

² ПСРЛ, II, 800. См. также: Wlodarski, 1936. P. 39–40.

не посещавшая этих земель в таком составе. Угроза действительно была велика. Прежде и менее значительные коалиции приводили Романовичей к борьбе за собственное выживание, а удержать Галич никогда не удавалось. Монгольский погром существенно изменил ситуацию, но и теперь численное превосходство было не на русской стороне.

Враг был уверен в победе и не спешил в своих перемещениях по Галиции. С легкостью был занят Перемышль, после чего интервенты планомерно обложили хорошо укрепленную крепость Ярослав, «крепок град». Местные жители дали «бой велик пред градом», после чего укрылись за крепкими стенами. Изумленный таким упорством бан Фильний вынужден был послать отряд к Перемышлю, поручив ему доставить «сосуды ратные и градные и пороки» (осадные орудия). Началась неторопливая осада. Со штурмом не спешили. Поход был организован торжественно, и предполагалось, что он закончится триумфально. В нем не приняли участия ни малопольский князь Болеслав, ни венгерский король Бела. Победителем должен был выступить именно Ростислав, возвращавший себе свои волости (возможно, вплоть до Киева) и утверждавший свое могущество на Руси. В благородном предприятии приняли участие многие представители дворянской поместной верхушки Польши, Венгрии и Галиции. Представители блестящего европейского рыцарства предпочитали проводить время в воинских забавах, не распыляясь на борьбу с какими-то провинциальными горожанами. Город падет и сам, а впереди их ждут великие подвиги в борьбе с коварными волынскими князьями.

Под стенами Ярослава было организовано несколько рыцарских турниров («сътвори игру предъ градомъ»), в одном из которых принял участие даже сам глава похода Ростислав Михайлович. Однако результат сшибки оказался плачевным. Польский рыцарь Ворш выбил князя из седла, в результате чего тот вывихнул себе плечо и надолго утратил боеспособность. Предзнаменование было не из благоприятных («не на добро случися ему знамение»), и оно позднее оправдалось¹.

В то же время Даниил и Василько Романовичи, извещенные о вторжении («ратном пришествии»), ускоренно готовились к ответным мерам. Были посланы просьбы о военной помощи Конра-

¹ См.: ПСРЛ, II, 801.

ду Мазовецкому, литовскому властителю Миндовгу и половецким ханам. Все они вызвались послать вспомогательные части к галицко-волынскому войску. Однако прийти вовремя смог только половецкий отряд. Романовичи, «скоро собравше вои», двинулись на выручку осажденному Ярославу.

Вперед ушел сторожевой отряд дворского Андрея с целью разведать вражеские силы («да их видить») и известить ярославцев о близкой помощи («и укрепить град, яко уже близ есть спасение их»). Основное войско из Холма вывел сам Даниил. На подходе к реке Сану, на которой расположен Ярослав, полки остановились и воины облачились в доспехи, извлеченные из обоза. Летописец даже отмечает, что грохот, который стали извлекать тысячи закованных в железо ратников, буквально переполошил всех лесных жителей, и над галицко-волынской армией еще до битвы кружили стаи перепуганных воронов и других птиц. Современники видели среди этого пернатого хаоса и одного орла, символа и предвестника победы:

«...и бывшю знаменню сице надъ полкомъ, сице пришедшимъ, орломъ и многимъ ворономъ яко оболочу велику играющимъ же птичамъ, орлом же клекшущимъ и плавающимъ криломъ своими и воспрометающимъся на воздусе»¹.

В полном обмундировании воины вынуждены были переправляться глубоким бродом через Сан. Первым перешел реку отряд половцев, подтвердивший, что «не бе во стражь их [венгров — Д. Х.] у реки». Благородные противники не стали мешать и позволили русским князьям выстроить боевой порядок уже на другом берегу: «исполчивша же коньники и пешьци».

В расстановке войск Даниил использовал необычную композицию. Основные силы под его собственным руководством были расположены на левом фланге. Центр держала «малая дружина» во главе с дворским Андреем. Правый фланг занимали волынские полки Василька Романовича.

Ростислав также проявил оригинальность в расстановке сил. Центральный полк, состоявший, вероятно, из венгров, был удален за основные порядки и превратился в запасный. Им руководил бан Фильний. Правый фланг, выполнявший теперь функцию цен-

¹ ПСРЛ, II, 802.

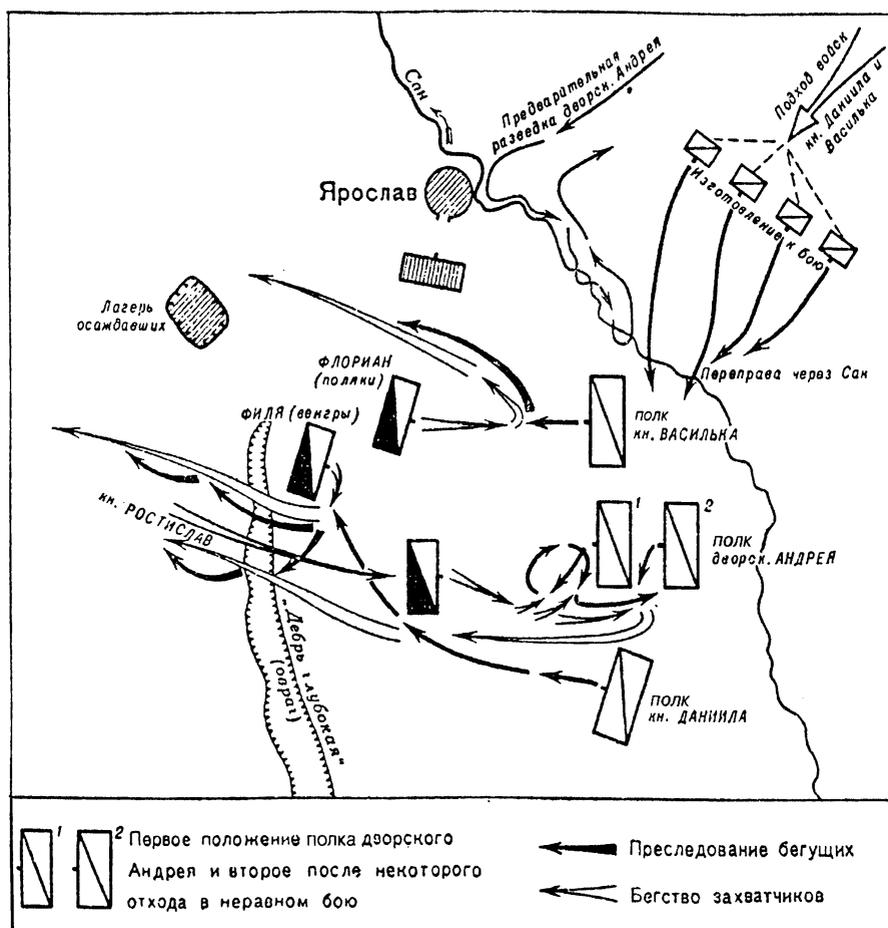

Рис. 33. Битва под Ярославом 17 августа 1245 г. Предположительная схема по В. Т. Пашуто (Пашуто, 1956. С. 195)

трального, включил как венгерские войска, так и отряды галицких оппозиционеров («Русь и Угры и Ляхы»). Его возглавил сам Ростислав. Левый фланг интервентов заняли польские дружины Флориана. При этом некоторая часть пехоты («пещцев»), вероятно, поляки, была оставлена под стенами Ярослава для предупреждения вылазок горожан:

«...пещци же остави противу вратомъ града, стеречи вратъ, да не изыдут на помощь Данилу и не съсекут пороковъ»¹.

¹ ПСРЛ, II, 802.

Фактически Ростислав изолировал от боестолкновения значительную часть пехоты, то есть рядовых воинов, которые остались либо под городскими стенами Ярослава, либо в составе запасного полка Фильгия. Вперед выступили тяжеловооруженные рыцари, ожидавшие от битвы новой серии единоличных противоборств по правилам великосветских турниров.

С началом боя никто затягивать не стал. Судя по всему, день 17 августа 1245 г. уже клонился к концу, так что стороны пребывали в нетерпении¹. Медленно двигались русские «пешцы» на врага, «пюндоста с тихостью на брань, сердце же ею крепко бе на брань и үстремлено на брань»². Ростислав демонстрировал большую скорость перемещений. После краткого обстрела лучников он двинул на противника своих всадников. Их целью была хоругвь князя Даниила, удар наносился именно по этому полку. Однако дворский Андрей предупредил действия противника и заслонил левый фланг: «үскоривъ, сразися с полкомъ Ростиславимъ»³. План Даниила заключался в том, чтобы ввязать в схватку в центре и оттянуть к реке как можно больше интервентов, после чего ударить на них с фланга. Ростислав, вероятно, был настолько уверен в победе, что просто пустил вперед тяжеловооруженную конницу, оставив в тылу пехоту, призванную потом довершить дело. Впечатление, которое производили эти великолепные, закованные в дорогостоящие доспехи рыцари, было очень сильным, и одно оно могло обернуть в бегство неискушенного русского «воя» или степного кочевника. Так и произошло с некоторыми половцами, обратившимися в бегство сразу после переправы через Сан, только завидев солнечные блики на латах польско-венгерских воинов. Но это было только исключение из правил. Другие ратники галицко-волинской коалиции не только не дрогнули, но и проявили в ходе сражения чудеса мужества и стойкости.

Дружина дворского Андрея встретила первый удар венгерской кавалерии лесом копий, «копьем же изломившимся, яко от грома тресновение высть». Сокрушительного удара не получилось.

¹ Дата отмечена в летописи: «на канунъ великую мученику Флора и Лавра» (ПСРЛ, II, 805). Ее совершенно справедливо интерпретируют как 17 августа 1245 г. большинство исследователей (Пашуто, 1950. С. 85; Włodarski, 1966. S. 127; Котляр, 1997. С. 117).

² ПСРЛ, II, 802.

³ ПСРЛ, II, 803.

Всадники вынуждены были остановиться и ввязаться в позиционный бой. На левом фланге польские рати Флориана врубались в полки князя Василька и, как сообщает летопись, «крепко идуща» с криками: «Поженемъ на великыи бороды!». Очевидец вспоминал: «И силен глас ревуше в полку их»¹. Даниил же, пройдя через «дебрь глубокую», с основными силами ударил на «задний полк» Фильния.

Сражение было предельно упорным и жестоким. Потери каждой из сторон были очень значительными: «мнози падша с коней и умроша, инии уязвени быша от крепости ударения копеинаго». Воины дворского Андрея долго сдерживать натиск тяжелой кавалерии не могли и начали постепенно отходить к Сану, оставляя за собой груды мертвых тел. Даниил, все еще выжидавший нужного момента, чтобы ударить на нападавших сзади, послал к Андрею небольшое лишь на вид подкрепление. Оно состояло из «20 муж избранных», то есть двадцати рыцарей с оруженосцами и сопроводительными отрядами. Всего не менее ста профессиональных воинов. Но и это не спасло положения, Андрей неуклонно отступал, «крепки боряшеса с ними».

Наконец Даниил перестал скрывать истинное расположение своих полков и развернул свои основные части против бана Фильния. Он сам выехал «ис полку» и, располагая до того укрытыми отрядами стольника Якова Марковича и Шелва, молниеносным ударом опрокинул венгров, смял и приступил к истреблению. Воевода Шелв был убит, проткнут копьем («сбодену бывшу»). Даниил лично пробился к ставке Фильния, сорвал его хоругвь и изорвал в клочья. Венгры стали покидать поле боя, обращаясь в бегство. Беспokoйство в тылах привело к тому, что дрогнули полки и Ростислава, и Флориана:

«...паки же Данило скоро прииде на нь и раздрүши полкъ его и хорүговъ его раздра на полы, видив же се, Ростиславъ побеже и наворотнишася Угре на бегъ»².

¹ Эти воспоминания, по предположению В. Т. Пашуто, принадлежат самому князю Васильку (Пашуто, 1950. С. 233). Хотя весь рассказ (фактическая сторона) о битве под Ярославом, судя по весьма убедительным рассуждениям того же В. Т. Пашуто, принадлежит дворскому Андрею, чья роль в событиях неизменно подчеркивается (Пашуто, 1950. С. 85). Эта повесть записана летописцем (возможно, придворным Даниила Галицкого или холмским) не позднее 1246-го или 1247 г. (Котляр, 1997. С. 118).

² ПСРЛ, II, 804.

Князь Василько вместе с дворским Андреем преследовали отступавших. Старик Фильний пытался скрыться, но был схвачен дворским Андреем. В плен попал и пан Флориан. Спаситься удалось только самому Ростиславу, чье участие в битве, судя по вывихнутому плечу, было ограниченным.

Победа Романовичей была полной: «Үгре же и Ляхове мнози избьени быша и ятин быша». Даниил приказал казнить пленных венгерских рыцарей во главе с баном Фильнием «и инии Угре мнози избьени быша за гневъ» победителей. Умерщвлению подверглись и попавшие в плен галицкие оппозиционеры во главе с их предводителем боярином Владиславом¹. Лагерь («городъ») Ростислава с осадными орудиями был торжественно сожжен. Даниил и Василько не стали вступать в Ярослав, а остались на ночь посреди поле боя среди трупов («на месте воинномъ посреде трупья»), как бы предлагая противнику продолжить сражение. По средневековым канонам, подобные действия должны были продемонстрировать безоговорочность победы («являюща победу свою»): поле битвы принадлежало победителю².

В течение ночи постепенно возвращались воины, отправленные в погоню за противником. Они вели множество пленных и свозили награбленное, «користь многу». Другие в темноте разыскивали выживших однополчан. Их крики заполнили призванную быть триумфальной ночь после великой битвы под Ярославом: «...всее ноци клику не преста нищущимъ другъ другъ га»³.

Утром с «колодники многими» Даниил двинулся обратно к Холму. По дороге повстречались спешившие ему на помощь, но уже ненужные польские и литовские отряды, отправленные теперь с благодарностями домой. Дальнейшего наступления на Краков или в Венгрию волынцы, видимо, не планировали. То ли сказались боевые потери, то ли свои цели и так считали достигнутыми. Вероятно, имело место и то и другое.

¹ СДН, т. IV, 2, р. 66. Жестокое обращение с пленными было характерно и для другой стороны: Ростислав отрубил голову пленному галичанину.

² После «Раковорского побоища» (сражение при Раквере 18 февраля 1268 г.) новгородцы три дня стояли на поле боя, демонстрируя свою победу: «...новгородци же стаха на костех 3 дни» (НПЛ, 318).

³ ПСРЛ, II, 805.

17 августа 1245 г. под стенами Ярослава состоялась одна из крупнейших битв в истории Европы XIII в. Кроме этого, в событиях тех дней завершилась (окончательно и бесповоротно) бушевавшая более 40 лет перманентная гражданская война на западе Руси. Династия Романовичей утвердилась как в Галиче, так и на Волыни. Ни о каких других претендентах на эти столы мы более не услышим.

Баталия под Ярославом служит репером и для отношений с западными государями. Никогда более ни венгерские, ни польские войска не станут оспаривать власть над Галицией у русских князей. Более чем на столетие прекратятся попытки интервенции из Западной Европы. Все последующие годы жизни Даниила Романовича его прежние противники будут демонстрировать свое миролюбие. Даже король Бела начнет с 1246 г. искать союза с Галичем и Волынь¹. Под Ярославом произошел важнейший поворот в судьбах как западнорусских властителей, так и жителей региона, перелистнувших одну из самых печальных и одновременно славных страниц своей истории².

* * *

Кульминационные для летописца события августа 1245 г. затмевают в его изложении все другие. Перед исследователями образуется более чем двухлетняя лакуна в отношениях между Даниилом и монголами: 1243–1245 гг.

Только в конце 1245 г., уже после сражения под Ярославом, князь поедет к Батыю. До этого времени, казалось бы, контактов между ними не было. Причем Даниил в эти годы вел себя вполне спокойно и без оглядки на степь, занимался войнами с другими сопредельными государствами, боролся с внутренней крамолой. Как понять и чем объяснить такую уверенность в безопасности своих южных границ? Ведь там постоянно перемещаются вражеские орды, которые, однако, после налета Маномана и Балая не предпринимают враждебных действий. Единого объяснения такому положению, конечно, нет. Играл роль целый ряд факторов.

¹ См.: Ледерер, 1953. С. 21–22.

² О значении битвы под Ярославом см.: Грушевский, 1900. С. 155; Włodarski, 1966. S. 129.

Прежде всего, Батый сам не был заинтересован в обострении отношений на своих западных границах. Известно, что после смерти каана Угэдея все властные полномочия сконцентрировала в своих руках его вдова, хатун Туракина, в планы которой входила передача трона своему сыну Гуюку, рассорившемуся с Бату еще в 1240 г. в период Западного похода. Междуцарствие длилось более четырех лет. Все это время сторонники партий Бату и Туракины вели скрытую борьбу. Покоритель Европы, старейший Чингизид постоянно сказывался больным и сообщал о невозможности своего прибытия на курултай, выборы откладывались вплоть до лета 1246 г. Однако в итоге перевес оказался на стороне Гуюка, который и стал кааном в августе 1246 г. Даже после этого Бату уклонялся от встречи с ним, а когда затягивать было более невозможно, в начале 1248 г. медленно двинулся в путь. Новому каану также нужна была личная беседа с Бату, разговор, в результате которого могла решиться его дальнейшая судьба. В конце концов, следовало убить Бату, чтобы сохранить управляемость империи. Гуюк не выдержал и направился навстречу своему двоюродному брату, которому уже сообщили, что намерения его родственника недобрые. В итоге братья так и не встретились: Гуюк умер на расстоянии недельного пути от места возможного свидания, озера Алакул. Уже современники считали, что он был отравлен сторонниками Бату¹.

Таким образом, период 1243–1246 гг. был для монголов временем острых внутренних конфликтов. Шла борьба за власть в империи, борьба, которую Бату проигрывал. Он так и не смог помешать выборам Гуюка, хотя и перетянул на свою сторону клан потомков Толуя, в частности его сына Менгу. Скорее всего, все наличные его вооруженные силы были в постоянной готовности. Место их концентрации, очевидно, было смещено к восточным границам улуса, в казахские степи. Отвод на запад даже части войск мог привести к неблагоприятным последствиям, если бы вдруг вспыхнула гражданская война. В эти годы приходилось проявлять некоторую лояльность к покоренным областям, которые могли быть не только источником материального благосостояния, но и поставщиком вооруженных сил.

Даниил Галицкий, конечно, ничего не знал о внутривосточном раскладе сил в Монгольской империи. Он просто не поехал к

¹ См.: Рашид-ад-Дин, 1960. С. 80; Тизенгаузен, 1941. С. 65–66; Вернадский, 2001. С. 72–73.

Батыю, потому что не видел пока с его стороны новой угрозы¹. После битвы на Калке победители быстро ретировались и удалились в свою родную степную стихию. Кочевники — это же прежде всего единовременные грабители, которые редко прибегают к регулярному взиманию дани. Такое отношение привело вполне к позитивным результатам. Вплоть до 1245 г. монгольские военачальники не беспокоили Даниила. Однако долго так продолжаться не могло. На поклон к хану уже ездил великий князь Ярослав, ставший верным вассалом и союзником Бату. Туда же отправился беспокойный Михаил Черниговский, никогда не отличавшийся дипломатическим талантом. Властителю Галича и Волыни настоятельно напоминали, что пора и ему прибыть.

* * *

Вскоре после победы под Ярославом к Даниилу явились послы от хана Мауци («Могучеви»), после чего князь начал совещаться с братом и решил: «...не дамъ полу отчины своен, но едѹ к Батыеви самъ»². Цель посольства Мауци из летописи не совсем ясна. Вероятно, он потребовал отдать какие-то волости (возможно, Галич), аргументируя это тем, что князь не получал у Батыя санкции на управление ими. По указанию некоторых исследователей (А. И. Малеин), Мауци был вторым сыном Чагатая, причем, как писал Плано Карпини, его владения располагались восточнее Днепра (до Дона)³. Степи к западу от Днепра входили во владения другого хана, Куремсы (Коренцы, Хурумши), которого Н. П. Шастина считает третьим сыном Орды⁴. Примечательно, что не ближайший сосед Даниила — Куремса, а именно Мауци, чьи владения географически расположены значительно дальше, посылает гонцов к Даниилу. Надо полагать, правы те исследователи, которые видят в монгольских действиях некую серию намеков, направленных на привлечение галицко-волынского властителя в ставку хана на поклон. Степняки проявляли изысканную дипломатичность!

Романовичи только что закончили борьбу за свои родовые земли, разгромили польских и венгерских интервентов. Все их

¹ Ср.: Грушевський, 1900. С. 156.

² ПСРЛ, II, 806.

³ Плано Карпини, 1997. С. 72, 386, прим. 73 (А. И. Малеин).

⁴ Плано Карпини, 1997. С. 72, 386, прим. 74.

помыслы вплоть до великой победы под Ярославом были обращены к междоусобицам и пограничным конфликтам. За прошедшее после монгольского вторжения время они не успели отремонтировать оборонительные линии своих стольных городов, укрепить их. И был Даниил «в печали велици, зане не утвердилъ бе земле своея города»¹. Конфликта с монголами в таких условиях следовало избегать. Нужно было время для того, чтобы подготовиться к новой борьбе. И князь решает ехать на поклон к Батыю.

В путь двинулись 26 октября 1245 г., «на праздникъ святого Дмитрея, помолвився Богѹ», и вскоре прибыли в Киев, который «обдержажу» Ярослав Всеволодович через своего боярина Дмитрия Ейковича². Даниил в городе останавливаться не стал, а направился к Выдубицкому монастырю, у которого была переправа через Днепр³. В летописном известии нигде не встречается имя Михаила Всеволодовича, который, как мы помним, после возвращения из Мазовии в 1242 г. пытался контролировать древнерусскую столицу, но, потерпев неудачу, бежал в Венгрию. Город занял Ярослав, получивший на это санкцию монголов. Михаил после 1243 г. должен был довольствоваться Черниговом. Возможно, у него было намерение вернуть Киев, ради чего велись переговоры с королем Белой, а затем Батыем. Ничто не помогло, и Михаил сложил голову в далекой Орде.

Роль черниговского князя после монгольского нашествия выглядит незавидной. Его земли разорены, а противники усилились. Даже собственный сын после неудачной авантюры в Галиции покинул его, отказался содействовать возвращению столь желанного Киева. Батый более полагался на верного Ярослава, нежели на престарелого и непостоянного Ольговича. Все злоключения Михаила в ханской ставке напоминают хорошо подстроенную провокацию, в основе которой была тонкая игра на чувствах православного воина. В итоге князь принял мученическую смерть и фактически завершил славную двухвековую историю черниговской династии Ольговичей. Его сын Ростислав после поражения

¹ ПСРЛ, II, 805–806.

² М. С. Грушевский считал, что речь идет о том тысяцком Дмитрие, который руководил обороной Киева в 1240 г. от лица Даниила, но затем перешел на службу к Ярославу (Грушевський, 1991. С. 456). Летописный текст не дает к этому никаких оснований, скорее наоборот. Эти люди даже именуется по-разному: боярин Ейкович и тысяцкий.

³ ПСРЛ, II, 806.

у Ярослава более никогда не вернулся на родину, а другие дети (Роман, Семен, Мстислав, Юрий) ничем примечательным не отличились, владея скромными наделами (Карачаев, Глухов, Таруса, Брянск и др.) в когда-то обширной Черниговской волости¹.

* * *

После смерти Михаила на Киев более никто не претендовал, он надолго закрепился за Владимирскими, а затем и Московскими князьями. В 1243 г. первым из русских властителей в ставку Батыя отправился великий князь Ярослав. Придворный великокняжеский летописный свод сообщает об этом очень гордо и помпезно:

«Великын князь Ярославъ поеха в Татары к Батыевнн, а сына своего Костянгина посла къ Кановн; Батын же почти Ярослава великого чествью и мѹжи его, и отпѹсти, и рекъ емѹ: “Ярославе, буди ты старен всемъ княземъ в Русскомъ языке”; Ярославъ же възвратися в свою землю с великою чествью»².

Признав за Ярославом старейшинство, Батый фактически закрепил за ним контроль над днепровской столицей Руси. Более того, суздальский сюзеренитет, вероятно, должен был быть восстановлен и в некоторых других южных землях (например, Переяславле). Подобный статус, конечно, не должен был обольщать. Фактическими хозяевами окрестностей как Киева, так и Переяславля были монголы, точнее, подведомственные им половцы. Именно так рисует нам ситуацию в своем повествовании Иоанн де Плано Карпини.

Этот итальянский брат-минорит (францисканец) был направлен папой Иннокентием IV к монгольскому хану с тайным посла-

¹ Ростислав получил от тестя банат в Словении, а в 1247 г. Бела создал для него новый банат Мачву (между реками Дунаем, Дриной, Савой и Моравой) со столицей в Белграде, где тот и умер в 1263 г. (Wlodarski, 1966. S. 133; Грушевский, 1900. С. 150, прим. 3; Котляр, 1997. С. 118). Вплоть до смерти Ростислав называл себя князем Галицким. Так в грамоте 1247 г. он назван «Ratislao illustri duce *Galliciae* et bano totius Sclauoniae» (CDH, t. IV. vol. 1, p. 454; vol. 2, p. 218). Примечательно, что князем Галиции и Волыни именовал себя в официальных документах и венгерский король Бела IV: «Bela Dei gracia Ungarie, Dalmacie, Chroacie, Rame, Seruie, *Gallicie*, *Lodomerie*, Cumanique Rex» (Wenzel, 1861. S. 92, 100, 101, 194, 224, 269; №№ 54, 59, 60, 121, 147, 179. Эти документы датированы 1239, 1240, 1247, 1252 и 1256 г. соответственно). О других детях Михаила Черниговского см.: Рапов, 1977. С. 130.

² ПСРЛ, I, 470.

нием, цель которого была склонить империю к сотрудничеству, а возможно, и крестить. Из Лиона он выехал 16 апреля 1245 г. и летом того же года прибыл к Конраду Мазовецкому, у которого в гостях застал Василька Романовича. Князья явно совещались о дальнейших действиях после разгрома Ростислава и венгров под Ярославом (17 августа 1245 г.)¹. Плано Карпини описывает эти события так:

«В это время по споспешествующей нам милости Божией туда прибыл господин Василько, князь России, от которого мы полнее узнали о настроении татар. Именно он посылал туда своих послов, которые вернулись к нему и брату его, Даниилу, с охранной грамотой для проезда к Бату для господина Даниила. Василько сказал нам, что если мы захотим поехать к ним, то нам следует иметь великие дары для раздачи им, так как они требовали их с большою надоедливостью, а если их не давали, то — что вполне правдиво — посол не мог соответственно исполнить своих дел; мало того, он, так сказать, не ценился ни во что»².

Особенно следует отметить то, что Даниил к лету 1245 г. уже имел охранную грамоту к Батыю, для чего посылал к нему гонцов. Вероятно, переговоры с монголами Романовичи начали давно (не позднее осени 1244 г., а может, и раньше). Они затягивались, но в конце 1245 г. все же завершились поездкой Даниила на Волгу. Именно этот продолжительный переговорный процесс должен был дать русским князьям уверенность в своем тыле во время войн с Польшей и Литвой (1243–1245 гг.). Причем когда Конрад стал просить Василька о содействии папским посланникам в их «переезде к татарам», то тот «охотно» согласился это сделать³. Все говорит о том, что князь знал, как обеспечить безболезненный проезд к монголам, — путь был наезжен.

До Киева монахи беспрепятственно добрались зимой 1245 г., а уже 4 февраля 1246 г. двинулись дальше: «...на лошадях тысячника и с провожатыми поспешно отправились из Киева к иным вар-

¹ Это можно заключить из сообщения Плано Карпини о том, что Василько поехал к Конраду после того, как Даниил отправился к Батыю: «Здесь они читали местным епископам грамоту о желательности единства Церкви, но не могли решить до возвращения Даниила, который отправился к Бату, когда Василько отправился к Конраду» (Плано Карпини, 1997. С. 69).

² Плано Карпини, 1997. С. 68.

³ Плано Карпини, 1997. С. 68.

варским народам». Вскоре они прибыли в Канев (120 км от Киева), который находился уже «под непосредственной властью татар»¹. Таким образом, зона монгольской оккупации проходила примерно по северному побережью р. Рось. Русские имели только номинальную власть в небольшой округе вокруг Киева. Плано Карпини даже не упоминает, что верховным сюзереном этих земель считался Ярослав, знакомый ему лично как «русский князь Ярослав из Суздаля»². Оказывается, это было малозначимой информацией или просто никак не отражалось на жизнедеятельности и администрировании поднепровского региона. Из дальнейшего повествования итальянца становится ясно, что действительной властью здесь обладал хан Куремса, к которому они прибыли через пять дней:

«Этот вождь является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох»³.

Армию Куремсы монах, по слухам, оценил в 60 тысяч воинов, что, конечно, преувеличение. Именно этот хан дал посланцам сопроводителей вплоть до ставки Бату, причем когда те возвращались летом 1247 г., сопровождение не покидало их вплоть до «русского города Киева»⁴. Монголы чувствовали себя в Поднепровье хозяевами, а русский протекторат такого эфемерного властителя, как северо-восточный Ярослав, удаленный на тысячи километров, как и Бату, не играл никакой особой роли в военно-политической или экономической жизни региона.

Плано Карпини писал, что «в бытность нашу в Руссии был прислан туда один сарацин, как говорили, из партии Гуюк-хана и Бату, и этот наместник [*Baschathos* = башаф = баскак] брал людей», «остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал»⁵. Речь, скорее всего, идет о событиях 1247 г., когда Гуюк уже стал кааном, а область «Руссии» для итальянцев, надо полагать, совпадает

¹ Плано Карпини, 1997. С. 70.

² Плано Карпини, 1997. С. 77.

³ Плано Карпини, 1997. С. 71.

⁴ Плано Карпини, 1997. С. 83. На обратном пути у хана Куремсы (Жоренцы) Плано Карпини застал «киевского сотника Монгрота и его товарищей» (Плано Карпини, 1997. С. 83), которые сопровождали послов часть пути.

⁵ Плано Карпини, 1997. С. 58. В квадратных скобках — комментарий автора данной книги (Д. Х.).

с регионом вокруг Киева и Переяславля. Таким образом, в это время здесь уже была введена прямая податная система Монгольской империи. Примерно в те же годы подобная система была введена и на северо-востоке Руси во владениях Ярослава Всеволодовича.

О Киеве и южнорусских землях, включая Чернигов и Переяславль, источники вообще практически не содержат известий, относящихся ко второй половине XIII в.¹ Это было так называемое темное время. Нет определенности не только в том, кто тогда владел этими областями, но даже в том, существовали ли там населенные пункты. Историки XIX в. порою писали о полном запустении Киева, а также об уходе населения из этих земель. Последние археологические обследования не подтверждают этих выводов. Но в плане объема информации они не многое восполняют. Существуют только серия мнений и домыслы. В частности, номинальным сюзереном Киева в конце XIII в. М. С. Грушевский считал владимиристо-суздальского князя². Поздняя Густынская летопись даже совершила примечательную описку, обозначив под 1305 г., что «паки начатъ въ Киевѣ княжити Иоанъ Даниловичъ Калита»³. Как бы то ни было, но очевидно, что в 1240-е гг. владельцем Поднепровья был Ярослав, а затем его дети.

* * *

Даниил Галицкий в начале ноября 1245 г., направляясь к Батыю, задержался для молитвы в Выдубицком Михайловском монастыре. Его провожали, как на смерть. Никто из современников не верил, что монголы даруют ему жизнь после разгрома зависящих от них Болоховских князей, а также длительного уклонения от поездки и изъявления личной покорности хану. По мере продвижения в сторону ставки Батыя опасения галицкого посольства возрастали:

«Изиде из монастыря въ лодыи, видя беду страшну и грозну, и прииде Переяславлю, и стретоша Татарове, отгтуда же еха къ Куремесе, и виде яко несть в нихъ добра...»⁴.

¹ Об экономической жизни региона в эти годы см.: Русь, 2003. С. 59–65; Ивакин, 1982. С. 57–82.

² Грушевський, 1991. С. 447.

³ ПСРЛ, II (1843), 348.

⁴ ПСРЛ, II, 806.

Особенно оскорбляли князя наблюдения за монгольскими языческими обрядами, в которых волей-неволей приходилось участвовать. В Батыевом лагере на Волге к Даниилу специально заходил «человек князя Ярослава» с явно тюркским именем («**Сънъгүрүви**»), который убеждал его в необходимости исполнения всех языческих процедур, в частности поклонения кусту: «...**братъ твои Ярославъ кланялся кусту и тебе кланяться**»¹.

После многочисленных приготовлений и условностей галицкий князь был принят Батыем. Летописец достаточно подробно передает их разговор:

«Данило, почему раньше не приходил, а теперь пришел? Но и то хорошо. Пьешь ли черное молоко, наше питье кобылье, кумыс?» («**Данило, чему еси давно не пришелъ, а ныне оже еси пришелъ, а то добро же, пьеши ли черное молоко, наше питье кобылини, кумүзъ**»), — встретил хан князя легким упреком и любезными вопросами, что, конечно, на дипломатическом языке должно было означать уважительное отношение и даже расположение.

Даниил отвечал тем же:

«Раньше не пил, но теперь ты велишь, поэтому пью» («**Доселе есмь не пилъ, ныне же ты велишь, пью**»).

В ответ князь удостоился предельной похвалы:

«Ты уже наш, монгол! Пей же наше питье!» («**Ты үже наш же Тотаринъ, пии наше питье**»)².

Даниил испил кумыса и поклонился «по обычаю их», после чего направился на прием к ханше. Батый избрал в качестве формы общения с Даниилом предельную любезность. Все должно было склонять князя к сотрудничеству. Он должен был чувствовать себя в родной семье: «...ты теперь свой, наш, один из владетелей в рамках великой мировой монгольской империи! Ты велик, как и я, как и мы!».

«**О злее зла честь Татарская!**» — восклицает по этому поводу летописец. Позор и срам все это для русского князя, отец которого

¹ ПСРЛ, II, 807.

² ПСРЛ, II, 807.

(Роман Мстиславич) «*бе цесарь в Рускои земле, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все*»¹. Пробыв у Батыя 25 дней, с тяжелым чувством возвращался домой Даниил. Хотя «*отпущень бысть и поручена бысть земля его ему, иже вяху с нимь*», но внутренний осадок от этого визита остался тяжелый. Более этого путешествия князь не повторит.

Все последующие годы своей жизни Даниил проведет либо в борьбе с монгольскими военачальниками, либо в подготовке к ней. Он теперь однозначно воспринимал установленные даннические отношения и личную зависимость как меры временные. С одной стороны, его близость с Батыем способствовала росту его авторитета в западноевропейской политике. Он мог не беспокоиться о южном пограничье и полностью сконцентрироваться на западных делах. После смерти в 1247 г. Конрада Мазовецкого, а вскоре и его старшего сына Болеслава Романовичи активно включились в польские княжеские усобицы, поддерживая одного из сыновей Конрада, Земовита, в ущерб другому сыну — кувявскому князю Казимиру². В промежутках совершали крупные карательные походы на ятвягов³. Тогда же (примерно в 1248–1249 гг.) участвовали во внутреннем конфликте в Литве, поддерживав племянников Миндовга жемайтских князей Товтивилла, Едивида и Выкинта⁴. А в 1248 г. Даниил даже ввязался в войну за австрийское наследство, стремясь утвердить герцогство за своим сыном Романом. В ходе войны галицко-волынские полки доходили вплоть до города Опавы (в 1253 г.), а отдельные отряды действовали и в Австрии (до конца 1253 г.)⁵. На такую активную внешнюю политику, граничащую с авантюризмом, можно было решиться только будучи сверх меры уверенным в собственных силах и уповая на полную безопасность со стороны монголов.

С другой стороны, как было отмечено выше, в эти годы не затухала внутренняя борьба в Монгольской империи. Избранный летом 1246 г. великий хан Гуюк находился у власти не более двух лет, после чего был отравлен. Последовало новое междуцарствие, во время которого Бату проявлял предельную активность. В эти

¹ ПСРЛ, II, 808.

² ПСРЛ, II, 809–810.

³ ПСРЛ, II, 810–813.

⁴ ПСРЛ, II, 815–820.

⁵ ПСРЛ, II, 813–814, 820–826. См. об этом: Wlodarski, 1966. S. 136–151; Котляр, 1997. С. 124–127.

годы сложилось противостояние двух группировок Чингизидов: дома Джучи и Толуя, с одной стороны, и дома Чагатай и Угэдея — с другой. В 1250 г. Бату созвал курултай из своих сторонников. На нем кааном был избран старший сын Толуя Менгу (1250–1259). Бату заставил других родственников признать эти выборы, а сам вплоть до своей смерти в 1255 г. считался фактическим соправителем. Рашид-ад-Дин писал об этом так:

«Он [Бату] сам возвел [дословно — “поднял”] Менгу-каана на каанство и заставил всех своих братьев, родственников и эмиров подчиниться и покориться ему. Он послал вместе с ним своего брата Берке и своего сына Сартака, который был наследником престола, с тремя туменами войска, дабы они в местности Онон и Келурен, которая была коренным юртом Чингисхана, посадили его на престол каанства и трон миродержавия и исправили и загладили бы козни детей Угэдэй-каана, замысливших вероломство»¹.

Только после 1250 г. Бату начал внимательно заниматься делами на западе своего улуса. Эпоха лояльного формализма закончилась. Более 10 лет не было русско-монгольских вооруженных конфликтов, после налета отрядов Маномана и Балая в 1243 г. только в конце 1252 г. состоялось новое нападение. Летопись сообщает о нем под 1255 г.:

«В та же лето, или преже или потомъ, приехаша Татаре ко Бакоте и приложися Милей к нимъ; Данилови же, пошедшү на воннү на Литвү <...>, посла сына си Лва; на Бакотү посла Левъ дворянского передъ совою, изъехавше, яша Милея баскака и приведе Левъ Мелея отцү си»².

Фактически описан пограничный конфликт, в котором некий наместник Бакоты Милей выступает перебежчиком и провокатором. Он стремится к усилению своей власти, независимости, которую легче поддерживать при предельно удаленном хозяине, таком как монгольский хан, а не русский князь. Он обращается к ближайшему монгольскому военачальнику Куремсе, который начинает оказывать ему покровительство. Лев Данилович захватыв-

¹ Рашид-ад-Дин, 1960. С. 80–81; Тизенгаузен, 1941. С. 66–67. В квадратных скобках — дополнения автора данной книги (Д. Х.).

² ПСРЛ, II, 828.

вает Милея и отводит к отцу, но тот, поверив словам о покорности, отпускает его. Милей бежит к Куремсе и начинает подстрекать его к походу на Русь.

Следует заметить, что все эти действия как Милея, так и Куремсы совершенно незаконны по тем установлениям, которые действовали в Монгольской империи. Даниил держал свои земли (в частности, Бакоту) с соизволения и из рук Батыя. Куремса мог претендовать на эти владения разве только с санкции самого Батыя. Именно так, скорее всего, дело и обстояло. Даниил был уверен в случайности конфликта и даже не стал отзывать свои основные вооруженные силы из Литвы или Польши, послал молодого сына с небольшой дружиной. Князь сохранял уверенность в незыблемости своих договоренностей с ханом. Вероятно, все эти годы (1245–1252), исправно выплачивая дань и необходимые подношения, он вел исключительно независимую внешнюю политику, лишь номинально признавая над собой монгольскую власть. Теперь ситуация менялась. Хан желал большего. Именно при его покровительстве Куремса начинает регулярные вторжения в Западнорусские земли. По мнению исследователей, первый налет Куремсы на Каменец состоялся примерно в конце 1252 г.¹ А когда в 1253 г. начались переговоры Даниила о принятии королевской короны от папы Римского, то в летописи замечено, что «*рать Татарская*» тогда «*не перестаетъ, зле живущи с нами*»².

Начался новый этап борьбы Галицко-Волынского княжества с монголами. Результатом ее было еще большее разорение земель и городов. Поначалу Даниил успешно противостоял Куремсе, периодически громил его отряды, за что хан грабил ближайшие к степи волости. Такое положение перестало устраивать монгольское руководство, когда к власти в улусе Джучи пришел брат Батыя Берке (около 1258 г.). Перед этим сошли в могилу (говорят, не без содействия Берке) все дети и наследники Бату (Сартак, Улагчи). Фактически произошла смена династии. Берке начал менять и военачальников в отдельных регионах. От власти был отстранен

¹ В. Т. Пашуто считал, что конфликт в Бакоте с Милеем разразился в 1254 г., а поход на Каменец состоялся чуть позже (Пашуто, 1950. С. 272). Но скорее всего, речь идет о событиях 1252 г., а поход на Каменец состоялся зимой 1252–53 гг. Эта война уже шла в то время, когда летом 1253 г. Даниил принимал послов папы Римского (См.: ПСРЛ, II, 826). Того же мнения придерживается Н. Ф. Котляр: Котляр, 1997. С. 130.

² ПСРЛ, II, 826.

Куремса, которого в 1259 г. сменил Бурундай, пришедший с большими подкреплениями и ставший проводником более жесткой политики в отношениях с Русью¹.

Никакой помощи для сопротивления монголам Даниил не получал. Его переговоры с Западом закончились ничем, христианские армии не пришли. Еще некоторое время после его смерти (1264 г.) Галиция и Волынь противостояли интервентам, но затем стали быстро слабеть. Часть земель отошла к усилившейся Литве, часть — к Польше и Венгрии, а другие постепенно перешли под прямое управление монголов. Рассуждения об этом выходят за рамки нашего изложения, которое следует завершить именно войной 1252–1253 гг., которая стала знаменательной вехой в русско-монгольских отношениях. Режим взаимности сменялся различными формами давления и диктата, мирное сосуществование — вооруженной склокой, даннические отношения — регулярными грабежами. Князья не справлялись, жители покидали родные места, утаптывая почву для экономического спада. Возможно, надвигалось то самое «*иго*».

§ 2. СЕВЕРОРУССКИЕ ЗЕМЛИ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ МОНГОЛОВ ИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОХОДА

Отношения Владимиро-Суздальского и Новгородского княжеств с монголами существенно отличались от тех, что сложились на юге и западе Руси. Уже в 1240 г. великий князь Ярослав отказывается от реального вмешательства в дела Киева и Галича. Он занял в этих условиях наиболее выгодную позицию выжидания. Кроме того, в эти годы осложнилась ситуация на границе с Прибалтикой.

Слухи о разорении Руси монгольским вторжением, распространившиеся в Западной Европе, привели к тому, что в 1240 — начале 1241 г. сразу несколько католических государей совершили походы в новгородские земли². 15 июля 1240 г. сын великого князя Ярослава Александр разгромил разведывательный отряд шведов в устье Ижоры. Рыцари Тевтонского ордена в союзе с Тартуским епископом в то же время совершили нападение на Псков,

¹ ПСРЛ, II, 846; Черепнин, 1977. С. 202–203.

² Матузова, Назарова, 2002. С. 227.

захватили Изборск, а потом разграбили Водскую землю Новгородского княжества. Тогда ими была заложена крепость в Копорье, призванная закрепить немецкие завоевания в этой области. Отдельные партии интервентов доходили «за 30 верст до Новгорода», разорили городки по Луге, взяли Тесово. В том же 1240 г. на южных границах было осуществлено масштабное вторжение со стороны Литвы¹.

Вернувшийся на новгородское княжение в 1241 г. князь Александр Ярославич (Невский) в 1241 г. совершил ряд походов, призванных вернуть утраченные в результате нападений прошлого года земли. Взяли Копорье, отвоевали Водскую землю. В ответ немцы захватили Псков.

В начале 1242 г. княжич Александр привлек к конфликту своего отца, который направил в помощь новгородцам полки из Переяславля Залесского. С этой армией новгородцы в начале апреля отвоевали Псков, а 5 апреля нанесли крупное поражение силам Тевтонского ордена и Тартуского епископства в битве на Чудском озере (Ледовое побоище). К концу года был заключен мир.

Кроме этого обширного конфликта на русско-немецком пограничье в 1240–1242 гг., у нас практически нет известий о деятельности суздальских князей в то время. Первое свидетельство об активности князя Ярослава, кроме посылки войск под Псков, связано с его поездкой к Батыю. По Новгородской первой летописи, приглашение прибыть в Орду поступило еще в 1242 г. Причем направлено оно было из ставки великого каана («цесаремъ Татарскимъ»), то есть, возможно, еще Угэдеем. Однако Ярослав поехал к Батыю («воеводе татарскую»), а в Каракорум послал сына Константина:

«Тоже лета князь Ярославъ Всеволодиць позванъ цесаремъ Татарскимъ, и иде в Татары къ Батыеви, воеводе татарскую»².

Это обстоятельство может быть названо примечательным: оно свидетельствует о том, что мирные отношения с Северо-Восточ-

¹ См.: НПЛ, 294–295; Матузова, Назарова, 2002. С. 229–241.

² НПЛ, 297. В Синодальном списке НПЛ акценты расставлены иначе: позвал Ярослава «цесарь татарский Батый», к которому князь и поехал (НПЛ, 79). См. также: ПСРЛ, VII, 151.

ной Русью монголы собирались установить по собственной инициативе и на разных уровнях. Смерть Угэдея и изменившаяся политическая обстановка в империи привели к тому, что Ярослав был задержан Батыем, а в ханскую ставку поехал только Константин Ярославич. Уже при первых контактах суздальских князей с монгольскими ханами они оказались включенными в сложную внутривластную игру евразийского масштаба.

Первый прибывший на поклон к Батыю в начале 1243 г. великий князь Владимирский Ярослав был им обласкан и наделен всеми мыслимыми титулами и всеми владениями, на которые он претендовал¹. Прежде всего его сюзеренитет был признан над Киевом, магически притягивающим всех князей Рюриковичей. В 1240 г. он отказался от владения Поднепровьем, предложенного Даниилом. Вступать в конфликт с монголами не пожелал, а теперь, спустя два года, получил то, что желал; причем — без кровопролития, из рук «покорителя мира». В союзе с Батыем Ярослав становился не только самой авторитетной фигурой на Руси, но и заметным участником внутримонгольской политической жизни. В империи в это время разгоралась борьба за власть, продлившаяся для Батыя вплоть до утверждения кааном Менгу в 1250 г. Условия заставляли хана в большей мере желать заполучить новые воинские контингенты, нежели пополнить материальные ресурсы, увеличив объем собираемой дани. Судя по всему, Батый вообще был не склонен как-то упорядочивать систему постоянных даннических выплат, его устраивала традиционная форма подношений, богатых подарков, доставляемых князьями лично. Возможно, с этим в значительной мере были связаны и многочисленные поездки княжичей в Орду в 40-е гг. XIII в.

Шел медленный процесс оформления данничества. Вернувшись с Волги в середине 1243 г., Ярослав уже в следующем, 1244 г. направил на поклон к Батыю ростовских Константиновичей: Владимира Константиновича, Бориса Васильковича и Василия Все-

¹ Существует указание Новгородской IV летописи о том, что в 1242 (6750) г., накануне поездки отца, к Батыю ездил Александр Невский (ПСРЛ, IV, 228). Однако, судя по тому, что в этом известии упоминается и поездка «къ канови» Олега Рязанского, можно предположить, что произошла некоторая путаница в датах — вместо 1252 (6760) был отмечен 1242 (6750) г. В 1252 (6760) г. Александр Ярославич действительно ездил в Орду, и в том же году монголы наконец отпустили пленного Олега Ингваревича Рязанского (ПСРЛ, I, 473). В Новгородской IV летописи это сообщение отсутствует (ПСРЛ, IV, 230).

володовича¹. Хан их «почтил» и отпустил, «рассудивъ имъ кождо в свою отчину»². Сложно из такой скупой информации однозначно уяснить причины этой поездки. Настораживают следующие факты. Во-первых, старейшим был признан Ярослав, которому, в таком случае, были подведомственны и княжичи ростовской династии. Однако те сами направляются в Орду и получают свои отчины из рук хана, что существенно нарушает феодальную субординацию («вассал моего вассала — не мой вассал»). Во второй половине XIII в. ростовские князья «превратились со временем в настоящих “служебников” хана»³. Они выступали неизменными апологетами монгольского господства в регионе. Не произошло ли в 1244 г. некое изменение волостной иерархии на северо-востоке Руси? Во-вторых, хан, судя по летописи, «рассудил» ростовцев, то есть выбрал из нескольких предложенных альтернатив. Возможно, существовал некий спор о владельце тех или иных волостей? Или это просто расхожее выражение? И в-третьих, под 1245 г. летопись сообщает о совместной поездке Ярослава «с своею братиею и с сыновцы [племянники]» к Батыю. То есть никакого конфликта нет или они все вместе двинулись к хану на суд? Как бы то ни было, но позднее князья ростовской династии выступают в качестве зависимых от Владимира Залесского владельцев. Если волостной конфликт и существовал, то он был скоро разрешен.

В 1245 г. из ставки каана возвращается Константин Ярославич, после чего Ярослав направляется к Батыю с блистательной делегацией, включавшей в себя фактически всех князей Северо-Восточной Руси: Ярослав, Святослав и Иван Всеволодовичи, Владимир Константинович, Борис Василькович и Василий Всеволодович. Надо полагать, эта поездка не была рядовой. Завершался некий этап переговорного процесса, в который был включен весь административный аппарат как Владимиро-Суздальской Руси, так и Монгольской империи. Сложно рассуждать о подробностях достигнутых соглашений, источники практически не дают к этому оснований. Вероятно, была согласована форма зависимости, лич-

¹ ПСРЛ, I, 470. В некоторых летописях к этому списку прибавляют еще и Глеба Васильковича (ПСРЛ, I, 523), но подобная делегация и без того была слишком юной (Владимиру 29, Василию — около 16, а Борису — 12 лет): в 1244 г. Глебу должно было исполниться только 8 лет (Татишев, 1995 (2). С. 230).

² ПСРЛ, I, 470.

³ Каргалов, 1967. С. 137; Насонов, 2002. С. 256–267.

ные обязательства и права сторон. В поздней Новгородской III летописи по этому поводу говорится:

«В лето 6754 [1246 г.] при архиепископе Спиридоне Великого Новгорода и Пскова, великий князь Ярославъ Всеволодовичъ <...> началъ дань давать въ Златую Орду»¹.

Никаких подобных известий в других летописях не сохранилось. Можно предположить, что великокняжеский свод при позднейших редакторских правках пытался затемнить весь эпизод утверждения отношений монголов с суздальскими князьями. Позднейшие события, когда в 50-е гг. XIII в. миру с Ордой пришел конец, а утрата единства русских земель привела к тому, что даннический гнет лег на плечи мелких волостей и неизбежно усилился, показали непопулярность подобных контактов. Славы властителям подробности принести не могли, поэтому они были изъяты, сохранилась только общая канва произошедшего.

* * *

По завершении визита в конце 1245 г. все князья вернулись домой, а Ярослав поехал дальше в Каракорум на курултай по выборам нового каана. Причем сам Батый, сославшись на ревматизм, туда не поехал, и суздальский властитель выступал представителем чуть ли не всего улуса Джучи (без права голоса, конечно). На обратном пути из монгольской столицы 30 сентября 1246 г. Ярослав умер в казахских степях, будучи, как писали современники, отравлен хатун Туракиной, матерью нового каана Гуюка². Сама смерть князя вплеталась во взаимоотношения внутри рода Чингизидов. Возможно, она должна была служить угрожающим намеком Батыю, который находился в оппозиции к великому хану.

О каких-либо внутренних событиях на северо-востоке Руси русские летописи не сообщают. Все изложения сконцентрированы на перечислении поездок в Орду и смене князей. Остается предполагать, что ничего важного, достойного памяти потомков,

¹ ПСРЛ, III, 220.

² По сообщению Софийской I летописи (и Степенной книги) Ярослав Всеволодович погиб в Орде, будучи «завистными винами оклеветанъ бысть отъ некоего Федора Яруновича» (ПСРЛ, VI, 325–326; XXI, 254). Однако действительной причиной, вслед за А. Н. Насоновым, следует признать противоречия монгольского великого хана и хана Бату (Насонов, 2002. С. 236–238). О других, порою экзотических версиях, см.: Рамм, 1959. С. 162–164; Каргалов, 1967. С. 139.

не происходило: храмы не закладывались и не освящались, голода не было, междоусобицы не зрели, войны не велись — тишина. Область постепенно возрождалась после погрома 1238 г. и страхов 1239–1240 гг. Добрые отношения с Батыем давали к этому хорошии предпосылки.

Смерть Ярослава нарушила спокойствие. Разгорелась внутренняя усобица, первая после мелкого конфликта 1232 г. и битвы на Липице 1216 г. Инициатором ее выступили Ярославовы сыновья: Александр, Андрей и Михаил. Княжичам грозило отстранение от власти, а возможно, и лишение волостей, ведь отец умер, когда многие из них были еще очень молоды. А для Александра утрата близости с великим князем могла привести к потере новгородского стола. Требовалось немедленное вмешательство.

Пока Ярославичи находились в замешательстве, великокняжеский стол — в соответствии с русским родовым правом — в конце 1246 г. занял следующий по старшинству Святослав Всеволодович:

«Святославъ князь, сынъ Всеволожь, седе в Володимери на столе отца своего, а сыновци свои посади по городомъ, якожь бе имъ отецъ урядилъ Ярославъ»¹.

Никаких серьезных изменений в волостных держаниях Святослав предпринимать не стал, но это не спасло его от гнева и недоверия племянников. У власти он не продержался и года:

«...и седе лето едино, и прогна и князь Михайло Ярославичъ»².

По другим летописям, Святослава выгнал Андрей Ярославич³, хотя, скорее всего, он действовал уже против Михаила, за которого потом вступился Александр. И началась «пря велия»⁴, для разрешения которой все участники решили ехать к Батью, верховному сюзерену, как и велит феодальное право. Причем отношения накалились настолько, что княжичи проделали путь в низовья Волги раздельно:

¹ ПСРЛ, I, 471.

² ПСРЛ, VII, 156.

³ ПСРЛ, IV, 229.

⁴ Татишев, 1996. С. 35.

«Поеха Андреи князь Ярославичь в Татары к Батыеви, и Олександръ князь поеха по брате же к Батыеви»¹.

Батый разбираться в распрях не стал, а отослал княжичей к Гуюку. Это был хороший повод для Батыя продемонстрировать свою лояльность к новому императору, которому предоставлялось право судить подвластных улусу Джучи. Пока князья отсутствовали, управление землей контролировал Михаил, после смерти которого в ходе военных действий в Литве во Владимире вновь сел Святослав Всеволодович.

Только зимой 1248–1249 гг. Александр и Андрей вернулись из Монголии, судя по всему, еще до смерти Гуюка, который успел передать и заставить исполнять свое решение: Александр получил «Кыевъ и всю Русьскую землю», а Андрей сел «в Володимери на столе»². По статусу старшим остался обладатель Киева, но фактически более значимым становился Андрей, располагавший теперь большими и материальными и военными возможностями.

Такое положение дел сохранялось недолго. Вскоре начался новый виток внутренних усобиц, из которых победителем, теперь уже безоговорочным, вышел Александр Невский, сумевший привлечь на свою сторону как монголов, так и жителей края. Считается, что Андрей пытался заигрывать с Западной Европой и Римом в поисках поддержки против монголов³. По сообщению В. Н. Татищева, он даже «дани и выходы» Орде стал платить «не сполна»⁴. В 1250 г. во Владимир прибыл новый киевский митрополит Кирилл, бывший печатник князя Даниила Галицкого:

¹ ПСРЛ, I, 471.

² ПСРЛ, I, 472.

³ Каргалов, 1967. С. 141. В. В. Каргалов считает, что вокруг Андрея Ярославича сложилась целая антимонгольская группировка князей (Каргалов, 1967. С. 142). Однако поддержка Андрея Ярославом Ярославичем Тверским была обусловлена тем, что его «княгиня и дети находились в войске Андрея во время битвы под Переяславлем-Залесским в 1252 г. (ПСРЛ, I, 473). А из того, что в 1253 г. Ярослава посадили у себя псковичи и пустили в город ладожане (ПСРЛ, I, 474; НПЛ, 307), выводится участие этих городов в антимонгольском альянсе. Все эти построения весьма зыбкие. И Псков, и Ладога, впуская к себе Ярослава Ярославича, стремились изменить свой статус на внутрирусской политической карте, а не затевали глобальной евразийской авантюры. Сам Ярослав мог быть случайно вовлечен в события под Переяславлем — ведь брат Андрей являлся его непосредственным сюзереном и мог ему просто приказать. В любом случае говорить о «группировке», состоящей из двух братьев (Андрея и Ярослава), не приходится.

⁴ Татишев, 1996. С. 36.

«...иде изъ Києва въ Черниговъ, таже прииде въ Рязань, таже прииде въ Суздадскую землю, и сретюша его князи и бояре съ великою честью»¹.

Кроме обычного объезда подведомственных областей, Кирилл проводил оценку положения русских земель; возможно, пытался наладить внутренние связи, нарушенные монголами, а также зондировал почву для возрождения военно-политического альянса Романовичей и Юрьевичей. Для прояснения обстановки митрополит даже посетил Новгород и находившегося там князя Александра, который, однако, не проявил интереса к антимонгольскому альянсу. Двигателем возрожденного союза стал Андрей Ярославич, который даже женился на дочери галицкого князя Даниила. В эти же годы Северо-Восточную Русь могли посещать и папские послы.

Поздние летописцы изображают Андрея благородным борцом против интервентов. В его уста вкладываются благочинные восклицания:

«...лѹтчи ми естъ бежати в чюжую землю, неже дръжитися и служили Татаромъ»².

Однако насколько дальновидны были планы княжича, сказать трудно. Скорее всего, основой его намерений была власть внутри волости, на которую претендовал старший брат Александр. Последний имел устойчивые отношения с Ордой и монгольскими ханами рода Джучи. Кроме того, статус новгородского князя вовсе не располагал к доброжелательным контактам с католическими миссионерами. Для Новгорода была характерна конфронтация с колонистами-крестоносцами, прикрывавшимися покровительством римского понтифика. При такой расстановке акцентов все действия князя Андрея напоминают провокацию, в ходе которой он же сам и пострадал.

Князь Александр Ярославич вынужден был обратиться в Орду за помощью, когда оценил надвигающуюся на него угрозу. Характерно, что позднее сторонник Андрея тверской князь Ярослав укрывался в городах-сателлитах Новгорода — Пскове и Ладого, для которых можно предположить желание обособиться от своей

¹ ПСРЛ, X, 137. Ср.: ПСРЛ, I, 472.

² ПСРЛ, X, 138.

волостной столицы. Эти действия, особенно в отношении Ладоги, носили решительно антиновгородский характер. Андрей и Ярослав выступали противниками не только Александра, но и Новгорода, что не могло пройти безнаказанно. Воспротивиться великокняжескому давлению на Новгород можно было только с помощью другой решительной силы — монголов. За поддержкой к ним и направляется князь Александр Невский, которому там дают «старейшинство во всей братии его» и вспомогательные войска под руководством Неврюя для наведения порядка¹.

В 1252 г. Неврюй подступает к Владимиру и изгоняет Андрея, который бежит в Скандинавию:

«...приде Неврюнъ и прогна князя Андрея за море»².

За монгольскими войсками в столицу Северо-Восточной Руси вступил новый великий князь Александр Ярославич (Невский). Судя по летописи, жители вместе с митрополитом Кириллом встречали его с хоругвями, крестами и иконами у главных городских Золотых ворот, безоговорочно признали своим властелином «и бысть радость велика в граде Володимери и во всей земли Буждальской»³.

После этого для великого князя Владимирского наступает новый этап в отношениях с улусом Джучи. За поддержку при возведении на стол необходимо было отвечать изысканной покорностью и дополнительными выплатами. Теперь складывалась уже иная структура взаимоотношений. Выбор, с которым так мучился Даниил Галицкий, опасавшийся монголов и ненавидевший их, был сделан на Северо-Востоке.

Сила обстоятельств заставила повернуть князя Александра Невского в сторону решительного уплотнения зависимости от монголов. Не он виновен в таком стечении обстоятельств. Можно было двинуться по галицко-волынскому пути и подвергать свои владения бесконечным нападениям, бойням и карательным операциям, в результате настолько измотавшим население, что переход под литовское покровительство казался им спасением и избавлением. Новгородско-перемыславский князь избрал другой —

¹ ПСРЛ, I, 473. Подробности этой поездки Александра в Орду см.: Татищев, 1996. С. 36–38.

² ПСРЛ, I, 524.

³ ПСРЛ, I, 473.

менее славный, но и менее кровопролитный — путь: компромисс, соглашение и регулярное задабривание, призванное предотвратить или, по крайней мере, регулировать новые вторжения, направить монгольское покровительство на благо своего государства. Именно линия, направленная на утверждение мирного сосуществования с Ордой, соответствовала тогда политическим интересам Владимирского княжества. События позднейшей истории Московского государства развивались именно в контексте такой установки, заданной и освященной святым князем Александром Ярославичем, покровителем скорбных испытаний русского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционной точкой зрения считается та, согласно которой «монголо-татарское нашествие», которое охватывает период с 1237-го по 1240 г., нанесло сокрушительный удар по экономике и социально-политическому положению Руси, погибла бóльшая часть населения, были разрушены и запустели крупнейшие города, а в уцелевших поселениях появились монгольские чиновники, заведующие сбором дани (баскаки). Подобное концентрированное изложение результатов вторжения нигде в литературе не встречается, но формируется в сознании читателя после ознакомления с основными выводами исследователей. Действительно, урон от вторжения Батыя, как на северо-востоке, так и на юге и западе Руси, был огромен. Были сожжены многие города, а люди или убиты, или уведены в полон. Факт погрома фиксируется археологически и по другим косвенным указаниям. Оспорить его невозможно.

Однако для полноты картины при описании того или иного явления бывает полезно ввести понятие «степени» (или «уровня»), а в нашем случае и такой показатель, как «охват», от которого будет зависеть и реанимационный коэффициент. Как только мы увлекаемся расстановкой подобных качественных акцентов, то описание событий 30–40-х гг. XIII в. приобретает другой, более прагматичный привкус.

***

Русские земли подверглись масштабному разорению. На северо-востоке страны погибли крупнейшие города. Уверенно можно сказать, что были сожжены Пронск, Ижеславец, Белгород, Рязань, Коломна, Москва, Суздаль, Владимир, Переяславль, Тверь,

Торжок. О других поселениях, как и о сельской округе, нет оснований высказываться так однозначно: сохраняется возможность оспорить те или иные письменные и археологические данные. При этом факт разгрома и поражения в войне налицо. Вооруженные силы страны были уничтожены, а значительная часть населения уведена в плен. Следует подчеркнуть, что в полон уводили чаще всего квалифицированных ремесленников и наиболее развитых физически людей, то есть урон численности дополнялся снижением профессионального уровня жителей.

Однако в экономической сфере решительным рубежом 1238 г. не стал. Почти во всех городах жизнь возобновилась, а порою даже приобрела дополнительную интенсивность. Изменились торговые связи, но не сразу и не полностью. Так, следует помнить, что между разгромом Северо-Востока и падением Киева прошло почти два с половиной года, за которые люди могли успеть восстановиться психологически и восполнить, хотя бы отчасти, урон своему хозяйству. Для жителей Руси нападение монголов на Киев было ожидаемым событием, к нему готовились. В области торговли оно не могло вызвать катастрофу. Скорее всего, русские купцы подготовились к нему и заранее переориентировали свои маршруты. Другое дело, что вслед за монголами за Днепр перешли и связанные с ними купеческие объединения из Средней Азии, для которых конкуренты были обузой. Киев остался перевалочной базой для товаров, но участники этого процесса стали другими. Теперь здесь Западная Европа встречалась непосредственно со Средней Азией, а местные посредники были устранены. Ярослав Всеволодович, сохранивший сюзеренитет над Киевом, не мог этому воспрепятствовать, в противном случае должны были обостриться отношения с ханской ставкой.

В экономическом плане Северо-Восточная Русь оказалась отрезанной от южной и западной. Позднее это размежевание только усугублялось. Усиление Литвы, отношения с которой оставались неровными, было для этого дополнительным фактором. Зона монгольских экономических интересов в южнорусских землях смыкалась с областями, контролируруемыми литовскими племенами, образуя клин между группами русских княжеств, возглавляемыми Ярославом и Даниилом. Произошла не только решительная переориентация торговых связей, но и их сокраще-

ние. Новые маршруты были сложнее технически, отчего такие сложные процессы, как культурные заимствования, стали менее интенсивными. Более открытым был восточный регион. Вступив в вассальные отношения с монгольскими ханами, владими́ро-суздальские князья распахнули для себя обширные просторы Азии, лишенной большинства таможенных барьеров и всех различий в политическом устройстве. Однако выход для этой линии транзитной торговли остался только через Новгород, притом что у самой Азии теперь имелся прямой беспрепятственный путь в Европу (через Киев). Все это вело к снижению для суздальских купцов прибыльности международной торговли, а затем и к переориентации (бóльшему вниманию) на внутренний рынок, для которого заморские товары не были приоритетными.

Результаты этих процессов можно наблюдать и в сфере внешней политики. Зоной активности владими́ро-суздальских князей стали Прибалтика и Литва. К тому, что теперь колонизационные проекты на востоке (мордва, болгары) осуществлять было негде, дополнялось и давление торговых слоев горожан. Необходимы были безопасные наземные маршруты, альтернативные морскому пути через Новгород.

На рубеже XII–XIII вв. сухопутным дорогам на северо-западе Руси особого значения не придавалось. Полоцк и Смоленск фактически без боя сдали стратегически важное устье Западной Двины (где основана Рига), а затем были совершенно раздавлены экспансией литовских племен. Суздальские князья начали проявлять интерес к этому региону только после 1239 г., когда были поставлены в условия новгородской монополии на международную торговлю.

Рынок Северо-Востока, кроме того что замкнулся, еще и сократился. Наибольший урон был нанесен людским ресурсам: пострадала наиболее работоспособная и квалифицированная часть населения, отчего ближайшие 20–25 лет, пока не подросло новое поколение, о каком-либо качественном изменении производственных технологий говорить затруднительно. Наибольшее распространение получили упрощенные товары первой необходимости: хозяйственная керамика, изделия бытового назначения и инструменты из черного металла. Все они были местного производства. Ввоз зарубежных аналогов совершенно

прекратился (например, навсегда исчезли средиземноморские амфоры).

Наряду с экономическими последствиями вторжения, обращают на себя внимание культурные изменения. Прежде всего фактически прекратилось почти на три десятилетия строительство новых церковных зданий, а также ничего не известно о крупных ремонтах (роспись, смена кровли и т. п.) уже существующих построек. Вообще летописная информация о событиях второй половины XIII в. удивительно скудна. Мы мало знаем о том, что происходило на северо-востоке Руси и почти ничего не знаем о событиях на юге и западе. Причем, характерный для прежних веков общерусский масштаб летописных сводов, в которых отмечалось произошедшее в самых отдаленных уголках страны, теперь совершенно исчез. Владимиро-суздальские письменные источники теперь ничего не знают о событиях в Киеве, Галиции и на Волыни; это — как бы малосущественная или недоступная информация. Русь предстает расколотой не только экономически, но и в социокультурном отношении.

Действительно, процессы обособления княжеств шли и до появления монголов. Однако теперь им был придан особо интенсивный ритм, описать который не всегда удастся, отчего социально-экономические сдвиги порою воспринимаются в качестве единомоментных событий. Например, обрыв информации о южных землях во владими́ро-суздальском летописании действительно произошел практически мгновенно в начале 1240-х гг. С другой стороны, очевидно, что никакое нашествие не способно сразу расколоть этническую общность. Эти процессы обычно начинаются значительно раньше, а завершаются гораздо позже. В случае с монгольским вторжением ситуация выглядит именно такой¹.

Процесс дробления страны на протяжении XIII в. шел практически постоянно. Он не начался и не завершился в 1237–1240 гг. Княжеские усобицы на юге и западе Руси после этих лет постепенно затухают, но их завершение следует связывать с битвой под Ярославом (1245 г.), а не с захватом монголами Киева или разорением Волыни и Галиции. Во Владимирском княжестве наблюдается ситуация совершенно обратная: после смерти в 1246 г. великого князя Ярослава усобица только начинается, а ее завер-

¹ Ср.: Черепнин, 1977. С. 209; Русь, 2003. С. 61.

шение относится уже к концу 1250-х гг. и связано с вовлечением монголов в качестве союзников одной из сторон конфликта.

Общественная жизнь региона также не претерпела решительных изменений в ходе вторжения. Традиционные «структуры повседневности» достаточно быстро восстановились, и их позднейшая трансформация, на которую, без сомнения, повлияли монголы, проявилась значительно позже.

Все это заставляет более трезво и взвешенно подходить к вопросу об «иге». Что означает это расхожее выражение? Марксистское понимание термина укладывает его в рамки даннических отношений, «татарского выхода», отчего и датируется 1257–1462 гг., от переписи населения на Северо-Востоке до прекращения выплат¹. Однако уже в конце XIII в. система взаимоотношений между монголами и Русью существенно изменилась. Во-первых, изменилась система сюзеренитета. Уже в 1260-х гг. власть монгольского великого каана в русских землях фактически упраздняется. Прекращаются и поездки князей в далекий Каракорум. Завершается формирование Золотой Орды в рамках улуса Джучи и выделение ее в отдельное государство. Инициатором переписи, как известно, выступал верховный каан, а не золотоордынский хан. Возможно, после окончательного развала империи Чингисхана характер даннических отношений Руси также претерпел существенные изменения. Так, армянский писатель Киракос Гандзакеци писал чуть позднее: «Русские князья платят дани более или менее смотря по обстоятельствам. Сначала хан улуса Джучиева посылал своих чиновников для сбора дани и налогов в Россию, а потом передал эту обязанность в руки русских князей, не потому конечно, что имел к ним более доверия, а потому, что раздражение народа во многих случаях показало невыгоды и даже опасность первой системы»². Система взаимоотношений явно отличалась от налоговой системы в современном понимании. Те самые баскаки, за которыми признаётся право взимания дани, как выясняется, находились вовсе не повсеместно, а уже в конце того же XIII в. вообще исчезли³. Право сбора перешло к местным князьям, но и среди них не было единства: ведь средневековое

¹ См.: Греков, Якубовский, 1937. С. 166; Кривошеев, 1999. С. 106.

² Березин, 1864. С. 468.

³ Федоров-Давыдов, 1973. С. 26; Кривошеев, 1999. С. 211–212, 216.

общество всегда иерархично, а сюзерен обязан блюсти интересы своих вассалов. В таких условиях говорить о единой системе «ига» не приходится. Скорее всего, требуется всегда заключать это слово в кавычки и наполнять его весьма абстрактным содержанием. Например, понимать под «игом» ту систему вассалитета, которую установил с Батыем великий князь Ярослав. Сюда будут включаться как претензии на верховенство со стороны монгольских ханов, так и признание этих претензий теми или иными русскими князьями. В случае если одного из указанных элементов не хватает, следует говорить не о «иге», а об попытках его установить. В этом отношении политика Даниила Галицкого лишь формально учитывала режим «ига»: ведь его зависимость от Батыея фактически была условной, а подчинение Бурундаю в 1260 г. воспринималось как временная мера.

Пути развития русско-монгольских отношений для каждой из земель сильно различались. Если перепись податного населения, проводившаяся в 1250-е гг. по всей Монгольской империи, охватила Киев, Владимирское и Новгородское княжества, то о нем ничего не известно на Волыни и в Галиции. Причем во Владимире Залесском и Киеве переписчиков встретили мирно, а в Новгороде подняли бунт, потребовалось вмешательство Алесандра Невского для того, чтобы сохранить монгольским чиновникам жизнь и завершить процедуру переписи.

Различались, как видно, и княжеские подходы в отношении с восточным соседом. Ярослав утвердил мир и сотрудничество, а его сын Александр начал использовать этот альянс в своих меркантильных целях, против собственного брата. Даниил Романович вообще относился к переговорам с Батыем как к явлению, необходимому для того, чтобы выиграть время, а затем, разгромив врагов внутри княжества и на западных границах, обрушиться на интервентов, покусившихся на отеческие земли. Только в 1250-е гг. монголы приступили к покорению Галиции и Волыни, но вскоре навсегда покинули эти области, в которых спустя некоторое время утвердились другие иноземцы — из Литвы и Польши. Система данничества (или «ига») не носила здесь регулярного характера и полностью была изжита к середине XIV в.

* * *

Выходит, что во всех своих обобщениях исследователи стоят на очень зыбкой почве, представляющей из себя скуднейшую информацию источников. Период со второй половины XIII в. до середины XIV в. часто называют «темным веком», «самым темным временем в истории Руси»¹. Особенно справедливо это звучит в отношении истории Западной Руси, для которой известия письменных источников второй половины XIII в. очень скудны, а после 1290 г. вообще прерываются: по выражению М. С. Грушевского, «*киммерийская тьма*» опустилась после этого на историю Галицко-Волынской Руси². Показательно, что мы практически не имеем сколько-нибудь полновесной информации о размере монгольской дани в XIII, да и в XIV в.³ Вследствие этого отсутствует возможность сопоставить экономический потенциал русского населения и размер ордынских поборов, которые остаются виртуальной величиной отрицательного значения. У нас нет оснований для ответа на вопрос, насколько обременительным для населения было монгольское иго в фискальном и экономическом отношении.

Пожалуй, только в области военно-политических взаимоотношений мы располагаем качественным материалом для анализа. Лишь описывая грабежи и набеги монгольских всадников, мы стоим на прочном фундаменте. Однако это только одна сторона процесса, охватившего русские княжества в период после «Батыева пленения». Другие области остаются весьма слабозначимыми.

Остается надеяться, что дополнительное обследование косвенных и вспомогательных источников, а также новые методы работы с ними позволят дополнить наши рассуждения конкретными фактами и взвешенными акцентами. Пока же приходится заботливо вглядываться в имеющиеся сведения летописцев, перекладывать и ранжировать археологический материал, а также следить за логикой порождаемых гипотезами реконструкций.

¹ Ср.: Дворниченко, 1993. С. 77; Русь, 2003. С. 5.

² См.: Котляр, 1997. С. 163.

³ Березин, 1864. С. 469; Каштанов, 1988. С. 5; Кривошеев, 1999. С. 230.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- CDH — Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis, ed. G. Fejér. Budaë, 1829;
MGH SS — Monumenta Germaniae historica, Scriptores;
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси;
ВИ — Вопросы истории;
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР;
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР;
ОИ — Отечественная история;
ОИД — Общество истории и древностей российских;
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности РАН;
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей;
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;

ССЫЛКИ НА ЛЕТОПИСИ ПРОВОДЯТСЯ ПО СЛЕДУЮЩИМ ИЗДАНИЯМ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ (ПСРЛ):

- ПСРЛ, т. I — Лаврентьевская летопись. М., 1997;
ПСРЛ, т. II — Ипатьевская летопись. М., 1998;
ПСРЛ, т. II (1843) — Густынская летопись. СПб., 1843;
ПСРЛ, т. III — Новгородская III летопись. СПб., 1841.
ПСРЛ, т. IV — Новгородская IV летопись, вып. 1. М., 2000;
ПСРЛ, т. IV, ч. 2 — Новгородская V летопись, вып. 1. Пг., 1917;
ПСРЛ, т. VI — Софийская I летопись старшего извода. М., 2000;
ПСРЛ, т. VII — Воскресенская летопись. М., 2001;
ПСРЛ, т. X — Никоновская летопись. М., 2000;
ПСРЛ, т. XV — Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000;
ПСРЛ, т. XVI — Летопись Авраамки. СПб., 1889;
ПСРЛ, т. XX — Львовская летопись, перв. половина, ч. 1, СПб., 1910;
ПСРЛ, т. XXI — Степенная книга, перв. половина, ч. 1, СПб., 1908;

- ПСРЛ, т. XXII — Русский хронограф. ч. 1, СПб., 1911;
ПСРЛ, т. XXIII — Ермолинская летопись. СПб., 1910;
ПСРЛ, т. XXIV — Типографская летопись. Пг., 1921;
ПСРЛ, т. XXV — Московский летописный свод конца XV века. М.—Л., 1949;
ПСРЛ, т. XXX — Владимирский летописец. М., 1965;
ПСРЛ, т. XXXI — Летописцы последней четверти XVII века. М., 1968;
ПСРЛ, т. XXXIV — Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978;
ПСРЛ, т. XXXV — Летописи Белорусско-Литовские (Никифоровская, Супрасльская, др.). М., 1980.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Dimnik M.*, 1981 — Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224–1246. Toronto (Studies and Texts — Pontifical Institute of Mediaeval Studies; 52).
- Dimnik M.*, 1978 — Russian Princes and their Identities in the First Half of the Thirteenth Century // *Mediaeval Studies*. Vol. XL. Toronto. P. 157–185.
- Dimnik M.*, 1979 (1) — The Siege of Chernigov in 1235 // *Mediaeval Studies*. Vol. XLI. Toronto. P. 387–403.
- Dimnik M.*, 1979 (2) — The Struggle for Control over Kiev in 1235 and 1236 // *Canadian Slavonic Papers*. Vol. XXI. Toronto. P. 28–44.
- Dlugosz J.*, 1873 — *Historia Polonicae*. T. II. Cracoviae.
- Donner G. A.*, 1929 — Kardinal Wilhelm von Sabina, Bischof von Modena, 1222–1234: Päpstlicher Legat in den nordischen Ländern († 1251). Helsingfors (Commentationes Humanarum Litterarum II. 5).
- Halperin Ch. J.*, 1987 — Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington.
- Huber A.*, 1885 — *Geschichte Österreichs*. Bd. 1. Gotha.
- Labuda G.*, 1959 — Wojna z Tatarami w roku 1241 // *Przegląd Historyczny*. T. L, № 2. Warszawa. S. 189–224.
- Lederer E.*, 1952 — A tatárjárás Magyarországon és nemzetközi összefüggései // *Századok*. Évf. 86, Sz. 2. Budapest. P. 327–363.
- Łowmiański H.*, 1973 — Początki i rola polityczna zakonów rycerskich nad Bałtykiem w w. XIII–XIV // *Polska w okresie rozdrobnienia feudalnego*. Pod red. H. Łowmiańskiego. Wrocław. S. 233–295.
- MTK, 1981 — Magyar történelmi kronológia. Az őstörténettől 1970-ig. Budapest.
- Nitshe P.*, 1984 — Rec.: Fennel J. The Crisis of Medieval Russia. 1200–1304. London, 1983 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 34, Hf. 3. S. 428–429.

Procházková N., 1998 — Postavenie haličského kráľ'a a slavónskeho kniežat'a Kolomana z rodu Arpádovcov v uhorskej vnútornej a zahraničnej politike v prvej polovici 13. Storočia // *Medea. Studia mediaevalia et antiqua.* № 2. Poznan. (www.geocities.com/zbornik_medea/medeaII/halic.html).

Regesta, 1854 — *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae* / Ed. C. J. Erben. T. 1. Prag.

Rogierus, 1938 — *Carmen Miserabile super destructione regni Hungariae* // *Scriptores Rerum Hungaricarum.* Vol. II / Ed. E. Szentpétery. Budapest.

SRH, 1937 — *Scriptores Rerum Hungaricarum.* Vol. 1. Budapest.

Szalay L. V., 1869 — *Geschichte Ungarns.* Bd. I. Pest.

Thomas, 1894 — *Historia Salonitana* // *Monumenta spectantia Historiam Slavorum Meridionalium.* Vol. XXVI. *Scriptores*, vol. III / Ed. F. Rački. Zagrabiae.

Wenzel G., 1861 — *Árpádkori Új Okmánytár (Codex diplomaticus Arpadianus continuatus).* T. 2 (1234–1260). Pest.

Włodarski B., 1936 — *Rola Konrada Mazowieckiego w stosunkach polsko-ruskich* // *Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie.* Dział II, Tom XIX, zes. 2. We Lwowie. S. 1–54.

Włodarski B., 1966 — *Polska i Ruś 1194–1340.* Warszawa.

Włodarski B., 1971 — *Polityczne plany Konrada I księcia mazowieckiego* // *Rocznik towarzystwa naukowego w Toruniu.* Roc. 76, Zesz. 1. Toruń.

Алексеев Л. В., 1966 — *Полоцкая земля.* М.

Алексеев Л. В., 1975 — *Полоцкая земля* // *Древнерусские княжества X–XIII вв.* М. С. 202–239.

Алексеев Л. В., 1978 — *Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель в IX–XIII вв.* // *Древняя Русь и славяне.* М. С. 23–30.

Алексеев Л. В., 1980 — *Смоленская земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии).* М.

Андріяшев А. М., 1887 — *Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия.* Киев.

Анинский С. А., 1940 — *Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе* // *Исторический архив.* Т. III. С. 71–112.

Арбузов Л. А., 1912 — *Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии.* СПб.

Бегунов Ю. К., 1965 — *Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли».* М.–Л.

Белецкий Л. Т., 1922 — *Литературная история «Повести о Меркурии Смоленском».* Исследование и тексты. Пг.

Беляева С. А., 1982 — *Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв. (По материалам археологических исследований).* Киев.

Бержков Н. Г., 1963 — *Хронология русского летописания.* М.

Березин И. Н., 1864 — Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // Труды восточного отделения Имп. Археологического Общества. Часть 8. СПб. С. 385–494.

Богданов В. П., Рукавишников А. В., 2002 — Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII — первой трети XIII века // ВИ. № 10. С. 19–31.

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М., 1988 — Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.

Богкарев В. Н., 1940 — Борьба русского народа с татаро-монгольскими завоевателями. М.

Вернадский Г. В., 2001 — Монголы и Русь. Тверь — М.

Владимирцов Б. Я., 1934 — Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.

Воронин Н. Н., 1948 — Переславль-Залесский. М.

Воронин Н. Н., 1961 — Зодчество Северо-Восточной Руси. XII–XV вв. Т. 1. М.

Головкин А. Б., 2002 — Князь Роман Мстиславич // ВИ. № 12. С. 52–70.

Голубовский П. В., 1882 — История Северной земли до половины XIV столетия. Киев.

Голубовский П. В., 1891 — История Смоленской земли до начала XV века. Киев.

Горский А. А., 1990 — Проблемы изучения «Слова о погибели Руская земля» (к 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. С. 18–38.

Горский А. А., 1992 — Русь в конце X — начале XII века: территориально-политическая структура («земли» и «волости») // Отечественная История. № 4. С. 154–161.

Горский А. А., 1996 — Русские земли в XII–XV веках: Пути политического развития. М.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., 1937 — Золотая Орда. Л.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., 1950 — Золотая Орда и ее падение. М.

Грушевський М. С., 1991 — Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ.

Грушевський М. С., 1900 — История України-Руси. Т. III. У Львові.

Гумилев Л. Н., 1992 — Древняя Русь и Великая степь. М.

Данилова Л. В., 1993 — Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России. Ч. 1. М.

Данилова Л. В., 1994 — Сельская община в средневековой Руси. М.

Дашкевич Н. П., 1873 — Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев.

Дворниченко А. Ю., 1993 — Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб.

ДГ, 1993 — Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство X–XV веков. М.

Дубов И. В., 1985 — Города, величием сияющие. Л.

Дубов И. В., 1989 — Великий Волжский путь.

Дьяконов И. М., Якобсон В. А., 1982 — «Номовые государства», «территориальные царства», «полицы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. № 2.

Егоров В. Л., 1985 — Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

ЖАН, 1995 — Житие Александра Невского. Первая редакция. 1280-е годы // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб. С. 190–203.

ЖАС, 2000 — Житие Авраамия Смоленского // БЛДР. Т. 5. СПб. С. 30–65.

Зотов Р. В., 1892 — О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб.

Зубрицкий Д. И., 1855 — История древнего Галичско-Русского княжества. Часть III. Львов.

Иакинф, 1829 — [Бичурин Н. Я.]. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб.

Ивакин Г. Ю., 1982 — Киев в XIII–XV веках. Киев.

Иванов В. А., Яминов А. Ф., 1999 — История Золотой Орды. Стерлитамак.

ИЕ, 1992 — История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М.

Иловайский Д., 1858 — История Рязанского княжества. М.

Ильин С. Н., 1944 — «Селигерский путь» Батыя к Новгороду // Исторический журнал. № 4.

ИТ, 1937 — История Татарии в материалах и документах. М.

Карамзин Н. М., 1991 — История государства Российского в 12 томах. Т. II–III. М.

Карамзин Н. М., 1992 — История государства Российского в 12 томах. Т. IV. М.

Каргалов В. В., 1966 — Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М.

Каргалов В. В., 1967 — Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и козевники. М.

Каргер М. К., 1958 — Древний Киев. Т. 1. М.–Л.

Каштанов С. М., 1988 — Финансы средневековой Руси. М.

Килиевиз С. Р., 1982 — Детинец Киева IX — первой половины XIII вков. Киев.

Кизилов Ю. А., 1982 — Земли и княжества Северо-Восточной Руси в период феодальной раздробленности (XII–XV вв.). Ульяновск.

Киракос Гандзакечи, 1976 — История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М. (Памятники письменности Востока. LIII).

Коринный Н. Н., 1992 — Переяславская земля X — первая половина XIII века. Киев.

Корзухина Г. Ф., 1954 — Русские клады IX–XIII вв. М.

Котляр М. Ф., 1979 — Данило Галицкий. Київ.

Котляр Н. Ф., 1985 — Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев.

Котляр Н. Ф., 1997 — Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1995 год. М. С. 80–165.

Кривошеев Ю. В., 1999 — Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.

Крип'якевич І. П., 1984 — Галицко-Волинське князівство. Київ.

Киссель Ф., 1844 — История города Углича. Ярославль.

Куза А. В., 1975 — Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М. С. 144–201.

Кузьмин А. Г., 1965 — Рязанское летописание. М.

Кугкин В. А., 1978 — Стародубское княжество и его уделы до конца XIV в. // Древняя Русь и славяне. М. С. 245–252.

Кугкин В. А., 1984 — Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.

Кугкин В. А., 1986 — К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 год. М. С. 71–80.

Кугкин В. А., 1991 — Русь под игом: как это было? М.

Кугкин В. А., 1999 — Борьба Александра Невского против Тевтонского ордена // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М. С. 130–137.

Ледерер Э., 1953 — Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи // Acta historica Academiae scientiarum Hungaricae. Т. II, fasc. 1–2. Budapest. P. 1–45.

Ледовое побоище, 1966 — Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.–Л.

Лимонов Ю. А., 1967 — Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л.

Лимонов Ю. А., 1987 — Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.

Линд Д. Г., 1995 — Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб. С. 44–54.

Лихачев Д. С. — Повести о Николае Заразском // ТОДРЛ. Т. VII.

- Лобакова И. А., 1993 — Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // ТОДРЛ. Т. 46. СПб. С. 36–52.
- Лосева О. В., 2001 — Русские месяцесловы XI–XIV веков. М.
- Мазуров А. Б., 2001 — Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.
- Майоров А. В., 2001 — Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.
- Мальгин П. Д., 1984 — Раскопки на Нижнем городище в Торжке // КСИА. Вып. 179. М.
- Мальгин П. Д., 1990 — Древний Торжок (историко-археологические очерки). Калинин.
- Матузова В. И., 1979 — Английские средневековые источники. М.
- Матузова В. И., Назарова Е. Л., 2002 — Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.
- Медынцева А. А., 1978 — О литейных формочках с надписями Максима // Древняя Русь и славяне. М. С. 378–382.
- Милюков П. Н., 1993 — Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М. С. 366–377, 459.
- Монгайт А. Л., 1958 — Старая Рязань. М.
- Монгайт А. Л., 1961 — Рязанская земля. М.
- Назаренко А. В., 2000 — Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.
- Назарова Е. Л., 1986 — Из истории взаимоотношений ливов с Русью (X–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 год. М. С. 177–184.
- Назарова Е. Л., 1999 — Крестовый поход на Русь 1240 г. (организация и планы) // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М. С. 190–201.
- Насонов А. Н., 2002 — «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб.
- Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., 1972 — Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М., 2000.
- Павленко С. О., 1996 — Князь Михайло Чернігівський та його виклик Орді. Чернігів.
- Пашуто В. Т., 1950 — Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.
- Пашуто В. Т., 1956 — Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.
- Пашуто В. Т., 1959 — Образование Литовского государства. М.

- Пашуто В. Т.*, 1960 — Очерки истории СССР. XII–XIII вв. М.
- Пашуто В. Т.*, 1965 — Черты политического строя древней Руси. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М. С. 11–127.
- Пашуто В. Т.*, 1966 — Половецкое епископство // *Festschrift für E. Winter*. Berlin. S. 33–40.
- Пашуто В. Т.*, 1968 — Внешняя политика Древней Руси. М.
- Пашуто В. Т.*, 1977 — Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. С. 210–227.
- Петрушевский И. П.*, 1977 — Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. С. 107–139.
- ПЛ, I — Псковские летописи. Вып. 1. М.–Л., 1941.
- ПЛ, II — Псковские летописи. Вып. 2. М.–Л., 1955.
- Плано Карпини Дж. дель, 1997 — История монгалов // Дж. дель Плано Карпини. История монгалов. — Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. — Книга Марко Поло. Вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М. С. 29–85.
- Повесть, 2000 — Повесть о разорении Рязани Батыем // БЛДР. Т. 5. СПб. С. 140–155, 472–479.
- Подскальски Г.*, 1996 — Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб.
- Полубояринова М. Д.*, 1978 — Русские люди в Золотой Орде. М.
- Пресняков А. Е.*, 1918 — Образование Великорусского государства. Пг.
- Пресняков А. Е.*, 1993 — Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М.
- Приселков М. Д.*, 1996 — История русского летописания XI–XV вв. СПб.
- Разин Е. А.*, 1957 — История военного искусства. Т. 2. М.
- Рамм Б. Я.*, 1959 — Папство и Русь в X–XV веках. М.–Л.
- Рапов О. М.*, 1977 — Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М.
- Раппопорт П. А., Костогкин В. В.*, 1955 — К вопросу о периодизации древнерусского военного зодчества // КСИИМК. № 59. С. 14–28.
- Раппопорт П. А.*, 1993 — Древнерусская архитектура. СПб.
- Раппопорт П. А.*, 1982 — Русская архитектура X–XIII вв. Л. (САИ. Е1–47).
- Рашид-ад-Дин*, 1952 — Сборник летописей. Т. 1, Кн. 2. М.–Л.
- Рашид-ад-Дин*, 1960 — Сборник летописей. Т. 2. М.–Л.
- Розанов С. П.*, 1916 — Повесть об убиении Батые // Известия ОРЯС. Т. XXI, Кн. 1. Пг. С. 109–112
- Русь, 2003 — Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Рыбаков Б. А.*, 1948 (1) — Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б. А., 1948 (2) — Борьба Руси с Батыем // Народ-богатырь. М. С. 36–55.

Рыбаков Б. А., 1950 — Древнерусский город по археологическим данным // Известия АН СССР, серия историческая. Т. 7, № 3.

Рыбаков Б. А., 1971 — «Слово о полку Игореве» и его современники. М.

Рыбаков Б. А., 1993 — Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.

Сабанеев Н. П., 1868 — Описание курганов Мологского уезда // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Т. V. Ярославль.

Седова М. В., 1997 — Суздаль в X–XV веках. М.

Серебрянский Н., 1915 — Древнерусские княжеские жития. М.

Сказание, 2000 — Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // БЛДР. Т. 5. СПб. С. 156–163, 479–480.

СЛ — Симеоновская летопись // Русские летописи. Т. 1. Рязань, 1997 (соответствует: ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913).

Смирнов А. П., 1951 — Волжские булгары (Труды государственного исторического музея. Вып. XIX). М.

Смирнов А. П., 1952 — Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М.

Соловьев С. М., 1993 — Сочинения. В 18 кн. Кн. 2. Т. 3. М.

Ставиский В. И., 1990 — О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям // ТОДРЛ. Т. 43. С. 282–290.

Ставиский В. И., 1993 — Рассказ о нашествии Батыя на Русские земли по рукописи из Пскова // ТОДРЛ. Т. 47. С. 148–150.

Стратонитский К. А., 1913 — Монгольское управление покоренными Китаем и Арменией. М.

Строков А. А., 1949 — Военное искусство Руси периода феодальной раздробленности. М.

Татищев В. Н., 1995(1) — Собрание сочинений: В 8 томах: Т. 4. История Российская. Часть 2 (первая редакция). М.

Татищев В. Н., 1995(2) — Собрание сочинений: В 8 томах: Т. 2, 3. История Российская. Часть 2 (вторая редакция). М.

Татищев В. Н., 1996 — Собрание сочинений: В 8 томах: Т. 5, 6. История Российская. Часть 3, 4. М.

Тизенгаузен В. Г., 1884 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.

Тизенгаузен В. Г., 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.–Л.

Тихомиров М. Н., 1956 — Древнерусские города. М.

Тологко П. П., 1975 — Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М. С. 5–56.

- Толозко П. П., 1980 — Киев и Киевская земля XII–XIII веков. Киев.
- Толозко П. П., 1983 — Древний Киев. Киев.
- Толозко П. П., 1987 — Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев.
- Толозко А. П., 1992 — Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1973 — Общественный строй Золотой Орды. М.
- Феннел Дж., 1989 — Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М.
- Фехнер М. В., 1952 — Раскопки в Костроме // КСИИМК. № 47. С. 98–120.
- Халиков А. Х., Халиуллин И. Х., 1988 — Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Болгарию // Волжская Болгария и монгольское нашествие. Казань.
- Хенниг Р., 1962 — Неведомые земли. Т. 3. М.
- Хёш Э., 1995 — Восточная политика Немецкого Ордена в XIII веке // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб. С. 65–74.
- Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И., 1989 — Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // Феннел, 1989. С. 5–32.
- Хрусталева Д. Г., 2002 — Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб.
- Хузин Ф. Ш., 1988 — Великий город и монгольское нашествие // Волжская Болгария и монгольское нашествие. Казань.
- Фома Сплитский, 1997 — История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и коммент О. А. Акимовой. М.
- Цинкаловский А., 1936 — Княжий город Володимир. Львов.
- Черепнин Л. В., 1941 — Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. Т. 12. М.
- Черепнин Л. В., 1972 — К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. // Исторические записки. Т. 89. М. С. 353–408.
- Черепнин Л. В., 1977 — Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. С. 186–209.
- Чешихин Е. В., 1884 — [Чешихин Е. В.] История Ливонии с древнейших времен. Т. 1. Рига, 1884–1885.
- Чешихин Е. В., 1886 — [Чешихин Е. В.] История Ливонии с древнейших времен. Т. 2. Рига, 1886–1887.
- Чукаева В. А., 1998 — Русские княжества и Золотая Орда. 1243–1350 гг. Днепропетровск.
- Шаскольский И. П., 1978 — Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л.
- Янин В. Л., 1962 — Новгородские посадники. М.
- Янин В. Л., 1992 — «Бологовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV веках // ОИ. № 6. С. 8–12.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Годы	ЮЖНАЯ И ЗАПАДНАЯ РУСЬ (Киев, Чернигов, Галич, Вольнь, Смоленск, Полоцк, др.)	СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ (Владимир, Рязань, др.)	ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА (Венгрия, Польша, др.)	ВОСТОК (Монголия, Волж. Болгария, др.)
1	2	3	4	5
	1194–1200 Рюрик Ростиславич, третье княжение в Киеве (1 раз: 1173; 2 раз: 1180–1181)	1176–1212 Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, великий князь Владимирский	1198–1216 Иннокентий III, папа Римский	
	1199–1205 Роман Мстиславич, второе княжение в Галиче (1 раз: 1188–1189)		1198–1230 Леопольд VI Бабенберг, австрийский герцог	
1200	1200–1202 Ингварь Ярославич, княжение в Киеве			
1202			1202–1241 Вальдемар II, король Дании	
1203	1203 Рюрик Ростиславич, княжение в Киеве (4 раз)			
1204	1204–1205 Ростислав Рюрикович, княжение в Киеве		1204 Взятие Константинополя крестоносцами IV крестового похода	
1205	1205–1206 Рюрик Ростиславич, княжение в Киеве (5 раз)	1205–1228 Давыд Юрьевич, князь муромский	1205–1235 Андрей II, король Венгрии	
	1205–1206 Даниил Романович, княжение в Галиче			
1206	1206 Всеволод Святославич Чермный, княжение в Киеве			1206–1227 Чингисхан, великий хан
	1206–1207 Владимир Игоревич Черниговский, княжение в Галиче			

	1206 Рюрик Ростиславич, княжение в Киеве (6 раз)			
1207	1207 Всеволод Святославич Чермный, княжение в Киеве (2 раз)			
	1207–1210 Рюрик Ростиславич, княжение в Киеве (7 раз)			
	1207–1208 Роман Игоревич, княжение в Галиче			
1209	1209 Роман Игоревич, княжение в Галиче (2 раз)			
	1209–1210 Владимир Игоревич, княжение в Галиче (2 раз)			
1210	1210–1212 Всеволод Святославич Чермный, княжение в Киеве (3 раз)			
	1210–1211 Даниил Романович, княжение в Галиче (2 раз)			
1212	1212 Ингварь Ярославич, княжение в Киеве (2 раз)	1212–1216 Юрий Всеволодович, великий князь Владимирский	1212–1250 Фридрих II, император Священной Римской империи	
	1211–1212 Мстислав Ярославич Немый, княжение в Галиче			
	1212–1223 Мстислав Романович Старый, княжение в Киеве			
1213	1213–1214 Галицкий боярин Володислав Кормильчич, княжение в Галиче			
1214	1214–1219 Венгерский королевич Коломан, княжение в Галиче			
	1214 Даниил и Василько Романовичи утвердились во Владимире Волынском			

1	2	3	4	5
1216		апрель 1216 Липицкая битва	1216–1227 Гонорий III, папа Римский	
		1216–1218 Константин Всеволодович, великий князь Владимирский		
1217		1217 резня рязанских князей в Исадах		
1218		1218–1238 Юрий Всеволодович, великий князь Владимирский (2-й раз)		
1219	1219 Мстислав Мстиславич Удатный, княжение в Галиче			
	1219–1221 Венгерский королевич Коломан, княжение в Галиче (2 раз)			
1221	1221–1227 Мстислав Мстиславич Удатный, княжение в Галиче (2 раз)			
1222				1222–1224 Поход Джэбэ и Субэдея через Кавказ в Дешт-и-Кипчак, в Крым и Волжскую Болгарию
1223	31 мая 1223 Битва на Калке			
	1223 смоленский князь Святослав Мстиславич захватил Полоцк			
	1223–1235 Владимир Рюрикович, княжение в Киеве			
1225	1225–1245 Михаил Всеволодович, князь черниговский			
1227	1227–1230 Венгерский королевич Андрей, княжение в Галиче		1227–1241 Григорий IX, папа Римский	1227 смерть Джучи

				1227–1255 Бату (Батый), правление в улусе Джучи
				август 1227 смерть Чингисхана
				1227–1241 Угэдей, великий хан
1228		1228–1237 Юрий Давыдович, князь муромский		
1229				1229 курултай, утвердивший Угэдея великим ханом
				1229 появление монголов на Яике и границе Волж. Болгарии
1230	1230–1231 Даниил Романович, княжение в Галиче (3 раз)	декабрь 1230 окончательное утверждение на княжении в Новгороде Ярослава Всеволодовича	1230–1246 Фридрих II Бабенберг, австрийский герцог	1230 второе монгольское вторжение в Персию
1231	лето 1231 поход Ярослава Всеволодовича в северные области черниговской земли			
	1231 Поход на Галич и Волынь венгерского короля Андрея II			
	1231–1233 Венгерский королевич Андрей, княжение в Галиче (2 раз)			
1232	1232 захват Смоленска полоцким князем Святославом Мстиславичем			1232 монголы зимуют на территории Волжской Болгарии
1233	начало 1233 битва под Шумском			
1234	зима 1233–1234 смерть в Галиче венгерского королевича Андрея			1234–1279 Война монголов с империей Сун в Китае

1	2	3	4	5
	1234–1235 Даниил Романович, княжение в Галиче (4 раз)			
1235	весна 1235 поход Даниила Романовича и Владимира Рюриковича на Чернигов		1235–1270 Бела IV, король Венгрии (соправитель с 1214 г.)	1235 Курултай, на котором принято решение об общемонгольском походе на Запад
	лето 1235 битва у Торческа			
	1235 Изяслав Мстиславич, княжение в Киеве			
	1235–1238 Михаил Всеволодович Черниговский, княжение в Галиче		1235–1236 первое путешествие венгерских монахов на Урал	
	1235–1237 Владимир Рюрикович, княжение в Киеве (2 раз)			
1236	лето 1236 Поход Михаила Всеволодовича на Волынь, измена половцев		лето 1236 поход на Волынь Конрада Мазовецкого	1236 Покорение монголами Дешт-и-Кипчак
				1236–1237 Завоевание монголами Волжской Болгарии, война с половцами и аланами
1237	1237–1238 Ярослав Всеволодович, княжение в Киеве	16–21 декабря 1237 осада монголами Рязани	март 1237 передача Конрадом Мазовецким г. Дорогичина добжинским рыцарям	ноябрь 1237 – май 1238 военные действия монголов в Северо-Восточной Руси
1238	1238–1240 Михаил Всеволодович, княжение в Киеве	начало января 1238 битва у Коломны, гибель монгольского хана Кулькана		1238–1239 военные действия монголов в Дешт-и-Кипчак, против половцев, черкесов и др.

	1238–1239 Ростислав Михайлович, княжение в Галиче	2–7 февраля 1238 осада монголами Владимира Залесского		
		5 февраля 1238 захват монголами Суздаля		
		20 февраля – 5 марта 1238 осада монголами Торжка		
		4 марта 1238 битва на Сити, гибель великого князя Юрия Всеволодовича		
		апрель-май 1238 осада монголами Козельска		
		1238–1246 Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский		
1239	3 марта 1239 взятие монголами Переяславля Южного (Русского)			
	18 октября 1239 взятие монголами Чернигова	зима 1239–1240 новый монгольский поход под Рязань и Муром		
	осень 1239 захват Даниилом Романовичем Галича, бегство в Венгрию Ростислава Михайловича			
	1239–1264 Даниил Романович, княжение в Галиче (5 раз)			
1240	весна 1240 появление у Киева хана Менгу			
	весна 1240 бегство Михаила Всеволодовича в Венгрию			
	весна–лето 1240 Ростислав Мстиславич, княжение в Киеве			

1	2	3	4	5
	лето 1240 захват Даниилом Романовичем Киева и утверждение в нем посадника Дмитра			
	осень 1240 переговоры Михаила Всеволодовича с Романовичами о мире			
	сентябрь – ноябрь 1240 осада монголами Киева			
	зима 1240–1241 разорение монголами западнорусских земель, захват Владимира Волынского и Галича			
1241	весна 1241 возвращение Даниила и Василька Романовичей из Мазовии на Волынь, восстановление власти в Галиче		января 1241 монгольское вторжение в Польшу	
	весна 1241 возвращение Михаила Всеволодовича на Русь, восстановление своей власти в Киеве и Чернигове		13 февраля 1241 разгром малопольского войска под Турском	
			начало марта 1241 монгольского вторжения в Венгрию	
			18 марта 1241 сражение под Хмельником в Малой Польше	
			28 марта 1241 штурм Кракова	
			9 апреля 1241 Битва при Легнице в Силезии (Польша), гибель герцога Генриха Благочестивого	

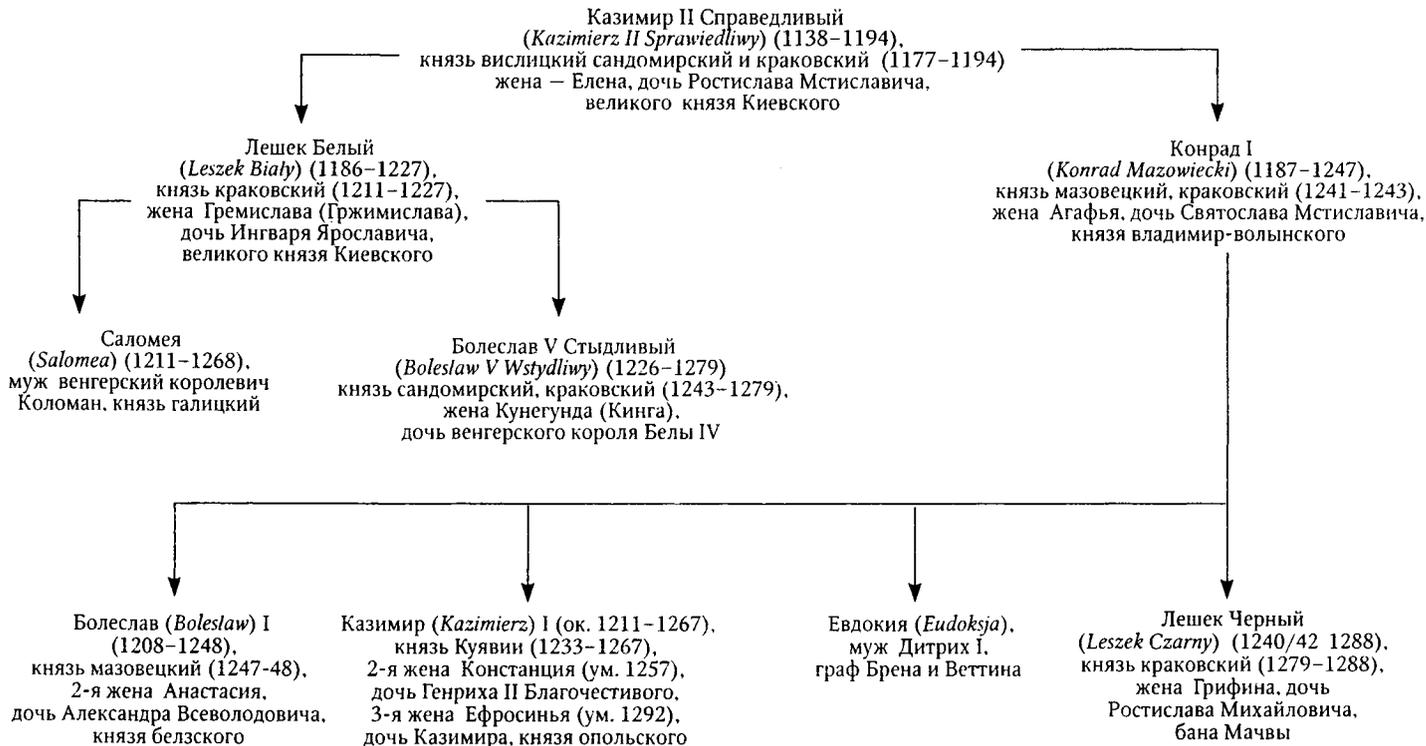
			11 апреля 1241 Битва при Шайо в Венгрии	
			16 апреля 1241 уход монголов из Польши	11 ноября 1241 Умер великий хан Угэдей
				1241–1246 регентство вдовы Угэдея хатун Туракины
			1241 Целестин IV, папа Римский	
			конец 1241 отход монголов из Паннонии к Адриатическому побережью	
1242	весна 1242 поход Ростислава Михайловича и Болоховских князей с целью захвата Галича		начало 1242 отход монголов из Словакии и осада Эстергома	
	лето 1242 разгром Даниилом Романовичем Болоховской земли			
	осень 1242 временный захват Ростиславом Михайловичем и боярином Владиславом власти в Галиче		1242–1243 период вакантности папской кафедры	
1243	1243 Ярослав Всеволодович, княжение в Киеве (2 раз)	начало 1243 поездка великого князя Ярослава Всеволодовича к Батыю	25 мая 1243 битва под Суходолом, разгром Конрада Мазовецкого	
	1243–1244 походы галицко-волыньских князей в Польшу (под Люблин, Завихост, др.)		июнь 1243 – декабрь 1254 Иннокентий IV, папа Римский	
	весна – лето 1243 нападение Ростислава Михайловича с венгерскими войсками на Перемышль			

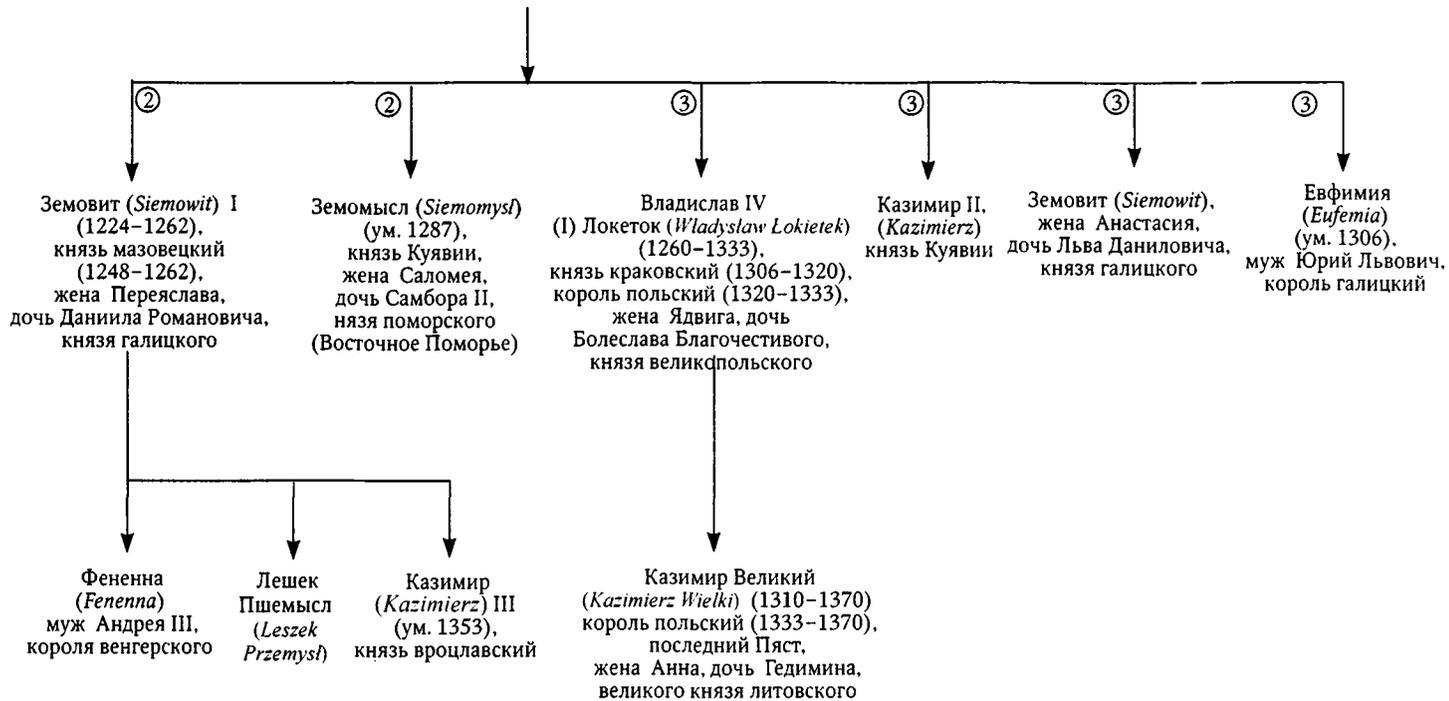
1	2	3	4	5
1244		1244 поездка в ставку Батыя ростовских князей		
1245	17 августа 1245 битва под Ярославом	1245 поездка Ярослава Всеволодовича к Батью и далее в Каракорум	1245 Лионский собор	
	20 сентября 1245 гибель в Орде Михаила Всеволодовича Черниговского и боярина его Феодора		16 апреля 1245 отъезд посольства папы Римского к великому монгольскому хану во главе с Иоанном де Плано Карпини из Лиона	
	конец 1245 поездка Даниила Романовича в Орду		зима 1245–1246 зимовка Плано Карпини в Киеве	
1246		30 сентября 1246 смерть великого князя Ярослава Всеволодовича на обратном пути из Каракорума	апрель 1246 прибытие Плано Карпини в ставку Бату	
		1246–1249 Святослав Всеволодович, великий князь Владимирский	июнь 1246 прибытие Плано Карпини в Каракорум	
				август 1246 Курултай, созванный для избрания нового великого хана
				1246–1248 Гуюк, великий хан
1248				1248–1251 регентство вдовы Гуюка хатун Огуль-Гаймиш
1249		1249–1252 Андрей Ярославич, великий князь Владимирский		

1250			1250–1254 Конрад IV, император Священной Римской империи	
1251				июль 1251 Курултай, избравший великим ханом Менгу (Мункэ)
				1251–1259 Менгу, великий хан
1252		1252 Приход войск хана Неврюя против Андрея Ярославича («Неврюева рать»)		
		1252 Бегство Андрея Ярославича в Новгород, а затем в Швецию		
		1252 поездка Александра Ярославича к Батыю		
	конец 1252 первый налет хана Куремсы на галицко-волыньские земли	1252–1263 Александр Ярославич, великий князь Владимирский		
1253	1253 переговоры о коронации Даниила Романовича Галицкого			
1254			12 декабря 1254 – 25 мая 1261 Александр IV, папа Римский	1254 Основание в Золотой орде Сарая Бату
1255				1255 Сартак, хан Золотой орды
1256				1256 Улагчи, хан Золотой орды

1	2	3	4	5
				1256–1353 правление в Персии наследников хана Хулагу. Владения – Иран, Афганистан, Закавказье, Ирак и восточная часть Малой Азии
1257		1257 перепись населения монголами		1257–1258 разгром монголами Багдадского халифата
1258				1258–1266 Берке, хан Золотой орды
				февраль 1258 взятие монголами Багдада
1259	1259 Поход хана Бурундая на Галицко-Волынскую Русь			
1260				январь-март 1260 захват монголами Алеппо и Дамаска
				6 мая 1260 – 1265 Хубилай, великий хан
				20 мая 1260 Ариг-Буга, младший брат Хубилая, провозглашен противниками Хубилая великим ханом; начало гражданской войны в Монголии и распад монгольской империи
1261			1261–1264 Урбан IV, папа Римский	

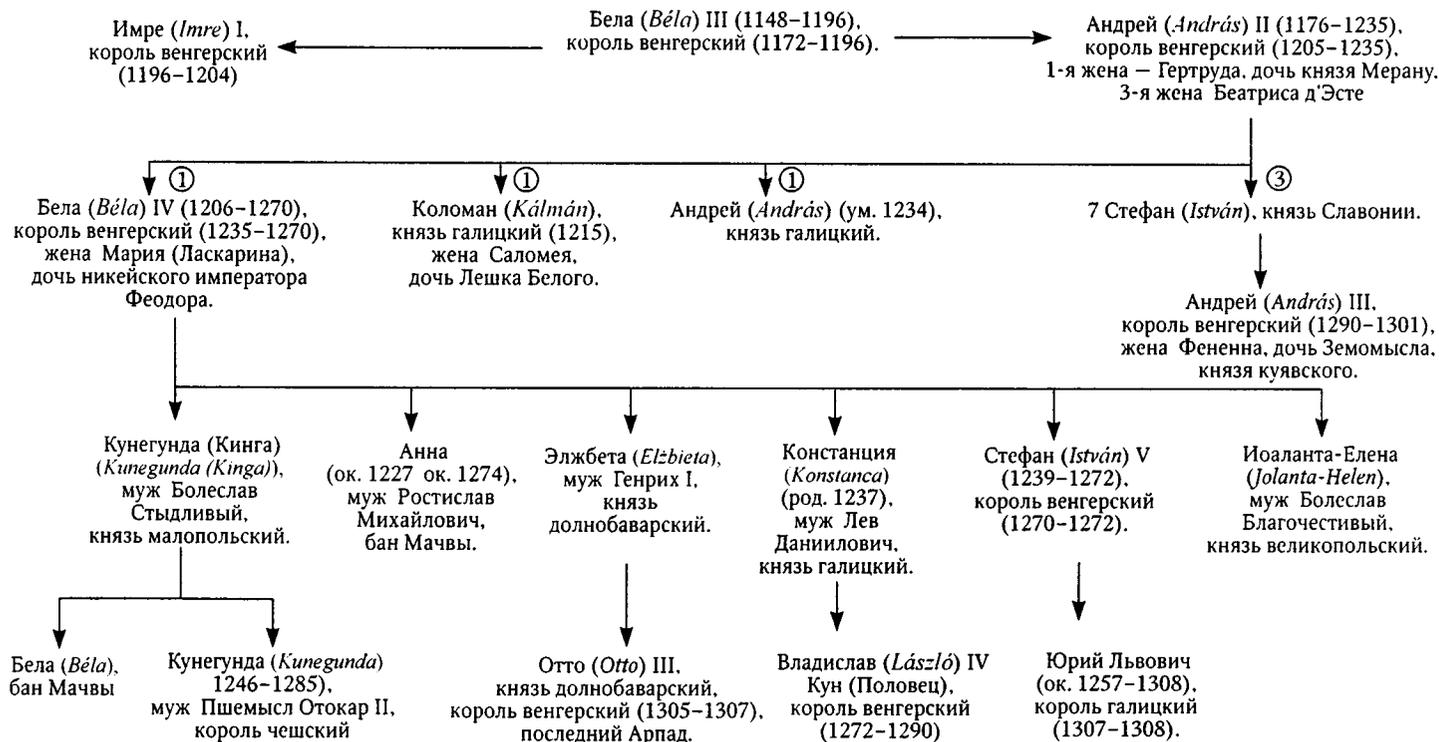
1262		1262 изгнание монгольских «даньщиков»		1262 Начало борьбы Хулагу и Берке за влияния на приграничные области между ними
1263		1263–1271 Ярослав Ярославич, великий князь Владимирский		1263 В районе Дербента на реке Куры Берке победил Хулагу
1264	1264–1300 Лев Данилович, княжение в Галиче			1264 победа Хубилая над Ариг-Бугой
1265			1265–1268 Климент IV, папа Римский	
1270			1270–72 Стефан (Иштван) V, король Венгрии	
1272		1272–1277 Василий Ярославич, великий князь Владимирский	1272–1290 Владислав (Ласло) IV, король Венгрии	

(* - указаны лишь важнейшие представители).

ДИНАСТИЯ АРПАДОВ, ВЕНГЕРСКИХ КОРОЛЕЙ*

* — указаны лишь важнейшие представители.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агрепена Ростиславна 93
Актай, половец 235
Александр Всеволодович Белзский 32, 35, 38
Александр Ярославич Невский 26, 56, 60, 156, 159, 176, 177, 180, 184, 261, 262, 263, 266–270, 276
Андрей II, король Венгрии 31, 32, 38, 46, 200
Андрей Дандоло 222
Андрей Юрьевич Боголюбский 14
Андрей Ярославич 156, 157, 159, 266–269
Андрей, венгерский королевич 24, 29, 31, 32, 34–39, 46
Андрей, дворский 235, 236, 240, 241, 244, 246–248
Артемий, епископ галицкий 234, 235
Байдар 68, 191, 197, 200, 206, 207, 210, 211, 213–215, 224
Балай, монгольский военачальник 235, 236, 249, 259
Бату (Батый) 5, 8, 10, 25, 63, 67–69, 72, 79–81, 83, 85–95, 97, 99, 102, 103, 105, 108, 111, 116, 117, 121, 127, 128, 133, 134, 136–139, 141, 142, 144–146, 148–151, 154–156, 160, 163, 165–167, 170–172, 174, 175, 177, 179, 183–189, 191, 193–197, 199, 200, 202, 203, 205–207, 214–217, 220, 221, 223, 224, 226–228, 234–237, 239, 242, 249–260, 262–267, 271, 276, 277
Бела IV, король Венгрии 31, 46, 47, 59, 75, 76, 166, 187, 205, 214, 216, 217, 220–222, 225, 227, 232, 235–237, 239, 241–243, 249, 252
Березин И. Н. 142, 166, 200
Берке 68, 69, 165, 215, 259, 260
Болеслав Рогатка 240
Болеслав Стыдливый, князь сандомирский 48, 210, 240–243
Болоховские князья 24, 35, 48, 49, 51, 232–234, 256
Борис Василькович 136, 157, 159, 238, 263, 264
Бури 68, 69, 97, 108, 137, 145, 148, 149, 165, 166, 191, 196, 100, 207, 215, 223
Бурундай 68, 127, 128, 131–132, 134, 137, 191, 215, 223, 261, 276
Бучек (Бюджик) 68, 165, 191, 196, 200, 207, 215, 223
Василий, князь козельский 145, 146, 148, 150
Василий Всеволодович 263, 264
Василий Всеволодович 263, 264
Василько Константинович 16, 111, 113, 124, 132, 133, 135, 156, 168, 159, 238
Василько Романович Волынский 28, 29, 35–37, 39, 44, 47, 48, 56, 57, 164, 178, 180–182, 185–188, 200, 231–236, 240–244, 246–248, 254, 258
Василько Ростиславич 12
Вацлав I, король Чехии 211, 213, 225
Вернадский Г. В. 68, 144, 227
Владимеж, краковский воевода 210
Владимир Володарьевич 12
Владимир Всеволодович Мономах 21, 25, 115, 168
Владимир Всеволодович Стародубский 16, 25
Владимир Ингваревич 30

- Владимир Константинович 16, 111, 113, 132, 135, 157, 158, 263, 264
- Владимир Мстиславич Псковский 26
- Владимир Рюрикович Киевский 25, 28, 32, 34, 38–444, 46, 48, 49, 51–53, 56, 57, 161–164, 171
- Владимир Святославич Святой 10, 193, 194
- Владимир Юрьевич 107–109Б 114Б 116
- Владимир Ярославич Галицкий 12
- Владислав, галицкий боярин 234, 248
- Владислав, воевода 35
- Володарь Ростиславич 12
- Ворш, польский рыцарь 243
- Всеволод Константинович 16, 25, 108, 109, 111, 113, 132, 135, 156–158
- Всеволод Мстиславич 146
- Всеволод Мстиславич «Смоленский» 176, 177
- Всеволод Ольгович 18
- Всеволод Святославич Чермный 18, 44, 54
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо 15, 16, 21, 25, 28, 53, 115, 157, 162, 266
- Всеволод Юрьевич, сын великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича 78, 100–102, 111, 114, 116, 118, 120, 121, 129, 134
- Выкинт, литовский князь 258
- Вышата, воевода
- Генрих III, король Англии 221
- Генрих Благочестивый, князь вроцлавский 206, 210–213, 240
- Герард, венгерский монах 74
- Глеб Василькович 136, 157, 159, 238, 264
- Глеб Владимирович Рязанский 13
- Глеб Зеремеевич 36, 38
- Горский А. А. 29, 39, 57, 78, 160, 161, 182
- Григорий IX, папа Римский 75, 222
- Григорий Васильевич, галицкий боярин 43, 230, 232
- Грушевский М. С. 230, 256, 277
- Гумилев Л. Н. 69, 116, 132, 227
- Гуюк 68, 69, 97, 137, 166, 189, 191, 197, 215, 226, 250, 255, 258, 265, 267
- Давыд Ростиславич 21
- Давыд Святославич 18
- Давыд Юрьевич 21
- Дионисий (Дианиш), венгерский воевода, 38, 39, 216
- Даниил Нажирович 39
- Даниил Романович Галицкий 7, 24, 28–49, 51–53, 55–60, 81, 147, 161–164, 171, 172, 178–183, 185–188, 190, 195, 196, 198–203, 205, 216, 222, 229, 230–237, 239–252, 254, 256–261, 263, 267–269, 272, 276
- Даниил Ярославич 156, 159
- Демьян, тысяцкий 35–37
- Джелал ад-Дин 63, 64, 128, 188
- Джувейни 68, 69, 141, 189, 206, 215–217
- Джуджани 65
- Джучи 63, 65, 67, 215, 227, 259, 260, 265, 267–269, 275
- Джэбэ 64, 68, 72, 73
- Дипольд, маркграф моравский 211
- Дмитрий (Дмитр), киевский посадник 182, 194, 195, 205
- Дмитрий Ейкович 252
- Дмитрий Святославич 157
- Доброслав, боярин 38
- Доброслав Судеич 230, 232, 234

- Дорофей (Дорож) Семенович 103, 130, 135
- Евпраксия, жена Федора Юрьевича Рязанского 88, 89
- Едивид, литовский князь 258
- Еремей Глебович, воевода 100–104, 133, 134, 216
- Жирослав Михайлович 112
- Земовит, князь мазовецкий 258
- Иван Всеволодович 113, 129, 157, 159, 173, 264
- Иванко, новоторжский посадник 110, 139
- Ивор Молибожич 230
- Изяслав Владимирович 58, 200
- Изяслав Давыдович 21
- Изяслав Мстиславич «Смоленский» 38–40, 42–45, 47, 49, 51, 52, 56, 58, 59
- Изяслав Мстиславич Киевский 21, 23
- Ингварь Игоревич 20
- Ингварь Ярославич 210
- Иннокентий IV, папа Римский 253
- Кадан 68, 97, 108, 137, 145, 148, 149, 165, 166, 191, 196, 200, 207, 214, 215, 223, 226, 227
- Казимир, князь кувявский 258
- Кальман, герцог хорватский 217, 220, 223
- Карамзин Н. М. 9, 90, 118, 141, 158
- Каргалов В. В. 83, 105, 118, 141, 151, 165, 166, 193, 199, 203, 267
- Кет-Буга 227
- Киракос Гандзакечи 275
- Кирилл, епископ Ростовский 134
- Кирилл, печатник, митрополит киевский 232, 233, 235, 236, 267–269
- Киссель Ф. 124
- Конрад Мазовецкий 47, 48, 51, 52, 57–59, 186, 188, 240–243, 254, 258
- Константин Владимирович Рязанский 19
- Константин Всеволодович 16, 54, 158
- Константин Рязанский 235
- Константин Ярославич 156, 159, 253, 262–264
- Корзухина Г. Ф. 197
- Котян, половецкий хан 38, 166, 216
- Кривошеев Ю. В. 89
- Кулькан 65, 68, 69, 97, 104, 105, 107, 137
- Кунигунда (Кинга), жена Болеслава Стыдливого 242
- Куремса, монгольский хан 251, 255, 256, 259–261
- Лазорь Домажирец 230
- Ланка Прекрасная 226
- Лев Данилович 188, 259
- Лешек Белый 48, 58, 210, 240
- Лихачев Д. С. 81
- Людовик IX, король Франции 211
- Лябуда Г. 200, 207
- Малеин А. И. 251
- Маноман, монгольский военачальник 235, 236, 249, 259
- Матиас, архиепископ Эстергома 220
- Мауци (Могучи), монгольский хан 251
- Менгу (Мунке) 68, 69, 97, 108, 119, 120, 137, 165, 166, 174, 175, 181, 189, 191, 196, 197, 215, 250, 259, 263
- Меркурий Смоленский, Св. 144
- Мешко, князь опольский 211
- Милей, баскак 259, 260
- Миндовг, литовский князь 58, 178, 241, 243, 258

- Мирослав, воевода 23, 37, 43
- Митрофан, епископ Владимирский 117, 120, 121
- Михаил Всеволодович Черниговский 18, 19, 25, 26, 28, 32, 34, 40–45, 47, 48, 51–60, 85, 161–164, 170–172, 174, 175, 177–179, 181–183, 185–189, 196, 216, 230–234, 237–239, 242, 251–253
- Михаил Ярославич 156, 159, 266, 267
- Мстислав Владимирович Великий 21
- Мстислав Глебович 40–42, 170–172
- Мстислав Давыдович Смоленский 22
- Мстислав Изяславич 23
- Мстислав Мстиславич Удатный 14, 16, 24, 26, 29, 39, 55, 60
- Мстислав Романович Старый 25, 38, 39, 44, 73, 145, 146
- Мстислав Юрьевич, сын великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича 111, 114, 116, 118, 120, 121
- Мэтью Пэрис (Матфей Парижский) 221
- Неврюй 269
- Олег Ингваревич 84, 86, 87, 94, 155, 263
- Олег Святославич 10, 18, 172
- Орда 65, 68, 69, 97, 137, 191, 197, 200, 206, 207, 210, 211, 213–215, 224, 251
- Пакослав, сандомирский воевода 210
- Пашуто В. Т. 47, 84, 85, 102, 207, 224, 227, 228, 236, 245, 247, 260
- Перфирий, епископ черниговский 170, 171
- Петр Ослядюкович 114
- Плано Карпини И. 61, 190, 213, 215, 221, 224, 226, 229, 239, 251, 253–255
- Понс д'Обен 211–213
- Пургас, мордовский князь 78
- Пуреш, мордовский князь 78
- Рейнольд, епископ трансильванский 220
- Рашид-ад-Дин 64, 65, 67, 70, 72, 97, 99, 105, 107–111, 119, 121, 122, 126, 132, 133, 137, 142, 145, 150, 165, 167, 175, 196, 200, 207, 216, 223, 227, 228, 259
- Рогериус (Рожер), венгерский капеллан 214, 215, 220, 223, 226
- Роман Данилович 258
- Роман Ингваревич 20, 84, 86, 87, 94, 100–105, 107, 121, 133
- Роман Мстиславич 23, 24, 34, 181, 185, 258
- Роман Ростиславич 21
- Ростислав Владимирович 12
- Ростислав Михайлович 162, 163, 178–181, 232–237, 241–248, 252, 253
- Ростислав Мстиславич «Смоленский» 10, 21
- Ростислав Мстиславич, великий князь киевский 182, 183
- Рыбаков Б. А. 172
- Рюрик Ростиславич 21, 34
- Сартак, монгольский хан 259, 260
- Святополк Изяславич 24
- Святослав Всеволодович 16, 26, 109, 111, 112, 132, 135, 136, 157, 159, 264, 266, 267
- Святослав Всеволодович, великий князь Киевский 18, 172
- Святослав Мстиславич Полоцкий 22
- Святослав Ярославич 18
- Симеон, епископ Переяславский 167
- Симеон, испанский наемник 225

- Степко Шубич 226
Строков А. А. 103
Субэдей 64, 68, 72, 73, 128, 191, 214, 223
Судислав, галицкий боярин 29–31, 36, 37
Сулислав, воевода 210
Тангут 68, 215, 227
Татищев В. Н. 12, 20, 46, 49, 52, 57, 79, 85, 90, 91, 107, 111, 113, 116, 129, 131, 137, 141, 156, 159, 183, 184, 267
Тизенгаузен В. Г. 142, 200, 206, 207
Тихомиров М. Н. 103
Товтивил, литовский князь 258
Туракина, хатун 250, 265
Толуй 65, 68, 137, 250, 259
Толочко П. П. 194
Уголин, архиепископ колоцкий 220
Угэдей 63, 65, 107, 128, 137, 145, 166, 189, 191, 206, 227, 249, 259, 262, 263
Улагчи 260
Урош, аббат 225
Федор Юрьевич Рязанский 87–90, 92, 93
Федор Ярославич 78, 156
Федор, черниговский боярин 237, 238
Феннел Дж. 54
Филип Нянка 107
Фильний (Филя), венгерский бан 242–244, 246–248
Флориан Войцехович Авданец, польский пан 242, 245, 247, 248
Фома Сплитский 91
Фридрих II Бабенберг 47, 56, 58, 59, 217, 221, 222
Фридрих II, император 47, 58, 59, 221, 222
Хулагу 68, 227
Чагатай 65, 68, 137, 145, 251, 259
Чингисхан 61–65, 67, 68, 93, 104, 105, 215, 228, 238, 259, 275
Чормоган-Нойон 63
Шастина Н. П. 251
Шейбан 68, 165, 215, 217
Шельв, рыцарь 247
Эдуард I, король Англии 232
Юлиан, венгерский монах 73–77, 92, 99, 101, 216
Юрий Владимирович Белозерский 113
Юрий Владимирович Долгорукий 10, 14, 15, 53
Юрий Всеволодович 16, 28, 54, 55, 73, 76–80, 84–86, 88–91, 93, 99–101, 103, 107–114, 117, 120–122, 126–130, 132–139, 146, 156, 159, 160, 163, 191, 213, 216, 220
Юрий Давыдович 21, 86, 87, 94
Юрий Ингваревич Рязанский 20, 84–87, 92–95, 97
Яким Влункович 110, 139
Яков Маркович, стольник 230, 241, 247
Яков, епископ Нитры 220
Ярослав Владимирович Мудрый 9, 12, 62, 193
Ярослав Владимирович Осмомысл 12
Ярослав Всеволодович 16, 18, 23, 26, 28, 49, 52–57, 60, 78, 109–113, 123, 129, 134, 135, 151, 156–164, 170, 173, 175–180, 182–185, 233, 236, 237, 239, 251–253, 255–257, 261–267, 272, 274, 276
Ярослав Святославич 18
Ярослав Ярославич 156, 159, 267–269

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австрия 47, 56, 58, 59, 212, 217, 222, 258
- Адриатическое море 225, 226
- Алакул, оз. 250
- Алеппо, г. 227
- Амударья, р. 65
- Андреев, г. 240
- Арад, г. 224
- Аракс, р. 64
- Аральское море 65
- Арран, обл. 64
- Багдад 63, 68
- Байлакан, г. 64
- Бакота, г. 232, 235, 259, 260
- Балатон, оз. 63, 226
- Баньска Штявница 224
- Башкирия 65, 67, 74, 75
- Белгород Рязанский 19, 94, 95, 98, 271
- Белз 14, 32
- Белоозеро 79, 113, 134, 135, 158
- Берестье 17, 202, 203, 229
- Биляр, г. 67, 70, 79
- Бистрица (Бестерце), г. 223
- Болгария 228
- Болоховская земля 24, 179, 198, 199, 202, 233, 234
- Босния 228
- Братислава 224
- Брянск 172, 253
- Буковина 203
- Булгар (Болгар), г. 67, 69, 70
- Валахия 207, 216, 228
- Варадин (Орадя), г. 223
- Велья, р. 35
- Вейсенбург, г. 224
- Венгрия 12, 28, 31, 33–38, 44–47, 59, 64, 74–77, 160, 166, 180–182, 185, 187–189, 196, 202, 205–207, 210, 212–216, 218–226, 228, 232, 235–237, 239, wтq–244, 246–248, 252, 261
- Венеция 214, 222
- Вепрь, р. 52
- Висла, р. 206, 207, 240
- Владимир Вольтинский 24, 32, 33, 44, 49, 51, 58, 103, 187, 196, 197, 200–203, 229, 235, 236
- Владимир Залесский 14–16, 21, 28, 61, 73, 74, 76, 77, 84–86, 88–90, 93, 100–103, 105, 106, 108–112, 114–124, 126, 129, 130, 133, 137, 139, 146, 148, 149, 155, 156, 158–160, 162, 163, 173, 177, 183, 185, 189, 200, 201, 253, 261, 263, 264, 267, 269–271, 273, 274, 276
- Водская земля 184, 262
- Волга, р. 16, 67, 74, 75, 79, 80, 90, 99, 101, 111, 112, 122, 155, 191, 228, 236, 238, 239, 254, 257, 263
- Волжская Болгария 64, 65, 67–70, 72, 74, 75, 78, 79, 80, 90, 99, 127, 128, 152, 153, 191, 228, 273
- Володава, г. 235, 236
- Волок Ламский 122–124, 126, 127
- Волынь 10, 13, 23, 28–130, 32, 34, 36, 38, 42, 45–48, 50, 51, 53, 55–60, 177, 180, 181–183, 186, 187, 189, 196, 198, 199, 201, 202, 206, 231, 234, 237, 240–242, 248, 249, 251, 258, 260, 261, 274, 276, 277
- Воронеж, р. 21, 75, 83–87, 90, 91, 94, 95, 99, 100, 102, 133, 174

- Вроцлав 186, 210, 211
- Галич 9, 12–14, 19, 23, 24, 28–36, 38–40, 42, 44–46, 48–53, 56–57, 59, 60, 74, 103, 147, 163, 164, 171, 172, 178–183, 185–189, 195, 197–200, 203–205, 216, 223, 230–237, 241–243, 249, 251–253, 258, 260, 261, 274, 276, 277
- Галич Мерский 99, 113, 122, 124, 127, 158
- Германия 211, 212, 222
- Глухов, г. 170, 171
- Городец Радиллов 16, 99, 113, 124, 127
- Гороховец 173
- Горынь, р. 198
- Грузия 64
- Гянджа, г. 64
- Дагестан 166
- Дамаск 227
- Данилов 199, 200
- Дербент, г. 64, 65, 166
- Десна, р. 41, 174
- Дешт-и-Кипчак 65, 82, 165, 166, 169, 228
- Джунгария 65
- Дмитров 122, 124, 126, 127
- Днепр, р. 73, 174, 175, 192, 202, 233, 237, 251, 252, 255, 263, 272
- Днестр, р. 203, 233, 235, 236
- Дон, р. 16, 75, 81, 99, 236, 251
- Дорогичин, г. 57, 58, 229
- Дорогобуж, г. 144
- Дриваст, г. 226
- Дубровник (Рагуза), г. 226
- Дунай 207, 223, 224
- Жукотин, г. 70
- Завихост, г. 200, 206, 240
- Загреб 226
- Западный Буг, р. 57, 203, 236, 240
- Звенигород 14, 31, 43, 53, 57, 203
- Ижеславец, г. 94, 95, 98, 271
- Ижора, р. 184, 261
- Изборск, г. 262
- Изяславль, г. 199
- Или, р. 65
- Ильмень, оз. 176
- Иран 64, 65
- Иртыш, р. 65
- Исады, село 19
- Кавказ 63, 64, 149, 166, 175
- Казахстан 64, 65
- Калиус, г. 235
- Калка, р. 18, 25, 64, 72, 73, 77, 85, 145, 146, 191, 251
- Каменец, г. 48, 49, 177, 179, 180, 182, 199, 260
- Канев, г. 255
- Каракорум 239, 262, 265, 275
- Карпаты 187, 202, 206, 207, 214, 216, 217
- Кашин 124
- Кёвешд, г. 217
- Кернек, г. 70
- Кидекша 177, 180
- Киев 9, 12, 15, 17–19, 21–26, 28, 32–35, 40–46, 48–52, 55–57, 60, 62, 74, 78, 88, 103, 112, 114, 154, 157, 160–164, 170, 171, 174, 175, 177–179, 181–183, 185–187, 189–198, 200, 202, 215, 222, 231–233, 237, 239, 243, 252–256, 261, 263, 267, 268, 272–274, 276
- Китай 63, 149
- Клисс, г. 226
- Клязьма, р. 101, 111, 114, 116, 173, 174, 182, 183

- Козельск, г. 19, 108, 123, 137, 144–151, 163, 165, 167, 172, 174
 Колодяжин, г. 198, 199
 Коломна, г. 87, 94, 97, 100–108, 110–112, 114, 121, 129, 133, 137, 139, 155, 271
 Коломыя, г. 230
 Колочвар, г. 223
 Комарно 224
 Константинополь 74
 Копорье 262
 Корея 63
 Кострома 99, 113, 124, 127, 158
 Катарро (Котор) 226
 Краков 47, 210, 240, 242, 248
 Кременец 199, 203
 Крупина 224
 Крым 64, 165
 Кснятин 124
 Кубань, р. 165
 Кура, р. 64
 Куявия 211
 Лада, р. 240
 Ладога 177, 267–269
 Латгалия 10, 11
 Легница, г. 186, 211–213, 220, 221, 224, 240
 Ленчица, г. 210, 211
 Лион 254
 Литва 7, 11, 12, 23, 28, 45, 58, 160, 176, 178–180, 233, 240–242, 248, 254, 258–262, 267, 272, 273, 276
 Луга, р. 262
 Луцк 186, 200, 203, 233
 Люблин 200, 206, 240
 Мазовия 45, 48, 52, 57, 58, 186, 188, 211, 229, 242, 252
 Малая Азия, п-ов 63
 Молдавия 224
 Молога 111
 Моравия 197, 212, 214, 224
 Мордва (Мордовия) 69, 78, 173, 273
 Мосальск 55
 Москва 101, 102, 104–109, 111, 123, 142, 146, 147, 149, 155, 159, 253, 270, 271
 Мста, р. 128
 Муром 18, 20, 21, 28, 86, 87, 98, 166, 173–175, 182, 183
 Нахичевань, г. 64
 Нева 184
 Нерль, р. 101
 Нижний Новгород 74, 99, 101, 103, 177
 Нитра 220, 224
 Новгород 7, 9, 15, 18, 26–28, 32, 54–56, 60, 79, 81, 103, 109, 110, 112, 114, 128, 137–141, 144, 157, 160, 162, 163, 176, 189, 261, 262, 265, 268, 269, 273, 276
 Нузла 81, 83–85
 Нюрнберг 222
 Одмухов 214
 Ока, р. 79, 90, 97, 98, 100, 101, 104, 105
 Онон, р. 62, 63, 259
 Опава, г. 224, 258
 Ополе 210, 211
 Паннония 187, 197, 214, 225, 226
 Перг, г. 224
 Перемышль, г. 12, 31, 57, 59, 109, 161, 163, 164, 185, 230, 231, 235, 236, 241–243
 Переяславль Залесский 16, 23, 28, 54–56, 60, 103, 108–110, 112, 113,

- 122–124, 126, 127, 129, 132, 147, 155, 164, 262, 267, 269, 271
- Переяславль Южный (Русский) 9, 17, 25, 54, 167, 168, 170, 172, 174, 175, 177, 178, 191, 253, 256
- Персия 63, 64, 68, 105, 128, 175, 189
- Перуджа 73–75
- Пешт, г. 217, 220, 223
- Пинск 17, 24, 241
- Плеснеск, г. 38, 39, 203
- Подолія 203
- Полоцк 10–12, 22, 28, 276, 177, 80, 273
- Польша 23, 28, 32, 45–48, 50, 58, 59, 178, 182, 186–188, 197, 202, 205–215, 224, 230, 231, 240–244, 246, 248, 254, 258, 260, 261, 276
- Понизье 14, 29, 31, 230
- Погорье 240
- Пронск 19, 84, 86, 87, 92, 94, 95, 97, 98, 271
- Прут, р. 30, 203, 230
- Псков 9, 26, 28, 56, 141, 184, 189, 261, 262, 265, 267, 268
- Пуканец 224
- Рацибуж (Ратибор), г. 206, 210, 214
- Рига 273
- Рим 76, 222, 260, 267
- Родна, г. 181, 223
- Ростов 14, 16, 61, 80, 013, 111, 113, 122–1245, 126, 127, 134–136, 151, 158, 159, 238, 239, 263, 264
- Рось, р. 255
- Русса 23, 176
- Рязань 15, 18–20, 28, 74, 75, 77, 80, 81, 83–88, 90–103, 105, 106, 110, 112, 116, 117, 123, 137, 144–146, 149, 151, 154, 155, 168, 174, 200, 235, 263, 268, 271
- Сандомир 188, 206, 207, 210, 240
- Свач 226
- Сегешт, г. 226
- Секешфехервар, г. 217, 225
- Селигер, оз. 109, 139, 141
- Сербия 216, 228
- Серенск, г. 55
- Серет, р. 203, 223
- Сибирь 65
- Силезия 186, 210, 211, 213
- Сить, р. 16, 103, 111, 113, 122, 124, 127, 129, 131–136, 139, 146, 157, 160, 220
- Скадар 226
- Словакия 197, 214, 215, 224
- Словения 225, 253
- Случ, р. 24, 35, 198
- Смоленск 10, 12, 15, 21–23, 28, 55, 57, 60, 144, 164, 176, 177, 180, 273
- Сновск, г. 41
- Сосница, г. 41
- Сплит, г. 226
- Стародуб Суздальский 16, 124, 129, 157, 159, 173
- Стырь, р. 39
- Сувар, г. 70
- Судак (Сурож), г. 64, 165
- Суздаль 10, 14–16, 21, 28, 61, 75, 76, 78, 85, 87–89, 99–101, 103, 108, 110, 112–114, 117, 118, 122, 123, 128, 136, 139, 144, 148, 151, 155, 157–159, 162–164, 176, 177, 180, 183–185, 189, 191, 255, 261, 264, 268, 269, 271, 273, 274
- Суходол 240, 241
- Сырдарья, р. 65
- Танва, р. 240
- Сан, р. 240, 244, 246, 247

- Тверь 123, 124, 126, 127, 129, 137, 156, 159, 184, 271
- Темешвар 224
- Теребовль 12, 14
- Тесово 262
- Тетерев, р. 24, 197, 198
- Тиса, р. 207
- Тмутаракань, г. 74
- Торжок 23, 108–110, 112, 123, 126, 127, 136–139, 141, 142, 144–137, 149, 151, 272
- Торопец 176
- Торческ 29, 34, 35, 39, 43, 45, 49, 62
- Трансильвания 207, 216, 223
- Тренчин 224
- Трогир 226
- Туров 17, 24
- Турск 206
- Углич 16, 111, 113, 124, 127, 132, 135, 158
- Угровск 29
- Хмельник 210
- Ушица, р. 30
- Урал 74
- Франция 211, 228
- Холм, г. 52, 178, 179, 203, 235, 236, 240, 244, 248
- Хорватия 217, 220, 223, 225, 226
- Хорезм 65, 128
- Хоробор, г. 41
- Червен, г. 32, 52
- Чернигов 10, 17–19, 21, 28, 32–34, 40–42, 44–46, 49, 50, 52–60, 62, 74, 103, 145, 146, 162–164, 170–175, 178, 179, 181, 186, 191, 323, 237–239, 252, 253, 256, 268
- Чехия 211, 214, 224
- Шайо, р. 220, 221, 223, 225
- Швеция 7, 160
- Шелонь, р. 177
- Шемаха, г. 64
- Шумск, г. 35, 38, 39, 46
- Щекотов, г. 234
- Эрлау (Эгер), г. 217
- Эстергом, г. 206, 217, 224, 225
- Эстония 56
- Южный Буг, р. 24
- Юрьев Польский 16, 61, 113, 122, 124, 126, 127, 159
- Яик (Урал), р. 63, 72, 80
- Ярослав, г. 31, 38, 241, 243–246, 248, 249, 251–254, 274
- Ярославль, г. 16, 99, 111, 113, 122–127, 129, 155, 158

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Накануне	9
§ 1. Русские земли к началу 30-х гг. XIII в.	9
§ 2. Междоусобная война в русских княжествах в 30-е гг. XIII в.	29
Глава 2. Нашествие	61
§ 1. В ожидании	61
§ 2. Вторжение: Северо-Восточная Русь, 1237–1238 гг.	91
§ 3. Русь между вторжениями: от Рязани до Киева, 1238–1240 гг.	154
§ 4. Вторжение: европейский поход, 1240–1242 гг.	189
Глава 3. Последствия	229
§ 1. Южная Русь после ухода монголов	229
§ 2. Северорусские земли после возвращения монголов из похода в Европу	261
Заключение	271

Научное издание

Денис Григорьевич Хрусталеv

**РУСЬ: ОТ НАШЕСТВИЯ ДО «ИГА»
30–40 гг. XIII в.**

Главный редактор *Чубарь В. В.*

Ведущий редактор *Трофимов В. Ю.*

Литературный редактор *Певчев В. А.*

Художественный редактор *Лосев П. П.*

Макет *Арефьева С. В.*

Корректор *Комарова Л. Н.*

OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

Подписано в печать 26.01.2004. Формат 70 × 100^{1/16}.

Усл. печ. л. 26. Гарнитура AcademyC.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3161

ООО «Издательская группа Евразия».

197343, Санкт-Петербург, ул. Земледельческая, д. 3.

Тел. 303-93-25

e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Издательство «ЕВРАЗИЯ»

*Предлагает вниманию отечественных читателей
следующие книги:*

Л. С. Клейн

ВОСКРЕШЕНИЕ ПЕРУНА

К реконструкции восточнославянского язычества

Если оставить в стороне домыслы, выводы по аналогии, косвенные соображения, реконструкции, догадки и обратиться к исходному материалу, к источникам, то окажется, что разрушительное время и победившее христианство хорошо поработали над славянской языческой религией: дошедшая до нас информация о Перуне очень скудна и обрывочна. Однако ни одна культура в мире не существует в безвоздушном пространстве, культуры взаимодействуют друг с другом, и с неизбежностью отдельные элементы тех или иных культов, обычаев сохраняются в инокультурной среде. Обнаружить следы подобных заимствований — редкая исследовательская удача. Но именно подобное научное откровение легло в основу работы знаменитого петербургского историка, археолога и антрополога — Льва Самуиловича Клейна. Для реконструкции восточнославянского язычества в своей книге он использовал новый источник — чечено-ингушский фольклор. В этом фольклоре есть персонаж по имени Пирьон или Пир|он, которое по звучанию имени очень близко к славянскому имени Перун. Как, однако, славянский бог мог попасть в вайнахский фольклор? В последние века, когда русские пришли на Кавказ, они были уже православными, и Перуна в их мифологии не было. Отвечая на этот и многие другие вопросы, автор данного исследования приходит к выводу, что Перун представлял собой божество из ряда умирающих и воскресающих богов. В соответствии с циклом его празднеств год у восточных славян делился на две половины, подобно тому, как делился у греков на эпидемию и аподемию по праздникам встречи и проводов Аполлона. Только в соответствии с другим климатом точки деления падали у восточных славян на другие сроки. Культ же Перуна, как и Аполлона, отправляли именно женщины и девушки. Вероятно, наличие в славянском языческом пантеоне умирающего и воскресающего божества и его главенство повлияли на выбор вер: обеспечили преимущество христианству, с его воскрешением Иисуса Христа, и облегчили славянам сравнительно быстрое восприятие христианства.

Маршал Дж. С. Ходжсон

ОРДЕН АССАССИНОВ

В мусульманском мире низариты — представители одного из направлений ислама — были меньшинством, решившимся на радикальное противостояние с большинством. Драматическая история низаритов впервые ясно и без ложных стереотипов изложена в исследовании американского востоковеда М. Дж. С. Ходжсона. Дело в том, что низариты в европейской традиции известны как ассасины — террористы и наемные убийцы. Разумеется, практика политических убийств не была изобретением ассасинов. Но история такова, что свыше восьми столетий, со времени первого крестового похода, исмаилитов Сирии и Ирана называли сектой убийц. Крестоносцы, столкнувшиеся впервые с исмаилитами в Сирии, видели в них неуловимых, таинственных убийц, умеющих любым путем настичь намеченную жертву. Хотя, на самом деле, в своих покушениях они действовали открыто, всеобщее неприятие вызвало то, что исмаилиты признали убийство политическим средством. В начале XIV в. Марко Поло принес в Европу легенду о Горном старце и его знаменитом замке с райским садом, доступном лишь для тех, кто поклялся стать ассасином. В XVIII в. европейские ученые рассматривали сведения Марко Поло как исторический факт. Сегодня мы по праву, вслед за Ходжсоном, можем назвать эту легенду массовым слухом. И как всегда, реальность превосходит любые вымыслы. Тайна низаритов в том, что нам до конца не ясна внутренняя мотивация членов этой закрытой корпоративной группы, их бесконечная преданность своим лидерам, попытавшимся, в конце концов, выйти за пределы истории и отменить ее законы.

Подобно тому как знание о внешних событиях бесполезно для понимания внутренней жизни яркой личности, так и подробное изложение событийной истории исмаилитов не может пролить свет на духовную жизнь этой религиозной группы. Кажется, Ходжсон в полной мере осознал это обстоятельство, и поэтому свое исследование он построил как диалог между исмаилитами и внешним миром. На сегодняшний день книга Ходжсона — это наиболее полное изложение низаритского средневекового мироощущения, как по охвату документов и свидетельств, так и по глубине их интерпретации. В этой книге есть все: и история, и философия, и выразительные психологические характеристики. Драма идей придает высший смысл драме людей. Исследование Ходжсона — единственное в своем роде, потому что такая книга требует целой жизни.

ГЕОРГ ПФАЙЛЬШИФТЕР

ТЕОДОРИХ ВЕЛИКИЙ

Когда в 476 г. рухнула Западная Римская империя, подвергавшаяся в течение всего V века постоянным нападениям варваров, огромные территории: Британия, Испания, Галлия и Италия — оказались во власти соперничающих между собой племен. Центр римской цивилизации, Италия, был захвачен остготами, которыми руководил Одоакр. Однако вскоре он был побежден Теодорихом Великим, сумевшим объединить под своей властью неорганизованные орды соплеменников. Получив воспитание в Константинополе, где он находился в качестве заложника, Теодорих четыре десятилетия единолично правил Италией, бережно сохраняя ценности римской культуры. Он стремился к достижению взаимовыгодного сосуществования двух народов: римлян и остготов. Покровительствуя ученым и поэтам, возводя изумительные по красоте церкви в Равенне, Теодорих тем самым явно выражал свое преклонение перед греко-римской культурой.

РАЙМОН КАЗЕЛЬ

ИОАНН СЛЕПОЙ

Иоанн Слепой (1296–1346), граф Люксембурга и король Чехии — пожалуй, один из самых сложных и неоднозначных персонажей в истории средневековой Европы. Уже мнения современников о значимости его личности разделились. Английский король Эдуард III над телом короля Иоанна, погибшего в битве при Креси, заявил, что «присутствует при гибели копья рыцарства». Флорентийский хронист Джованни Виллани наоборот обвинял Иоанна в алчности и корыстолюбии. Споры продолжились и в дальнейшем. В начале XX в. великий бельгийский ученый-медиевист А. Пиренн называл Иоанна Слепого «коронованным кондотьером, неисправимым любителем ссор, яростным воякой, который благодаря сети сложных интриг в течение тридцати лет держал в тревоге Европу». Однако, несмотря на столь противоречивые оценки деятельности Иоанна Люксембурга история этого монарха и его царствования долгое время оставалось белым пятном.

Безусловно, свою роль в этом сыграло неизбежное сравнение правления Иоанна с царствованием его сына, великого императора Карла IV Люксембурга. Сравнение было не пользу Иоанна. Сын затмил своего отца: в то время как Иоанн больше любил свое люксембургское графство и мало интересовался Чехией, Карл IV сделал многое для чешского королевства. Для Германии, чьим императором он стал в 1346 г., Карл IV тоже сделал немало: прежде всего он создал Золотую буллу, упорядочившую императорские выборы и впоследствии ставшую основным конституционным документом Германской империи. Отец Карла, Иоанн такими блестящими результатами похвастаться не мог. Человек импульсивный, скорый на внезапные эмоциональные поступки, Иоанн, как справедливо заметил Р. Казель, запомнился потомкам лишь как сентиментальный, щедрый до расточительства, но довольно недалекий рыцарь, отважно сражавшийся в битве при Креси под знаменами французского короля Филиппа VI и глупо погибший за чужое дело.

Реальность же, судя по всему, была иной. Постепенно историки стали обращать внимание на колоритную фигуру основателей чешской династии Люксембургов: один из биографов Иоанна Чешского, И. Спевачек, назвал свою книгу «Король-дипломат», признавая заслуги слепого монарха. Немалый вклад в изменение негативного образа Иоанна Слепого внес и известный французский историк Р. Казель. Автор показывает читателю совсем иного, нежели хрестоматийный образ, Иоанна Люксембурга: дальновидного политика, умевшего добиться поставленной цели. До мельчайших подробностей проследив историю правления Иоанна Слепого, Казель продемонстрировал, что политические союзы Иоанна с правителями Западной и Центральной Европы, которые на первый взгляд кажутся хаотичными и непродуманными, в действительности преследуют четкую цель — упрочить положение дома Люксембургов. На протяжении всего своего царствования Иоанн Слепой играл одну из самых значительных ролей на политической сцене Европы первой половины XIV в. и без него происходившие события могли принять совсем иной оборот. Впрочем, книгу Р. Казель можно рассматривать не только как обстоятельную биографию Иоанна Чешского. В ней можно найти ценный материал по управлению средневековым государством, системе и принципам международных отношений в Средние века. Но прежде всего — это история короля, рыцаря и дипломата.

ОКТАВИУШ ЮРЕВИЧ

АНДРОНИК I КОМНИН

Последний византийский император из династии Комнинов вошел в историю как фигура исключительная. Еще со времени Никиты Хониата утвердилось мнение, активно распространяемое в новое время (особенно представителями историографии эпохи Просвещения), что Андроник I Комнин был типичным тираном на троне, не разбиравшим средств для достижения собственных целей. Андроник I проводил политику жестокого террора и социальной демагогии, что привело не только к непрочности его режима, но и к последующему упадку и гибели Империи в 1204 году. Правление Андроника в этом отношении прямо противопоставляется его предшественникам из династии Комнинов, при которых был расцвет Византии, а сам период был назван «комниновским возрождением».

Монгольское нашествие относится к одному из самых мифологизированных периодов русской истории, неизменно привлекающих особенно пристальное общественное внимание. Тем не менее, взглянув на книжную полку, мы, к удивлению, не обнаружим там современного исследования, в котором фактический материал того времени будет представлен достаточно подробно и без нарочитого концептуального флера. Предлагаемая вашему вниманию книга призвана восполнить этот пробел. События в ней представлены на основе всего доступного комплекса источников, максимально подробно и предельно фактологично. Разумеется, в ключевых местах понятийные акценты расставлены в авторской трактовке, однако они везде лишены каких-либо отсылов к этногенетическим и геополитическим концепциям. Материал развернут не только на узком промежутке 1237—1240 гг., периода собственно монгольского вторжения, но охватывает время предшествующее и последующее ему. Изложение начинается за 7 лет до появления орд Батыея на границах Руси и заканчивается через 7 лет после их ухода. Таким образом, у читателя появляется возможность проследить обстоятельства, ход событий и сделать собственные выводы на максимально широком хронологическом отрезке, позволяющем наиболее качественно и адекватно трактовать произошедшее.

ISBN 5-8071-0151-0

9 785807 101518

